

**История
эмпирической
социологии**

Н.И.Лапин

**ЭМПИРИЧЕСКАЯ
СОЦИОЛОГИЯ В
ЗАПАДНОЙ
ЕВРОПЕ**

Учебное пособие

Издательский дом ГУ ВШЭ

Москва 2004

УДК 316.2
ББК60.5 Л
24

Подготовлено при финансовом содействии
Национального фонда подготовки кадров в рамках
Программы поддержки академических инициатив в
области социально-экономических наук

Руководитель проекта

"Школы и направления эмпирических исследований в социологии"
доктор философских наук, профессор Л.Г. Ионин

Рецензент доктор философских

наук, профессор А. Г. Здравомыслов

ISBN 5-7598-0254-2

© Н.И. Лапин, 2004 ©
Оформление. Издательский дом
ГУ ВШЭ, 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9
Учебный курс.....	11
1. Западноевропейские школы эмпирической социологии как предмет изучения.....	13
1.1. Потребность новой эпохи в социологии	14
1.2. Предмет социологии: исходные позиции.....	16
1.3. Предмет социологии в единстве с методологией	18
1.4. Эмпирическая социология и эмпирическое исследование.....	19
1.5. Институционализация эмпирической социологии.....	21
Литература.....	21
Раздел I. Эмпирическая социология во Франции	23
2. Истоки французской эмпирической социологии	25
2.1. Огюст Конт — основоположник позитивистской социологии.....	25
2.2. Адольф Кетле — автор статистической "социальной физики".....	33
2.3. Фредерик Ле Пле — эмпирический исследователь семьи, создатель монографического метода.....	37
Литература	38
3. Школа социологизма и соединение теории с эмпирическими исследованиями	40
3.1. Эмиль Дюркгейм — создатель образца теоретически ориентированного эмпирического исследования.....	40
3.2. Марсель Мосс, Морис Хальбвакс: эмпирические исследования между мировыми войнами	49
Литература	56
4. Классические эмпирические исследования после Второй мировой войны	57
4.1. Институционализация эмпирической социологии.....	57
4.2. Ален Турен: первое французское исследование в области индустриальной социологии.....	60
4.3. Пьер Навиль: первое исследование социальных последствий автоматизации	65
4.4. Мишель Крозье: эмпирико-теоретическое исследование бюрократизма	67
Литература	71

Раздел II. Эмпирическая социология в Англии	73
5. "Политическая арифметика" и социально-статистические исследования до середины XIX в.	75
5.1. "Политическая арифметика"	75
5.2. Социально-статистические исследования в первой половине XIX в.	78
Литература	80
6. Социологический эволюционизм и эмпирические исследования	81
6.1. Логическое обоснование Миллем социологии как теоретической и эмпирической науки	81
6.2. Построение Спенсером эволюционной социологии с помощью системы фактов истории	85
Литература	90
7. Пионеры массовых социальных обследований	91
7.1. Социальные обследования и социальные реформы	91
7.2. Чарльз Бут — пассионарий массовых социальных обследований	92
7.3. Сибом Раунтри — исследователь социальных причин бедности	95
7.4. Артур Баули — пионер применения случайной выборки в социальных обследованиях	98
Литература	101
8. Классические эмпирические исследования после Второй мировой войны	103
8.1. Институционализация эмпирической социологии	103
8.2. Дэвид Гласе: первое теоретико-эмпирическое изучение социальной мобильности	106
8.3. Эрик Трист: социотехнический подход к анализу организаций	109
Литература	112
Раздел III. Эмпирическая социология в Германии	115
9. Государствоведение, статистика и ранние социальные обследования	117
9.1. Государствоведение и статистика как истоки эмпирических социальных знаний	117
9.2. Ранние социальные обследования и поиск статистических закономерностей	119
Литература	121
10. Становление традиции теоретико-эмпирических исследований	122
10.1. Марксизм: противоречивость применения радикальной социологии в эмпирическом исследовании	122
10.2. "Союз за социальную политику"	124

10.3. Макс Вебер как методолог теоретико-эмпирических исследований 126	
10.4. Фердинанд Теннис: эмпирическая социология как социография ...	131
10.5. Теодор Гейгер: социография классов перед приходом нацистов к власти	133
Литература	136
11. Институционализация послевоенной эмпирической социологии	138
И.Л. Институционализация и проблематизация социологических исследований	138
11.2. Гельмут Шельски: безработица и профессиональная неподготовленность молодежи	141
11.3. Генрих Попитц: техника, труд и представление рабочего об обществе	144
Литература	147
Хрестоматия	149
1. Французская эмпирическая социология	150
<i>О. Конт</i> . Курс позитивной философии. Т. IV. Догматическая часть социальной философии [Введение термина <i>sociologie</i>]	150
Социология Конта в изложении Риголажа	153
<i>А. Кетле</i> . Социальная физика, или опыт исследования о развитии человеческих способностей	159
<i>Э. Дюркгейм</i> . Самоубийство. Социологический этюд	164
<i>М. Хальбвакс</i> . Характеристики средних классов	178
<i>А. Турен</i> . Эволюция труда рабочих на заводах "Рено"	185
<i>П. Навиль</i> . Автоматизация и труд человека	201
<i>М. Крозье</i> . Бюрократический феномен	220
2. Английская эмпирическая социология	235
<i>В. Петти</i> . Политическая арифметика	235
<i>Дж.С. Милль</i> . Система логики силлогистической и индуктивной	238
<i>Г. Спенсер</i> . Автобиография	241
<i>Г. Спенсер</i> . Описательная социология	243
<i>Г. Спенсер</i> . Об изучении социологии	250
<i>С. Раунтри</i> . Непосредственные причины бедности в Йорке	252
<i>А. Баули</i> . Социальные классы: проблема определения	269
<i>Д. Гласе и др.</i> Социальная мобильность в Великобритании	273
<i>З. Трист и др.</i> Организационный выбор	302
3. Немецкая эмпирическая социология	323
<i>А. Вагнер</i> . История и теория статистики	323

Оглавление

<i>М. Вебер. О методике социально-психологических обследований и их обработки</i>	<i>327</i>
<i>Т. Гейгер. Социальное расслоение немецкого народа</i>	<i>336</i>
<i>Г. Шельски и др. Безработица и необходимость профессиональной подготовки молодежи</i>	<i>349</i>
<i>Г. Поттц и др. Представление рабочего об обществе.....</i>	<i>369</i>

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее учебное пособие подготовлено как составная часть проекта "Школы и направления эмпирических исследований в социологии", поддержанного НФПК в рамках инновационной программы развития образования. Непосредственный предмет данного пособия составляют западноевропейские школы эмпирической социологии.

Одна из существенных слабостей образовательного процесса в области социологии в России состоит в узком и несистематизированном объеме информации, получаемой студентами и аспирантами по истории эмпирической социологии, основных ее школ и методологических направлений. По сути, нет специализированных учебных курсов по истории эмпирической социологии. Отсутствуют фундаментальные исследования, не разработана система учебных программ и пособий. Этот пробел особенно очевиден на фоне появившихся циклов исследований и учебных курсов по истории теоретической социологии. Основная цель проекта, и данного пособия в частности, — восполнить этот пробел.

Эмпирическая социология отличается от теоретической социологии, не апеллирующей непосредственно к социальным фактам. Каждый из этих двух типов знания имеет свои исследовательские методы, процедуры, критерии надежности и объективности, обладает собственной логикой развития. Существует насущная проблема систематической разработки эмпирической социологии применительно к целям и потребностям социологического образования в России.

Как и социология вообще, эмпирическая социология возникла в Западной Европе, прежде всего во Франции, Англии, Германии. Данное пособие погружает обучающихся в предпосылки и первые этапы становления изучаемого объекта в каждой из названных стран. Оно дает возможность ознакомиться с пред историей этого объекта, возникновением методологии, различных форм и методов эмпирических исследований в западноевропейской социологии. Особый интерес представляет становление и институционализация классических, теоретически ориентированных эмпирических исследований в XX столетии (в рамках данного курса не рассматриваются постклассические исследования). Здесь важны и теоретико-методологические подходы, и характер изучаемых проблем и объектов, и получаемые результаты. Делается акцент на тех аспектах, которые наиболее близки интересам российских социологов в наше время.

Учебное пособие состоит из двух частей: учебного курса и составленной автором хрестоматии, позволяющей обучающимся ознакомиться с трудами западноевропейских социологов.

Учебный курс, представленный в данном пособии, сосредоточивает основное внимание на крупнейших представителях эмпирической социологии трех западноевропейских стран — их творческих биографиях, конкретном вкладе в становление и развитие эмпирической социологии, ее школ и направлений. При этом в центр поставлены конкретные эмпирические исследования: изучаемые проблемы, методы получения и анализа данных, тео-

ретические и практические результаты, их влияние на решение социальных проблем и на развитие социологии.

Задача составления *хрестоматии* заключалась в том, чтобы из имеющегося в западноевропейской социологии огромного материала выбрать таких авторов и такие их работы, которые отражают самые существенные стороны предмета.

В соответствии со структурой учебного курса хрестоматия включает три раздела. В этом социологическом пространстве читатель будет двигаться, последовательно проходя несколько этапов:

- эмпирическая предсоциология (в Англии и Германии XVII—XVIII вв.);
- тексты, демонстрирующие эмпирические ориентации "отцов-основателей" социологии (середина XIX в.);
- первые классические эмпирические исследования (конец XIX в. — начало XX в.);
- методически более оснащенные исследования в период между мировыми войнами (20—30-е гг. XX в.);
- развитые эмпирические исследования первых десятилетий послевоенного периода.

Эти этапы развития эмпирической социологии в каждой из трех стран представлены, как правило, двумя-тремя исследованиями, точнее фрагментами публикаций результатов этих исследований — обычно довольно пространными текстами, позволяющими понять концепцию, методы и результаты исследований.

Свыше 80% текстов хрестоматии впервые переведены на русский язык, а другие, за редким исключением, труднодоступны студентам. В совокупности они позволяют проследить эволюцию эмпирической составляющей европейской социологии от общих подходов к развитым программам эмпирических исследований и сложной технике обработки и анализа полученных данных. Их проблематика нередко представляет актуальный интерес для социологов современной России. Не будет преувеличением сказать, что именно теперь, в условиях политического и идеологического плюрализма, российские социологи могут адекватно воспринять результаты и выводы западноевропейских исследований послевоенного времени.

Таким образом, студенты и специалисты, интересующиеся социологией, впервые получили многоаспектное пособие по истории западноевропейской эмпирической социологии. Естественно, оно никоим образом не претендует на исчерпывающую полноту. Тем, кто хотел бы получить дополнительную информацию по тому или иному аспекту этой истории, можно посоветовать обратиться к соответствующей литературе, списки которой приводятся в конце каждой главы учебного курса.

Активная работа обучающихся по данному учебному пособию позволит им получить хорошую подготовку в области западноевропейской эмпирической социологии и даст новые интеллектуальные стимулы для эмпирических исследований актуальных проблем развития современного российского общества на уровне мировой социологии.

Автор выражает благодарность Национальному фонду подготовки кадров за поддержку данной работы.

УЧЕБНЫЙ КУРС

1

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ШКОЛЫ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ

Западная Европа — колыбель либерализма, породившего потребность в социологии, родина социологии, в том числе эмпирической.

Западноевропейские школы эмпирической социологии как предмет изучения представляют собой сложное проблемное поле. Это уже отнюдь не целина, поскольку имеется немало интересных публикаций по данной проблематике. Но их список невелик. До сих пор преобладают публикации по истории теоретической социологии. Однако без глубокого знания истории эмпирической социологии нельзя по-настоящему понять ни историю теоретической социологии, ни историю социологии в целом. Впрочем, не будем впадать в другую крайность и добавим: верно и обратное.

Вглядываясь в задачи данного курса, прежде всего видишь, сколь обширна база данных, относящихся к его предмету. Это делает непростой задачу их систематизации. Возможно применение разнообразных способов структуризации этих данных: по странам; этапам; теоретико-методологическим подходам, направлениям; исследовательским процедурам, методам, техникам.

Немало сложностей таит в себе задача вычленения этапов становления и развития эмпирической социологии в странах Западной Европы: ее предыстория; получение социальных данных в ответ на общественные потребности, независимо от социологических теорий; включение эмпирических данных в социологические теории; становление теоретически ориентированных эмпирических исследований; развитие этих исследований, институци-онализация эмпирической социологии; дальнейшее ее развитие.

Осмысление этого проблемного поля предполагает уяснение потребности новой эпохи в социологии, краткую характеристику ее исходных предметных и методологических позиций.

1.1

Потребность новой эпохи в социологам

Социология как специализированная область научного знания возникла в середине XIX в., точнее — в 20-х—70-х гг. этого столетия. Этот первый этап ее становления олицетворяют Огюст Конт, Герберт Спенсер, Карл Маркс. Он был этапом ранней теоретической классики в социологии. Второй, завершающий этап ее становления и начало ее институционализации охватывает период с 80-х гг. XIX в. до Первой мировой войны. Он запечатлен в произведениях Фердинанда Тенниса, Эмиля Дюркгейма, Макса Вебера. Это этап ранней теоретико-методологической классики. Третий этап образует зрелая теоретико-методологическая классика. Она представлена в трудах русского и американского социолога Питирима Сорокина, американских социологов Талкотта Парсонса, Роберта Мертона, ряда французских, английских, немецких социологов, работавших в период от Первой мировой войны до 70-х гг. XX в. Период с 1980-х гг. до настоящего времени можно охарактеризовать как четвертый, постклассический или современный этап.

Не случайно, что социология возникла в середине XIX в. в культурно и экономически наиболее развитых странах Западной Европы: Франции, Англии, Германии. Именно в этих странах в то время шло интенсивное становление и развитие основ раннего буржуазного общества. Формировались по-новому дифференцированная структура этого общества и механизмы его становления, воспроизводства и изменения. На арену активной общественной жизни вышли иные социальные силы или субъекты, в том числе массовые (профессиональные союзы трудящихся, политические партии и движения), которые нуждались в ясном понимании сложных, подчас революционных процессов. Вспомним европейские революции 40-х гг. XIX в.

Понимание структуры и динамики буржуазного общества требовало новых знаний, способных удовлетворить такую потребность. До появления социологии имелись два вида знаний об обществе, которые существовали независимо друг от друга: философское и эмпирическое.

Философское знание об обществе (социальная философия) возникло еще в Древнем мире и быстро развивалось в Новое время. Почвой для этого стало ускорившееся с XVII в. утверждение буржуазных отношений в передовых странах Европы. Томас Гоббс и Джон Локк в Англии, Шарль Монтескье и Жан-Жак Руссо во Франции создали социально-философские и политические концепции, в которых верно схвачена социальная тенденция новой эпохи. Центром этих концепций стал рядовой *человек* Нового времени как субъект становления нового общества. Это уже не подданный короля или царя, а *гражданин*, обладающий неотъемлемыми правами и свободами. Его отношения с другими гражданами, равными ему по этим правам и свободам, образуют *гражданское общество*. Как члены этого сообщества они заключают "общественный договор" с государством: делегируют ему часть своих прав в обмен на защиту своих гражданских прав и свобод.

Но эти и подобные им концепции выражали лишь начальные, недостаточно дифференцированные состояния раннелиберального общества. К тому же они были обоснованы лишь теоретически, а не эмпирически.

Эмпирическое знание того времени об обществе возникло для решения практических задач. В Англии XVII—XVIII вв. это была "политическая арифметика", которая использовала количественные методы для изучения причин и тенденций смертности, анализа результатов первых переписей населения (Дж. Граунт, В. Пет-ти, Э. Галлей). В Германии подобный статистический анализ осуществляло так называемое "государствоведение", т.е. учение о массовых явлениях и фактах жизни государства. Во Франции к началу XIX в. сложилась традиция социально-статистических исследований. Такого рода эмпирическое знание было еще далеко от социальной теории. Но оно стало важной предпосылкой возникновения социологии — эмпирической *л/ед*социологией.

Таким образом, социология возникла в ответ на двоякую потребность социальных субъектов Нового времени: в синтезирующем знании о новом обществе как целостном объекте, который возникает в результате действий множества субъектов; в таком специализированном знании, которое соединяет теорию с эмпирическим обоснованием и позволяет субъектам достигать практических успехов. Эта потребность имела интернациональный характер. Поэтому ее основателями и ранними теоретическими клас-

сиками стали крупнейшие мыслители различных стран: Франции, Германии, Англии. Затем география социологии стала быстро расширяться.

1.2 Предмет СОЦИОЛОГИИ: ИСХОДНЫЕ ПОЗИЦИИ

Чтобы понять предмет эмпирической социологии, необходимо иметь представление о том, что вообще составляет предмет социологии. Прежде всего посмотрим, как отвечали на этот вопрос основатели социологии, труды которых и образовали ее раннюю теоретическую классику (30-е—70-е гг. XIX в.).

Франция по праву гордится тем, что один из ее мыслителей, **Огюст Конт** (1798—1857) стал основателем социологии, дал имя этой науке. Уже на первом этапе своего творчества, в начале 20-х гг. XIX в., он понял, что прежнее общество, основу которого составляли религия и войны, находится в кризисе, умирает. Вместо него рождается новое общество: научное и индустриальное. Священников заменяют ученые, а военных — индустриалы (предприниматели, управляющие, банкиры). Необходима интеллектуальная реформа: синтез наук и формирование позитивной политики. Главным результатом этой реформы и является социология. *Предмет социологии — общество в его целостности, основу которой составляет всеобщее согласие.* Это согласие, в свою очередь, опирается на единство истории человечества и самой природы человека. Ключом социологической концепции Конта служит формула: "рациональная координация основного ряда разных событий, соответствующая единому замыслу" [2, с. 104].

Английский философ и ученый **Герберт Спенсер** (1820—1903) стал еще одним основателем социологии. Как кабинетный ученый, он начал разрабатывать свое социологическое учение независимо от Конта, но позднее его. Признавал его приоритет, но отвергал идею линейного прогресса и настаивал на приоритете свободы индивида в его отношениях с обществом. Всю жизнь проведя в Англии, наиболее развитой стране того времени, Спенсер видел перед собой сложившееся буржуазное общество. Он заметил, что, все глубже дифференцируясь по мере роста, оно сохраняет целостность благодаря новым социальным институтам, которые сдержи-

вают обострение противоречий и совершенствуются, осуществляя эту функцию. По Спенсеру, *предмет социологии — общество как социальный организм, в котором дифференциация сочетается с интеграцией благодаря естественной эволюции его социальных институтов.*

Карл Маркс (1818—1883) сформировался как мыслитель и революционер в Германии и Франции, большую же часть жизни работал над "Капиталом" в Англии. На возникшее буржуазное общество он смотрел с позиций посткапитализма и доказывал, что оно уже находится в глубочайшем кризисе и рождает из себя новое, социалистическое общество. Он резко критически относился к социологическим учениям Конта и Спенсера как буржуазным.

Тем не менее Маркс также стал одним из основателей социологии: уже к середине 40-х гг. XIX в. он создал свое социологическое учение, которое назвал материалистическим пониманием истории. Согласно этому учению, глубинной причиной развития общества служат не идеи, а материальные производительные силы. На базе различных способов производства возникают разные общественные формации, или типы общества. Непосредственной движущей силой истории является борьба антагонистических классов, которая должна завершиться возникновением бесклассового, коммунистического общества как высшей социальной целостности. Следовательно, *предмет марксистской социологии составляет общество как органическая система, которая через классовую борьбу и революции развивается в направлении целостности.*

Итак, основатели социологии сходились в том, что ее предмет — общество как целостная реальность. Но они по-разному понимали структуру общества и его динамику, особенно — его перспективы. В основе этих различий лежали разные социально-философские подходы и ценностно-политические ориентации. Эмпирические же данные существовали независимо от социологической теории.

Правда, уже Конт обосновал применимость в социологии общенаучных методов получения эмпирических данных: наблюдения, эксперимента, сравнительного исторического метода (синхронного и диахронного), но использовал лишь имеющиеся данные для иллюстрации своих положений. Спенсер широко опирался на данные естествознания и исторической науки для социологических обобщений, которые получал методом индукции и с которыми сопоставлял дедуктивные концепции (в данном пособии мы подробно остановимся на его "Описательной социологии", предшествовавшей "Основаниям социологии"). Опыты по-

лучения эмпирических данных на основе социологической теории встречаются у Маркса (например, его "Анкета для рабочих"). Но в целом классики ранней теоретической социологии не осознавали задачу разработки методов получения новых эмпирических данных как фундаментальную. Предмет социологии еще не имел адекватных методов эмпирического исследования.

1.3

Предмет социологии в единстве с методологией

Второй этап развития социологии как раз и образует ранняя теоретико-методологическая классика (от 80-х гг. XIX в. до Первой мировой войны). Его характеризует разработка методологии социологических исследований, т.е. осознание подходов к их объекту и способов получения эмпирических данных о нем, взаимное соотнесение теоретической и методологической компонент социологического знания, включая эмпирическую его составляющую.

Решающее продвижение по пути сочетания теоретического и эмпирико-методологического компонентов социологического знания осуществил основатель французской социологической школы **Эмиль Дюркгейм** (1858—1917). Для него *предмет социологии есть общество как объективная совокупность институтов, определяющих тип солидарности, изучать который следует на основе социальных фактов, выявляемых с помощью объективных методов*. Объективный метод предполагает существование социальных фактов как способов действий, распространенных во всем обществе и принудительных по отношению к индивиду; их можно выявить, опираясь на теоретически обоснованные способы получения эмпирических данных. Исследование Дюркгеймом типов и причин самоубийства стало образцом теоретически ориентированного эмпирического исследования.

В творчестве немецкого социолога **Макса Вебера** (1864—1920) проблемы методологии приобрели, по сути, определяющее значение для понимания предмета социологии. По Веберу, главная задача социологии состоит в том, чтобы понять внутренние смыслы своих объектов (будь то общество, организация или индивид), их значения для людей; это должна быть не позитивистско-опи-

сательная, а понимающая социология. Поэтому для Вебера *предмет социологии есть целостная совокупность смыслов социальных действий, значений социальных отношений и их структур для субъектов действий*. Эти значения выявляются с помощью процедур типизации эмпирической реальности (ее сопоставления с идеальными типами) и другими способами. Исследование Вебером роли протестантизма и его этики в развитии капитализма продемонстрировало высокую продуктивность такого подхода.

Один из родоначальников немецкой профессиональной социологии, **Фердинанд Теннис** (1855—1936), на разных этапах своей научной деятельности занимался анализом социальной статистики, провел обширные эмпирические исследования условий жизни низов населения, состояния преступности, тенденций в области самоубийств. В рамках своей концепции социологии он, наряду с теоретической и прикладной социологией, выделил **эмпирическую социологию** как описательную "социографию". По Теннису, *предмет социологии образуют все виды социальности, общности и общества; их основу составляет взаимодействие людей, движимых волей*.

Третий этап развития социологии предстает как зрелая теоретико-методологическая классика (от Первой мировой войны до 70-х гг. XX в.). На этом этапе достигает своей зрелости именно взаимосвязь предмета и методологии социологии. Это происходит как вследствие начала зрелой фазы наиболее развитых либеральных обществ (США, Англия), так и благодаря интенсивному развитию самих социологических теорий, методик, техник и процедур эмпирических исследований.

1.4

Эмпирическая социология и эмпирическое исследование

Различие теоретической и эмпирической социологии относительно: в каждом из этих срезов социологического знания присутствует и его альтернатива. Но все же это различие более существенно, нежели соотношение "объемов" теории и эмпирии: дело не в том, чего больше, что перевешивает, преобладает. Суть в различиях объектов и источников того и другого знания, способов его построения и критериев его проверки.

Теоретическая социология имеет дело с абстрактными объектами, идеальными типами. Ее "эмпирическими" источниками служат тексты других теоретических построений. Основными способами движения среди текстов ей служат правила логики и формальный аппарат. Среди критериев проверки также немало формальных. Но как социологическая теория она обязана найти способы хотя бы частично соотнести свои выводы с соответствующей реальностью. Если она этого не делает, то перестает быть социологической.

Эмпирическая социология имеет дело с объектами, существующими реально, вне теоретических и иных научных текстов. Основными источниками информации ей служат эмпирические данные, полученные непосредственно от этих объектов с помощью социологических и иных научных методов. Анализ этих данных она, как и теоретическая социология, осуществляет с помощью правил логики и формального аппарата. Среди критериев проверки соотнесение с реальностью обязательно, и должно быть убедительным по основным параметрам полученного знания. В числе критериев возможно, даже желательно, соотнесение выводов с существующим теоретическим знанием.

Основной организационной формой получения нового знания здесь служит *эмпирическое исследование*. О его стратегии, составе, формах организации написано немало монографий и учебников. Учитывая задачи нашего учебного пособия, отметим некоторые типы эмпирических исследований.

Простейшим типом можно считать *социографию* изолированного объекта. Это эмпирическое описание при ноль-гипотезах и ноль-теории (насколько это вообще возможно, если используются социологические методы).

Гораздо более сложным является *социальное обследование* объекта, заключающего в себе крупную, общественно значимую проблему. Это объект не изолированный, а тысячами нитей связанный с обществом. Поэтому он требует достаточно широкого исследования. А проблемный характер социального обследования подводит если не к теоретическим, то к масштабным прикладным выводам.

Высшим по сложности и научной значимости является *теоретически ориентированное эмпирическое исследование*. В нем теоретическая социология целенаправленно встречается с эмпирической, они взаимно обогащают друг друга, не утрачивая своих особенностей. Оно может быть прикладным, а может и не быть таковым. При изучении этого курса мы увидим, что классическими эмпирическими исследованиями становились именно теоретико-эмпирические.

1.5

Институционализация эмпирической социологии

В каждой стране, на определенном этапе развития в ней социологических исследований, происходит институционализация эмпирической социологии. Этот процесс начинается с расширения тематики исследований: от демографо-статистических и криминалистических к экономическим, а далее — к социокультурным и собственно социологическим. Одновременно расширяется круг организаций, которые стимулируют получение данных: сначала проявляют интерес органы государства, страховые компании, университеты, затем в это движение включаются профсоюзы, политические партии, деловые ассоциации, добровольные общества (или в ином порядке, в зависимости от особенностей страны). Развертывается подготовка специалистов в области эмпирических исследований: создаются социологические кафедры и факультеты в университетах, растет число и качество учебников по методологии проведения исследований и анализа их результатов. Создаются специализированные социологические журналы.

Растет взаимное влияние результатов эмпирических исследований, полученных в одной стране, на исследования в других странах. Влияние европейской эмпирической социологии на американскую с 80-х гг. XIX в., обратное влияние американской социологии на европейскую, особенно после Второй мировой войны. Важную роль в развитии эмпирических исследований играют конгрессы Международной социологической ассоциации, в последние годы — Европейской социологической ассоциации.

Литература

1. Андреева Г.М. Современная буржуазная эмпирическая социология. М., 1965.
2. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
3. Западно-европейская социология XIX — начала XX веков: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М., 1996.
4. Западно-европейская социология XIX века: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М., 1996.

5. Здравомыслов А. Г. Методология и процедура социологических исследований. М., 1969.
6. История буржуазной социологии XIX — начала XX века / Отв. ред. И.С. Кон. М., 1979.
7. История социологии в Западной Европе и США/ Отв. ред. Г.В. Осипов. М., 2001.
8. История теоретической социологии. Т. 1 / Отв. ред. Ю.Н. Давыдов. М., 1995.
9. История теоретической социологии. Т. 1—4 / Отв. ред. Ю.Н. Давыдов. М., 1997-2000.
10. Кон И.С. Позитивизм в социологии. Л., 1964.
11. Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
12. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / Г. Беккер, А. Босков (сост.-ред.): Пер. с англ. М., 1961.
13. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. М., 1998.
14. Abrams P.H. The Origins of British Sociology: 1834-1914. Chicago; L., 1968.
15. Atteslander P. Methoden der empirischen Socialforschung. Berlin, 1971.
16. Bulmer M. Development of Sociology and Empirical Social Research in Britain // Essays on the History of British Sociological Research. Cambridge, 1985.
17. Cicourel A.V. Method and Measurement in Sociology. Free Press, 1964.
18. Duverger M. Methodes des sciences sociales. Paris, 1959, 1964.
19. Duvignaud J. La sociologie en France. PENLEVE, 1988.
20. Kent R.A. A History of British Empirical Sociology. Aldershot: Gower, 1981.
21. Korte H. Einfuhrung in die Geschichte der Soziologie. Opladen, 1992.
22. Krausz E. Sociology in Britain: a Survey of Research. N.Y., 1969.
23. Lazarsfeld P. Quantification in Sociology: the Preparatory Period // Isis. 1952. Vol. 52.
24. Madge J. The Origin of Scientific Sociology. L.: Stock Publication, 1970.
25. Oberschall A. Empirical Social Research in Germany: 1848—1914. Paris: Mouton and Co, 1965.
26. Piatt J. Realities of Social Research. An Empirical Study of British sociologists. L., 1976.
27. Schelsky H. Ortbestimmung der Deutschen Soziologie. 3. Aufl. Dusseldorf; Koln, 1967.
28. The Classical Traditions in Sociology: the European Tradition: Vol. 1—4 / Ed. by R. Boudon et al. SAGE Publication, 1997.

Раздел I

ЭМПИРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ВО ФРАНЦИИ

Предпосылки возникновения социологии как новой области научного знания, включая эмпирическую социологию, появились почти одновременно в нескольких странах. Но мы начинаем историю эмпирической социологии с Франции, потому что **исходим** из следующих **фактов** истории социологии как науки:

именно во Франции родился термин "*социология*" и возникло первое, **теоретико-методологическое** направление этой науки — *позитивистская социология*, которое стало международным (Огюст Конт);

здесь достигли первой зрелости **эмпирические социальные исследования**: применены количественные методы к анализу данных *социальной статистики* (Адольф Кетле), разработан и широко применен *монографический метод* изучения семьи (Фредерик Ле Пле).

Соответственно эмпирическая социология во Франции имеет два истока: теоретико-методологический и эмпирический (количественный и качественный). Они оказали огромное влияние на формирование традиций французской социологии вообще и эмпирической социологии в особенности.

2

ИСТОКИ ФРАНЦУЗСКОЙ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

2.1

Огюст Конт — основоположник позитивистской социологии

Огюст Конт (1798—1857): автор термина "sociologie", основатель позитивистской философии и социологии — научных направлений, получивших широкое международное распространение; обосновал необходимость проверки социологической теории об обществе как целом совокупностью эмпирических данных, получаемых с помощью общенаучных методов: наблюдение; эксперимент; сравнение; исторический подход.

В условиях краха феодального ancien régime и рождавшегося в революционных потрясениях нового, буржуазного общества Конт видел свою миссию в том, чтобы дать гражданам Франции, всех передовых стран мира новую философию. В противовес прежним, теологическим и метафизическим, спекулятивным концепциям он разрабатывал позитивную философию как целостную систему положительного знания фактов и законов, открываемых научным познанием. А на основе этой философии он стремился создать объективную науку об обществе, помогающую людям рационально действовать в соответствии с двумя основными потребностями: в порядке и прогрессе. Эту науку он вначале назвал *социальной физикой*, а затем — *социологией*.

В апреле 1822 г. О. Конт по поручению своего учителя Сен-Симона подготовил для его "Катехизиса промышленников" третью тетрадь: "План научных работ, необходимых для реорганизации общества" [7]. Здесь обнаружилось принципиальное отличие позиции ученика от позиции завершавшего свой творческий и

жизненный путь учителя. В качестве главной задачи молодой Конт выдвинул создание позитивной науки об обществе, которая опирается на наблюдения, имеет дело с реальными фактами и получает объективные законы, т.е. аналогична наукам о неживой природе, обобщенно именуемым *физикой*. В отличие от Сен-Симона, который рассматривал науку об обществе как часть *физиологии*, или общей науки об организмах, Конт выделил новую науку о социальных организмах в отдельную область, которую назвал *социальной физикой* (*physique sociale*).

Таким образом, уже в 24 года Конт сформировал представление о связке трех крупных областей науки, именуемых одноко-ренными терминами: *физика* (греч. *physis*, наука о неживой природе) — *физиология* (наука о природных организмах) — *социальная физика* (наука о социальных организмах). Их объекты прогрессирующе усложняются. Социальная физика имеет дело с самым сложным и наименее изученным объектом. Она должна находиться на вершине иерархии наук и нуждается в первоочередной разработке.

В апреле 1826 г. Конт стал читать курс позитивной философии в Политехнической школе Парижа. В 1830—1842 гг. он опубликовал свой "Курс" в виде шести томов, включающих 60 лекций. Социальная физика составила вторую половину "Курса": 4-й, 5-й и 6-й тома [8].

В 3-м томе "Курса" (1835—1837 гг.) Конт заменил термин "физиология" термином "биология", который более полно передает смысл совокупности наук о природных организмах. Одновременно Конт столкнулся с фактом "узурпации" его термина "социальная физика" известным бельгийским статистиком А. Кетле в книге "Человек и развитие его способностей, или опыт социальной физики" (1835 г.) [14].

Интерпретация этого термина Кетле была противоположной Конту; мы рассмотрим ее в следующем параграфе. Ознакомившись с этой интерпретацией, Конт оказался перед трудной проблемой. Его ответ был сильным: он защитил свой приоритет в конструировании термина, подтвердил собственную позицию и существенно развил ее, сконструировав новый термин — *социология*.

Полемика для такого ответа стали тома 4—6 "Курса позитивной философии", прежде всего том 4 — "Догматическая часть социальной философии". Этот том написан в марте — июле 1839 г. и

включает лекции 46—51. Первая лекция этого тома (46) называется: "Предварительные соображения о необходимости и возможности *социальной физики*, основанные на фундаментальном анализе современного политического положения". Слова "*социальная физика*" Конт выделил курсивом и сделал примечание:

"Это выражение, как и другое, не менее необходимое — *позитивная философия*, было сконструировано мною около семнадцати лет назад, в первой моей работе о философии политики" [8, vol. 4, p. 6].

Этой ссылкой на "План научных работ" 1822 г. Конт подтверждал свой приоритет в использовании термина "социальная физика" и продолжал активно использовать его в четвертом и следующих томах "Курса".

Но главный ответ Конта состоял в другом. Уже в следующей лекции — "Краткая оценка основных философских попыток создать социальную науку" (лекция 47), — подготовленной, по-видимому, в марте 1839 г., примерно в середине этой лекции, Конт сконструировал, впервые употребил слово "sociologie" и сопроводил его пояснением:

«...После Монтескье единственным значимым шагом, который до сегодняшнего дня был сделан на пути к фундаментальной концепции *социологии (sociologie)**, мы обязаны известному и несчастному Кондорсе и его замечательному произведению "Очерки исторической картины прогресса человеческого разума". Справедливости ради, не следует забывать важное участие его знаменитого друга и мудреца Тюрго, ценные и простые суждения которого по общей теории совершенствования человека, вне всякого сомнения, оказались полезными в подготовке мысли Кондорсе».

* Я считаю своим долгом отныне пойти на риск с этим новым термином, полностью эквивалентным ранее введенному мною выражению *социальная физика*, чтобы иметь возможность обозначать через одно имя существительное эту дополнительную часть натуральной философии, которая положительно изучает совокупность основных законов, относящихся к социальным явлениям. Такое переименование соответствует особому назначению этого тома, что оправдывает, как я надеюсь, в полной мере этот прием, которым я всегда пользовался с необходимой осторожностью, не переставая испытывать при этом глубокую неприязнь к любой систематической привычке к неологизмам [Ibid, p. 200—201; курсив Конта].

¹ Здесь и далее цитируется в переводе И.К. Масалкова.

Как видим, Конт использовал несколько аргументов, чтобы публично объяснить "переименование" социальной физики в социологию. Во-первых, аргумент лингвистический: гораздо лучше обозначить новую науку *одним* словом, к тому же — существительным, чем двумя ("социальная физика"), одно из которых, выражающее специфику объекта, — прилагательное. Конечно, при этом был определен риск, поскольку в термине *sociologie* оказались объединены слова из двух разных языков: латинское *soci(etas)* и греческое *logos*, что противоречит строгим правилам словообразования.

Но и соблазн был велик: понятие *sociologie* удачно оказывалось в одном концептуальном и ассоциативном ряду с понятием *biology*, которое Конт начал использовать в предшествующем, третьем томе своего "Курса".

А главное, заменить прежний термин новым было особенно необходимо именно в данном, четвертом томе. После работы Кетле термин "социальная физика" оказался жестко связан с социально-демографическими характеристиками индивида, а параметры общества — редуцированы к количественным показателям "среднего индивида". Фиктивным оказывался не только человек, на что обратил внимание Кетле, но и само общество. При этом трудно было упрекнуть Кетле в том, что он не следовал позитивному подходу физики того времени: его социальная физика, точнее, социальная статистика, как и физика, измеряла свойства индивидов, усредняла данные, полученные для их множества, и вычисляла законы их взаимосвязей.

Конт же ставил перед собой противоположную задачу: сформулировать на основе позитивной философии новую теорию *общества как реального целого*, существующего по собственным законам. По сути, в процессе легитимизации двух наименований новой области знания — "социальная физика" и "социология" — впервые обнаружилось противостояние двух методологических подходов: социологического реализма (Конт) и социологического номинализма (Кетле). Термин "социология" вполне отвечал сути социологического реализма: он как раз и означает позитивную науку, имеющую объектом общество, существующее столь же реально, как и природа; объект социологии так же реален, как и объект биологии — живая природа. Но Конт еще предстояло наполнить новый термин концептуальным содержанием, раскрыть собственную концептосферу этого термина.

Уже в следующей, методологической и весьма обширной лекции (48) "Основные свойства позитивного метода при рациональном изучении социальных явлений" Конт с помощью существенного "социология" сконструировал *несколько семейств социологических понятий*:

- социологическая наука [8, vol. 4, p. 231, 360]; позитивная социология [Ibid, p. 234, 249], общая социология [Ibid, p. 359], социологический закон [Ibid, p. 372], социологическое исследование [Ibid, p. 373];
- статическая социология [Ibid, p. 289] и социальная статика [Ibid, p. 361], динамическая социология [Ibid, p. 290, 361] и социальная динамика [Ibid, p. 361], социальное развитие [Ibid, p. 360];
- научные методы социологии: простое наблюдение [Ibid, p. 329], социологическое наблюдение [Ibid, p. 373]; обоснованность опытом [Ibid, p. 329], научная сила социологических демонстраций [Ibid, p. 373]; сравнение [Ibid, p. 329], социологическое сравнение [Ibid, p. 357], сравнительный метод в социологии [Ibid, p. 358]; исторический метод в социологии [Ibid, p. 359]; социологический анализ [Ibid, p. 372].

Подробнее охарактеризуем понимание Контом *методов получения знаний в социологии*, используя фрагменты текстов, приведенных в хрестоматии. Метод позитивной философии, пояснял Конт, открывает воображению самое широкое и плодородное поле, но подчиняет воображение наблюдению, теорию — фактам.

Согласно Конту, самое общее логическое правило состоит не в переходе от простого к сложному, а в требовании переходить от известного к неизвестному. При изучении неорганических предметов сначала нужно исследовать отдельные их элементы, потому что они известны лучше, чем целое, и доступны прямому наблюдению; отсюда вытекает необходимость переходить от менее сложного к более сложному. При изучении же организмов в биологии и в социологии рационален противоположный прием, так как здесь лучше известно и более доступен исследованию целый объект, чем его части.

Но это **не** означает, что приемлемы концепции целого, не подтверждаемые наблюдениями. Позитивная социология как раз и сосредоточивает внимание на таких методах наблюдения социальных явлений, которые с успехом применяются и в других науках. "В социологии, как и в биологии, научное исследование использует на конкурирующих началах *три основных метода*, которые я, начиная со второго тома этого Трактата, выделяю в обоб-

щенном искусстве наблюдения: чистое наблюдение, собственно эксперимент и, наконец, сравнительный метод, существенно адаптируемый к разным исследованиям живых тел." [Ibid, p. 329].

Чистое, или *непосредственное наблюдение* — это описание событий, определение обычаев, оценка памятников, анализ и сравнение языков и множество других способов получения знаний. Наблюдение должно быть подчинено положительным умозрениям относительно законов гармонии. Ни один социальный факт не может иметь научного значения, если он не сближен с каким-либо другим социальным фактом. Это правило служит дополнением к требованию поставить в социологии на первый план изучение духа целого.

Эксперимент, на первый взгляд, неприменим в социологии. Однако, поясняет Конт, нужно вспомнить о различии между прямым и косвенным экспериментированием. Наблюдение можно назвать экспериментом, если нормальный его ход подвергается определенному изменению. Именно в этом смысле экспериментальный метод может быть применен к социологическим исследованиям. Патологический анализ возможен здесь в тех распространенных случаях, когда законы обычной последовательности социальной жизни подвергаются сильным потрясениям, как это бывает в революционные эпохи. Такие потрясения общества аналогичны болезням индивидуального организма. Эксперимент еще менее, чем простое наблюдение, может обходиться без рациональной теории.

Сравнительный метод в социологии заключается в сближении социальной жизни народов, существующих одновременно в разных местах земного шара и не зависящих друг от друга. Сравнительный метод предоставляет то удобство, что он подтверждает законы не только статичного существования общества, но и его динамики, развития. Он простирается на все ступени социального развития, характерные черты которых могут быть таким образом подчинены наблюдениям.

Следовательно, социология отличается и от биологии. Исходным для социологии служит особый, *исторический метод* наблюдения. Хотя этот исторический анализ непосредственно относится к динамической социологии, тем не менее он имеет значение для всей науки ввиду связи ее различных частей. Исторический метод придает социологии отличительный характер не только с науч-

ной, но и с логической точки зрения. В самом деле, при помощи этого нового способа наблюдать социология совершенствует положительный метод к выгоде всей философии. Исторический метод подтверждает характерное свойство социологии, состоящее в том, что она переходит от целого к частям.

Конт пояснял также, что хотя статическое видение социального организма составляет исходную базу социологии, тем не менее "социальная динамика не только образует в ней наиболее и непосредственно интересную часть, особенно в наши дни, но и с чисто научной точки зрения она одна придает, в конечном счете, этой новой науке в целом ее наиболее четкий философский характер, непосредственно выводя на первое место понятие, которое в наибольшей степени отличает, собственно говоря, социологию от простой биологии, т.е. основополагающую идею непрерывного прогресса, или, скорее, постепенного развития человечества..." [Ibid, p. 289-290].

4-й том "Курса позитивной философии" Огюста Конта — первый научный труд, в котором понятие "социология" сконструировано, обосновано и последовательно применено к построению теории и методологии социологической науки. А сама эта наука вычленена из социальной философии. Но не оторвана от нее, а предпослана социально-философскому анализу исторического процесса.

За 4-м томом "Курса" позитивной философии следовали 5-й и 6-й тома, написанные в 1841 — 1842 гг.: том 5 "Историческая часть социальной философии, относящаяся к теологическому и метафизическому ее состояниям" (лекции 52—55) и том 6 "Завершение исторической части социальной философии и общие заключения" (лекции 56—60, из них последние три — заключительные ко всему "Курсу").

Однако в этих томах мало следов только что созданной Контом концепции социологии и собственно социологических методов. В них воплощены общая позитивная философия и особенно позитивная социальная философия, выдвинутые Контом вслед за Сен-Симоном еще в 20-х гг. XIX в. В центре ее сохранялся "закон трех стадий" исторического процесса: теологической, метафизической, позитивной. Конту не суждено было переработать свою исходную социальную философию на основе своего же открытия новой науки — социологии.

Труды Конта положили начало *ранней теоретической классике* социологии. Он создал понятие "социология" и несколько семейств общих социологических понятий. Эти общие понятия стали своего рода "оболочкой" программы построения новой области социального знания. Но их автор не нашел способов их операционализации, путей их анализа с помощью количественных данных.

Например, Конт сконструировал понятия "социальная статика" и "социальная динамика". Но какая реальность стояла за этими понятиями? По Конту, с помощью этих понятий можно было переходить к непосредственно наблюдаемым фактам, событиям истории. И он это делал, описывая в 5-м и 6-м томах своего "Курса" события дореволюционной, революционной и послереволюционной Франции на основании наблюдений историков. На самом же деле, как мы теперь знаем, по пути к фактам необходим был еще целый ряд опосредующих понятий: от "статики" — структура, институт, группа, класс, статус и др.: от "динамики" — процесс, конфликт, роль, лидер и др. В нашем сознании эти понятия возникают как нечто само собой разумеющееся, но во времена Конта они не существовали, и в сознании Конта их также не было, как и в сознании историков, на наблюдения которых он опирался.

Естественно, что у Конта тогда не было представлений о необходимости и возможности целенаправленного *создания социологом количественных данных* относительно интересующей его реальности. Хотя такую возможность уже продемонстрировал Кетле в "Социальной физике". Но Конту сначала нужны были общие законы целого: общества, истории. Те самые законы, которые он интуитивно открыл еще в 1822 г. Как мы теперь понимаем, это были не собственно социологические, а социально-философские прозрения. В этом состояло коренное противоречие позитивистского подхода к проблеме построения социологической теории.

Ученые остаются в истории науки благодаря своим достижениям. Созданием социологии как новой области знания Конт навсегда вписал свое имя в историю мировой науки. Новый термин "социология", не без ворчания (это-де лингвистическая абракадабра!), но довольно быстро был принят и во Франции, и в других странах. Его стали использовать Джеймс Милль, с которым Конт был в переписке, Герберт Спенсер, Фердинанд Теннис и другие выдающиеся ученые того времени. Многие восприняли не

только термин, но и общий подход Конта. Благодаря этому позитивистская социология приобрела характер международного направления в новой области научного знания.

2.2

Адольф Кетле — автор статистической "социальной физики"

Ламберт Адольф Кетле (1796—1874): бельгийский математик; построил "социальную физику", применив математические методы к анализу статистических данных о социальных явлениях и разработав концепцию "среднего человека"; организовал статистические общества и службы в ряде европейских стран, основал Международное статистическое общество (1853).

К началу XIX в. во Франции уже возникла традиция статистических социальных исследований. Она связана с именами государственных деятелей (Тюрго и др.) и ученых (Лаплас, Кондорсе и др.). После революции 1789 г. Франция стала центром эмпирических исследований проблем народонаселения. В первое десятилетие XIX в. были проведены три переписи населения, возникло Статистическое общество. В 30-е гг. Луи Виллерме, Александр Паран-Дюшатле разрабатывали социально-гигиеническое направление изучения условий жизни трудящихся, особенно рабочих, стал выходить журнал "Annales d'hygiene publique et de medicine legale". Вклад в криминальную статистику внесли работы Андре Герри, особенно его "Очерки моральной статистики Франции" (1832) [4]. Особый вклад в развитие статистики в целом, в том числе социальной статистики внес Адольф Кетле.

Адольф Кетле рано проявил интерес к гуманитарным областям знания, переводил греческих поэтов на французский язык. Одновременно он увлекся математикой и астрономией, получил в 1819 г. степень доктора в университете Гента (Бельгия). Затем он задумал создать в Брюсселе астрономическую лабораторию и в 1823 г. отправился в Париж, чтобы закупить приборы. Здесь Кетле познакомился с крупными французскими математиками Политехнической школы. Огромное впечатление на него произвели Лаплас и Фурье, которые занимались статистическим анализом

социальных данных. Его увлекло сочетание абстрактной математики и социальной реальности [10].

В 1826 г. Кетле был приглашен работать в Королевскую статистическую комиссию для участия в подготовке переписи населения. В 1827 г. он проанализировал статистику преступности. В 1828 г. издал статистический справочник по Бельгии, в который включил большой сравнительный материал по Англии и Франции. В 1831 г. ученый выпустил два меморандума, основанных на статистических данных: "Рост численности людей" и "Тенденции преступности среди лиц различных возрастов". В 1832 г. появилась третья публикация, посвященная анализу данных. К середине 1830-х гг. у него сформировалась идея социальной физики. Обобщив ранние публикации, Кетле выпустил в 1835 г. свою основную работу "Человек и развитие его способностей, или опыт социальной физики", в 1869 г. переизданную, причем подзаголовок стал основным названием: "Социальная физика, или опыт исследования о развитии человеческих способностей" [15].

До Кетле в Европе было накоплено немало статистических сведений, прежде всего "политическими арифметиками" в Англии и представителями "государствоведения" в Германии (о них пойдет речь в разд. II и III данного курса). Но эти сведения оставались скоплениями эмпирического материала, не поддававшегося систематическому анализу, с помощью которого можно было бы делать обобщающие выводы.

Кетле вдохновляла задача подчинить получение эмпирических сведений требованиям, позволяющим применять к анализу этих сведений методы современной математики: теорию вероятностей и др. Для этого, по его мнению, необходимо: 1) чтобы "наблюдения были точны и достаточно численны"; 2) чтобы был "выработан однообразный способ собирания сведений во всех государствах, примиря общие интересы науки с частными интересами каждой страны" [Там же, с. 214, 270].

Кетле развивал собственную концепцию, центром которой служит статистически "средний человек", по-видимому, не зная о концепции Конта относительно "социальной физики". "Человек, которого я здесь рассматриваю, — писал Кетле, — служит в обществе тем же, чем центр тяжести в телах; он — та средняя, вокруг которой колеблются социальные элементы: если хотите,

это фиктивное существо, для которого все происходит сообразно средним выводам, полученным для общества. Если хотят установить, так сказать, основы *социальной физики*, то должно иметь в виду именно среднего человека, не останавливаясь на частностях и аномалиях и не исследуя, может ли такой индивидуум более или менее значительно развить какую-либо из своих способностей... Согласно сказанному, наука должна исследовать:

1) каковы законы, согласно которым воспроизводится род человеческий, по которым в человеке развивается его рост, интеллектуальная сила, большая или меньшая склонность к добру и злу; законы, по которым развиваются его страсти и вкусы; законы, по которым изменяются предметы его производства и потребления; законы, по которым он вымирает, и т.д;

2) каково влияние природы на человека; каков размер этого влияния; каковы пертурбационные силы и каково было их действие в тот или иной период; каковы были те социальные элементы, которые тогда оказывали особенное влияние;

3) наконец, могут ли силы человека нарушить устойчивость остальной системы.

Я не знаю, смогут ли [люди] когда-нибудь ответить на все эти вопросы, но мне кажется, что их решение даст самые прекрасные и самые интересные выводы, какие только могут иметь в виду человеческие исследования" [Там же, с. 54, 56].

Возможно ли определить среднего человека? Ведь каждый обладает индивидуальной волей. Да, соглашается Кетле. Но при большом количестве наблюдений обнаруживается, что на число браков, заключаемых в течение года, самое сильное влияние оказывает не воля индивидов, а их возраст. "В данном случае, — заключает автор, — действительно наблюдается удивительное подтверждение выставленного нами в начале этой работы положения, согласно которому *при увеличении числа подвергающихся наблюдению индивидуумов исчезают физические и нравственные индивидуальные особенности и на первый план выдвигаются те главные факты, в силу которых общество существует и сохраняется*" [Там же, с. 143; курсив Кетле].

Кетле показал ограниченность теории Мальтуса, который не обнаружил препятствий росту населения. "Внимательное исследование вопроса доказало мне, — заключил Кетле, — что теория населения может быть сведена к двум принципам, которые я рас-

смаатриваю как основные принципы анализа развитая населения и причин, влияющих на него.

1. Население стремится к возрастанию в геометрической прогрессии.

2. *Сопротивление (или сумма препятствий его развитию) при равенстве прочих условий равно квадрату скорости, с которой население стремится возрастать* [Там же, с. 273; курсив Кетле].

Эти выводы Кетле предварил замечанием: «Да будет мне позволено вспомнить мысли, высказанные мною по этому поводу в 1827 году, при открытии публичного курса истории наук. "Надо заметить, — говорил я, — что чем больше развивались физические науки, тем больше стремились они в область математических наук, которые являются своего рода центром, в котором они со временем и сосредоточатся. По большей или меньшей легкости, с которой можно приступить к вычислениям, можно было бы даже судить о степени совершенства, которой достигла та или иная наука» [Там же].

Своими трудами Кетле заложил основы *социальной статистики*. Как писал вскоре после его смерти крупнейший немецкий экономист того времени Адольф Вагнер, "Кетле сделался основателем новой школы настоящих статистиков. Шаг от Зюсмилхха к Кетле был переходом от телеологизирующей физико-телеологии к естественнонаучному, физическому направлению" [1, с. 52]. Академия наук Германии причислила Кетле, в связи с его кончиной, к основателям социологии.

Однако впоследствии концепция "среднего человека" Кетле подверглась серьезной критике со стороны Э. Дюркгейма [2, с. 288—292, 308] и других социологов. Кетле не представлял себе всей сложности и объема проблемы операционализации социологических понятий. Действительно, необходима была социологическая теория, позволявшая осуществлять обоснованные переходы от индивида к обществу и обратно (с помощью понятий "социальная группа", "класс" и др.); в этом смысле позиция Конта была предпочтительнее. Впрочем, напомним, что и Конт был далек от понимания сложности этой проблемы.

Тем не менее работы Кетле оказали значительное влияние на развитие французской социологии. Дюркгейм оппонировал его концепции среднего человека, но методы социальной статистики были восприняты дюркгеймовским социологизмом.

2.3

Фредерик Ле Пле — эмпирический исследователь семьи, создатель монографического метода

Фредерик Ле Пле (1806—1882)— крупный французский социолог; один из основателей эмпирической социологии семьи; создатель монографического метода в социологии; горный инженер.

Фредерик Ле Пле, по образованию горный инженер, под впечатлением июльской революции 1830 г. решил понять причины революций и с этой целью стал наблюдать жизнь общества. Основным объектом наблюдения он выбрал семью как клеточку общества, главный фактор социализации личности и социального контроля. Собственность семьи (дом, земля, предприятие) — ее символ, а не просто средство производства.

Работая как организатор и консультант по горному делу и металлургии в разных странах Европы, он подробно изучал особенности жизни каждой семьи. Итоги этих исследований обобщены в его книге "Европейские рабочие" [11]. Ее первое издание написано в полемике с сен-симонистами (1855), а затем расширено до шести томов (1877—1879 гг.). В 1878 г. издана трехтомная "Социальная реформа во Франции" Ле Пле [12]. Труды Ле Пле стали образцами применения методов социальной статистики.

Изучая семью, Ле Пле положил начало *монографическому методу* в социологии. В качестве обязательных элементов описания семьи он включал: 1) общее описание местности, занятий в данном районе и самой семьи; 2) источники существования; 3) образ жизни; 4) историю семьи; 5) бюджет семьи; 6) элементы общей социальной организации — виды контрактов рабочих с работодателями, учет профессионального продвижения рабочих в данной местности и др. Ученики Ле Пле расширили сферу приложения монографического метода и создали "номенклатуру социальной науки", в которой значилось более 20 пунктов, расположенных в порядке восхождения от простого к сложному [13].

Основными способами получения информации были личные наблюдения и свободные интервью. Семейная монография допол-

нялась описанием соседства, корпорации, прихода, города, провинции. П. Сорокин охарактеризовал школу Ле Пле как синтетическую.

Опираясь на эмпирические исследования, Ле Пле предложил типологию семьи, оказавшуюся весьма перспективной: патриархальная — семья действует как неделимая единица, индивид подчинен общности; корневая, или базовая — все имущество отца переходит к одному наследнику, а другие дети мигрируют, имея возможность вернуться в родительское гнездо; нестабильная, нуклеарная семья — не имеет средств для передачи потомкам, родители и дети существуют разрозненно. По мнению Ле Пле, корневая семья обеспечивает наиболее приемлемое общественное устройство, в котором сбалансированы традиции и новации.

На решающей роли семьи в обществе основывал Ле Пле и свои общетеоретические построения. Как в семье необходим отцовский авторитет, так и в отношениях предпринимателей с рабочими желателен патронаж, патриархальная опека. В условиях становления капитализма во Франции этот добуржуазный консерватизм оказался далек от реальности.

Литература

1. Вагнер А. История и теория статистики. Гл. III // История и теория статистики в монографиях Вагнера, Рюмелинга, Эттингена и Швабе: Пер. с нем. СПб., 1879.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / Пер. с фр. М.: Мысль, 1994.
3. Кетле А. Социальная физика, или опыт исследования о развитии человеческих способностей: В 2 т. / Пер. с фр. Е. Налмановской, Л. Печерского, А. Хараша, А. Шендеровича; Под ред. А. Русова. Киев: Типография И.И. Чоколова, 1911.
4. Ковалева М.С. Эмпирические социальные исследования во Франции // История буржуазной социологии XIX — начала XX века / Отв. ред. И.С. Кон. М., 1979.
5. Конт О. Курс позитивной философии: В 6 т.: Пер. с фр. СПб., 1899—1900. Т. 1,2.
6. Социология Конта в изложении Риголажа / Пер. с фр. Н. Лосского. СПб.: Изд. Л.Ф. Пантелеева, 1898.
7. Comte A. Ecrits de jeunesse. 1816—1828. Textes etablis et presentes par P. de Berredo Carneiro et P. Arnaud. Paris, 1970.

2. Истоки французской эмпирической социологии

8. Comte A. Cours de philosophie positive: Vol. 1—6. 5 ed. Paris, 1892—1894.
9. Comte A. La philosophie positive. Resume par E. Rigolage. Paris, s.a. Vol. 4: Sociologie.
10. Lazarsfeld P. Quantification in Sociology: Quetelet and his "Statistique Moral"// The Classical Tradition in Sociology: The European Tradition / Ed. by R. Boudon et al. Sage, 1997. Vol. 1.
11. Le Play F. Le ouvriers europeens: Vol. 1—6. Paris, 1879.
12. Le Play F. La Reforme sociale en France: Vol. 1—3. Tours, 1878.
13. Le Play F. On Family Organization // The Classical Tradition in Sociology: the European Tradition / Ed. by R. Boudon et al. Sage, 1997. Vol. 3.
14. Quetelet A. Sur l'homme et le development des facultes, ou essai de physique sociale. Bruxelles, 1835. (Русск. пер.: Кетле А. Человек и развитие его способностей, или опыт общественной физики. СПб., 1865.)
15. Quetelet A. Physique sociale, ou essai sur l'homme et le development des facultes. Bruxelles, 1869.

ШКОЛА СОЦИОЛОГИЗМА И СОЕДИНЕНИЕ ТЕОРИИ С ЭМПИРИЧЕСКИМИ ИССЛЕДОВАНИЯМИ

Эмиль Дюркгейм — создатель образца теоретически ориентированного эмпирического исследования

Эмиль Дюркгейм (1858—1917)— один из первых соединил социологическую теорию с методологией получения эмпирических данных, создал образец теоретически ориентированного социологического исследования; обосновал понятия социального факта и объективного метода в социологии; разработал и применил каузальный и функциональный анализы статистических данных.

Имеется немало описаний жизни и творчества выдающегося французского социолога, основателя "школы социологизма" Эмиля Дюркгейма [см. 1, 2, 5]. Нас интересует прежде всего мотивация, смысл и результаты деятельности Дюркгейма как ученого, который одним из первых поставил и решил задачу соединения социологической теории и методологии с разработкой и реализацией методов эмпирических исследований; более того — создал образец теоретически ориентированного эмпирического социологического исследования.

Среди личных качеств этого ученого выделим два, которые рано сформировались и глубоко мотивировали всю деятельность Дюркгейма. Во-первых, это нравственное чувство правды, исключаящее любую ложь, даже "во спасение". Во-вторых, это чувство

гражданского долга, ответственности социолога перед согражданами за объективное исследование процессов, совершающихся в данном обществе, и за ориентацию этих процессов в направлении, возможно более благоприятном для населения страны.

Творческая активность Дюркгейма пришлось на третью четверть длительного и весьма драматичного процесса трансформации французского общества из феодально-традиционного в буржуазно-либеральное. Если даже ограничить время этого процесса и считать началом его Великую французскую революцию (1789), а завершением — Пятую республику де Голля (1958—1965), то получается период около 175 лет. В середине этого периода, после падения режима Второй империи, поражения в войне с Пруссией и подавления Парижской коммуны (1871), Франция оказалась в тяжелом кризисе, продолжавшемся последнюю четверть XIX в. Содействовать выходу из этого кризиса — в этом, по мнению Дюркгейма, состояла главная задача французской социологии.

Кризис всего общества как наблюдаемый факт требовал выявления его причин, уяснения сущности трансформационного процесса. Дюркгейм принимает требование Конта проверять теорию на ее соответствие фактам. По той же причине он отвергает контовский "закон трех стадий" как плохо проверяемый фактами и выдвигает принцип роста разделения общественного труда как эмпирически проверяемый социальный факт. И формулирует концепцию двух типов солидарности членов общества: а) механической солидарности, основанной на сходстве индивидов, поскольку они выполняют сходные, слабо дифференцированные в данном обществе функции; б) органической солидарности, возникающей вследствие разделения труда между группами, которые интегрируют индивидов. В первой своей монографии "О разделении общественного труда" (1893) Дюркгейм объясняет длящийся кризис французского общества как переход от механической солидарности к органической.

Испытывая потребность в усилении своей аргументации, Дюркгейм написал "Правила социологического метода" (1895). Ключевым здесь стал вопрос об объективной природе социальных явлений и процессов, социальных фактов как независимых от индивидов. По Дюркгейму, "первое и основное правило", относящееся к наблюдению социальных фактов, "состоит в том, что *социальные факты нужно рассматривать как вещи*", т.е. как "способ

действий, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение" [3, с. 421]. Он поясняет, что понимает социальный факт именно как способ действия. Это может быть устоявшийся способ, субстрат коллективного бытия, элемент морфологии общества: юридическое или нравственное правило, догмат веры, коллективная привычка и т.п. (близко к социальному институту). Социальными фактами являются и неустоявшиеся, подвижные способы коллективного действия: коллективная манифестация, толпа, общественное мнение по тому или иному вопросу и т.п. Те и другие "составляют реальность *suī generis*, очень отличную от воплощающих ее индивидуальных фактов" [Там же, с. 416].

Поэтому, изучая какой-либо класс социальных фактов, социолог должен рассматривать их изолированно от их индивидуальных проявлений. Это достигается при условии изучения общественной солидарности через систему юридических правил, выражающих эту солидарность. Этому же служит привлечение большого числа наблюдаемых случаев, например, преступлений. Но при этом необходима объективная типология: типов солидарности, типов семьи, криминологических типов и т.д. Такое понимание социальных фактов и методов их изучения составило суть так называемого "социологизма".

Сформулировав свою методологию, Дюркгейм провел на ее основе развернутое эмпирическое исследование. В качестве предмета исследования он взял *самоубийства*, рассматриваемые именно как совокупный **социальный факт**, в широком контексте трансформации общества. Результаты этого теоретически ориентированного эмпирического исследования Дюркгейм изложил в третьей монографии: "**Самоубийство. Социологический этюд**" (1897).

Свою исходную методологическую позицию Дюркгейм формулирует здесь как вызов современной ему социологии, которая "вошла в моду": "...Социология в большинстве случаев ищет блестящих выводов, причем все вопросы только подвергаются общему обзору, но отнюдь не исследуются по-настоящему; ...социология... должна стремиться к тому, чтобы стать чем-либо иным, а не только своеобразной разновидностью философской литературы.

Вместо того, чтобы предаваться метафизическим размышлениям по поводу социальных явлений, социолог должен взять объектом своих изысканий ясно очерченные группы фактов, на которые можно было бы указать, что называется, пальцем, у которых

можно было бы точно отметить начало и конец — и пусть он вступит на эту почву с полной решительностью. Пусть он старательно рассмотрит все вспомогательные дисциплины — историю, этнографию, статистику, без помощи которых социология совершенно бессильна" [4, с. 3—5].

Выбор самоубийства как предмета исследования Дюркгейм объясняет прежде всего тем, что это одно из легко определяемых явлений. Тем не менее во введении к своей книге он затратил немало усилий, чтобы получить *операционализируемое понятие самоубийства*: "*Самоубийством называется каждый смертный случай, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах*" [Там же, с. 13; курсив Дюркгейма].

Почему это предмет социологии? Потому что совокупность самоубийств, совершаемых в данном обществе, образует новый факт *sui generis*, имеющий свое внутреннее единство и свою индивидуальность, а значит, свою особую, глубоко *социальную природу*. "С самого начала нужно исследовать его в коллективной форме, т.е. путем статистических данных. Предметом анализа надо взять непосредственно социальный процент самоубийств и идти от целого к частям" [Там же, с. 121]. В каждом конкретном обществе процент самоубийств, совершаемых за определенный промежуток времени, остается почти неизменным, а в различных обществах он разный. Впрочем, и в одном обществе в течение длительного времени он волнообразно эволюционирует. Особенно значительный его рост, вернее, скачок — в 3—5 раз, произошел в большинстве стран Западной Европы менее чем за 50 лет (с середины XIX в.).

Понятен интерес, который проявляют к проблеме самоубийства многие социальные статистики и социологи. И Дюркгейма эта тема привлекла не просто легкостью определения предмета изучения, а именно своей масштабностью и остротой. Задачу социолога он видел в том, чтобы выяснить причины или факторы, влияющие на процент самоубийств в масштабе всего общества и больших групп индивидов.

Но это не значит, что социолога не интересуют внесоциальные факторы. Напротив, как уже было сказано выше, он должен старательно рассмотреть все вспомогательные дисциплины, без которых социология бессильна. Поэтому в первой книге своей

монографии Дюркгейм, опираясь на смежные дисциплины, рассмотрел факторы внесоциального характера: патологические и нормальные психологические состояния, раса, наследственность, космические факторы, подражание. Их изучение, как это ни неожиданно, позволило выдвинуть *социологическую гипотезу*: в каждой социальной группе существует совершенно специфическая склонность к самоубийству, которая "неизбежно должна зависеть от социальных причин и представлять собой социальное явление" [Там же, с. 118].

Заметим, что исследовательская гипотеза (а это, как известно, основная форма развития научного знания) возникла у Дюркгейма не априорно, а на основе изучения большой совокупности фактов, изучаемых смежными дисциплинами. Ни одна из них не давала ответа на вопрос, интересующий социолога. Поэтому он и выдвинул свою гипотезу.

Как ее проверить? Проследим за ходом мысли исследователя.

Склонность к самоубийству можно наблюдать только путем изучения индивидуальных случаев. Чтобы типологизировать множество случаев, выяснить их морфологию, необходимы подробные сопоставимые данные о каждом случае. К несчастью, констатирует Дюркгейм, необходимые данные почти полностью отсутствуют. Следовательно, индуктивно-морфологический метод нереализуем.

Но можно идти и другим путем. Если принять, что *принцип причинности* действует и в обществе, то логично допустить, что различные типы самоубийств могут вытекать только из различных определяющих причин. Значит, можно установить социальные типы самоубийств, классифицируя вызывающие их причины. Следовательно, сначала нужно исследовать социальные условия, от которых зависят типы самоубийств, а затем сгруппировать эти условия по их сходству и различию в отдельные классы. Это позволит быть уверенным, что каждому такому классу соответствует определенный тип самоубийств. "Одним словом, наша классификация будет этиологической, вместо того, чтобы быть только морфологической" [Там же, с. 120]. (Напомним, что этиология изучает причины и условия возникновения болезней.)

Если известна природа причин, производящих то или иное явление, то легко умозаключить о природе последствий, которые могут быть классифицированы именно тем, что мы выведем их из их источников. Эту дедукцию надо направить на имеющиеся не-

многие данные о морфологии самоубийств, чтобы получить реальную типологию. "Итак, от причин мы поднимаемся к следствиям, и наша этиологическая классификация пополнится морфологической, так что мы будем в состоянии взаимно проверять одну посредством другой" [Там же, с. 121].

Следовательно, начинать надо с изучения причин самоубийств. Но как это сделать? В протоколах по поводу каждого самоубийства фиксируются его предполагаемые мотивы. Но это, скорее, мнения низших чинов полиции относительно мотивов, очень часто извращенные и неполные. К тому же мотив — чаще всего не причина. За разными мотивами (нищета, семейное горе, отвергнутая любовь, пьянство и т.п.) стоят более *общие социальные условия или состояния социальной среды*, под влиянием которых изменяется процент самоубийств.

Выявлению этих условий Дюркгейм подчинил поиск и систематизацию социальной статистики, связанной с самоубийствами во Франции и ряде других стран Европы. В итоге он получил "европейскую картину самоубийств", которую подверг многостороннему анализу. Прежде всего Дюркгейм выяснил характер взаимосвязей между динамикой процента самоубийств и такими типами социальных общностей, как религиозные, семейные и политические. В итоге он установил, что "число самоубийств изменяется обратно пропорционально степени интеграции" каждой из этих трех общностей, т.е. степени выполнения ими своих социальных *функций*. А эти эмпирические факты позволили придти к "общему выводу: число самоубийств обратно пропорционально степени интеграции тех социальных групп, в которые входит индивид" [Там же, с. 186].

Иными словами, чем больше ослабевают внутренние связи той группы, к которой принадлежит индивид, тем меньше он от нее зависит и тем больше будет оказываться в таком состоянии, когда индивидуальное "Я" противопоставляет себя социальному "Я" в ущерб последнему. Чрезмерная индивидуализация благоприятствует тому виду самоубийства, который Дюркгейм назвал эгоистическим. Более того, крайний индивидуализм может считаться одной из причин "эгоистического самоубийства".

Другой такой причиной является лишение себя жизни не потому, что человек сам хотел этого, а из чувства долга перед той социальной общностью, к которой он принадлежит. Например, у первобытных народов это самоубийство: престарелых или боль-

ных; жен после смерти мужа; рабов, слуг после смерти хозяина или начальника. Общественное устройство устанавливает настолько тесную связь между покровителем и покровительствуемым, что не может быть и речи об отделении второго от первого: подданные должны всюду следовать за своим господином, даже в загробной жизни. Такого рода самоубийство, в том числе и в более развитых формах, Дюркгейм называет "альтруистическим".

Третий тип — "аномичное самоубийство". В условиях аномии, разрушения социальных норм в кризисном обществе, решающую роль играют исключительно индивидуальные страсти, которые не встречаются на своем пути никакой сдерживающей силы. Это и экономическая аномия (банкротства и т.п.), и домашняя аномия (смерть одного из супругов, развод). Они нарушают равновесие в социальной общности и склоняют предрасположенных людей к добровольной смерти, вызывают вспышки самоубийств.

Характерно, что все три типа самоубийств Дюркгейм *выводит* из анализа эмпирических данных, а не вводит их путем предварительного теоретизирования. К обобщающему теоретизированию он приступает в заключительной, третьей книге своей монографии. В центре он вновь выдвигает проблему объективной природы социальных общностей как существующих независимо от индивида и принуждающих его к определенному поведению. "Из всех этих фактов можно вывести только то заключение, что процент самоубийств зависит только от социологических причин и что контингент добровольных смертей определяется моральной организацией общества... Таким образом разрешается вопрос, поставленный нами в начале этой книги" [Там же, с. 287].

Вслед за этим Дюркгейм подвергает критике *теорию среднего человека* Кетле, который, в частности, приписал склонность к самоубийству средним людям. В действительности же такая склонность наблюдается только у небольшого числа исключительных субъектов (средний человек не лишает себя жизни), а вероятность ее реализации зависит от той *социальной группы*, к которой принадлежат эти субъекты. Иными словами, существуют коллективные склонности как "силы *sui generis*, которые управляют сознанием частных лиц" [Там же, с. 295]. Например, население Парижа обновляется с необыкновенной быстротой, тем не менее доля Парижа в общем числе самоубийств во Франции остается неизменной; личный состав войск постоянно меняется, а процент самоубийств в армии изменяется для одной и той же нации чрезвычайно медленно.

Можно, конечно, допустить, что интересующий нас тип совпадает с этническим типом, но факты противоречат этой гипотезе. Основная ошибка Кетле состоит в том, что он смешал "коллективный тип данного общества со средним типом индивидов, которые составляют это общество" [Там же, с. 308].

Последовательно отстаивая позицию социологического реализма, Дюркгейм в полемике со своими оппонентами вынужден был признать, что "социальные состояния не только качественно отличаются от индивидуальных, но что они в некотором смысле находятся вне самих индивидов" [Там же, с. 303]. Потому что общество состоит не только из индивидов: в него входят материальные элементы (архитектура, пути сообщения, инструменты, машины и т.д.), а также писанные догматы, законы, произведения искусства и другие "действующие реальности".

Тезис Дюркгейма о существовании социальных состояний "вне индивидов" как жесткая формула "социологического реализма", направленная против "социологических номиналистов" ("психологиста" Г. Тарда и др.), вызвал острые возражения с их стороны. А также со стороны тех, кто помимо индивидов и общества вводил третий элемент: *взаимодействие* индивидов (Ф. Теннис, Г. Зиммель и др.). Возникла и третья, интегрирующая позиция, которую развил П. Сорокин¹.

Перечисленный круг методологических проблем сохраняет актуальность и в наше время, особенно в контексте постмодернистских исканий.

Исследование самоубийства Дюркгейм завершил практически выводами. Преступления и самоубийства существуют в любом

¹ Подробно рассмотрев оба подхода в своей "Системе социологии", изданной на русском языке в 1920 г., П. Сорокин пришел к заключению: "Общий вывод из всего сказанного о социологическом реализме и номинализме таков: *ни то, ни другое из этих течений неприемлемо*. Каждое из них, в пылу спора, выставляет такие положения, которые либо логически абсурдны, либо эмпирически неверны. *Общество или коллективное единство как совокупность взаимодействующих людей, отличная от простой суммы невзаимодействующих индивидов, существует. В качестве такой реальности sui generis оно имеет ряд свойств, явлений и процессов, которых нет и не может быть в сумме изолированных индивидов. Но, вопреки реализму, общество существует не "вне" и "независимо" от индивидов, а только как система взаимодействующих единиц, без которых и вне которых оно немыслимо и невозможно, как невозможно всякое явление без всех составляющих его элементов*" [9, с. 316; курсив Сорокина]. Как видим, П. Сорокин учитывает третий элемент — взаимодействие индивидов: в этом случае сумма индивидов равна обществу, а если не принимать во внимание взаимодействие, то сумма индивидов не равна обществу.

обществе. В этом смысле они нормальны. Ненормален, патологичен быстрый рост в последнее столетие, особенно во второй половине XIX в., двух видов самоубийств: эгоистического и аномичного. Причина заключается в быстром изменении социальной организации общества: прежние связи разрушились, а новые еще не возникли. Надо устранить эту причину. Какие силы могут сделать это?

Для уменьшения числа эгоистических самоубийств необходимо, чтобы социальные группы снова стали достаточно сплоченными, крепче держали индивида и чтобы он крепче держался за них, сильнее чувствовал свою солидарность с коллективным существом. "Словом, мы предохранены от самоубийства лишь в той мере, в какой мы социализированы" [4, с. 373].

Какие группы или общности могут способствовать этому? В отличие от консерватора Ле Пле, Дюркгейм более пессимистичен. Он не видит интегративных способностей у *государства*, потому что оно слишком далеко стоит от личности. Влияние *религиозных общностей* также очень ослабло под ударами рационализма: ведь "религия ослабляет склонность к самоубийству лишь в той мере, в какой она мешает человеку свободно мыслить", что особенно демонстрирует католицизм [Там же, с. 372]. И даже *семья* утратила прежнее влияние, поскольку увеличение числа самоубийц в течение века не зависит от их семейного положения.

Остается надежда на профессиональный союз или *корпорацию*, объединяющую работников одной профессии. "Корпорация обладает... всем, что нужно, чтобы охватить индивида и вырвать его из состояния морального одиночества, а ввиду нынешней слабости других групп она одна может исполнять эту необходимую службу" [Там же, с. 377]. Но необходимо организовать ее на новых основаниях, возложить на нее определенные функции: заведовать кассами страхования, помощи, пенсий, разрешать конфликты, устанавливать правила заключения договоров и т.п.

Жизнь показала утопизм этой социалистической идеи. Хотя корпорация как интегрированная *деловая организация* неплохо зарекомендовала себя во второй половине XX в. Она действительно способствует сплочению трудового коллектива. Ее функции в обществе могут еще более возрасти.

Продолжая поиск социальных общностей, укрепляющих связи индивидов с обществом, Дюркгейм после книги о самоубийстве обратился к фундаментальным формам этих связей, запе-

чатленным в истории религии. Этому посвящена последняя, самая крупная его книга: "Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии" (1912)¹. Опираясь на эмпирические данные этнографии, он провел вторичный, социологический их анализ. Результатом стал вывод, что религия есть преобразованное общество, которому люди поклоняются как божеству. Сам по себе это не новый вывод, достаточно вспомнить "Сущность христианства" Л. Фейербаха. Новым стал вывод Дюркгейма о том, что простейшую религию представляет собой тотемизм, точнее, клановый тотемизм. Его социально-интегрирующая функция заключалась в консолидации членов клана, а затем и других, исторически более поздних общностей. В современных обществах эквивалентом тотема служит *знамя*, с которым соотносится понятие святости Родины. Дюркгейм выявил также роль *символов* и *обрядов* как общественных феноменов, их конкретные функции.

Итак, Эмиль Дюркгейм обосновал понятия социального факта и объективного метода в социологии; разработал и применил причинный (каузальный) и функциональный анализы статистических данных; на примере такого объекта, как самоубийство, создал образец теоретически ориентированного социологического исследования. Дюркгейм один из первых соединил социологическую теорию с методологией получения эмпирических данных и стал основателем французской школы социологизма.

3.2

Марсель Мосс, Морис Хальбвакс: эмпирические исследования между мировыми войнами

Марсель Мосс (1872—1950)— ученик Дюркгейма, преемник и руководитель его Школы; разработал и реализовал целостный социологический подход к проблемам антропологии. Морис Хальбвакс (1877—1945)— виднейший представитель школы Дюркгейма, проводил эмпирические исследования современного буржуазного общества. Селестен Бугле (1870—1940), Жорж Дави, Александр Море, Франсуа Симиан — активные деятели Школы.

¹ Этот "его демарш сравним с демаршем Конта" в "Системе позитивной политики" последнего, отметил Р. Арон [1, с. 344].

Проблемы консолидации французского общества, потрясенного войной, оставались для социологии центральными в период между Первой и Второй мировыми войнами. Насущными они были для школы Дюркгейма и как научно-исследовательские, и как жизненные для нее самой: многие ее сторонники погибли на войне, в том числе сын Дюркгейма, а после кончины учителя (1917) стали ослабевать связи между его последователями, оживились нападки противников. Тем не менее происходила определенная институционализация дюркгеймовской школы в 1920-е гг. Эмпирические исследования оживились в начале 1920-х гг., а к 1930-м гг. произошло их затухание. Был возобновлен, затем прекращен выпуск журнала *L'Annee sociologique*.

Преемником Дюркгейма по руководству школой стал его ученик *Марсель Мосс*. Он был главным редактором основного журнала школы *L'Annee sociologique*, издателем посмертных сочинений Дюркгейма. Мосс продолжил и развил то направление исследований, которому его учитель посвятил последнюю книгу: нравы дописьменных народов, образующие фундамент общества, совместной жизни людей. Мосса особенно интересовали обычаи, которые обеспечили переход архаических обществ (кланов, племен) от вражды и войн к дружбе и общим праздникам. Эта проблема находится в центре его работы "Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах" (1925).

Названную работу Мосс рассматривал не только как результат, но и как модель будущих исследований. Ее методологический смысл он видел в особом эвристическом принципе изучения объектов, который он характеризует как *общесоциологический принцип* (мы бы сказали, социетальный). "Все изученные нами факты являются, если позволено так выразиться, тотальными или общими социальными фактами... Все эти явления суть одновременно явления юридические, экономические, религиозные и даже эстетические, морфологические и т.д." [8, с. 217]. Это целостности, целые социальные системы. Рассматривая их, мы постигаем больше, чем идеи или правила, — мы познаем людей, группы и их поведение. Мы воспринимаем людские множества и те движущие силы и чувства, которые возникают в их среде. И вообще, надо действовать как историки: наблюдать то, что дано. А дано конкретное целое. Поэтому "после того, как социологи по необходимости слишком много разделяли и абстрагировали, им надо постараться вновь воссоздать целое" [Там же, с. 219].

Пример целостного подхода Мосс демонстрирует, описывая **дар** как форму и основание *обмена* в архаических обществах. В духе Дюркгейма, предмет исследования определяется весьма четко: во многих цивилизациях обмены и договоры осуществляются в форме подарков, теоретически добровольных, а в действительности же обязательно вручаемых и возмещаемых. Это повсеместно распространенный и целостный, интегрированный предмет. Он изучен методом точного сравнения: в строго определенных ареалах и т.д.

В итоге автор обнаружил следующее. "Общества прогрессировали в той мере, в какой сами они, их подгруппы и их индивиды могли стабильно давать, получать и, наконец, возмещать" [Там же, с. 221]. Чтобы торговать, потребовалось научиться отводить в сторону копья. Постепенно люди научились защищать свои интересы, не прибегая к оружию. "Это предстоит сделать завтра в нашем так называемом цивилизованном обществе" [Там же, с. 221—222].

К сожалению, люди 20—30-х гг. XX в. не сумели это сделать и всего через два десятилетия пришли к еще более истребительной Второй мировой войне. Сформулированная Моссом задача вновь обострилась на рубеже XX—XXI вв. Еще более актуальной становится ныне проблема разработки и применения целостного, социального подхода к объектам, поиска и исследования таких объектов, которые наблюдаются в разных, в том числе конфликтующих обществах и цивилизациях, в то же время имеют общественно-интегрированный характер.

Другим выдающимся учеником Дюркгейма, который внес значительный вклад в развитие эмпирической социологии между войнами, был **Морис Хальбвакс**. Профессор университетов Страсбурга, Сорбонны, Колледж де Франс; участник Сопротивления, он погиб в Бухенвальде (март 1945 г.).

Эмпирические исследования ученый начал еще перед Первой мировой войной. Его докторская диссертация была во Франции первой, основанной на прямом наблюдении современных фактов, — можно сказать, работой по прикладной социологии. И в Целом для работ Хальбвакса характерно использование количественных данных, соблюдение требований достоверности и полноты. Это прослеживается уже в первой его крупной работе "Рабочий класс и уровни жизни" (1913), которую он впоследствии, проведя повторное исследование, дополнил и переработал, выпустив в 1933 г. под заглавием "Эволюция потребностей трудя-

щихся классов" [19]. Количественные методы он применял и при изучении социальных проблем народонаселения.

Хальбваксу была свойственна также глубокая социально-философская рефлексия, воспринятая еще от общения с Бергсоном и проявлявшаяся в интересе к качественному анализу. Показательна его подытоживающая монография "Социальная морфология" (1938): первая ее часть посвящена социальной морфологии в широком смысле (религиозная, политическая и экономическая морфология), а вторая часть — морфологии в точном смысле, используемом в науке о населении [20].

Таким образом, позиция Хальбвакса флуктуировала между двумя методологическими полюсами: преимущественно натуралистическим и релятивистским пониманием социального. Эта флуктуация прослеживается при сопоставлении ранних и более поздних его работ, опубликованных на русском языке в сборнике под названием "Социальные классы и морфология" [13].

Даже этот небольшой сборник демонстрирует весьма широкий круг исследовательских интересов Хальбвакса: классы, потребности и стили жизни; коллективная психология; социальная морфология; теория и методы социологии, включая статистические. Помимо того, в поле его внимания постоянно находились проблемы экономики, демографии, социальной истории, истории идей.

Многие факты и мысли, содержащиеся в его работах, сохраняют актуальность и в наши дни, а некоторые из них заслуживают нового осмысления. В том числе по проблемам классовой структуры, в особенности по проблеме среднего класса.

Характерно название одной из первых работ Хальбвакса по этой тематике: "Замечания к социологической постановке проблемы классов" (1905). Автор начал с критической оценки односторонних подходов к проблеме в работах немецких экономистов: К. Бюхера, В. Зомбарта, Г. Шмоллера. Далее он позитивно использовал данные пионерного эмпирического исследования лондонского рабочего класса, проведенного Чарльзом Бутом¹, а также данные, содержащиеся в работе Т.Веблена "Теория праздного класса". Суть собственной позиции Хальбвакса состоит в утверждении *социологического подхода* к пониманию класса как многомерной, "конкретной и живой", реальной социальной группы.

¹ Характеристика этого исследования дана в разд. II учебного курса.

В качестве исходного и главного отмечается тот факт, что *класс* как социальная группа с определенной интенсивностью представлен в общественном сознании. Признаками класса, содержащимися в коллективном представлении, служат: профессиональная организация данной группы; размер зарплаты тех, кто относится к низшим группам (наемных рабочих), и величина расходов тех, кто относится к средним и высшим группам; профессиональные и иные способности, стиль жизни ("манера жить"), самочувствие людей, принадлежащих каждой группе. Такое представление есть объективный социальный факт.

Интенсивность этого факта означает сознание степени принуждения, исходящего от класса по отношению к его членам: насколько велика его устойчивость, "чтобы чаще всего удерживать индивида в том классе, в котором он родился, чтобы вживить в него привычки и способ видения его класса" [Там же, с. 45]. Она включает два аспекта: первый — сила ощущения различий между своим и другими классами; второй — степень ясности своей принадлежности к определенному классу. Интенсивность второго аспекта значительно повышается благодаря формированию его собственной организации (например, профессиональной). "Но в тех случаях, когда классы не имеют организации, а расхождение между ними значительно, принуждение исходит не от данной группы, а от соседних: высшей или низшей" [Там же, с. 46].

После Первой мировой войны в статье "Материя и общество" (1920) Хальбвакс развил понимание *рабочего класса* как такой социальной группы, которая отчуждена от остального общества стеной своего материального труда. К тому же каждый рабочий изолирован от своих товарищей, поскольку он целиком погружен в обработку материальных предметов, особенно в условиях тейлоровской системы организации труда. Труд рабочего остается индивидуальным, в нем нет "ни одной грани, которая отразила бы социальную деятельность, то есть ту, в которой общество узнает себя" [Там же, с. 88]. Иными словами, проблема консолидации общества стала еще острее.

Одной из последних работ Хальбвакса по этой проблеме стала статья "Характеристики средних классов", появившаяся накануне Второй мировой войны (1939). На первый взгляд, он ставит формальный вопрос: сколько классов должно быть в обществе для его нормального функционирования? И сразу дает ответ, против-

положный марксизму: "во все времена, при всех состояниях цивилизации существовали не только высший и низший классы, но также один или несколько промежуточных" [Там же, с. 90].

Как же определить этот промежуточный или *средний класс* (или классы)? Хальбвакс приводит определение, принадлежащее его покойному другу, социологу Франсуа Симиану: это люди, имеющие средние доходы и занимающие промежуточное положение между высшим классом и рабочими и служащими. Это верное, но описательное определение, включающее разнородную массу людей, лишенную общего сознания. Сюда входят ремесленники, средние и мелкие комерсанты, средние и низшие категории служащих и чиновников. Хальбвакс ссылается на данные эмпирических исследований среднего класса, проведенных немецкими социологами в начале 1930-х гг.¹

В действительности, как показывает Хальбвакс, их объединяет характер способов труда и его предмета. "Их деятельность — прежде всего *техническая*, предполагающая практическое знание некоторого числа правил, точное, верное их исполнение, но не более того" [Там же, с. 99]. Под техникой понимается ряд предписаний и правил, технических операций, единообразно применяемых ко всем случаям взаимоотношений с теми, кто к ним обращается. Соответственно их клиенты — индивиды и группы — предстают как совокупности идентичных единиц, с которыми можно обращаться как с материальными вещами.

Иными словами, между инертной материей и людьми как личностями существует промежуточная область деятельности, в которой люди, а еще более группы, предстают отчасти в материальной форме. Работающие в этой области, естественно, занимают промежуточное положение между классами буржуазии и рабочих. Он и образуют средний класс. В одних отношениях он близок к буржуазии, в других — к рабочим. Двойственны и его функции. Он замечательно адаптируется к изменениям и выживает в условиях кризисов. Но он не обладает инициативной ролью в эволюции. Это не доминирующий, а доминируемый класс.

Отсюда читатель статьи Хальбвакса сам мог сделать вывод, что и со средним классом трудно связывать какие-либо надежды на консолидацию общества.

¹ Одно из таких исследований представлено в разд. III учебного курса.

Таков реализм социологического подхода к проблеме консолидации французского общества между мировыми войнами.

В числе других деятелей школы Дюркгейма, использовавших подходы и методы эмпирической социологии, были *Жорж Дави* и *Александр Море*, опубликовавшие в 1923 г. книгу "От кланов к империям: социальное устройство у первобытных народов и на Древнем Востоке" [16]. *Селестен Бугле* в 1922 г. издал свои "Социологические лекции об эволюции ценностей" [14]. Проводились эмпирические исследования в смежных с социологией областях. Так, автором ряда образцовых эмпирических исследований социально-экономических проблем был *Франсуа Симиан* [21].

Добавим, что после смерти Дюркгейма активизировались его противники, прежде всего приверженцы Ле Пле. Среди оппозиционеров были *П. Бюро* [15], *М. Декан* [17].

Постоянными оппонентами социологизма были основатели и продолжатели социально-психологической традиции эмпирических исследований. Объектами их наблюдений служили массовые движения и действия. Они использовали преимущественно неформализованные непосредственные наблюдения. Но при этом для них оказалась трудной проблема обоснованных обобщений. У исследователей возникла склонность объяснять факты массового поведения биологическими инстинктами.

Одним из основателей социальной психологии стал *Гюстав Лебон* (1841 — 1931). Объектами его исследований были: Французская революция, социалистическое движение, организация образования, колониальная политика и др. Он пытался обосновать фундаментальную роль эмоций в общественной жизни, в противовес рациональности как менее значимой. Доказывал решающую роль механизмов повторения и заражения, биологических инстинктов в массовом распространении идей. Изучал свойства толпы, предложил типологию толп.

Другим ведущим представителем эмпирической традиции во французской социальной психологии был *Габриель Тард* (1843—1904). Он предложил ряд эмпирических индикаторов и квалифицированных показателей массового поведения, позволяющих верифицировать теоретические обобщения.

Теории социального взаимодействия и культурной диффузии Тарда оказали определенное влияние на Чикагскую социологическую школу, а также на развитие субъективной социологии в России.

Литература

1. Арон Р. Эмиль Дюркгейм // Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
2. Гофман А.Б. Становление французской социологической школы: Э. Дюркгейм // История теоретической социологии / Отв. ред. Ю.Н. Давыдов. Т. 4. М., 1997. Разд. III. Гл. 1. '
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Правила социологического метода: Пер. с фр. М., 1991.
4. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / Пер. с фр. М.: Мысль, 1994.
5. Ковалева М.С. Эмпирические социальные исследования во Франции // История буржуазной социологии XIX — начала XX века. / Отв. ред. И.С. Кон. М., 1979.
6. Култыгин В.П. Институционализация социологической науки Дюркгеймом и его школой // Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000. Разд. 1.
7. Лебон Г. Психология народов и масс: Пер. с фр. СПб., 1896.
8. Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Пер. с фр. М., 1996.
9. Сорокин П. Система социологии. Т. 1. М., 1993.
10. Тард Г. Законы подражания: Пер. с фр. СПб., 1892.
11. Тард Г. Общественное мнение и толпа: Пер. с фр. СПб., 1902.
12. Тард Г. Сравнительная преступность: Пер. с фр. М., 1907.
13. Хальбвакс М. Социальные классы и морфология / Пер. с фр. А.Т. Бибкова, Н.А. Шматко. М.: Алетейя, 2000.
14. Bougie C. Lecons de sociologie sur l' evolution des valeurs. Paris, 1922 (Русск. пер.: Бугле С. Социальная наука. Пг., б.г.
15. Bureou P. La Science de moers: Introduction a la methode sociologique. Paris, 1923.
16. Davy G., Moure A. De clans aux ampires: l'organisation sociale chez les primitifs et dans l'Orient ancien. Paris, 1923.
17. Decan M. La Sociologie experimentale. Paris, 1934.
18. Duvignaud J. La sociologie en France. PENLEVE, 1988.
19. Halbwachs M. L'Evolution des besoins dans les classes ouvrieres. Paris, 1933.
20. Halbwachs M. Morphologie sociale. Paris, 1938.
21. Simiand F. Le Salaire: L'Evolution sociale et la monnaie. Paris, 1932.

КЛАССИЧЕСКИЕ ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

4Л

Институционализация эмпирической социологии

Первое послевоенное десятилетие во Франции определялось потребностями восстановления разрушенного производства, рыночных экономических отношений, демократических социально-политических институтов. В сфере производства восстановление происходило на новой — все более механизированной, затем автоматизированной — технической базе, которая предъявляла иные, чем прежде, требования к квалификации труда рабочего. Содержание и качество труда становилось не столько производственно-техническим, сколько технико-управленческим, социально-экономическим. Возникла совершенно новая социально-трудовая ситуация: сначала на промышленных предприятиях, затем в организациях сфер обслуживания и управления, наконец, в обществе в целом. Новое содержание стала приобретать старая проблема консолидации общества, мучившая Дюркгейма и его последователей. Росла потребность в конкретном изучении новой социальной проблематики специалистами, т.е. социологами.

Обнаружился значительный спрос на эмпирические социологические исследования, началась их институционализация. Университетская социология была дополнена системой научных учреждений, организующих эмпирические исследования. Среди них Центр социологических исследований (с 1946 г.) в Национальном центре научных исследований, Французский институт обще-

ственного мнения (создан в 1938 г., но развернул работу после 1945 г.), Национальный институт демографических исследований (с 1945 г.); Институт социальных наук о труде (с 1952 г.); Отделение социологии (с 1961 г.) в Секции экономических и социальных наук Высшей школы практических исследований, Центр социальной документации. Восстановлено издание "Социологических анналов".

Всего во Франции в 1918—1954 гг. было опубликовано около 800 книг и статей, относящихся к социологии. Объем этой продукции возрастал ускоряющимся темпом, за исключением периода войны и оккупации. В 1930—1939 гг. он удвоился по сравнению с 1918—1929 гг. В 1945—1954 гг. темп вырос почти в 4 раза по сравнению с предвоенным десятилетием. Если за 10 лет после Первой мировой войны эмпирические работы составили лишь четверть социологических публикаций, то уже три четверти всех социологических работ, опубликованных за 10 лет после Второй мировой войны, основывались на фактах, документах, статистических данных [3, с. 708].

В организации эмпирических исследований преобладал способ работы социологической командой, которая осуществляла исследования по определенному плану или заказу. Большинство исследований основывались на наблюдениях (в широком смысле этого термина) и количественном анализе социальных явлений и процессов. Сказывалось влияние традиций Дюркгейма, Кетле, Ле Пле. В первые годы наблюдался рост влияния американской социологии, которое затем ослабло.

С учетом накапливавшегося опыта была проведена систематизация методов эмпирических исследований, способствовав появлению учебников нового поколения. Особенно интересен учебник Мориса Дюверже "Методы социальных наук", выдержавший три издания (1959, 1961, 1964) [6]. Введение к нему содержит анализ возникновения и эволюции социальных наук. Первая часть посвящена детальному описанию техник наблюдения, которое понимается широко. Его техники включают: анализ документов, в том числе статистики; прямое экстенсивное наблюдение с помощью опросов; прямое интенсивное наблюдение с помощью интервью, тестов, включения исследователя в наблюдаемую ситуацию. Во второй части излагаются элементы систематического анализа: а) концептуальная рамка исследования, гипотезы; эксперимент;

сравнительный метод; б) техники математического и графического анализа. К сожалению, этот учебник не переведен на русский язык. Более известен у нас учебник Р.Пэнто и М.Гравитца под аналогичным названием (1967) [2].

Началась разработка методов математического анализа в социальных науках [4]. Постепенно изменилась и тематика исследований. В предвоенный период преобладали исследования по общей социологии и социологии морали, а также работы на стыках с другими науками: социология права, социология экономики, социологические аспекты этнографии, народонаселения. После войны в центр выцвинулись собственно социологические области эмпирических исследований: социология труда, промышленная социология, социология города, социальная организация и управление, психология массового поведения, политическая социология. При этом сохранялась традиция социально-философских, гуманистических исследований крупных проблем общественного развития [3, 7].

Учитывая краткость курса и малую доступность студентам необходимой литературы, сосредоточим внимание лишь на трех эмпирических исследованиях. Они наиболее характерны для французской эмпирической социологии того времени. Более того, они относятся к исследованиям, составившим зрелую теоретико-методологическую классику эмпирической социологии Западной Европы первых послевоенных десятилетий. Результаты этих исследований, в виде пространных фрагментов, впервые переведены на русский язык и представлены в хрестоматии, дополняющей данный курс. Вначале дадим краткую их характеристику как некоторой совокупности исследований.

В 1948—1949 гг. Ален Турен возглавил первое французское исследование в области индустриальной социологии. Оно было проведено на крупнейшем промышленном комплексе страны — государственных заводах Рено, в условиях послевоенной реконструкции автомобильной промышленности [12].

Десятилетие спустя, во второй половине 1950-х гг., под руководством Пьера Навиля впервые во Франции и в Европе было осуществлено исследование социальных последствий автоматизации. Объектами стали восемь предприятий двух отраслей — машиностроительной и текстильной промышленности [11].

На рубеже 1950—1960-х гг. Мишель Крозье провел пионерное исследование бюрократических тенденций коммерческих и админи-

стративных организаций, их отношений с социокультурной системой во Франции. Авторская позиция состояла в том, что бюрократия — вовсе не прообраз будущего, а несет в себе парализующее наследие прошлого [5].

Последовательное рассмотрение этих исследований позволяет проследить некоторую логику эволюции эмпирической социологии во Франции и самого французского общества в первые послевоенные десятилетия. При всем их своеобразии, каждое из этих исследований опиралось на фундаментальные теоретические предпосылки и одновременно было ориентировано на соотнесение с эмпирической реальностью с помощью социологических методов и процедур, которые позволили получить надежные эмпирические данные относительно изучаемых объектов и их проблем. Эти данные были теоретически осмыслены и адресованы обществу. А само общество, включая его элиты, оказалось в состоянии воспринять результаты, полученные социологами, и учесть их в своей трансформации как рациональные ориентиры.

4.2

Ален Турен: первое французское исследование в области индустриальной социологии

Ален Турен (р. 1925)—руководитель исследования "Эволюция труда рабочих на заводах Рено " (1948—1949 гг.); впоследствии критик классической социологии, один из лидеров современного акционизма, автор метода "социологической интервенции ".

В 1948 г. Центр социологических исследований (руководитель профессор Жорж Фридман) инициировал широкий проект по изучению воздействий технологических изменений на природу и состав профессиональных групп и их функций в некоторых отраслях промышленности, характерных для Франции. Это был амбициозный проект. Один из его фрагментов составило эмпирическое исследование, проведенное с июля 1948 г. по май 1949 г. на автомобильных заводах Рено, принадлежащих государству. Руководил исследованием Ален Турен — тогда молодой социолог, а ныне широко известный автор теоретических трудов активистской ори-

ентации. Результаты исследования отражены в монографии Турена "Эволюция труда рабочих на заводах Рено" с предисловием Фридмана, опубликованной в 1955 г. [12].

Автор четко ограничил *предмет исследования*: трансформация качества профессионального труда рабочих и места этого труда в социальной организации предприятия, т.е. ситуация вокруг человека, а не установки самого человека на труд. "Ни господину Фридману, ни нам самим не представлялось возможным изучать установки на труд, исходя из рассмотрения исключительно профессиональных аспектов, не присоединяясь к опасным гипотезам" [Ibid, p. 9]¹. Более того, автор дистанцируется от решения многих задач, принятых в индустриальной социологии: изучения групп, трудовых отношений, роли работников в этих группах и в организации завода как социальной системы. Он делает это только для того, чтобы "попытаться понять работника, исходя из его труда" [Ibid, p. 15]. Тем не менее он считает, что остается в рамках фундаментальной традиции этой дисциплины, и дает следующее название первому параграфу введения: "Первое французское исследование в области индустриальной социологии".

Проблема исследования поставлена так: проследить влияние технических трансформаций на профессиональную структуру рабочей силы. Технические факты принимаются как референтная рамка, с которой соотносятся переменные исследования. Ответ на поставленную проблему нельзя вывести дедуктивно, априори. Более того, нет "никакой гипотезы по поводу изначальной важности профессионального аспекта труда", предполагается лишь наличие здравого смысла [Ibid, p. 10]. По-видимому, все же имелось неявное предположение о нескольких фазах эволюции профессиональных качеств труда, происходившей под влиянием крупных технических изменений (трансформаций) в последние полтора столетия. Оно и повлияло на выбор необычного объекта исследования.

Объектом эмпирического исследования были выбраны заводы Рено — крупнейшее промышленное предприятие страны. Автор подчеркивает, что это "чудовищное" по многим параметрам предприятие ни в коем случае не является репрезентативным по отношению ко всей французской промышленности, в том числе автомобильной. Но позволяет сопоставлять его с аналогичными пред-

¹ Здесь и далее цитируется в переводе И.К. Масалкова.

приятными за рубежом. Исключительную ценность заводов Рено как объекта исследования автор усматривает в том, что здесь самые современные методы производства сохраняют многочисленные следы методов и принципов организации из далекого прошлого. К этому добавляется нагромождение различных производств по изготовлению различных видов продукции, необходимой для установки на автомобилях. Иными словами, этот объект хорошо соответствовал неявному исходному предположению.

Методика и техники получения эмпирических данных эксплицированы в общем плане. Отмечено, что исследование не могло быть проведено на основании профессиональной статистики, потому что архивы завода были частично разрушены при бомбардировках во время войны, а первые самые общие цифры занятости были опубликованы лишь в 1949 г. Классификации рабочих по профессиональным категориям, установленным законом, лишь частично соответствуют реальности. Поэтому "ничто не могло заметить прямого наблюдения (*observation directe*)" [Ibid, p. 15].

Вспомним, что в учебнике Дюверже прямое наблюдение интерпретируется широко, а его осуществление включает основные социологические методы: от анализа документов и анкетных опросов до интервью и включенного наблюдения. Ясно, что в исследовании на заводах Рено изучались документы, проводились беседы с рабочими и другим персоналом, но многое воспринималось исследователем прямым наблюдением, в узком смысле этого слова.

Бросался в глаза контраст двух способов металлообработки в различных цехах: в одном цехе — допотопные станки, загроможденные складированными деталями, и поточные линии, где впере­мешку обрабатываются детали для нескольких моделей; в другом — специализация на единственной модели, где технологический процесс отлажен, как часы, а складские запасы почти отсутствуют. Этот контраст выражает различие между довоенной и послевоенной экономической организацией.

Не сразу, а в процессе наблюдений многочисленных фактов и их осмысления Турен пришел к *схеме из трех фаз профессиональной эволюции* [Ibid, p. 174]. Эта схема вводит в одну из главных проблем индустриальной социологии — проблему структуры труда в промышленности. Под структурой труда понимается взаимоотношение различных аспектов: технических, профессиональных, психологических, физиологических, экономических, социальных.

Особое значение имеет отношение между технико-профессиональными и экономико-социальными аспектами промышленного труда. Создается впечатление, писал Турен, что технические условия цивилизации следует принимать, по выражению М. Мосса, как целостные, "цивилизационные факты". Быстрое развитие технической базы все больше ставит человека в абсолютно новую жизненную и в особенности трудовую среду.

На **фазе А** доминирующей фигурой в трудовом процессе является мастер своего дела; он обладает профессиональными навыками и личными секретами ремесла, что позволяет ему занимать относительно автономную социальную позицию. На **фазе В** преобладает неквалифицированный труд (например, на поточной линии), в котором отсутствуют индивидуальные качества работника; это его отчуждение становится его социальной реальностью. На **фазе С** производственный труд целиком выполняют машины (автоматизация производства), рабочий наблюдает, контролирует их работу; эта его социальная реальность и становится для него профессиональной квалификацией. *"Новая трудовая система, являясь технической, в то же время полностью социальна"* [Ibid, p. 177; курсив Турена].

Сущностная трансформация одной системы (фазы А) в другую (фазу С) происходит "не непрерывно и не линейно, а скорее, в и через противоречия" [Ibid, p. 174]. Центром этого противоречивого перехода служит фаза В. Если рассматривать ее изолированно, как самодовлеющую, то приходится делать пессимистичные, даже катастрофичные ее оценки. Однако это неоправданно. В действительности фаза В является переходной от фазы А к фазе С. Следовательно, остается место для оптимизма.

Заводы Рено дают картину сосуществования предприятий, принадлежащих различным фазам, их наложения друг на друга. Электростанции принадлежат фазе С. Цеха металлообработки оказались в ситуации перехода от фазы В к фазе С. Большое число цехов относится к фазе В, а некоторые — к фазе А.

Такую типологию в какой-то степени можно применить к отраслям промышленности. Автомобильная промышленность относится главным образом к фазе В. Производство электроэнергии — к фазе С. Добыча угля — к фазе А.

Но эта типология неприменима к стране в целом. Нельзя сказать, что французская экономика 1815—1880 гг. принадлежала фазе А, 1880-1930 гг. - фазе В, а после 1930 г. - фазе С.

Эту схему Турен рассматривал как *вывод из фактов* частного исследования и одновременно как *общую гипотезу*, которая требует проверки в более широких исследованиях. И вообще, заключал он, "представляется желательным, чтобы *каждое исследование частного порядка формулировало общие гипотезы, относящиеся не только к направлениям и фазам профессиональной эволюции, но также и к связям техники и социального, месту и значимости механизации [machinisme] в индустриальных обществах*. В противном случае эти исследования рискуют стать монографиями, не вносящими никакого вклада в изучение центральных проблем индустриальной социологии" [Ibid, p. 173; курсив Турена].

Если полученная гипотеза окажется верной, то из нее вытекают несколько следствий:

1) рушатся технократические иллюзии, производительность труда все больше будет зависеть от социальных факторов ("климата" на предприятиях, отношения рабочих к труду);

2) повышается роль новых принципов профессионального образования, ориентированного на получение рабочими общих знаний, которые позволяют адаптироваться к разнообразным работам и которые должны дополняться социальной подготовкой рабочих;

3) предприятие должно рассматриваться как социальная система, включающая формальную и неформальную организации;

4) открываются новые перспективы перед рабочим движением;

5) в целом не оправданы пессимистичные концепции.

Все эти выводы, напоминая Турен, применимы в строгом смысле только к наиболее развитым формам, близким к автоматизации. В этой перспективе по-новому ставится и проблема досуга: уже не как поиск компенсации, а как интегрирующая часть социальной системы, наряду с трудом.

Таким был первый, гипотетический ответ послевоенной эмпирической социологии на старую проблему, мучившую Дюркгейма и его последователей: как можно преодолеть затянувшийся кризис французского общества, переходящего от механической солидарности к органической. Этот ответ теперь связал надежды с автоматизацией производства, которая создает новую систему труда и новую социальную реальность, включающую рабочего в социальную организацию предприятия.

Ответ-гипотеза нуждался в проверке.

4.3

Пьер Навиль: первое исследование социальных последствий автоматизации

Пьер Навиль — руководитель исследования "Автоматизация и труд человека" (1957—1959); научный директор Центра национальных научных исследований (CNRS).

Развитие производственного потенциала стран Западной Европы уже в 1950-х гг. все в большей степени обеспечивалось автоматизацией трудовых процессов. Она сопровождалась тревожными социальными последствиями, прежде всего вытеснением значительной части рабочих с производства, ростом безработицы. Необходимо было объективно изучить возникшие проблемы, оценить их масштабы, предложить пути решения.

Во второй половине 1950-х гг. по инициативе Высшего совета научных исследований впервые во Франции и в Европе было проведено исследование социальных последствий автоматизации. Руководил исследованием Пьер Навиль, научный директор Центра национальных научных исследований (CNRS). Помимо руководителя в исследовательскую команду входили: Кристиан Бар-рье, Кэтрин Кроде, Вильям Гроссен, Доминик Лахалль, Хелен Леготьен, Бертран Муаси, Жак Пальерн, Габриель Вакерман. Результаты исследования опубликованы в 1961 г. под названием "Автоматизация и труд человека" [11].

Предмет исследования был определен кратко: "социальные аспекты автоматизации". Поскольку к тому времени предмет был мало изучен, на первый план была выдвинута *задача*: "описать конкретные условия развития автоматизации в ее современной форме, отмечая по ходу дела возникающие проблемы, принимаемые решения и просматриваемые перспективы эволюции. Поэтому значительная часть этого исследования посвящена материальной стороне процесса производства, собственно технологическому оборудованию" [Ibid, p. 16]¹. Конечно, социологи выявляли также мнения, оценки участников процесса автоматизации: Директоров предприятий, инженеров, рабочих.

¹ Здесь и далее цитируется в переводе И.К. Масалкова.

На основе тщательной операционализации понятий ("автоматизация", "информация", "производство" и др.) и построения совокупности гипотез была разработана методика получения эмпирических данных. Использовались *два метода*: анкетный опрос по почте и монографическое исследование, включающее детальное описание оборудования и средств автоматизации. С помощью почтового опроса, адресованного директорам предприятий, обследовались две группы отраслей промышленности — тяжелая (металлургия, машиностроение, электротехника) и текстильная (шерстяная и хлопчатобумажная). В хрестоматии приведен образец анкеты. Специальным пунктом в анкете отмечалось: "Проводимое исследование является чисто научным. Все полученные данные остаются конфиденциальными. Участвующие в нем предприятия останутся анонимными". Монографическим методом были получены детальные описания автоматизации на восьми предприятиях различных отраслей — не всегда на тех, где это было бы наиболее плодотворно, но там, где оказалось возможно.

Авторы поясняли, что каждый из использовавшихся методов имел свои плюсы и минусы, но их сочетание позволяло извлечь особую выгоду: в одном случае анкетные данные, полученные на нескольких десятках или сотнях предприятий, являются статистически значимыми, а в другом — монографическое изучение на месте условий труда позволяет выделить многочисленные аспекты автоматизации, которые не мог бы выявить никакой массовый анкетный опрос.

На основе предварительных исследований, прямых наблюдений и изучения результатов других исследователей были выдвинуты несколько общих гипотез относительно автоматизации. Это были преимущественно *гипотезы о существовании* тех или иных связей, качеств изучаемого предмета. Например [Ibid, p. 19]:

"Между формами труда и формами технологического оборудования существуют взаимоотношения, которые можно фиксировать".

"Операционные циклы и циклы труда в интегрированных автоматизированных системах следует рассматривать как некоторые последовательности, а отдельные операции по обработке и сами индивидуальные рабочие места имеют тенденцию отодвигаться на второй план".

"Все автоматические системы производства, сколько бы ни различались они своими особенностями, включают в себе некоторые общие принципы управления ими и вследствие этого придают единую направленность изменениям, коррелирующим с трудом".

По результатам исследования авторы сделали ряд выводов относительно темпов автоматизации в промышленности Франции, ее неравномерности в разных отраслях, сосуществования на одном предприятии автоматизированных участков с рутинным производством и т.д. Из собственно социальных аспектов они отметили, что воздействие автоматизации на численность персонала связано прежде всего с местом предприятия на рынке. Выявлена высокая мобильность персонала внутри предприятия, развитие взаимозаменяемости операторов. Происходят трансформации в структуре рабочей силы, которые, впрочем, не влекут радикальных изменений в способностях рабочего и в оплате его труда. Исследователи уделили внимание необходимости изменения социального законодательства, регулирующего количество суточных смен, профессиональной занятости женщин и другим аспектам труда. Не поспешили авторы и на практические "подсказки".

А в целом, как это нередко бывает в эмпирических исследованиях, авторы пришли к логичному выводу о необходимости разработать программу более широкого и комплексного исследования проблем автоматизации и ее социальных последствий.

Исследование, проведенное под руководством Пьера Навиля, было пионерным для Европы. Подход и многие блоки методики так или иначе воспроизводились в других исследованиях. Как известно, в 1960-е—1970-е гг. такие исследования были проведены в ряде европейских стран, в том числе в европейской части советской России. Самым крупным стало международное исследование "Автоматизация и промышленные рабочие", проведенное в первой половине 1970-х гг. по инициативе Европейского центра координации исследований в области общественных наук. Активное участие в нем приняли социологи Института международного рабочего движения и Института социологических исследований АН СССР.

44

Мишель Крозье: эмпирико-теоретическое исследование бюрократизма

Мишель Крозье (р. 1922) — исследователь проблем бюрократизации современных организаций, критик "блокированного общества".

На рубеже 1950-х—1960-х гг. Мишель Крозье провел эмпирико-теоретическое исследование проблем современной бюрократии с позиций теории организаций в контексте культуры Франции. Результаты он опубликовал в книге "La Phenomene bureaucratiuqe" (1963 г.), название которой обычно переводится на русский язык как "Феномен бюрократии", но мы предпочли иной вариант: "Бюрократический феномен". Он более точно выражает позицию французского социолога, фиксированную уже в подзаголовке книги: "Исследование бюрократических тенденций современных систем организации и их отношений с социальной и культурной системой во Франции".

В предисловии к новому изданию этой книги (1971 г.) Крозье поясняет, что видел свою задачу в том, чтобы описать особенности и пороки бюрократии, понять их механизмы и предложить обобщенную теорию. За отправную точку взяты монографические исследования (кейс-стади) двух организаций: государственной (Парижское финансовое агентство) и частной (коммерческая "Монополия"). Исследование проводилось с помощью наблюдений, интервью и анкетного опроса. Из эмпирического исследования автор извлек обобщающую теорию.

Исходная авторская позиция состоит в том, что "бюрократия в том смысле, как ее понимают широкие массы (это характерная для организации атмосфера рутины, жесткости, принуждения и безответственности, в отношении которых больше всего жалоб), вовсе не является прообразом будущего, но несет в себе парализующее наследие прошлого" [5, р. 9]¹. Люди в организации ведут между собой пересекающиеся игры в сотрудничество, которые нередко оказываются конфликтными. Поэтому организация не может функционировать как машина.

Но, повторяем, *обобщениям предшествовали факты*, полученные в монографических исследованиях двух организаций. Первая из них — Парижское финансовое агенство (в дальнейшем Аген-ство). Сначала Крозье приводит общие данные об организации и индивидуальной адаптации ее членов к их задачам. Затем он анализирует межличные и межгрупповые отношения и проблемы организационной рутины, в том числе — социальное участие служащих и их интеграцию в организацию.

¹ Здесь и далее цитируется в переводе И.К. Масалкова.

Анализ результатов интервью приводит его к выводу о наличии четко выраженной *негативной солидарности* персонала. Наемных служащих Агентства, а это преимущественно женщины, объединяет то, что они не идентифицируют себя с какой-либо госслужбой, не испытывают никакого интереса к целям и функционированию организации, к которой они принадлежат, и чувствуют себя совершенно заброшенными. Это — негативная их солидарность.

Она оборачивается негативным отношением персонала к руководству Агентства. Вот типичное высказывание, фиксированное интервьюером: *"Это люди, отделенные от нас письменными столами"*. А о статусе-престиже самого Агентства высказываются так: *"В сравнении с прочими службами Министерства — это штрафной батальон, исправительная колония для тех, кто сделал что-то не mfl/c"* [Ibid, p. 42; курсив Крозье].

Эта негативная солидарность служащих Агентства распространяется и на профсоюзы: *"Они слишком много занимают своими делами, а нам уделяют недостаточное внимание"* [Ibid]. К этому добавляется, как сказали бы сейчас, тендерный аспект: *"Нас защищают мужчины, которые не понимают наши проблемы (как женщин) со всей точностью и не всегда входят в наше положение"* [Ibid, p. 43; курсив Крозье].

Однажды по инициативе профсоюза Министерства произошла забастовка его служащих, в которой приняли активное участие и служащие Агентства. Руководители Агентства склонны рассматривать ее как дело профсоюзов, а забастовщики-де были горячими головами, обманутыми профсоюзными вдохновителями. Профсоюзы остались удовлетворены результатами стачки. А сами служащие были крайне разочарованы. В итоге, пишет Крозье, это большое событие в жизни Агентства не принесло никаких конструктивных сдвигов.

С точки зрения *отношений власти* Агентство представляется Крозье "слабодифференцированной массой, практически безразличной к делам своей организации, совершенно не отождествляющей себя с ее целями и задачами и не проявляющей никакой солидарности", если не считать отрицательных чувств по отношению к администрации [Ibid, p. 46].

По мнению служащих, их *непосредственные начальники* защищают их в той мере, в какой это касается их самих: "иначе они скорее стали бы нас давить". Вывод Крозье: "Создается впечатле-

ние, что служащие чувствуют себя нормально рядом с низшим руководящим составом, перехлесты и изъяны которого они охотно критикуют, но при этом они не вызывают у них ни уважения, ни ужаса" [Ibid, p. 48].

В противовес этому отношения к *высшему руководящему составу* несут значительную эмоциональную нагрузку. 44% сотрудников отказались отвечать на вопрос, что они думают о своих высших руководителях. А 28% ответивших оживленно комментировали этот вопрос:

"Они слишком жестоки"; "Я его увидела однажды, чтобы взять отпуск по болезни: он мне внушает страх, он меня парализует" [Ibid, p. 49].

Вторым объектом монографического исследования, или вторым кейс-стади, Крозье выбрал частную промышленную "Монополию". В ее социальной организации тоже есть бюрократическая структура. Для Крозье наибольший интерес представляли отношения внутри группы управления, в особенности — конфликт в системе бюрократической организации. Исток такого конфликта он усматривает в борьбе за *власть*.

В этом пункте Крозье переходит к более широким обобщениям. По его оценке, "нет организации, которая не имела бы проблем власти и где не возникали бы конфликты" [Ibid, p. 169]. Но, к счастью, они ограничены социальным контролем. А главное: между возможными соперниками существует баланс власти и вовлеченность в ситуацию, при которой становится необходимым предпочтение компромисса конфликту.

В заключении Крозье подытоживает свое понимание феномена бюрократии и французской модели общей эволюции индустриального общества. Показателен его анализ сопротивления общественной администрации переменам.

Оригинальный вклад французской системы бюрократии состоит в предоставлении всем, даже самым скромным ее членам, возможности широко и равноправно разделять стиль жизни, предполагающий значительную личную независимость, равнодушие к обстоятельствам, большую свободу и интеллектуальную трезвость. Человек в организации, заключает Крозье, находится в поиске новой культуры, которая была бы открытой одновременно для всех. Однако французское общество, преуспевшее в выработке такой культуры в доиндустриальную эпоху и в начале индустриа-

лизации, дольше, чем его соседи, остается привязанным к тому типу бюрократического и буржуазного равновесия, который позволил ему этого достичь, т.е. к уходящему его типу.

Но можно надеяться, заключал Крозье в 1963 г., что перед лицом новых вызовов, требующих изменений, французское общество будет содействовать "оригинальному способу развития нового гуманизма, приспособленного к новым формам организации, новым моделям действия и новому пониманию рациональности" [Ibid, p. 369].

В предисловии к переизданию "Бюрократического феномена" в 1971 г., после поражения радикального движения 1968 г., Крозье с горечью писал, что в 1970-х гг. его выводы "найдут, скорее, оптимистичными... Причина тому понятна: все институты угнетающи и ненавистны... А мои выводы кажутся теперь ужасно простыми, почти наивными" [Ibid, p. 5—6].

Примем во внимание, что незадолго до этого Крозье опубликовал новую книгу — "Блокированное общество" (1970), в которой сделал вывод, что хотя французское общество непрерывно говорит об изменении, на самом деле оно противостоит реальным изменениям и представляет собой блокированное общество [1].

Эмпирические наблюдения и обобщающие выводы Крозье сохраняют актуальность для вдумчивого исследователя процессов, совершающихся в прежних и новых организациях в России.

Литература

1. Гофман А. Б. Основные тенденции французской социологии второй трети XX в. // История теоретической социологии / Отв. ред. Ю.Н. Давыдов. Т. 3. М., 1998.
2. Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук: Пер. с фр. М., 1972.
3. Стетцель Ж. Социология во Франции: мнение эмпирика // Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / Г. Беккер, А. Босков (сост.-ред.): Пер. с англ. М, 1961.
4. Boudon R. L'analyse mathematique des sciences sociales. Concepts et indices / Par P. La_{zars}f_c]d. Paris, 1965.
5. Crozier M. Le Phenomene bureaucratique: Essai sur les tendances bureaucratiques des systemes d'organization modernes et sur leurs relations en France avec le systeme social et culturel. 2 ed. Paris, 1971.

6. Duverger M. Methodes des sciences sociales. 3 ed. Paris, 1964.
7. Duvingnaud J. La sociologie en France. PENLEVE, 1988.
8. Friedmann G. Problemes humaines du machinisme. Paris, 1947.
9. Gurvitch G. Industrialisation et technocratic Paris, 1949.
10. Gurvitch G. Determinisme social et la liberie humaine. Paris, 1955.
11. Naville P. L'automation et le travail humain. Rapport d'Enquete (France 1957—1959): Travaux du Centre d'Etudes Sociologiques. Paris, Centre National de la Recherche Scientifique, 1961.
12. Touraine A. L'evolution du travail ouvrier aux usines Renault. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1955.

Раздел II

ЭМПИРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В АНГЛИИ

В XVII—XIX вв. Англия была лидером становления капитализма. Именно здесь впервые развернулись эмпирические социальные исследования раннего буржуазного общества, что было задолго до появления самого слова "социология".

Эти исследования стимулировались насущными практическими нуждами, необходимостью получения информации для обоснования социальных реформ в ответ на быстрый рост городского населения, поляризацию бедности и богатства, пауперизацию, увеличение преступности и общее нарастание классовых противоречий. Буржуазное общество все более тревожил "бедняк" как потенциальная угроза его устоям. Возник социальный заказ на эмпирическое изучение условий жизни, благосостояния, особенностей поведения трудящихся и неимущих. Государство и страховые компании становились первыми заказчиками получения и анализа статистических данных в XVIII в.

Это была эмпирическая предсоциология. Первым значимым ее проявлением стала так называемая "политическая арифметика".

5

"ПОЛИТИЧЕСКАЯ АРИФМЕТИКА" И СОЦИАЛЬНО-СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДО СЕРЕДИНЫ XIX В.

5Л "Политическая арифметика"

Джон Граунт (1620—1674)— зачинатель "политической арифметики", автор первых количественных описаний социально-демографических фактов, элементарных математических способов их обработки. Вильям Петти (1623—1687) — экономист, губернатор Ирландии, положил начало социально-экономической статистике, стал одним из пионеров эмпирических социальных исследований, дал имя направлению "политическая арифметика".

Начало современного эмпирического обществоведения связывается с выходом в Лондоне книги *Джона Граунта* "Естественные и политические наблюдения, сделанные по бюллетеням смертности" (1662). Эта книга задала образец определения темы, процедур, методов обработки данных, общего понимания предмета и его гражданской направленности. Дата появления этой книги считается официальной датой рождения "политической арифметики", хотя это название она получила позже [2, с. 181].

Граунт ставил своей целью обнаружить в наличных социальных фактах порядок, последовательность, позволяющие предвидеть еще не произошедшие события и "не надеяться на то, что невозможно". Он изучил еженедельные бюллетени смертности жителей Лондона за 33 года по таким параметрам: причины смертности, тип поселения (деревня и город), пол, возраст. Он критически относился к исходным данным, проверял свои выводы несколькими способами и получил подтвержденную впоследствии цифру населения Лондона: 384 тыс. человек.

Граунту принадлежат открытия ряда регулярностей в кажущихся случайными событиях движения населения. Им были установлены: норма детской смертности; соотношение рождений по полу; вероятность дожития до определенного возраста и умирания в определенном возрасте. Он ввел в научный оборот саму задачу отыскания естественного порядка в массовых социальных явлениях. Наконец, он внедрил в социальное познание количественные (цифровые и табличные) описания фактов и их соотношений, простейшую математическую обработку данных и косвенные исчисления показателей, по которым отсутствуют непосредственно наблюдаемые и фиксированные данные [5, p. 15].

Будучи талантливым во многих областях деятельности, **Вильям Петти** интересен для предыстории эмпирической социологии прежде всего тем, что положил начало экономической статистике. В большинстве случаев он сам добывал данные, непосредственно наблюдая и записывая их. Недостатки измерительных возможностей он попытался восполнить введением "социальной средней": средняя сумма доходов, издержек и т.п. Полагая, что могущество страны определяется темпами приращения капитала, Петти отводил особую роль работоспособному населению, его профессиональным качествам.

Основная работа Петти — "Политическая арифметика". Она была написана в 1671 — 1676 гг., скрытно опубликована в 1683 г. как "Руководство о промышленности Англии", а под именем автора — лишь посмертно, в 1690 г. [6, p. 216]. Книга имеет, как это было принято в то время, пространный подзаголовок, нечто вроде современного резюме: "Рассуждения относительно размеров и стоимости земли, людей, строений..."

Этот подзаголовок поясняет, во-первых, совокупность *объектов* "политической арифметики", расшифровывает содержание термина "политический"; характерен сам порядок перечисления этих объектов: на первом месте, как самое значимое, называется земля, далее — люди, затем — строения и т.д. Во-вторых, подзаголовок уточняет *предмет* рассуждений: это прежде всего размеры и стоимость, т.е. количественные характеристики земли, людей и т.д.

Такое понимание предмета требовало соответствующего метода. В предисловии к книге Петти ясно излагает суть своего *метода*: "Способ, каким я взялся сделать это, однако, не обычный, ибо, вместо того, чтобы употреблять слова только в сравнительной или

превосходной степени и прибегать к умозрительным аргументам, я вступил на путь выражения своих мнений на языке чисел, весов и мер (я уже давно стремился пойти по этому пути, чтобы показать пример политической арифметики), употребляя только аргументы, идущие от чувственного опыта, и, рассматривая только причины, имеющие видимые основания в природе" [3, с. 156]. Таким образом, политическая арифметика — это способ выражения мнений о фактах общественной жизни "на языке чисел, весов и мер"¹. Как впоследствии "социальная физика" стала для Кетле способом понимания общества через "физические" характеристики среднего человека.

С помощью этого метода Петти был намерен доказать, что интересы и дела Англии отнюдь не находятся в столь плачевном состоянии, как это твердили многие его современники. С первых же строк книги автор демонстрирует позитивную социальную направленность своего подхода. В противовес настроениям пессимизма, ослабляющим поиск средств спасения, он стремится "в качестве члена общества установить, в чем действительно заключается общая выгода". И прежде всего подвергает критике такие распространенные убеждения, которые слишком сильно влияют на умы людей во вред всем: что "все королевство становится с каждым днем все бедней и бедней; что раньше золото имелось в изобилии, в настоящее же время наблюдается большой недостаток как золота, так и серебра; что нет никаких промыслов и занятий для народа, и все же страна недостаточно населена; что налоги были многочисленны и велики... Делается еще, кроме того, множество других зловещих намеков, которые я предпочитаю не повторять" [Там же, с. 154—155].

На основе количественного анализа фактов Петти, не отрицая существующих социально-экономических проблем, предлагает конструктивные способы их решения. Вместо пафосной заботы о бедных и суровых мер для преступников он считает более эффективным создавать новые рабочие места. Вместо сожалений по поводу убытков от эпидемий — вкладывать средства в санитарные мероприятия, в строительство больниц и родильных домов.

¹ Вспомним, что автор первой книги под названием "Арифметика" (Диофант, III в. н.э.) излагал в ней именно науку о числах и уравнениях.

Попутно Петти первым заметил, что с ростом доходов семей уменьшается доля расходов на питание. Составил проект создания государственной службы по сбору и хранению количественных данных о жизни страны и ее населения.

"Политическая арифметика" развивалась и после смерти Петти. Так, великий астроном и математик Эдмунд Галлей (1656—1742), проанализировав таблицы рождений и погребений в г. Брес-лавле, вывел в 1693 г. полную таблицу смертности, по которой возможно устанавливать продолжительность предстоящей жизни для каждой возрастной группы. Грегори Кинг (1642—1712) в книге "Естественные и политические наблюдения и выводы о положении и условиях Англии" (1696), используя метод экстраполяции, дал оценку численности и структуры населения Англии и Уэльса, более чем на столетие опередив перепись населения страны. Влияние "политической арифметики" распространилось в конце XVII — XVIII вв. за пределы Англии. Х. Гюйгенс в Голландии, А. Депарсье во Франции и др. подхватили аriadнину нить количественных методов изучения общественной жизни. Эта нить привела в первой половине XIX в. к социальной статистике: через И. Зюсмилху в Германии и, наконец, к А. Кетле в Бельгии.

И все же сама по себе "политическая арифметика" не достигла обещанной точности. В объяснении экономических фактов ее вскоре опередила экономическая наука. Особенно после труда Адама Смита "Богатство народов" (1776), где классик политической экономии заявил, что не видит смысла в термине "политическая арифметика".

Однако стимулированные ею эмпирические социальные исследования не прекратились. Они были поддержаны возникавшей статистикой и расширились в первой половине XIX в.

5.2

Социально-статистические исследования в первой половине XIX в.

В 90-х гг. XVIII в. Джон Синклер с помощью священников из 880 приходов провел исследование сельского населения. Результаты были опубликованы в виде "Статистического описания Шот-

--

5. *"Политическая арифметика" и социально-статистические исследования до середины XIX в.*

ландии" (1791 — 1799), занявшего 21 том [9]. Они существенно повлияли на подготовку и проведение общенациональной переписи населения.

В конце столетия появилось нашумевшее "Первое исследование о населении" Мальтуса (1798).

В 1801 г. состоялась первая перепись населения Англии. Ее результаты стали базой данных о численности населения страны, его занятости и жилищных условиях. Стало нарастать своего рода статистическое движение. Возникают местные статистические общества, которые развертывают эмпирические исследования (в Манчестере, Лондоне, Эдинбурге и других городах). В 1833 г., при участии Кетле, была создана Секция статистики в Британской ассоциации содействия науке.

К 1832 г. было повторено исследование Синклера, опубликовано "Новое статистическое описание Шотландии". В 1834 г. исследование в Манчестере охватило свыше четырех тысяч семей работающих мужчин, но не было опубликовано. По его следам в Эдинбурге было проведено обследование, охватившее более широкий ареал. В 1834—1841 гг. была осуществлена серия обследований в различных местностях. Большую активность проявило Лондонское статистическое общество; с 1838 г. стал издаваться *Journal of the Statistical Society of London*. Одновременно развернулись исследования криминальной обстановки в стране [6, р. 18—28].

При анализе полученных данных применялись таблицы, в которых с определенными временными интервалами связывались экономические и социальные индикаторы как показатели национального прогресса. Однако теоретических обобщений было мало [2, с. 120-121].

Добавим, что в 1842—1844 гг. молодой Ф. Энгельс, находясь в Англии, путем личных наблюдений жизни рабочих в Манчестере и используя опубликованные данные, осуществил теоретико-эмпирическое исследование "Положение рабочего класса в Англии". Оно опубликовано в 1845 г. в Германии на немецком языке одновременно с "Обращением к рабочему классу Великобритании" на английском языке. Но впервые на английском языке эта книга появилась лишь в 1887 г. в США, а в Англии — в 1892 г. Поэтому она не оказала влияния на эмпирические социальные исследования в Англии 1840-х гг.

Литература

1. Ковалева М.С. Предыстория эмпирической социологии // История теоретической социологии / Отв. ред. Ю.Н. Давыдов. Т. 1. М., 1995.
2. Ковалева М.С. Эмпирические социальные исследования в XIX веке // История буржуазной социологии XIX — начала XX века / Отв. ред. И.С. Кон. М., 1979.
3. Петти В. Политическая арифметика [1676] // Петти В. Экономические и статистические работы: Пер. с англ. под ред. М. Смита. М., 1940.
4. Bulmer M. Development of Sociology and Empirical Social Research in Britain // Essays on the History of British Sociological Research. Cambridge, 1985.
5. Grount J. Natural and Political Observations upon the Bills of Morality [1662]. N.Y.; Arno Press, 1973.
6. Kent R.A. A History of British Empirical Sociology. Aldershot: Gower, 1981.
7. King G. Natural and Political Observations... 1696.
8. Krausz E. Sociology in Britain: A Survey of Research. N.Y., 1969.
9. Sinclair J. Statistical Account of Scotland. Vol. 1—21. Edinburg, 1791-1799.

6 СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЭВОЛЮЦИОНИЗМ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

6Л Логическое обоснование Миллем социологии как теоретической и эмпирической науки

Джон Стюарт Милль (1806—1873)— крупнейший логик XIX в., философ и экономист, основатель английского позитивизма; заложил логико-методологические основания социологии: принцип единства теории и эмпирии, дедукции и индукции, определил правила обратно-дедуктивного, или исторического метода.

Эмпирические социальные исследования в Англии получают теоретическую ориентацию с возникновением социологического эволюционизма, или Школы органической социологии. Наиболее значительный вклад в создание такой ориентации внесли два великих ученых того времени: логик и экономист Дж.С. Милль, философ и основатель английской социологии Г. Спенсер.

Многообразен вклад Джона Стюарта Милля в развитие науки XIX в.: в логику и философию, в политическую экономию, психологию, социологию, этику. Самый значительный вклад он внес^в разработку проблем логики научного познания. Благодаря своим научным достижениям Милль стал основателем английского позитивизма и оказал устойчивое влияние на развитие науки, рас-

пространившееся и на XX в. Показательно то достойное критическое внимание, которое уделил его логическим исследованиям Карл Поппер — крупнейший логик XX столетия. Для нас наиболее важен тот факт, что Милль, наряду с Контом, заложил логико-методологические основы социологии как эмпирической науки и тем самым легитимировал научный характер эмпирических исследований.

В главном логико-методологическом труде Милля "Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования" (1843.) автор исходит из того, что в логике различаются два основных метода мышления — дедукция и индукция. В соответствии с этим Милль разделил все науки на два типа: теоретические и эмпирические.

Основным методом *теоретических* наук служит дедукция: все частные правила, положения этих наук выводятся из единого общего положения или закона, принимаемого за аксиому. Такова математика, которая и в античности считалась собственно наукой (греч. *mathematike*, от *mathema* — познание, наука). Такова, по Миллю, и экономическая наука, которая принимает в качестве исходной аксиомы следующий "психологический закон": "люди большую выгоду предпочитают меньшей" [3, с. 727—729]. Напротив, психология, история — *эмпирические* науки, основным для них служит метод индукции.

К какому из двух типов наук следует отнести возникающую социологию?

Милль первым из крупных ученых того времени воспринял термин Конта "социология". Вспомним: этот термин Конт ввел в 4-м томе своего "Курса", который вышел в свет в 1839 г.; а 5-й и 6-й тома появились в 1841—1842 гг. В это же время, в 1841 г., завязалась интенсивная переписка между Контом и Миллем, которая продолжалась до 1846 г. [10]. В эти же годы Милль пишет и уже в 1843 г. издает свою "Систему логики", в которой активно пользуется термином "социология", назвав его "удобным варваризмом" [4, с. 243]. Более того, он с воодушевлением поддерживает саму концепцию социологии как новой области знания, интегрирующей "моральные науки". И в целом Миллю импонирует позитивная методология Конта, включая ряд собственно логических принципов и правил, использованных им при построении

социологии. Он прямо ссылается на Конта как "единственного мыслителя, который, обладая надлежащим знанием научных методов вообще, попытался охарактеризовать метод социологии" [Там же, с. 245]. Создается впечатление, что завершение "Курса" Конта подтолкнуло Милля к завершению "Системы логики": она стала логико-методологическим кредо позитивизма.

Социология оказалась для Милля последним звеном в системе наук, которого недоставало для построения целостной логики научного познания общества. Это "наука дедуктивная — однако дедуктивная не по образцу геометрии, а по образцу более сложных физических наук... Короче говоря, метод общественной науки есть тот конкретный дедуктивный метод, наиболее совершенное применение которого мы находим в астрономии, несколько менее совершенное — в физико-химических науках" [Там же, с. 243]. Объект социологии обладает высшей степенью сложности; "состояния общества... это — состояния не одного или немногих органов или функций, а всего организма" [3, с. 737]. Поэтому в социологии дедукция еще более необходима, но и менее надежна. Это конкретная дедуктивная наука.

Основанием доверия к конкретной дедуктивной науке служат не сами априорные (независимые от опыта) умозаключения, а согласие их с результатами апостериорных (приобретенных опытным путем) наблюдений. Для повышения надежности такой науки необходимо использовать вспомогательный прием — процесс "проверки" как существенную часть дедуктивного метода: "это процесс сопоставления дедуктивных заключений с самими конкретными явлениями или с их эмпирическими законами (когда мы можем таковые установить)" [4, с. 244]. Без такого сопоставления все общие положения, какие могут быть установлены дедуктивной наукой об обществе, "являются гипотетическими в самом узком смысле слова" [Там же, с. 248].

Такая проверка, замечает Милль, часто требует "предварительной обработки" наблюдаемых фактов, которая делает возможным быстрое и точное "сопоставление их с теоретическими заключениями". При этом он прямо ссылается на успехи **статистики**: "очевидно, что здесь иногда можно установить и эмпирические законы" [Там же, с. 256]. Это миллевское "**очевидно**" многого стоит: для кабинетного ученого Конта значение статистических наблюдений для социологии было совсем не очевидно, а **утилита-**

рист Милль совершил методологический прорыв, легитимировав необходимость получения и предварительной обработки эмпирических данных как составной части социологической науки.

Во втором издании своей книги Милль, опираясь на социально-статистические исследования, добавил, что даже самые необычные нравственные действия индивидов, такие, как убийство или самоубийство, «происходят (если брать в расчет значительные числа) с правильностью, приближающейся к математической... Такая удивительная правильность *массы случаев*, при крайней нерегулярности каждого из случаев, составляющих эту массу, служит прекрасной апостериорной проверкой закона причинной связи в его приложении к области человеческих поступков. Если признать, что этот закон имеет силу и здесь, то всякое действие человека — например, всякое убийство — будет совокупным результатом двух рядов причин. А именно, с одной стороны, это будут общие условия страны и ее обитателей: нравственный, воспитательный, экономический и другие факторы, действующие на весь народ и образующие то, что мы называем "состоянием цивилизации"; а с другой — чрезвычайно разнообразные обстоятельства отдельных индивидов: их темпераменты и другие особенности организации, их родственные связи, привычный круг товарищей, их влечения и т.д.» [3, с. 753—754]. Здесь виден отход Милля от психологического номинализма к взвешенному сочетанию его с признанием реальности общества и его структур как наиндивидуальных факторов.

Результаты эмпирических исследований, по Миллю, не только проверяют правильность дедуктивных гипотез. Они, в свою очередь, сами подлежат контролю со стороны дедуктивной науки, должны получать ее помощь и санкции для каждого вывода. Словом, в социологии как общей науке об обществе необходим "двойной логический процесс и взаимная проверка" дедуктивных умозаключений и эмпирических данных [4, с. 257]. Это значит, что **социология одновременно является и теоретической, и эмпирической наукой.**

Предмет социологии исследуется по-разному. "Есть два рода социологических исследований", констатирует Милль [Там же, с. 260]. В одних изучаются возможные *следствия* существующего состояния общества. В других — пытаются обнаружить *причины*, т.е. законы, которые определяют само это состояние. Первый вид исследований основан на индукции, следовательно, прямо опира-

ется на эмпирические данные. Второй вид исследований является теоретическим, он использует дедуктивный метод, но не прямой, а обратный. Десятую главу шестой книги своей "Системы логики" Милль так и назвал: "Об обратно-дедуктивном, или историческом методе".

Сама идея этого метода как обратного принадлежала Конту: дедуцировать не будущее из настоящего, а настоящее из прошлого. По Миллю, это означает: проверить эмпирические законы, обнаруживаемые исторической наукой, и "связать их с законами человеческой природы посредством дедукций, показывающих, что таких именно законов и надо было ожидать в качестве следствий тех, основных законов" [Там же, с. 265]. Часто мы можем доказать лишь то, что происшедшее было возможно. Но и это, утверждает Милль, является действительной проверкой обратного дедуктивного метода.

Таким образом, если будет происходить взаимная проверка дедуктивных умозаключений и эмпирических фактов, включая эмпирические законы, а причин — следствиями, не только при движении от настоящего к будущему, но и обратно-дедуктивным, историческим способом, то "круг человеческого знания станет полон" [Там же, с. 278].

6.2

Построение Спенсером эволюционной социологии с помощью системы фактов истории

Герберт Спенсер (1820—1903)— один из крупнейших мыслителей XIXв.; наряду с О. Контом основоположник социологии как научной дисциплины, создатель ее органической школы; впервые построил социологическую концепцию с помощью системы фактов истории.

Жизнь и творчество Герберта Спенсера хорошо описаны в монографиях и учебниках (см., например: [2]). Мы сосредоточим внимание лишь на одном, главном для нас вопросе: как относился один из создателей социологии к эмпирическим данным, какую роль они играли в его теоретических построениях.

Спенсер встречался с Контом и воспринял от него термин "социология" как удобный и содержательный [5, т. 2, с. I]. Он высоко ценил "Систему логики" Милля, был в контактах с ним, особенно в последние десять лет его жизни. Первой книгой Спенсера была "Социальная статика" (1850). Но свой главный социологический труд — трехтомик "Основания социологии" — он создавал, уже имея за плечами "Основные начала" своей синтетической позитивистской философии (1862). В этом основополагающем философском труде ученый показал, что функция научного знания состоит в расширении и частичной систематизации фактов обыденного опыта.

Частичность систематизации означает, что каждая наука делает это в отношении своего частного предмета. Образец выполнения этой функции демонстрировала в то время биология. Появление "Происхождения видов" Ч. Дарвина (1859) сделало этот образец бесспорным. Крупные достижения имела и историческая наука. Наиболее значительным событием в этой области стал двухтомный труд Генри Томаса Бокля "История цивилизации в Англии", опубликованный в 1858—1861 гг. В ней автор собрал и систематизировал огромное количество фактов, на основании которых построил свою концепцию английской цивилизации. Рассматривая вспомогательные средства изучения истории, он ссылаясь и на данные социальной статистики, прежде всего на "Социальную физику" А. Кетле [1, с. 10—12].

Таким образом, Спенсер не умозрительно вывел, а вовремя фиксировал функцию, уже выполняемую наиболее развитыми областями науки. Однако полная систематизация фактов, по Спенсеру, составляет функцию философии. Воплощение этой функции Спенсер и считал своей жизненной задачей. Он успел осуществить свое призвание лишь в отношении органического мира, вернее, трех его областей: создал фундаментальные труды — "Основания биологии" (1864—1867), "Основания социологии" (1876—1896), "Основания психологии" (1879—1893). Каждый из этих трудов опирается на множество фактов, систематизированное осмысление которых создавало впечатление достаточной полноты.

Подготовку "Оснований социологии" Спенсер также начал со сбора обширного числа фактов человеческой истории, развития различных обществ, культур. Он составил план работы и выработал таблицы для собирания фактов. Для помощи в поиске фактов

и заполнении таблиц он нанял квалифицированного секретаря. Все материалы распределялись по трем большим отделам: 1) нецивилизованные общества; 2) цивилизованные общества, уже угасшие или пришедшие в упадок; 3) цивилизованные общества, существующие в настоящее время. Материалы издавались отдельными выпусками под общим названием "Описательная социология". В 1871—1880 гг. появились восемь выпусков: "Англия", "Низшие расы", "Африканские народы", "Азиатские народы", "Американские цивилизации (угасшие)", "Франция", "Американские народы", "Материалы для России".

Каждый выпуск включал "ряд таблиц, вмещающих в себя факты в сокращенном выражении и под известными рубриками, и затем множество цитат и выдержек из источников, размещенных в том же порядке и имеющих в виду подтвердить и дополнить содержащееся в таблицах" [6, с. III]. Таблицы были синхронно-диахронными, т.е. позволяли видеть и одновременность, и последовательность приведенных фактов. Типовая структура таблиц, их деление на хронологические этапы и тематические рубрики схематически представлены ниже (табл. 6.1). Публикация "Описательной социологии" имела целью "снабдить изучающего социальную науку данными, которые должны иметь такое же значение по отношению к выводам социолога, какое указание строения и отправления различных типов животных имеет для заключений биолога" [Там же].

Помимо таблично систематизированных фактов, Спенсер при подготовке "Оснований социологии" использовал большое количество разрозненных фактов, накопившихся за 25 лет его интереса к социальным проблемам. «Фактов, — пишет Спенсер в "Автобиографии" (1904), — набралось так много, что они почти подавляли меня... Предположим, мне нужно было подготовить часть "Первобытные идеи". Для этого я прочитывал все мои выдержки относительно некультурных и полукультурных племен, разбитые на группы: "Суеверия", "Обряды" и т.д. При чтении я отмечал факты, имеющие значение для меня, и мой секретарь вырезал их. Затем вырезки прибавлялись к куче заранее накопленных фактов, после чего вся масса вновь классифицировалась... Намечались главы: "Идеи о снах", "Идеи о смерти и воскресении", "Идеи о загробной жизни" и пр.» [5, с. 126].

Таблица 6.1

Типовая схема фактологических таблиц Спенсера

Рубрики фактов*	I До Р.Х.- 420 г.н.э.	II 449- 1066	III 1066- 1307	IV 1307- 1530	V 1530- 1688	VI 1688- 1815	VII 1815- 1850
1. Разделение труда 2. Организация труда 3. Семейные законы — супружеские 4. Семейные законы — сыновние 5. Политический строй 6. Законы уголовные, гражданские и промышленные 7. Общий строй 8. Местное управление 9. Военный строй 10. Церковный строй 11. Профессии 12. Добавочные учреждения			•				

* В таблице для примера приведены первые 12 рубрик из 33. Перечень других рубрик: 13. Погребальные обряды; 14. Законы общественных сношений; 15. Нравы и обычаи; 16. Эстетические чувства; 17. Нравственные чувства; 18. Религиозные идеи и суеверия; 19. Знание; 20. Язык; 21. Распределение; 22. Обмен; 23. Производство; 24. Искусства; 25. Земледелие, скотоводство и т.д.; 26. Общественные работы; 27. Жилища; 28. Пища; 29. Одежда; 30. Оружие; 31. Утварь; 32. Эстетические произведения; 33. Прибавления.

Нетрудно заметить, что здесь Спенсер раскрывает личную технологию систематизации социальных фактов и их включения в свою общую концепцию, точнее — конструирования на их основе своего рода теорий среднего уровня, связывающих факты и общую концепцию. (Заметим, что свою обширную "Автобиографию" — "A natural history of myself" — Спенсер завещал опубликовать

вать лишь после его смерти.) В данном случае речь идет о первой части "Оснований социологии", точнее, о главах: VIII, X, XII, XIV — они имеют те же названия, которые упомянуты автором [7].

Становится понятным, почему первая часть "Оснований социологии" называется "**Данные социологии**": в ней действительно аккумулированы и на среднем теоретическом уровне осмыслены имевшиеся у Спенсера *эмпирические данные*, социологические значимые исторические факты. А вторая часть имеет название "**Индукции социологии**", т.е. теоретические обобщения более высокого, общесоциологического уровня: здесь речь идет уже об обществе как целостном организме, его строении, функциях, метаморфозах и т.д.

На этом общесоциологическом, а также социально-философском уровне обобщений многие исходные факты как бы испаряются, становятся невидимыми глазу читателя, а другие приводятся без указания источников. В предисловии к первому тому "Оснований социологии" Спенсер пояснял, что считает бесполезным обременять страницы этого сочинения сносками, отвлекающими внимание читателя. А интересующиеся могут разыскать источники в "Описательной социологии", где собраны и классифицированы те факты, на которые опираются выводы, сделанные в "Основаниях социологии" (см.: [Там же, т. 2, с. II]).

Как отметил историк британской социологии Филип Абраме, Спенсер не ставил на первое место интересы формальной социологии и не слишком строго применял свою теорию стадий социального развития. Это видно на примере "Описательной социологии" — "энциклопедии социальных фактов" [9, p. 72].

Спенсер сделал значительный шаг вперед, по сравнению с Контом, в реализации позитивистского требования соотносить теоретические обобщения с эмпирическими фактами. Он воспринимал факт уже не как интуитивно наблюдаемую реальность любого масштаба, а как конкретное явление или событие, фиксированное в письменном тексте, которое можно подвергнуть необходимой качественной обработке и полуформализованной систематизации. При этом необходимо большое количество однородных фактов, хотя не уточняется, какое именно, чтобы получить надежные индуктивные обобщения, которые, в свою очередь, проверяются путем их соотнесения с более общими положениями, полученными с помощью дедукции. Тем самым проверяются и эти дедуктивные положения.

Такой методологический подход, реализованный в цикле фундаментальных трудов, сопровождаемых тысячами фактов, был убедительным для многих читателей трудов Спенсера. Он имел поклонников и последователей не только в Англии, но и в других странах Европы. В России его труды переводились очень быстро, что привело Спенсера в восторг: "Какой это передовой народ!" [5, с. 123].

После смерти Спенсера его популярность стала быстро уменьшаться. Это было во многом связано с новым этапом в развитии социологии — этапом массовых социологических обследований, которые требовали производства эмпирических данных с помощью новых, собственно социологических методов.

Литература

1. Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии: Пер. с англ. Т. 1,2. СПб., 1906.
2. Ковалев АД. Эволюционная социология Г. Спенсера: первый опыт системного подхода // История теоретической социологии / Отв. ред. Ю.Н. Давыдов. Т. 1. М., 1997.
3. Милль Дж.Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / Пер. с англ. под ред. В.Н. Ивановского. М.: Магазин "Книжное дело", 1900.
4. Милль Дж.Ст. Система логики силлогистической и индуктивной // Западно-европейская социология XIX века: Тексты: Пер. с англ. М., 1996.
5. Спенсер Г. Автобиография. Сокращенное изложение АТ. Коротнева. СПб., б.г.
6. Спенсер Г. Описательная социология, или Группы социологических фактов, классифицированных и распределенных Г. Спенсером / Пер. с англ. под ред. И.В. Лучинского. Киев, 1878.
7. Спенсер Г. Основания социологии: В 2 т. СПб., 1876—1877.
8. Спенсер Г. Сочинения // Пер. с англ. под общ. ред. Н.А. Рубакина. Т. VII. Об изучении социологии / Пер. М. Гольдсмит. Киев; СПб., б.г.
9. Abrams Ph. The Origins of British Sociology: 1834-1914. Chicago; L., 1968.
10. Comte A. Lettres d'Auguste Comte a John Stuart Mill, 1841—1846. Paris, 1877.

7

ПИОНЕРЫ МАССОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ОБСЛЕДОВАНИЙ

Социальные обследования и социальные реформы

Социальное обследование — качественно-количественное описание масштабов и остроты социальных явлений и процессов, представляющих опасность для общества, его социальных групп или локальных общностей.

Как выше показано (см. темы 2, 5), этот тип исследований зародился уже в первой половине XIX в., преимущественно как статистико-демографические исследования. Публикация их результатов способствовала сглаживанию некоторых проблем.

Затем, в 1860-е—1870-е гг., под влиянием социал-дарвинизма интерес академических (университетских) исследователей переместился в область антропологии и евгеники (науки о наследственности); эта ориентация сохранялась у многих из них до начала XX в. [1, 2]. Именно в этих областях социального знания впервые были разработаны и успешно применены математические методы анализа социальных данных: Джон Юл разработал методы корреляционного анализа (Q — коэффициент Юла) [23], Карл Пирсон предложил методы статистического контроля (коэффициенты g , X^2) [17].

По мере продолжавшегося расширения и обострения многих социальных проблем — бедности, безработицы, преступности — к 80-м гг. XIX в. в Англии вновь стала общественно насущной потребность в массовых социальных обследованиях, но уже более комплексных, включающих социально-культурные аспекты проблем. Проведение таких обследований нуждалось в создании и

широком использовании новых, собственно социологических методов наблюдения: таких, как интервью, анкетный опрос, анализ официальных и личных документов. Специализированные математические методы анализа больших массивов эмпирических данных, разработанные для целей социальной евгеники, начинают применяться при анализе результатов массовых социальных обследований.

Пионерами массовых социальных обследований в Англии стали Чарльз Бут, Сибом Раунтри, Артур Баули, Беатриса и Сидней Вебб. Публикации результатов их обследований вызвали в британском обществе дебаты о содержании необходимых социальных реформ. Парламент принял ряд законодательных актов, правительство осуществило меры по смягчению остроты и уменьшению масштабов социальных проблем. Британское общество продолжало реформироваться, избегая радикальной социалистической трансформации.

7.2

Чарльз Бут — пассионарий массовых социальных обследований

Чарльз Бут (1840—1916)— промышленник, реформатор, социолог; за свой счет провел серию массовых обследований качественных и количественных характеристик жизни и работы народа в Лондоне; исследование имело широкий общественный резонанс.

Поворот к возрождению социальных обследований в Англии наметился в 1880-х гг. В центре вновь оказалась *проблема бедности*, решение которой пересекалось с социалистическим вызовом. Основатель Армии спасения, Вильям Бут объявил в 1890 г., что эта социальная проблема должна быть изучена полностью научным образом. По оценке Ф. Абрамса, первым и, видимо, самым влиятельным результатом этой дилеммы, релевантным социологии, стало социальное обследование Чарльза Бута "Жизнь и труд народа" [3; 4-7].

Чарльз Бут был успешным предпринимателем-судовладельцем из Ливерпуля, протестантским моралистом. В середине 1880-х гг. он стал изучать занятость населения по данным национальных пере-

писей с 1801 по 1881 г. В ходе их изучения он пришел к проблеме бедности. В 1887 г. Бут начал массовое обследование в Лондоне, которое продолжалось около 15 лет. Оно разворачивалось в три этапа [16, p. 52, 72-73].

На **первом этапе** исходной стала *проблема проблем* — бедность, которая окружает заводы; а по соседству с нею контрастируют зажиточность и богатство. Поэтому уже для пилотного исследования был выбран характерный в данном отношении район Лондона — Ист-энд, в котором недавно бушевали стачки. Затем исследование бедности распространилось на весь трехмиллионный город. Результаты опубликованы в 1887 г. сначала в журнале и отдельной книге [4; 5], затем в четырех томах "Труд и жизнь народа" (1889—1993) [6; 7].

Первичной единицей наблюдения была определена *семья*: характеристики ее главы, бюджета, образа жизни. Основными источниками информации стали данные переписи 1881 г. и сведения от полиции, санитарных и школьных инспекторов; последние располагали особенно богатым жизненным материалом. Помимо этого, Бут на время поселился в одном из бедных кварталов и вел наблюдение жизни соседних семей. На малой выборке были выявлены типы семейных бюджетов, представляющие все изучаемые социальные группы.

Обобщенная социальная картина дифференциации населения Лондона по уровню жизни приведена в табл. 7.1. Бут выделил основные причины бедности: нерегулярная работа, низкая зарплата, пьянство, болезни, многочисленность семьи.

Публикации результатов первого этапа исследования представляли собой компендиум карт, статистики, рассказов о семьях, домах, улицах, условиях труда. Помещены индексная карта Лондона, другие карты пространственного распределения различных аспектов социальной организации и функционирования английской столицы. Лондон поделен на 50 сопоставимых районов, каждый из которых представлен по таким критериям: процент бедности; процент скученности живущих в одной комнате; уровень рождаемости; уровень смертности; процент ранних браков. Для сравнения районов был подсчитан сводный индекс. В итоге он был представлен на цветных "индексных картах", наглядно демонстрирующих пространственное распределение различных социальных групп. Среди жителей некоторых улиц оказалось до 60% бедных, т. е. в 2 раза выше их средней доли в городе.

Таблица 7.1

**Дифференциация населения Лондона по уровню жизни
(результаты исследования Ч. Буга)***

	Классы	Численность	%	
A	Очень бедные	37610	0,9	30,7% — бедные и нуждающиеся
B		316834	7,5	
C	Бедные	938293	22,3	
D				
E	Зажиточный рабочий класс	2166503	51,5	69,3% — зажиточные и богатые
F				
G	Средний класс	749930	17,8	
H				

* Источник: 17, p. 55].

На втором этапе добавилась новая проблема: *социальные проблемы промышленности*. Главным источником информации стала перепись 1891 г., в особенности ее раздел "Съемщики квартир", где указывалось количество занимаемых комнат, слуг и данные о профессиональной принадлежности глав семей. Были использованы материалы промышленной статистики и союзов предпринимателей, а также проведены многочисленные интервью с работодателями, профсоюзными лидерами. Большое внимание было уделено профессиональной подготовке работающих, профсоюзам, пространственному размещению промышленных предприятий, уровню жизни населения Лондона. Оно дифференцировалось на три класса: низший, средний, высший. Низший класс разделялся на три подгруппы по "скученности", т.е. по числу проживающих в одной комнате: 1) по 3 и более человека — 12%; 2) от двух до трех человек — 19%; 3) от одного до двух человек — 23%. В среднем классе на человека приходилось от одной до четырех комнат, а также один слуга на четыре человека (всего таких семей в Лондоне было около 30%). У остальных больше слуг — это высший класс.

Публикация результатов второго этапа составила пять томов. 8 эту же серию Бут включил и четыре тома результатов первого этапа. Получилась серия "Жизнь и труд народа в Лондоне" в девяти томах [8].

На третьем этапе исследование включило проблему *религиозных влияний*. Третья, заключительная серия публикаций (1902—1903), вышедшая под тем же названием, что и вторая, вобрала в себя 9 томов второй серии и дополнительно — восемь новых томов. В целом она составила 17 томов, подразделяющихся на три серии: "Бедность", 4 тома; "Промышленность", 5 томов; "Религиозные влияния", 4 тома; издание завершали 4 обобщающих тома [9].

Публикация результатов в виде трех серий, объем каждой из которых удваивался за счет включения предыдущей, вызвала широкий общественный резонанс. Результаты массового обследования способствовали принятию ряда законодательных актов о минимуме заработной платы и пенсионном обеспечении рабочих, о пособиях по безработице. По существу, Бут сыграл заметную роль в истории Англии начала XX в. Но его опыт не был достаточно осмыслен университетскими социологами [3, p. 138]. Тем не менее в конце 20-х гг. XX в. в Англии, по инициативе Г.Л. Смита, одного из членов команды Бута, было проведено повторное исследование — по методике Бута, но по выборке Баули [11].

Труды Бута стали первым опытом социальной экологии; они оказали влияние на исследования Чикагской социологической школы. Его методики использовались при проведении исследований в ряде стран [18; 2].

7.3

Сибом Раунтри — исследователь социальных причин бедности

Бенджамин Сибом Раунтри (1871—1954) — предприниматель, последователь Бута, изучил условия труда и жизни бедных слоев в г. Йорке, ввел термин "человеческий фактор в промышленности"; своими работами способствовал возникновению индустриальной социологии и социологии профессий в Англии.

Сибом Раунтри рано сформировался как личность, успешный бизнесмен, глава семьи. Получил образование в Университете Манчестера. Вдохновившись публикациями Бута, он пришел к

убеждению, что проблему бедности нельзя решить без научного ее изучения. Усовершенствовав некоторые аспекты метода Бута, Раунтри^ предпринял в 1899 г. исследование бедности в родном городе Йорке. По его результатам в 1901 г. он опубликовал книгу "Бедность: исследование городской жизни" [19].

Задачу исследования социолог-предприниматель видел в том, чтобы установить действительные факты. В конце XIX в. Йорк был небольшим городом: в нем насчитывалось 15 тыс. домов и 75,8 тыс. жителей. Имея небольшую команду помощников, Раунтри провел сплошное обследование: он изучил все домохозяйства рабочих, т.е. 11,5 тыс. семей общей численностью 46,75 тыс. человек. Они обошли 388 улиц города. Помимо объективных данных (пол, возраст, число членов семьи, доход, плата за жилье и др.), фиксировались впечатления анкетеров об уровне жизни семьи [16, p. 75]. Кроме того, в 35 семьях велись тетради учета расходов.

Определяя границы бедности, Раунтри руководствовался результатами конкретно-научных исследований об энергетических затратах рабочего и калорийности его пищи. В *доходе семьи* он учитывал заработки не только главы семьи, но и других ее членов, включая детей. В итоге Раунтри разделил все население на семь классов. Семьи рабочих он отнес к одному из четырех нижних классов (A, B, C, D), принадлежность к которым определялась размерами недельных доходов семьи (в шиллингах): менее 18, 18—21, 21—30, более 30. Три верхних класса (E, F, G) не были объектами исследования.

Раунтри выделил два вида бедности: первичную и вторичную. "*Первичная*" бедность означает такой уровень семейного дохода, который равен или ниже необходимого для обеспечения физического существования членов семьи (по данным Раунтри, для здоровой семьи из двух взрослых и трех детей требовалось 21 шиллинг 8 пенсов в неделю). Члены таких семей составили более 15% всех живущих на зарплату, или около 10% всех жителей города. "*Вторичная*" бедность — это более высокий уровень дохода, который, однако, не избавляет от "следов" бедности и наклонностей к первичной бедности. Таких оказалось около 28% от живущих на зарплату (почти 18% всего населения). Оба эти вида бедности охватывали 43% всех рабочих, живущих на зарплату, или 28% всего населения города [Ibid, p. 76—77].

Особый интерес представляет проведенный Раунтри анализ непосредственных причин бедности. Он выделил шесть **непосредственных причин "первичной" бедности:**

- смерть кормильца;
- болезнь или старость кормильца;

безработный кормилец;
нерегулярность работы;
большой размер семьи (более 4 детей);
регулярная работа с низкой зарплатой.

Раунтри детально проанализировал каждую причину. Вот некоторые его выводы: из-за смерти или болезни основного кормильца члены семьи бедняка могут оказаться в нищете; если кормилец оказался без работы, его семья ради физического выживания влезает в долги перед ростовщиком или хозяином жилья, затем бремя долга может годами давить на семью; зарплаты, выплачиваемой за неквалифицированный труд в Йорке, недостаточно для обеспечения пищей, кровом и одеждой в количестве, необходимом для поддержания прожиточного минимума семьи средних размеров.

Раунтри дал впечатляющую характеристику так называемого "прожиточного минимума":

«Давайте разберемся, что же означает понятие "прожиточный минимум". Семья, живущая в рассматриваемых условиях, не должна потратить и пенни на поездку по железной дороге или на автобусе. Они не должны бывать за городом, разве только пешком. Они не должны покупать газету за ½ пенни или тратить хотя бы пенни на билет на популярный концерт; не должны писать писем уехавшим детям, так как не могут позволить себе оплатить почтовые расходы. Они никогда не должны жертвовать что-либо в свой церковный приход или оказывать помощь соседям, если она требует материальных затрат. Они не могут ни отложить денег, ни присоединиться к обществу здоровья или профсоюзу, так как не смогут платить необходимые взносы. Дети не могут иметь карманных денег на игрушки, шарики или сладости. Отец не должен курить или пить пиво. Мать не может купить симпатичные вещицы для себя или своих детей; семейный гардероб, так же как и рацион, могут быть описаны следующим образом: должно покупаться только то, что действительно необходимо для поддержания физического здоровья, а то, что куплено, должно быть самым простым и самым дешевым. Если ребенок заболевает, то он должен быть осмотрен приходским врачом, если же умирает, то он должен быть похоронен церковным приходом. Наконец, кормилец семьи не может отсутствовать на работе и одного дня.

...Нужно четко понимать, что *всякий раз рабочий с тремя детьми, получающий не более 21s 8d, позволяя себе какие-либо другие расходы, кроме необходимых для удовлетворения элементарных физических потребностей, делает это только за счет своей собственной физической дееспособности и дееспособности членов своей семьи.*» [19, p.133—135; курсив Раунтри]¹.

¹ Здесь и далее цитируется в переводе М.В. Кондрашовой.

Что касается непосредственных причин "вторичной" бедности, то, по данным Раунтри, "преобладающим фактором является пьянство" [Ibid, p. 142]. Вместе с тем он хорошо понимал, что за этой и другими "непосредственными причинами" кроется более глубокая проблема благосостояния общества, всестороннее рассмотрение которой требует других исследований, а ее решение — иных мер.

Спустя 10 лет Раунтри вместе с Б. Ласкером провел новое крупное исследование. Его результаты опубликованы в книге "Безработица: социальное исследование" (1911). Еще через 10 лет вышла его книга "Человеческий фактор в бизнесе" (1921). Он первым ввел термин "человеческий фактор в промышленности", а его труды способствовали возникновению индустриальной социологии и социологии профессий в Англии [2]. А через 15 лет, в 1936 г., он повторил свое раннее исследование и опубликовал его в книге "Бедность и прогресс: второе обследование Йорка" (1941). Еще через 15 лет, после войны, он вместе с Дж.Р. Лаверсом опубликовал последнюю книгу, тема и содержание которой вновь сопряжены с исходной проблемой: "Бедность и государство благосостояния: третье социальное обследование Йорка, его деловой жизни и экономических проблем" (1951) [21].

Верность Бенджамена Сибоба Раунтри исходной теме, неутомимая разработка ее в течение всей жизни на конкретном примере родного города, в контексте всего британского общества, в единстве эмпирического и теоретического подходов, достойны глубокого уважения.

7 4

Артур Баули — пионер применения случайной выборки в социальных обследованиях

Артур Лайон Баули (1869—1957) — один из создателей британской социальной статистики, обосновал и впервые применил технику вероятностной выборки в социальном исследовании.

Артур Баули закончил университет в Кембридже, получив ученую степень по математике (1891). С 1895 по 1915 г. он препода-

вал статистику в Лондонской школе экономики и одновременно вел исследования социально-экономических проблем развития Англии в университетском колледже г. Рединг.

Баули *первым применил технику вероятностной выборки* в массовых социальных исследованиях. В 1912 г. он доложил Королевскому статистическому обществу о результатах исследования *домохозяйств* рабочего класса в г. Рединге, основанного на вероятностной (случайной) выборке 1 : 20 (840 домохозяйств из 18 тыс.). Три года спустя, вместе с А.Р. Барнет-Хёрст он опубликовал книгу "Средства к существованию и бедность" (1915) [14], которая основана на систематической вероятностной выборке в той же пропорции 1 : 20. Исследователи посетили каждый двадцатый дом и получили информацию о числе жителей, их профессии, питании, числе комнат, плате за жилье и т.д. Всего в четырех городах (Ноттингем, Уоррингтон, Стенли, Рединг) было обследовано **2139** домов, в которых проживали 9720 человек.

Выводы свидетельствовали о том, что 13,5% рабочих и членов их семей живут за чертой бедности. Это согласовывалось с данными Раунтри. Баули ввел более гибкие, чем у Раунтри, стандарты питания, одежды, санитарии, освещенности. В итоге получил более низкий порог первичной бедности: 12,7%. По разным городам эта цифра варьируется от 7 до 20% [16, p. 80—81].

В ответ на критику относительно нерепрезентативности выборки и ее ошибках Баули подсчитал вероятность ошибок и доверительные интервалы. В итоге доказал, что ошибки незначительны.

Еще в 1910 г. Баули опубликовал учебник по основам статистики [12]. Теперь, после опыта эмпирических исследований, он прочитал несколько публичных лекций, которые составили книгу "Природа и цель измерения социальных явлений" [13]. Здесь он сформулировал основы теории измерения социальных объектов, выдвинул идею уровней их измерения. Задачи измерения, подчеркнул он, требуют выделить четкие признаки изучаемых объектов, в том числе социальных классов. Опираясь на свои эмпирические данные, Баули предложил новый, теоретически обоснованный подход к понятию социального класса, выявил перспективные проблемы социально-классовой дифференциации и социальной мобильности в британском обществе того времени.

Баули обратил внимание на сложность определения **социального класса**. Его не удовлетворяло простое перечисление эмпири-

ческих признаков дифференциации людей, и он пришел, по сути, к многокритериальной типологии классов.

В качестве исходного Баули предложил такое определение социального класса: "это группа лиц и их иждивенцев, которые взаимодействуют при равных условиях" (цит. по: [3, p. 274])¹. Ключевым термином здесь служит *равенство условий*. Такими условиями являются: род занятий (профессия); размер дохода; привычки. По этим критериям можно отделить один класс от другого.

Высший класс образуют люди, которые: владеют крупной собственностью; имеют привычки к элитным услугам и отдыху; управляют землей и людьми в больших масштабах. А также те, кого они допускают в свой круг.

Класс профессионалов, обладающих подготовкой к определенному роду занятий, достаточно пестр. По критериям круга общения и уровня дохода Баули выделил в этом классе три подгруппы, по сути, три класса: 1) **нанимающий класс**, работодатели; 2) **нанимаемый класс**, наемные работники — клерки, 3) рабочие физического труда.

Но и эта классификация, по наблюдениям Баули, неточна. Все чаще люди **разных** профессий общаются в **равных** условиях, "происходит пересечение критериев". "Если мы поместим всех их в один большой средний класс, то сможем представить градацию по уровню дохода, которая приблизительно соответствовала бы градации по критерию круга общения" (цит. по: [Ibid, p. 276]). Таким образом, многокритериальный подход привел Баули к идее *среднего класса*.

Эту идею он конкретизировал с помощью своих эмпирических данных, которые свидетельствовали о том, что средний класс постоянно пополняется из рабочего класса. Существует значительный слой молодых людей, покидающих социальный статус своих родителей и независимых от них. Даже в тех семьях, где дети живут с родителями, более чем у 40% детей статус изменился по сравнению со статусом отца: у $\frac{1}{3}$ понизился, а у $\frac{2}{3}$, повысился.

Баули делает такой вывод: "Сомнительна сама по себе возможность разделения общества на столь хорошо определенные социальные классы, на основе которых могли бы быть проведены необходимые измерения. Социальная структура находится в состоянии постоянного изменения, прежние границы рушатся, постоянно

¹ Здесь и далее цитируется в переводе М.В. Кондрашовой.

появляются новые разделительные барьеры, которые также модифицируются в течение одного поколения" (цит. по: [Ibid, p. 278]).

Впоследствии этот фундаментальный вывод находил все новые подтверждения по мере эволюции английского общества, особенно после Второй мировой войны.

Добавим, что в 1915 г. Баули становится профессором статистики Лондонского университета. При создании кафедры статистики в этом университете он был приглашен ее возглавить и оставался на этом посту до 1936 г. Затем он был директором Института статистики Оксфордского университета.

Итак, пионерные социальные обследования в Англии прошли быструю эволюцию от пассивных инициатив добровольцев-эмпириков до профессиональных эмпирических исследований, сочетавшихся с разработкой фундаментальных теоретических проблем социологии своего времени.

Литература

1. Ковалева М.С. Эмпирические социальные исследования в Англии // История буржуазной социологии XIX — начала XX века / Отв. ред. И.С. Кон. М., 1979.
2. Култыгин В.П. Британская традиция эмпирических исследований // Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
3. Abrams Ph. The Origins of British Sociology. 1834—1914: An Essay with Selected Papers. Chicago; L., 1968.
4. Booth Ch. Conditions and Occupations of the People of East London and Hackney // Journal of the Royal Statistical Society. 1887.
5. Booth Ch. Conditions and Occupations of the People of Tower Hamlets. L., 1887.
6. Booth Ch. Labor and Life of the People: Vols. 1—2. Williams and Norgate, 1889-1891.
7. Booth Ch. Labor and Life of the People: Vols. 1—4. Williams and Norgate, 1889-1893.
8. Booth Ch. Life and Labor of the People in London: Vols. 1—9. Macmillan, 1892-1897.
9. Booth Ch. Life and Labor of the People in London: Vols. 1—17. Macmillan, 1902-1903.
10. Booth Ch. Paupers and Old Age Penisons // Journal of the Royal Stastistical Society. 1891.

11. Booth Ch., Smith H.L. The New Survey of London Life and Labor: Vols. 1—9. P.S. King, 1930-1935.
12. Bowley A.L. An Elementary Manual of Statistics. Macdonald and Evans, 1910.
13. Bowley A.L. The Nature and the Purpose of the Measurement of Social Phenomena. P.S. King, 1915.
14. Bowley A.L., Burnett-Hurst A.R. Livelihood and Poverty. A Study in the Economic Conditions of Working-class Households in Nottingham. Warrington: Stanley and Reading: Bell and Sons, 1915.
15. Bowley A.L., Hogg M.H. Has Poverty Diminished? P.S. King, 1925.
16. Kent R.A. A History of British Empirical Sociology. Aldershot: Gower, 1981.
17. Pearson K. The Groundwork of Eugenics. L: Dulau, 1909.
18. Pfautz H. Charles Booth on the City: Physical Pattern and Social Structure. Chicago Press, 1967.
19. Rowntree B.S. Poverty: A Study of Town Life. Macmillan, 1901.
20. Rowntree B.S. Poverty and Progress. A Second Survey of York. Longmans, 1941.
21. Rowntree B.S., Lavers G.R. Poverty and the Welfare State: a Third Social Survey of York Dealing Only with Economic Questions. Longmans, 1951.
22. Rowntree B.S., Briggs A. Social Thought and Social Action. A Study of the Work of Seebohm Rowntree, 1871—1954. Longmans, 1961.
23. Yule G.U. An Introduction to the Theory of Statistics. Griffin, 1911.

8

КЛАССИЧЕСКИЕ ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

8Л

Институционализация эмпирической социологии

Как и во Франции, послевоенные классические эмпирические исследования в Англии были подготовлены институционализацией этого типа социологического знания. Хотя его институционализация продвигалась отнюдь не гладко и не столь интенсивно, как этого можно было ожидать. Во всяком случае, возникновение необходимых организационных структур длительное время отставало по сравнению с фактическим развитием эмпирических исследований [4, р. 4].

Начало XX в. было обещающим. Уже в 1903 г. (год смерти Спенсера), по инициативе Виктора Бренфорда и Джона Мартина Уайта было создано Социологическое общество, впоследствии преобразованное в Институт социологии. Начал издаваться журнал *Sociological Review*, редактором которого стал Л. Хобхауз. В 1907 г. в Лондонской школе экономики был создан факультет социальных наук, а в нем, благодаря поддержке Дж. Уайта, — первая и до 1950-х гг. единственная в Англии кафедра социологии им. Уайта; ее возглавляли Л. Хобхауз, Э. Вестермарк, М. Гинсберг.

Это были выдающиеся теоретики, и деятельность кафедры они ориентировали как исключительно теоретическую. Отсюда не следует, что они вовсе игнорировали эмпирию, но черпали ее из Других наук [6, р. 45—46]. Такую же ориентацию восприняло большинство профессоров социальных наук в тех университетах, где в

межвоенный период появились соответствующие должности. В результате университетская, или академическая социология длительного времени чуждалась прикладных, эмпирических исследований. Вплоть до середины 1950-х гг. в Англии по-прежнему существовала всего лишь одна кафедра социологии, а ученую степень по социологии можно было получить только в двух университетах — Лондонском и Ноттингемском [3, с. 704].

Но за пределами университетов социология уже обрела иную жизнь. Мы видели первые ее образцы в массовых социальных обследованиях Бута, Раунтри, Баули. Все они были повторены в 1920-е—1930-е гг., что позволило определить направление изменений по сравнению с довоенным периодом. Первое повторное исследование провели в 1924 г. Баули и Хугг. Основным был вопрос: "Уменьшилась ли бедность?" И получили четкий ответ: среди семей, страдающих от хронической безработицы, пропорция бедности составила в 1924 г. примерно половину от 1913 г.; а среди семей, не испытывающих безработицы, эта пропорция теперь составила треть [5, р. 61]. В 1928 г. сэр Хуберт Смит, при финансовой поддержке Фонда Рокфеллера, повторил обследование Бута в Лондоне по вероятностной выборке, осуществленной Баули (1 : 20). Результат оказался впечатляющим: использование двух независимых методов показало, что за 40 лет (1889—1890 гг.) доля бедных снизилась на 70%, а основной причиной сохраняющейся бедности стала безработица, вызываемая избыточным населением Лондона [23; 9, р. 106—107]. В 1936 г. Раунтри также повторил свое исследование, проведенное в начале XX в. в Йорке. Если принять ту же планку первичной бедности, что и в первом исследовании, то доля бедняков среди рабочих снизилась почти на треть. Но если принять современные критерии первичной бедности, то доля бедняков возросла в 2 раза. По Раунтри, нет причин для удовлетворения, если в такой богатой стране, как Англия, 30% рабочих типичного провинциального города получают доход ниже необходимого для жизни [21, р. 476].

Были проведены обследования других регионов. Чаще всего использовалась систематическая выборка 1 : 50. Наиболее крупным было обследование региона Мерсисайд, включающего четыре самоуправляемых города: Ливерпуль, Бутл, Беркенхед, Уолласи. Оно проводилось в условиях экономической депрессии (началось в 1929 г.) и показало влияние территориальной общности в условиях стресса на размер семьи и поведение социально-классовых групп [9, р. 110—112].

В 1937 г. по инициативе антрополога Тома Харрисона и поэта Чарли Мэджа была создана организация "Массовое наблюдение" (Mass Observation). За четверть века она провела серию опросов по широкому кругу текущих жизненных вопросов: о политике, религии, отдыхе и др. [15]. Развитию эмпирических исследований британских социологов способствовал учебник *Беатрисы и Сиднея Вебб* по методам социального исследования [26].

Тем не менее, как отмечают британские историки социологии, перед Второй мировой войной английская эмпирическая социология отставала от американской, особенно по масштабам институционализации [9, р. 120—121]. После войны активно осваивается опыт американских социологов. В 1951 г. создана Британская социологическая ассоциация, деятельность которой расширяла информацию об эмпирических исследованиях в других странах.

Решающее влияние на повышение профессионального уровня эмпирических исследований в 1950-е—1960-е гг. оказали потребности развития послевоенного британского общества. При поддержке со стороны Исследовательского совета по социальным наукам, департаментов Правительства и местных органов власти, а также частных фондов (Рокфеллера, Наффилда и др.), развернулись прикладные исследования по социальным проблемам семьи, планирования городского и сельского строительства, положения бедняков и роли социальных служб, статуса средних классов, социальной мобильности, по вопросам человеческих отношений на производстве, по проблемам образования, преступности и по другим животрепещущим вопросам [3]. Повышению профессионального уровня помогло и создание учебников нового поколения (К. Мозера [16] и др.).

Значительное влияние на развитие социологических исследований оказало Отделение социальных исследований Лондонской школы экономики, которым руководил *Т.Г. Маршалл* (1893—1981) — автор известных трудов по социальным наукам [14]. Важную роль в подготовке новых теоретических работ сыграла Международная библиотека "Социология и социальная реконструкция", основанная профессором К. Маннгеймом [11] и издававшаяся В. Спроттом. В ее составе вышли как классические труды английских и зарубежных социальных ученых, так и новые, посвященные осмыслению послевоенных реальностей, — по социальной экологии, современным территориальным общинам, проблемам личности и др.

Повышение профессионализма эмпирических исследований осуществлялось по нескольким направлениям: тщательно отбирались объекты изучения; осуществлялось сочетание различных исследовательских техник; особое внимание уделялось разработке и использованию более тонких техник сбора и анализа данных. Этому помогло использование компьютерных технологий.

Впрочем, с конца 1960-х гг. активизировались нападки на узкий эмпиризм многих исследований. Они не всегда обоснованы, но побуждают к более глубокому сочетанию теоретического и эмпирического подходов, реализованному в ряде классических послевоенных исследований. Об их опыте напоминают два примера, рассматриваемые ниже: исследования под руководством Д. Гласса и Э. Триста.

8.2

Дэвид Гласе: первое теоретико-эмпирическое изучение социальной мобильности

Дэвид Гласе— крупный демограф и социолог, руководитель первого теоретико-эмпирического исследования "Социальная мобильность в Великобритании".

В конце 1940-х гг. по инициативе Т. Маршалла Отделение социальных исследований Лондонской школы экономики предложило долгосрочную программу исследований социального отбора и дифференциации в послевоенной Великобритании. В рамках этой программы под руководством крупного демографа и социолога Д. Гласса было проведено исследование "Социальная мобильность в Великобритании"; оно началось в 1949 г., а основные его результаты опубликованы в 1954 г. [22]. Оно существенно повлияло на развитие исследований английских социологов в данной области.

Это масштабное исследование, охватившее основные регионы Великобритании: Англию, Уэльс и Шотландию. В него было вовлечено большое число исследователей (в том числе Т. Боттомор, К. Мозер), а также специалистов из нескольких государственных служб. Исследование поддержано фантами фондов Наффилда и Рокфеллера.

Во введении Д. Глазе подчеркнул, что исследование направлено на анализ социального статуса или социального престижа, а не социального класса в классическом понимании данного термина. В центре — социальная мобильность, процессы саморекрутирования индивидов в определенные социальные группы, особенно в группы "среднего класса" — "беловоротничковых" специалистов и высокопоставленных чиновников. Особое внимание уделено образованию как каналу мобильности; подчеркивается роль Акта об образовании, принятого парламентом в 1944 г., как наиболее важного события в данной области за последние полвека. Выявлялись факторы, влияющие на престиж видов деятельности среднего класса и перенос профессионального престижа на другие сферы деятельности. Изучалась дифференциация внутри средних классов, природа и особенности устремлений и идеалов среднего класса. Потребовалось определить и общий фон социального статуса и социальной мобильности в Великобритании [Ibid, p. 3—5].

Первым этапом решения поставленных задач стало эмпирическое исследование состояния социального ранжирования профессий (авторы К.А. Мозер и Дж. Холл). Предстояло выяснить, как соотносятся социальный статус профессий и их престиж в глазах населения.

Авторы разработали "стандартную классификацию" профессий из семи ступеней: 1) высший административный и профессиональный персонал; 2) управленцы и менеджеры; 3) инспектора, контролеры и прочие работники умственного труда — высший слой; 4) инспектора, контролеры и прочие работники умственного труда — низший слой; 5) квалифицированные работники ручного труда и слои работников умственного труда, выполняющих рутинную работу; 6) полуквалифицированные работники ручного труда; 7) неквалифицированные работники ручного труда.

Затем из первоначального списка (138 профессий) отобрали 30 ключевых профессий, представляющих все семь ступеней стандартной классификации. И провели опрос около 1400 человек, предложив им упорядочить эти 30 профессий по их социальному статусу в обществе, а затем распределить их по пяти группам престижности. Итоги опроса дали хорошее согласование социального статуса профессий и их престижности, а также их соответствие стандартной классификации. Следовательно, в обществе существует согласие о социальном статусе и престиже профессий [Ibid, гл. II].

На *втором этапе* по репрезентативной выборке, с помощью Правительственного агентства социальных обследований, были получены биографии 10 тыс. человек, содержащие информацию об их социальном происхождении, образовании, профессии, семейном положении, количестве детей. Данные о профессиях накладывались на шкалу престижа, что позволяло распределять профессии по категориям социального статуса. Затем проводились различные типы анализа. Например, выяснялось соотношение между социальным статусом отцов и сыновей, женихов и невест, влияние восходящей или нисходящей социальной мобильности на рождаемость детей в семье.

Затем, опираясь на результаты этих двух этапов, были выполнены шесть специализированных исследований. Два из них посвящены роли образования в социальном отборе. Исследовано саморекрутирование студентов в четыре профессиональные группы. Изучалось лидерство в добровольных организациях как источник социального престижа, альтернативный профессиональной принадлежности. Но в основном анализ был сосредоточен на перемещениях между крупными статусными категориями. Подробнее остановимся на исследовании *изменений статуса между поколениями* (гл. VIII, авторы Д. Гласе, Дж. Холл).

В этом исследовании фиксировались профессии только по мужской линии: последняя основная профессия отца субъекта и профессия самого субъекта (сына). Полученные данные были представлены в виде таблицы (см. хрестоматию — наст, изд., с. 292). В качестве статусной категории используется приведенная выше стандартная классификация из семи рубрик. Проценты в правом верхнем ряду каждой ячейки (по строкам) показывают долю сыновей, занимающих тот же статус, что и их отцы. А проценты в левом нижнем углу ячейки (по колонкам) дают информацию о статусе отца относительно статуса его сына. Так, в ячейке 1/1 из сыновей 38,8% занимают тот же статус, что и их отцы; и отцы 48,5% субъектов имели такой же статус, что и их сыновья.

Анализ показал, что тенденция к повышению статуса более заметна среди субъектов, чьи отцы принадлежали к низкостатусным категориям, однако длина статусного перемещения не особенно велика. В целом налицо связь между статусом отцов и сыновей. Не будем останавливаться на деталях этого анализа.

В заключение отметим, что авторы вводят посылку о "совершенной мобильности" как существовании равных возможностей перемещения для индивидов, независимо от их социального происхождения (своего рода аналог "совершенной конкуренции"). Это позволяет увидеть относительные шансы изменения статуса для различных поколений и для индивидов различного статусного происхождения.

Изложение результатов исследования характеризуется высокой самокритичностью авторов. Они постоянно отмечают границы возможностей интерпретации полученных данных, несовершенства своих методик. Относительно стандартной классификации Д. Гласе делает вывод: "Даже с учетом всех ограничений семи-ступенчатая статусная классификация слишком груба. Было бы лучше начать просто с разведения сфер физического и умственного труда" [Ibid, p. 217]¹.

Такая самокритика лишь повышает доверие к предложенным выводам. Вместе с авторами читатель проникается сознанием того, что "это все же *первое* исследование, и его результаты нельзя сравнить с аналогичными результатами за другие периоды времени или для других стран" [Ibid].

8.3

Эрик Трист: социотехнический подход к анализу организаций

Эрик Трист — директор Тавистокского института человеческих отношений, руководитель социотехнического эксперимента в угольной промышленности Англии.

После войны обострился кризис в угольной промышленности Англии. Эксплуатация низких угольных пластов требовала изменения технических и организационных методов добычи угля. К решению этой задачи и подключились с 1940-х гг. специалисты Тавистокского института человеческих отношений. Директор это-

¹ Здесь и далее цитируется в переводе М.С. Добряковой.

го Института Э. Трист вместе со своими коллегами (это прежде всего А. Райе, а также К. Бамфорд, Э. Миллер, Ф. Эмери и др.) уже в начале 1950-х гг. выдвинул социотехнический подход к анализу организаций, в том числе к организации труда в длинном забое [24]. В решении сложной практической задачи он видел возможность экспериментально реализовать конструктивный потенциал своего подхода.

Социотехнический подход представлял собой смелую конкретизацию общей теории систем, которую с 1930-х гг. разрабатывал Л. фон Берталанфи (еще раньше — А.А. Малиновский, но о его "Тектологии" тогда не знал даже Берталанфи). Трист ссылается на Берталанфи, использует его термины "открытая" и "закрытая" система, "эквивинальность" и др. [18, р. 6, 8]. Он также использует терминологию структурно-функционального анализа, теорию латентных функций Р. Мертона.

Производственную организацию Трист и Райе рассматривают как *социотехническую систему*. Она, по характеристике Раиса, "имеет социальное, технологическое и экономическое измерения, каждое из которых зависит от другого, но при этом имеет и собственные независимые ценности" (цит. по: [18, р. 6]). В описываемом исследовании акцент делался на изучении *социо-психологической системы*, ее влияния на различные способы организации труда.

Пилотные исследования прежних лет в угольной промышленности показали, что необходим такой объект, на котором эти различные способы существуют одновременно. Таким объектом оказалась старая часть Даремского угольного бассейна. Появилась возможность провести *эксперимент по проверке гипотез*, полученных в ходе прежних исследований Института.

Полевой эксперимент продолжался с января 1955 г. по март 1958 г. Его результаты нашли отражение в книге **"Организационный выбор: Способности групп, работающих в угольном забое при меняющихся технологиях. Потеря, новое обретение и трансформация традиции труда"** [18], авторы — Э.Л. Трист, Г.В. Хигген, Г. Мюррей и А.Б. Поллок (1963).

Основным методом исследования было интенсивное кейс-стади с использованием различных техник получения первичной информации: наблюдения, интервью — в забое, дома, в пивных (все записи делались сразу после наблюдений и бесед, а не на

глазах у информанта). Непростой была фаза вхождения в доверие к рабочим. Исследователи проводили в забое до шести часов в день, часто находясь в ожидании подходящих обстоятельств и всегда наготове к неожиданным возможностям. Руководство и профсоюз шахты проявили полную готовность к сотрудничеству, предоставляли запрашиваемые документы.

Исследования показали, что при переходе от малой бригады, состоявшей из многофункциональных обособленных рабочих, к большой "цикловой бригаде", насчитывающей 40—50 специализированных рабочих, сохранились традиции изначальной культуры самоорганизации труда шахтеров, которые сами выбирали себе товарищей. Если рабочих высокой квалификации достаточно, то они могут самоорганизоваться в композитную бригаду, которая будет эффективно выполнять весь цикл разнородных работ. Но при недостатке таких рабочих, да еще по распоряжению руководства, которое не учитывает роли социально-психологических отношений между рабочими, создается бригада неэффективная, хронически конфликтная. Традиция стихийной самоорганизации большой бригады в таких условиях также не всегда эффективна. Все это сказывается на работе больших цикловых бригад, особенно в длинном забое на низких пластах, где предъявляются дополнительные требования к квалификации рабочих и четкости организации их труда.

По мере дальнейшей механизации труда необходимо развивать композитную его организацию — и сверху, и снизу. Руководству предстоит осознать большую роль социально-психологических отношений между горняками в забое, не навязывать им их состав и правила внутреннего перераспределения функций, поддерживать ответственную автономию бригады, терпеливо объяснять свои предложения на ее собраниях. Рабочим тоже предстоит учиться сознавать необходимость новой организации своего труда, требующей определенного вмешательства менеджеров.

Общие выводы исследователей: "Чтобы в полной мере реализовать потенциал высокомеханизированных методов непрерывной угледобычи, требуется радикальное изменение практик и ценностей: от культуры труда, сосредоточенной на человеке, — к культуре труда, сосредоточенной на машинах", т.е. к высокой ценности рабочего времени, к необходимости перемен в орга-

низации труда, к обеспечению ключевых рабочих мест лучшими работниками. «Прежде чем сложится подобная новая культура, требуется своего рода "размораживание" существующей ситуации». Это требует "социального обучения посредством деятельного эксперимента" [Ibid, p. 296].

Эти выводы, сформулированные в заключении книги "Организационный выбор", действительно означают выбор стратегии дальнейшего развития производственных организаций как социотехнических. Выбор непростой, дискуссионный. Но и поныне сохраняющий свое значение.

Тавистокский институт человеческих отношений предпринял усилия, направленные на реализацию своих выводов. Уже в 1957 г., еще до завершения эксперимента в угольной промышленности, Райе, Трист и их коллеги разработали и впервые опробовали в Лейчестерском университете (Англия) "живую методологию" размораживания организационных способностей индивида и развития групповых и организационных отношений [25]. Организационной формой этого типа деятельного эксперимента стала "резиденциальная конференция", или научно-практический тренинг. Его результат состоит не в создании новых текстов (докладов, проектов и т.п.), а в самоизменении каждого участника, в его организационном перевоспитании по собственной инициативе. Типовая программа таких конференций разработана под руководством Гордона Лоуренса [7].

С тех пор такие конференции-практикумы проводятся ежегодно в нескольких странах: в Западной Европе, Северной Америке, Азии. В Париже возник Международный фонд по социальным инновациям, который взял на себя организацию и финансирование таких конференций — не менее двух в год, и уже провел несколько их десятков [8]. Существует определенная общественная потребность в подобном "социальном обучении" [2].

Литература

1. Култыгин В.П. Британская традиция эмпирических исследований // Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.

2. Лапин Н.И., Пригожий А.И. Социальные инновации — новое направление в организационной психологии на Западе // Психологический журнал. 1982. № 5.
3. Спротт У.Дж.Г. Социология в Англии: основная тематика // Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / Г. Беккер, А. Бесков (сост.-ред.): Пер. с англ. М, 1961.
4. Abrams Ph. The Origins of British Sociology. 1834—1914. Chicago; L., 1968.
5. Bowley A.L., Hogg M.H. Has Poverty Diminished? P.S.King, 1925.
6. Bulmer M. Development of Sociology and Empirical Social Research in Britain // Essays on the History of British Sociological Research. Cambridge, 1985.
7. Exploring Individual and Organizational Boundaries. A Tavistock Open Systems Approach/ Ed. by W.G. Lowrence. Chichester, 1979.
8. International Foundation for Social Innovation. Study Meetings. Reports. Paris, 1975.
9. Kent R.A. A History of British Empirical Sociology. Aldershot: Gower, 1981.
10. Lewis R., Maude A. The English Middle Classes. L., 1949.
11. Mannheim H. Criminal Justice and Social Reconstruction. L., 1946.
12. Mannheim H. Juvenile Delinquency in an English Middletown. L., 1948.
13. Marshal T.H. Citizenship and Social Class. Cambridge University Press, 1950.
14. Marshal T.H Sociology at the Crossroads. L., 1963.
15. Mass observation: May 12th (1937); Britain (1938); War begin at home (1940); The pub and the people (1943); Puzzled people (1948); Britain revisited (1961).
16. Moser C.A., Kalton G. Survey Methods in Social Investigation. Heinemann, 1971.
17. Muller E.T., Rice A.C. Systems of Organization. L., 1967.
18. Organizational Choice: Capabilities of Groups at the Coal Face under Changing technologies. The Loss, Re-Discovery and Transformation of a Work Tradition / Trist E.L., Higgin G.W., Murray H., Pollock A.B. L.: Tavistock Publications, 1963.
19. Piatt J. Realities of Social Research. An Empirical Study of British Sociologists. L., 1976.
20. Rice A.C. Productivity and Social Organization: The Ahmedabad Experiment. L.: Tavistock Publication, 1958.
21. Rowntree B.S. Poverty and Progress. A Second Survey of York. Longmans, 1941.
22. Social Mobility in Britain / Ed. by D.V. Glass. L.: Routledge & Kegan Paul, 1954.

23. Smith H.L. The New Survey of London Life and Labor: Vols. 1—9. P.S. King, 1930-1935.
24. Trist E.L., Bamforth K.W. Some Social and Psychological Consequences of the Longwall Method of Goal Getting // Human Relations. 1951. Vol. 4.
25. Trist E.L., Sofer C Exploration in Group Relations. L., 1959.
26. Webb B., Webb S. Methods of Social Study. L., 1932.

Раздел III

ЭМПИРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В ГЕРМАНИИ

Трансформация прежних, феодальных отношений в буржуазные происходила в Германии позднее, чем в Англии и Франции. Одной из причин этого была раздробленность Германии на множество мелких княжеств. С середины XIX в. здесь развернулось массовое движение за создание демократического общенационального государства. Первым его результатом, однако, стало объединение Германии в империю при прусской гегемонии. Это был период быстрого роста населения, промышленности, городов, университетской науки. Сложилась самая большая в Европе социал-демократическая партия.

Социологическая наука возникла в Германии примерно в то же время, что и во Франции и Англии. Эмпирические социальные знания появились здесь даже раньше, чем во Франции, а первая социологическая концепция — марксизм — сформировалась непосредственно вслед за контровской: в 40-е гг. XIX в. Первые массовые социальные обследования положения трудящихся выполнены уже во второй половине XIX в.

В конце XIX — начале XX вв., при непосредственном участии М. Вебера и Ф. Тенниса, возникла немецкая традиция теоретико-эмпирических исследований, началась профессиональная подготовка методик эмпирических исследований. Во время Веймарской республики возобновились эмпирические исследования, но вскоре они были прерваны приходом к власти фашистов.

Лишь после Второй мировой войны завершается трансформация Германии в современное либеральное общество. Уже на первом этапе этой трансформации, в согласии с социальными вызовами, проведены крупные теоретико-эмпирические исследования, осуществлена их институционализация.

ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ, СТАТИСТИКА И РАННИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ

9Л

Государствоведение и статистика как истоки эмпирических социальных знаний

Герман Конринг (1606—1681) — зачинатель государственоведения как университетской дисциплины. Готфрид Ахенваль (1719—1772) ввел термин "статистика" во всеобщее употребление. Иоганн Зюсмигх (1707—1767) — первый "настоящий" статистик в Германии.

Первой формой систематизации эмпирических данных об обществе в Германии стало "государствоведение" (Staatskunde, Staatswissenschaft). Эта отрасль знания возникла во второй половине XVII в. как вид монографического описания "достопримечательностей" государства: титулов, гербов, государственного устройства, законов, территории, населения, религии, обычаев и др. Такие описания были полезны княжеским династиям, правившим в мелких немецких государствах. Для университетской науки они были логичным обобщением множества данных, накопленных к тому времени разрозненными дисциплинами.

Преподавание новой дисциплины начал в 1660 г. в университете г. Гельмштедта Герман Конринг. Он рассматривал каждое государство само по себе, в его современном состоянии, черпал из географии, новейшей истории и публичного права те данные, которые были наиболее важны для политических учреждений государства, и располагал их в соответствии с руководящей мыслью, соответствующей целям государства. Благодаря Конрингу государственоведение стало постоянным академическим предметом в немецких университетах [1, с. 20—22].

К концу XVII в. для новой науки начинают использовать название "*статистика*". В середине XVIII в. Готфрид Ахенваль ввел этот термин во всеобщее употребление. Как пояснял известный немецкий экономист и историк статистики Адольф Вагнер, о происхождении и этимологии этого слова много спорили. Чаще всего непосредственное его происхождение выводили от латинского *status*, или немецкого *Staat*. По Вагнеру, однако, правильное словопроизводство Ахенваля: «он производит его от итальянского *statista* (государственный муж) и понимает под этим выражением "ту часть практической политики, которая заключается в знакомстве со всем современным государственным устройством наших государств", т.е. то же, что и *государствоведение*» [Там же, с. 23].

Из множества предметов, имеющих в государстве, Ахенваль называет достопримечательностями те, которые заметно содействуют или препятствуют благосостоянию государства. Их совокупность он называет государственным устройством, а учение об устройстве одного или нескольких определенных государств — статистикой. Польза статистики велика для множества лиц, в особенности же для правоведов и государственных деятелей.

Жители страны рассматриваются этой статистикой как люди вообще, с точки зрения их числа; при этом обращается внимание на различную плотность населения и ее причины, на особенности жителей; отдельно они рассматриваются как граждане. Народная экономика входит в статистику под последней рубрикой — не как самостоятельный предмет, а как объект государственной опеки.

По оценке Вагнера, у Ахенваля "нет и следов стремления из отдельных статистических данных выводить *всеобщие правила* или *законы*". Количественные данные приводились очень редко [Там же, с. 30].

Впрочем, один из таких статистиков, *КГ. Анхерсен* (1700—1765) ввел табличную систематизацию "государственных достопримечательностей". Другой статистик, *А.Ф.В. Кроме* (1753—1833) стал инициатором графического метода подачи материала (подробнее см.: [3]).

Вместе с тем уже в XVII в. в Германии возникает иное направление статистики, которое использует систематические наблюдения над массами известных явлений в жизни человечества для вывода общих правил, относящихся к строю этих явлений. Объектом первых таких работ стали законы движения народонаселения, которые новые статистики стремились вывести из сведений, собираемых духовенством о рождениях и смертях (крещениях и погребениях).

бениях). Это было шагом вперед к "настоящей" статистике. Впервые оно в полной мере обнаруживается у Зюсмилхы, который "в этом смысле должен считаться первым "настоящим" статистиком" [И. с 51].

Добавим, что *Август Людвиг Шлецер* (1735—1809) разработал процедурные ступени изучения массовых социальных фактов: добытие фактов; их группировка и счетная обработка; научное осмысление. Он пропагандировал "политическую арифметику" в России, где подготовил проект статистической службы, исчислил население Петербурга, составил таблицу смертности его жителей [2].

Но, делает заключение Вагнер, задачи статистики в подлинном ее смысле были поставлены только Кетле — независимо от Зюсмилхы и используя приобретения в области критической философии и в области точных наблюдательных наук за последние сто лет. Немецкий перевод книги Кетле появился уже через три года после ее издания и оказал влияние на развитие моральной статистики в Германии.

Ранние социальные обследования и поиск статистических закономерностей

Рудольф Вирхов (1821—1902) провел обследование санитарных условий населения, завершившееся медицинской реформой в Пруссии. *Эрнст Энгель* (1821—1896) вывел "закон Энгеля" о структуре семейного бюджета. *Вильгельм Лексис* (1837—1914) внес вклад в математическое моделирование массового поведения, предложил "демографическую сетку Лексиса".

Как отметил Энтони Обершалль в своей книге "Эмпирические социальные исследования в Германии: 1848—1914", первые немецкие социальные обследования, проводившиеся в середине XIX в., восприняли форму французского и бельгийского *enquete* (букв.: расследование) [9, р. 16]. Главной целью такого обследования считался сбор экономических и социальных фактов, уяснение их причинных взаимосвязей для подготовки законодательных и административных актов. Инициатива таких обследований исходила от бюрократии немецких провинций — хорошо функционирующей, географически децентрализованной.

Первое из них, проведенное в начале 1848 г. крупнейшим немецким патологом Рудольфом Вирховым по поручению медицинских властей Пруссии, имело позитивный эффект [10]. Это было обследование санитарно-гигиенических условий жизни населения Верхней Силезии, включая широкий спектр их экономических и культурных предпосылок. Выводы исследования составили основу социально-медицинской реформы в Германии середины XIX в.

Иной была судьба обследований условий труда рабочих. Так, под давлением революционных движений 1848 г. Королевская комиссия по делам сельского хозяйства, возглавлявшаяся Александром Ленгерке, в 1849 г. предприняла обследование условий труда и жизни сельских рабочих в Пруссии. Она разослала анкеты в ассоциации земледельцев с вопросами о бюджете типичной семьи, размере заработной платы, уровне жизни крестьянских семей. Но характер ответов на вопросы анкеты не позволил осуществить их количественный анализ [7].

Первое общенациональное обследование в Германии было проведено в 1875 г. по решению Рейхстага, чтобы выяснить условия труда на фабриках, в особенности условия работы учеников. Анкеты, содержавшие две дюжины вопросов, были разосланы более чем в 500 предприятий; опрошены свыше 7000 информантов, из них $\frac{7}{3}$ ~ владельцы и менеджеры, $\frac{1}{3}$ ~ рабочие предприятий. Но ответы были несопоставимы и также не поддавались количественному анализу.

В 1874—1875 гг. по решению Конгресса немецких землевладельцев Теодор Гольц провел обследование батраков. Было разослано 15000 анкет землевладельцам по всей Германии, из них возвращены заполненными 20%. Но большинство вопросов были открытыми, не поддавались сведению в таблицы. Все же был подготовлен сводный отчет на 450 страниц о бедственном положении сельского рабочего класса [6].

Более продуктивными в научном плане были исследования, проведенные статистиками. Эрнст Энгель, используя свои данные, а также данные и подходы Кетле и Ле Пле, в 1857 г. вывел правило: доля расходов на питание в структуре семейного бюджета растет в геометрической прогрессии по мере уменьшения величины бюджета (*закон Энгеля*) [5].

Адольф Вагнер (1835—1917) — крупный экономист; в начале своей карьеры под влиянием Кетле занимался проблемами моральной статистики. В 1864 г. он собрал и проанализировал сравни-

тельную статистику самоубийств в Европе; выявил большинство природных и социокультурных факторов самоубийств, рассмотренных впоследствии Дюркгеймом, но не сумел дать им адекватное социологическое объяснение. Ученый решил ряд проблем обработки эмпирических данных, поиска закономерностей при большом разбросе данных [11].

Вильгельм Лексис своей работой "К теории массовых явлений" внес вклад в математическое моделирование массового поведения. Он много внимания уделял разработке методики и техники социальных исследований, квантификации данных, предложил *демографическую сетку Лексиса* — графическое отображение совокупности людей и событий в их жизни, позволяющее анализировать демографические процессы во времени [8].

Литература

1. Вагнер А. История и теория статистики // История и теория статистики в монографиях Вагнера, Рюмелина, Эгтингена и Швабе: Пер. с нем. СПб., 1879.
2. Иконников В.С. Август Людвиг Шлецер (К 100-летию со дня смерти). Киев, 1911.
3. Ковалева М.С. Предыстория эмпирической социологии // История теоретической социологии. Т. 1. М., 1995.
4. Култыгин В. П. Эмпирические социальные исследования в Германии // Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000.
5. Engel E. Die Productions und Consumtionsverhältnisse des Konigreich Sachsen // Zeitschrift des Staat. Bur. des Konigl. Sachs. Minist. des Inneren Nos. 1857. Nov. 22.
6. Goltz Th. Die Lage der Iandlichen Arbeiter im Deutschen Reich. Berlin, 1875.
7. Lengerke A. Die Landliche Arbeiterfrage. Berlin, 1849.
8. Lexis W. Zur Theorie des Massenerscheinungen. Freiburg, 1877.
9. Oberschall A. Empirical Social Research in Germany, 1848—1914. Mounton and Co, 1965.
10. Virchow R. Mitteilungen uber die in Oberschlesien herrschende Typus-Epidemie [1848] // Offentliche Medizin. Berlin, 1879.
11. Wagner A. Die Gesetzmassigkeit in der Scheinbar willkurlichen menschlichen Handlungen vom Standpunkte der Statistik. Hamburg: Geisler, 1864.

СТАНОВЛЕНИЕ ТРАДИЦИИ ТЕОРЕТИКО-ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Марксизм: противоречивость применения радикальной социологии в эмпирическом исследовании

Карл Маркс (1818—1883)— основоположник марксизма и его радикальной социологии; обосновал методологию взаимодополнения социальной теории и эмпирических данных. Фридрих Энгельс (1820—1895)— один из основателей марксизма, автор первого эмпирического исследования с позиций радикальной социологии.

Карл Маркс сформировал свою социологическую концепцию, а Фридрих Энгельс провел первое эмпирическое исследование рабочего класса непосредственно вслед за выходом последних, социологических томов "Курса позитивной философии" Огюста Конта. Это свидетельствует об интенсивной продуктивности методологии марксистского радикализма, но и несет в себе самоограничение, вплоть до самозакрытия, когда дело доходит до применения этой методологии в эмпирическом исследовании.

Хорошо известно, что несмотря на негативное отношение к термину "социология" в позитивистском его смысле, Карл Маркс методологически был ориентирован на взаимодополнение и взаимообоснование социальной концепции и эмпирических данных. Он неоднократно использовал в своих произведениях личные наблюдения, подготовил "Анкету для рабочих" (1880) [3]. Но не провел ни одного крупного эмпирического исследования.

Напротив, Фридрих Энгельс, соратник Маркса, охотно уступивший ему пальму первенства в разработке теории, стал автором первого эмпирического социального исследования, выполненного с позиций марксизма, хотя еще и не вполне зрелого — "Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам" (1845) [8]. По сути, оно стало первым теоретически ориентированным эмпирическим исследованием вообще и положения рабочего класса в Англии в особенности.

Назовем основные его темы: промышленная революция и промышленный пролетариат; большие города и конкуренция; ткацкая и другие отрасли труда; горнопромышленный и сельскохозяйственный пролетариат; рабочее движение и отношение буржуазии к пролетариату.

Учитывая эмпирическую традицию английской социальной науки, автор опирался на личные наблюдения и неформализованные беседы, а также использовал значительный круг публикаций. Этим исследованием Энгельс намного опередил социальные исследования того времени.

Тем не менее судьба этого исследования весьма противоречива, тем и показательна. С одной стороны, оно было опубликовано сразу же после его завершения, но не в Англии, а в Германии, на немецком языке. Для немецкого читателя оно служило как бы предупреждением: вот чего следует ожидать, если немецкие трудящиеся допустят усиление буржуазии и не осуществят в ближайшее время социалистическую революцию. Отчасти оно эту функцию выполняло, не без попустительства со стороны полуфеодальных немецких государств. Даже второе немецкое издание этой книги, вышедшее в 1892 г., могло выполнять сходную функцию, поскольку землевладельцы-юнкера потеряли еще не все свои надежды.

С другой стороны, в Англии книга Энгельса была переведена и опубликована тоже в 1892 г. (правда, без "Обращения к рабочему классу Великобритании", открывавшего оба немецких издания книги, хотя и на английском языке). Но здесь острота рабочего движения давно спала, а уровень и качество жизни всего населения, в том числе рабочих в больших городах, стали совсем иными. Блестящее эмпирическое исследование еще здравствовавшего основоположника марксизма служило, скорее, иллюстрацией недавнего, но все же прошлого страны, равно как и несбывшихся надежд молодого революционера. А в научно-методическом от-

ношении оно еще могло восприниматься как в чем-то поучительное. Видимо, сходной была и функция первого английского перевода этой книги, появившегося в 1887 г. в США. Такова диалектика социальных функций данного конкретного исследования, выполненного с радикальных позиций.

Обратимся к более общему вопросу: возможны ли массовые эмпирические исследования, выполненные с позиций радикально-марксистской или иной радикальной социологии? По-видимому, нет, поскольку радикальные позиции обрекают исследование на нелегальность и тем самым исключают его массовую представительность. Фактически и не было таких исследований. Появлялись либо нелегальные исследования, опирающиеся на статистику, либо реформистски ориентированные исследования, использующие собственно социологические данные. Впрочем, есть исключения, образующие проблемное поле вокруг себя: такова работа Энгельса с ее противоречивой судьбой; такова "Авторитарная личность" Т. Адорно с ее незавершенной судьбой.

Следовательно, радикальная социология заключает в себе радикальное внутреннее противоречие: она не может реализовать себя в собственно социологическом, репрезентативном эмпирическом исследовании. Это противоречие обрекает ее на эмпирическое самозакрытие. А затем и теоретическое ее содержание, утрачивающее связь с эмпирией, перестает быть социологическим.

Поэтому те сторонники радикальной социологии, которые ориентированы прежде всего на профессионализм, в особенности на репрезентативные эмпирические исследования, постепенно смягчают крайности теоретического радикализма и эволюционируют в направлении легитимного реформизма.

10.2 "Союз за социальную политику"

В последней четверти XIX в. в Германии появились разные формы организации эмпирических обследований и исследований: семинары по политической экономии в университетах; инициативные группы в рабочих организациях, религиозных и других ассоциациях. Помимо обследований условий труда аграрных рабочих, начались исследования ряда новых проблем: поведение

избирателей, социальная генеалогия элитных слоев, высшее образование, пресса и общественное мнение. Получили распространение анкетные опросы и монографические обследования, с использованием автобиографий респондентов и личных наблюдений исследователей; накапливается опыт применения статистических методов к анализу эмпирических данных. Конечно, речь шла о легальных, не запрещаемых правительством Бисмарка темах и формах проведения исследований.

Основную роль в проведении обследований играл в то время "Союз за социальную политику" (Verein für Sozialpolitik, 1872—1939 гг.). Он был основан в 1872 г. группой реформаторски настроенных профессоров, издателей, предпринимателей. Его активными участниками были Вильгельм Лексис, Фердинанд Теннис, Макс Вебер, Густав Шмоллер и др. В деятельности "Союза" доминировал профессиональный интерес.

В фокусе деятельности "Союза" было проведение исследований и массовых обследований современных проблем. Например изучались условия труда на фермах; ростовщичество на селе; положение работающих в торговле, на транспорте, коммерческом флоте; положение ремесленников, кустарей. Но длительное время отсутствовали исследования промышленных рабочих, поскольку это не одобрялось правительством [14, p. 21—22].

По своему характеру обследования "Союза" были ближе крайним немецким обследованиям, чем к современным. Обычно в качестве программы обследования предлагался меморандум, в котором разъяснялись цели обследования, а также прилагались 20—30 вопросов. Нередко каждый "вопрос" состоял из целой группы вопросов, например: "Растет ли численность коренного населения? Увеличивается ли число детей и детская смертность? Совершаются ли браки в зрелом возрасте или многие браки заключаются в ранние годы?" Все вопросы, объединенные в одном, оставались полностью открытыми, определение варианта ответа оставалось за информантом. В ответах, присылаемых на такие вопросы, нередко смешивались факты и фантазии, рациональные суждения и эмоции. Конечным продуктом исследования становились от 30 до 50 развернутых эссе, полученных со всех концов Германии.

Вскоре основатели "Союза" стали понимать слабости такой методологии. По сути, программа исследования формулировалась и принималась по критериям научной и общественной значимости, но без должного методологического анализа. Отсутствовала и

методологическая база для критического отношения. Не было учебников, разъясняющих, как следует строить исследование, как правильно формулировать вопросы и т.д. Основные претензии обычно предъявлялись к количественным методам: они-де весьма ограничены, не позволяют квантифицировать получаемые результаты и т.п. В этом духе, например, высказывался Шмоллер [15, s. 542].

Напротив, Шнаппер-Ардт, непосредственно участвовавший в получении ответов на анкеты нескольких исследований, едва ли не первый выступил с конструктивной критикой. В 1888 г. он опубликовал книгу "Методология социальных обследований" [16], в которой выдвинул несколько новых для того времени проблем. Например, следует больше заботиться об участниках (информантах) исследования: это разные люди — учителя, землевладельцы, юристы, члены местных правительств и др., — к ним следует обращаться с возможно более ясными и краткими вопросами, на которые они могли бы давать краткие альтернативные ответы: "Да" или "Нет". К тому же, это позволит точно подсчитывать ответы. И вообще моральная статистика по характеру своего содержания существенно отличается от демографической.

Предложения Шнаппер-Ардта многими членами "Союза" не были освоены. В 1891 г. "Союз" предпринял повторное исследование условий труда сельскохозяйственных рабочих, проведенное в 1874 г. Т. Гольцем. Но и в новом обследовании были дословно воспроизведены прежние вопросы 1874 г. [14, p. 25—26]. К анализу результатов этого исследования был привлечен Макс Вебер. С этого началось, затем стало решающим его влияние на изменение методологии исследований "Союза".

10.3

Макс Вебер как методолог теоретико-эмпирических исследований

Макс Вебер (1864—1920)— классик немецкой и мировой социологии, методолог теоретико-эмпирических исследований.

Макс Вебер широко известен как классик немецкой и мировой социологии, основоположник понимающей социологии и

теории социального действия. Но гораздо меньше известно, что преобладающий интерес к теории сочетался в его творчестве с анализом огромного массива исторических данных, участием в подготовке и проведении эмпирических исследований; более того, его теоретический интерес в определенной мере питался результатами этих исследований. И наконец, Вебер стал классическим методологом теоретически ориентированных эмпирических исследований.

В 1891 г., когда Макс Веберу было 27 лет, "Союз за социальную политику" предложил ему как одному из пяти экспертов принять участие в анализе отчетов повторного обследования положения сельскохозяйственных рабочих. Веберу достался "восточный сектор": отчеты из земель Германии, расположенных восточнее Эльбы. Результатом этого анализа стала первая крупная работа Вебера: "Положение сельскохозяйственных рабочих в Германии к востоку от Эльбы" [25].

Из всех экспертов Вебер был единственным, кто проанализировал новые результаты, сопоставляя их с результатами исследований 1848 и 1874 гг. Он составил сравнительные статистические таблицы трех исследований по немногим сопоставимым показателям: зарплата рабочих, размеры юнкерских угодий и т.п. В целом Вебер пришел к выводу, что политическому идеалу сильного национального государства соответствует развитие не гигантских патриархальных, а капиталистических хозяйств. Этот доклад на собрании "Союза" утвердил за Вебером репутацию эксперта по аграрным вопросам и ученого с острым политическим умом [14, р. 26-27].

Вебер также глубоко осмыслил роль теоретико-методологических предпосылок эмпирического исследования. Ему становится ясно, что от таких предпосылок зависит содержание проблем, выдвигаемых как предмет исследования. Вопрос не в том, говорил он, выше или ниже стали размеры реальной зарплаты рабочих, а в том, как сейчас рабочие воспринимают эту зарплату — удовлетворены они ею или не удовлетворены [25, s. 5—6]. Возможно, здесь Вебер впервые подошел к одной из своих ключевых идей: смысл действия, его значение для субъекта и других людей есть важнейший компонент *социального действия*. Поэтому измерение показателя *удовлетворенности* трудом, зарплатой и другими аспектами жизни людей необходимо в социологическом исследовании.

Через год, в 1893 г., только что образованный Евангелический социальный конгресс пригласил Вебера руководить новым обследованием аграрного труда. Взяв за основу вопросник обследования 1891 г., Вебер сократил его и упростил многие вопросы. В центр он выдвинул проблемы социальной и профессиональной мобильности, труда приезжих, происхождения различных групп крестьян. Но из 15 тыс. разосланных анкет заполнены и возвращены были лишь около одной тысячи. Анализируя их с учетом трех предшествующих обследований (1848, 1874, 1891 гг.), Вебер выдвинул предположение, что многие аспекты положения аграрных рабочих имеют психологическую природу [26].

Через полтора десятилетия, в 1908—1909 гг. Вебер вновь вплотную занялся теоретико-методологическими и специальными методическими проблемами эмпирического социологического исследования. Это был уже зрелый Макс Вебер, за плечами которого была работа "Протестантская этика и дух капитализма", многие другие фундаментальные публикации на страницах журнала "Архив социальной науки и социальной политики", который он редактировал вместе с Вернером Зомбартом с 1904 г.

Его младший брат, Альфред Вебер, к тому времени также активно участвовавший в деятельности "Союза за социальную политику", предложил "Союзу" провести обследование влияния фабричного труда на интеллектуальные и физические качества рабочих. В середине 1908 г. был создан комитет, которому надлежало подготовить вопросник и план работы исследователей. В комитет вошел Макс Вебер, который к осени того же года подготовил развернутую концепцию исследования, включая вопросник. Получилась обширная монография под названием "К психофизике промышленного труда".

В данном пособии нет возможности рассматривать содержание этой монографии. Обратим внимание на различие Вебером двух типов действий рабочего: 1) целенаправленное, рассчитываемое действие; 2) традиционно-ориентированное, "экономически иррациональное" действие [28, s. 155—157].

Разработанный М. Вебером вопросник учитывал лишь некоторые аспекты концепции: причины выбора и изменения профессии, цель жизни, использование свободного времени и др. Всего 27 вопросов. Во многих случаях это были группы вопросов

простых, по большей части относящихся к биографии и условиям труда и быта рабочих, без вариантов ответов. Значительную часть информации предполагалось получить путем прямого наблюдения.

Но участники исследования не смогли реализовать его программу. Они не установили необходимого контакта с рабочими на обследуемых предприятиях. Возвращались заполненными лишь около 10% анкет. Не было успеха и в прямом наблюдении за поведением рабочих, а также в общении с ними. Социальная организация предприятий, их групповая структура остались вне внимания исследователей.

Обследование не дало цельного результата. Обсуждение итогов на собрании "Союза" в 1911 г. было остро критическим. Макс Вебер также был критичен, но выразил надежду, что неудача не обескуражит молодежь [14, р. 127—131].

Еще один прецедент методической работы Вебера связан с его попыткой повысить качество публикаций Адольфа Лёвенштейна — рабочего, исследователя-энтузиаста, получившего от других рабочих ценную информацию об их жизни. Эту свою попытку Вебер описал в статье "О методике социально-психологических обследований и их обработки", опубликованной в 1909 г. в "Архиве социальных наук и социальной политики" [29].

Лёвенштейн подготовил и через своих друзей социал-демократов (сам он не был членом партии) распространил две анкеты: 1) о всеобщей забастовке; 2) об отношении к работе, властям и другим аспектам их жизни. Несмотря на большое количество вопросов, из 8000 разосланных анкет вернулись 5200 заполненных — очень благоприятный результат. Ценность этой информации состоит в искренности ее авторов, которые отвечают на просьбу своего товарища, и в отсутствии какой-либо фильтрации со стороны ее получателя и публикатора. В 1908—1909 гг. Лёвенштейн издал три книги: "Из глубины. Письма рабочих"; "Рабочие-философы и поэты"; "Жизненная трагедия одного поденщика" [11, 12, 13]. Этот богатый материал заслуженно составляет предмет гордости его собирателя, но требует большой осторожности и осмотрительности при научном его использовании. Вебер попытался помочь Лёвенштейну, но с малым результатом, о чем и пишет в своей статье:

«Обработка материала должна удовлетворять, как минимум, следующим требованиям. Анкеты должны сначала сортироваться по [территориальному] происхождению, профессиям, возрастным группам, а внутри них — по категориям зарплаты. Это Лёвенштейн по моей инициативе сделал. Однако он не указал те случаи, когда в его исходных данных *отсутствовали* подобные сведения (например, данные о зарплате), хотя такие случаи, насколько мне известно, имелись. Вообще *надо сделать* в точности различимым (по территориальному происхождению, группам возраста и зарплаты), как часто не было ответа на тот или иной вопрос. Подсчет должен распространяться не только на *вид* ответа ("Да" или "Нет"), но, кроме того и прежде всего, также на приводимые *мотивы*. При этом очень тщательно следует отличать *неполный* или *неясный* ответ от действительно *индифферентного* ответа» (29, s. 954; курсив Вебера)¹.

Далее Вебер отмечает ошибочность энтузиастического представления, будто "прочувствование" и "переживание" являются последней инстанцией познания в рассматриваемой области. Он настаивает на необходимости многократной перепроверки классифицированных чисел, на желательности получения корреляций между отдельными группами ответов на различные вопросы и при этом добавляет: "иногда таким образом выявляются самые неожиданные связи".

Нетрудно заметить социально-статусный диссонанс, с которым столкнулся Вебер и к которому чувствительны эмпирические социологические исследования. Особых сложностей не возникало, пока информантами обследований были представители средних слоев. Но ситуация изменилась, когда исследователи пошли за информацией к людям физического труда. В одном случае молодые исследователи, пытавшиеся реализовать программу изучения психофизических условий труда рабочих, не сумели установить необходимый контакт с этими рабочими. В другом случае энтузиаст из рабочих получил от них массу ценной информации, но не захотел следовать советам специалиста, чтобы научными методами обработать эту информацию.

Явно сказывалась ценностная нагруженность носителей эмпирической информации. Преодолеть это препятствие не всегда удавалось даже тем, кто, как Вебер, сознательно стремился это делать. Но неудачи не поколебали уверенность Вебера в своей правоте, они укрепили его решимость двигаться к поставленной цели.

¹ Цитируется в переводе М.Н. Грецкого.

10.4

Фердинанд Теннис: эмпирическая социология как социография

Фердинанд Теннис (1855—1936) — один из родоначальников немецкой профессиональной социологии; в составе специальной социологии выделил эмпирическую социологию, или социографию.

Фердинанд Теннис — один из родоначальников немецкой профессиональной социологии, сложившейся на рубеже XIX—XX вв. Основной его вклад в мировую социологию обычно видят в разработке системы теоретических понятий. Действительно, начало такой системе положила уже первая его книга "Общность и общество": она появилась в 1881 г., при жизни автора выдержала в Германии восемь изданий (последнее, "улучшенное издание" — 1935 г.) и переведена на многие языки (русского издания ее не было) [22].

Вместе с тем нельзя упускать из виду, что в 1896—1897 гг. Теннис провел обширные эмпирические исследования условий жизни нижних слоев населения Гамбурга, в том числе крупной забастовки в гамбургском порту. В 1902 г. он принял участие в обследовании условий труда на морских пароходах, которое проводил "Союз за социальную политику". С 1896 г. он изучал статистику преступности в родной провинции Шлезвиг-Гольштейн и разработал оригинальный метод ассоциаций переменных, который использовал при анализе данных; этот метод он опубликовал в 1909 г. [21]. Одновременно появилась вторая его крупная работа "Нравы" (1909).

Особого внимания заслуживает творчество Тенниса после Первой мировой войны, в период Веймарской республики. В немецкой социологии того времени доминировало теоретическое мышление и тяготение к конструированию всеобъемлющих социологических схем — в духе Вебера, Зиммеля, Фиркандта, Визе, Фрейера и, конечно, Тенниса. Социология преподавалась во всех немецких университетах. Регулярно выходили три социологических журнала. Активизировалось Немецкое социологическое общество, которое было основано в 1910 г. С 1921 г. президентом этого Общества стал Теннис, который провел с 1922 по 1930 г. пять съездов и оставался его президентом вплоть до роспуска Общества нацистами.

В эти годы Теннис создал три фундаментальные работы: "Критика общественного мнения" (1922), "Собственность" (1926), "Введение в социологию" (1931). Одновременно он возобновил эмпирические исследования преступности в Шлезвиг-Гольштейне: провел в 1926, 1927 и 1929 гг. монографические исследования состояния преступности, а также "статистико-социологическое исследование" самоубийств в той же провинции. Сознавая исключительное значение этих проблем для судеб Германии, Теннис заканчивал публикации результатов своих исследований мольбами о необходимости "морально-статистических, или социографических лабораторий". Эти лаборатории, финансируемые правительством, должны были обеспечить научное изучение морально значимых фактов социальной жизни, таких, как преступления, самоубийства, проституция, алкоголизм, подростково-юношеские отклонения. Теннис полагал, что в научных социографических лабораториях будут совместно работать специалисты различных профессий — социологи, статистики, медики, священники, учителя, образованные дамы и представители привилегированных слоев общества [19, 24].

Но его предложения не встретили отклика со стороны властей Веймарской республики. Возможно, это стало одной из причин их позорного краха.

Таким образом, в творчестве Тенниса сочеталась разработка фундаментальных проблем социологической теории, включая формальную социологию, с постоянным интересом к жгучим проблемам повседневной жизни народа, в особенности к социологическим проблемам преступности. Методологической предпосылкой такого сочетания служило всеобъемлющее понимание Теннисом структуры социологического знания.

В своих трудах он выделил два основных уровня этой структуры: 1) общая социология — изучает все виды социальности, включая те, которые наблюдаются в растительном и животном мире; 2) специальная социология — исследует только социальность, специфичную для взаимоотношений людей.

В свою очередь, специальная социология подразделяется на три части: а) чистая социология — изучает то, что образуется благодаря взаимоутверждению людей (негативные взаимоотношения между людьми, включая конфликты, Теннис отнес к общей социологии, поскольку такие отношения наблюдаются и среди

животных); б) прикладная социология; в) эмпирическая социология [7]. Можно сказать, Теннис ввел само понятие "эмпирическая социология". Затем он стал использовать и термин "социография", введенный Робертом Михельсом.

Эмпирическая социология, социография — это описательная дисциплина; собирая, систематизируя и описывая факты жизни людей, общностей, общества, она при получении обобщений использует индуктивный метод и статистические приемы обработки данных, руководствуется понятиями чистой социологии в качестве общих установок [23, с. 131]. Конечная цель социографии состоит в движении от качественных соотношений между социальными переменными к количественным. Занимаясь преимущественно теоретической социологией, он считал социографию не менее важной частью социологии [24, с. 556].

Всю свою жизнь Теннис был энтузиастом логически правильных теоретических концепций и статистически точных социографических исследований.

10.5

Теодор Гейгер: социография классов перед приходом нацистов к власти

Теодор Гейгер (1891—1952) выполнил социографическое описание социального расслоения немецкого народа перед приходом нацистов к власти.

Большая и продуктивная творческая деятельность Фердинанда Тенниса не привела к возникновению его научной школы. Все же появлялись отдельные публикации в поддержку социографического подхода, даже с явным его использованием. Одной из них можно считать книгу "Социальное расслоение немецкого народа. Опыт социографии на основе статистики" (1932). Она опубликована в качестве первого выпуска серии "Социологические вопросы современности" (издатели серии Альфред фон Мартин, Зигмунд Нойман, Альфред Саломон). Автор книги — Теодор Гейгер, профессор социологии в Высшей технической школе Брауншвейг-га. Впоследствии его назовут одним из наиболее способных немецких социологов догитлеровской эпохи [6, с. 749].

Изучение социальной мобильности и социальной стратификации было наиболее продуктивным направлением эмпирических исследований Веймарской эпохи. Оно стало набирать силу после опубликования результатов переписи профессий в 1925 г. В центр выдвинулись проблемы классов, в особенности проблема среднего класса или средних классов, в том числе "нового среднего класса" [10; 17].

Автор книги о социальном расслоении немецкого народа заявляет, что стоит на позициях "точной социологии", опирающейся на количественные, статистические данные. В предисловии он так характеризует эти позиции:

"Социология хочет описать сегодняшнее общество или общество прошлого. Она устанавливает факты, характеризует их по их свойствам, признакам, значению. Она типизирует. Ее типы — это сравнение или нормальные типы. Идеальные типы социология оставляет общей теоретической социологии. Статистика нужна ей, чтобы определить количественный вес найденных и описанных типов, отдать самой себе отчет в относительной важности собранных фактов.

Этому служит статистика и в данном исследовании. Установление признаков, значимых для классового расслоения народа или рядов признаков — дело социологической интерпретации действительности. То же самое и отображение функции классов в динамике общества. Однако к знаменателю под знаком деления нужен еще и числитель над ним — его ставит статистика.

Я бы хотел, чтобы это исследование было воспринято так: оно должно на конкретном примере показать значение и границы статистического метода в точной социологии" [9, s. 11—IV]¹.

Гейгер начинает анализ проблемы социального расслоения с построения социологического "знаменателя" этой проблемы. Он отмечает, что при характеристике немецкого общества обычно используется его экономическая дифференциация на три слоя: капиталистический, средний, пролетарский. Эта классификация слишком грубая для социологической оценки. Социологическая, более "глубокая классификация" учитывает не только экономическое положение, но и менталитет социальных слоев. С учетом этого становится ясно, что в "среднем слое" объединены не менее

¹ Здесь и далее цитируется в переводе В. Г. Ионина.

двух слоев, различающихся по доходам и менталитету. В свою очередь население, получающее заработную плату, также разделяется на две части. Эти части обоих слоев перекрестно объединяются в новые блоки (см. схему Гейгера в хрестоматии, наст, изд., с. 338). В итоге возникает схема расслоения общества на пять слоев:

- 1) "капиталисты";
- 2) средние и мелкие предприниматели;
- 3) индивидуально хозяйствующие работники;
- 4) рабочие и чиновники высокой квалификации;
- 5) рабочие и чиновники более низкой квалификации. Опираясь на эмпирические данные, Гейгер подверг критике

преувеличенные представления о размере среднего слоя, якобы достигающего 50%. Он также выделил особую позицию "индивидуально хозяйствующего работника" ("находящегося на поденном расчете у самого себя"). Последующий анализ приводит автора к еще более дробному социальному расслоению.

На этой основе Гейгер подвергает критике существующие представления о менталитете или идеологиях различных классов и слоев. Весьма проницательно он замечает:

«...крайние слои (капиталисты и малоквалифицированные рабочие), в которых локализованы "готальные общественные позиции, с растущей силой распространяют с обоих флангов свое воздействие на середину и оказываются тем самым тенденциями, задающими историю... Так сходятся лицом к лицу материализм алчности и пролетарский материализм, давно угрожая сокрушить буржуазность середины". А картина внутри среднего слоя оказывается весьма "запутанной и непросматриваемой... Короче говоря, там, где поднимается вопрос о современном социальном расслоении немецкого народа, главный интерес сегодня с полным на то основанием направлен более не влево, но на середину"» [Ibid, s. 108—109].

Эти и другие выводы работы, предисловие к которой написано летом 1932 г., позволяют глубже, социологически обоснованно вникнуть в предпосылки утверждения национал-социализма в Германии.

Немецкие социологи вели также эмпирические исследования проблем политической социологии, социологии культуры, включая социологию знания, и ряд других актуальных проблем. Тот же Т. Гейгер подверг социологической критике политическую евгенику.

Но было уже поздно. После прихода фашистов к власти в Германии прекратились независимые социологические исследования. Был прекращен выход социологических журналов, распущено немецкое социологическое общество. Эмигрировали многие социологи и другие специалисты в области социальных наук. Среди них Т. Адорно, Т. Гейгер, Э. Ледерер, К. Маннгейм, Й. Шумпетер, М. Хоркхаймер и ряд других. Многие из оставшихся в Германии "эмигрировали" в политически нейтральные области: этнологию, фольклор, географию и т.п. [6, с. 771].

Литература

1. Ковалева М.С. Эмпирические социальные исследования в Германии // История буржуазной социологии XIX — начала XX века. М., 1979.
2. Култыгин В.П. Эмпирические социальные исследования в Германии // Култыгин В.П. Классическая социология. М, 2000.
3. Маркс К. Анкета для рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19.
4. Маркс К. Оправдание мозельского корреспондента // Маркс К, Энгельс Ф. Соч.Т.1.
5. Маркс К. Экономико-философские рукописи // Маркс К., Энгельс Ф, Соч. Т. 42.
6. Мильман В.Э. Социология в Германии: новая расстановка сил // Современная социологическая теория в ее приемственности и изменении / Г. Беккер, А. Босков (сост.-ред.): Пер. с англ. М., 1961.
7. Филиппов А.Ф. Ф.Тённис как основоположник немецкой социологии // История теоретической социологии. Т. 1. М., 1997.
8. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2.
9. Geiger Th. Die soziale Schichtung des Deutschen Volkes. Soziografischer Versuch auf statistischer Grundlage. Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1932 (Soziologische Gegenwartsfragen. Heft 1).
10. Grunberg E. Der Mittelstand in der kapitalistischen Gesellschaft. Eine ökonomische und soziologische Untersuchung. Stuttgart, 1932.
11. Levenstein A. Aus der Tiefe. Arbeiterbriefe. Berlin: Morgenferlag, 1908.
12. Levenstein A Arbeiter-Philosophen und — Dichter. Bd.I. Berlin: Morgenferlag, 1909.
13. Levenstein A. Lebens-Tragodie eines Tagelohners. Mit Vorwort von A Levenstein. Berlin: Morgenferlag, 1909.

14. Oberschall A. Empirical Social Research in Germany: 1848—1914. Mouton and Co, 1965.
15. Schmoller G. Die Volkswirtschaft und ihre Methode // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 1894. Bd. 6. S. 527—562.
16. Schnapper-Arndt G. Methodologie sozialer Anketen. Frankfurt a. M., 1888.
17. Tobis H. Das Mittelstandsproblem der Nachkriegszeit und seine statistische Erfassung. Grimmen im Pommern, 1930.
18. Tonnies F. Das Verbrecher als soziale Erscheinung // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1895. Bd. 8.
19. Tonnies F. Das Verbrechen in Schleswig-Holstein: I, II, III // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1924. Bd. 52; 1927. Bd. 58; 1929. Bd. 61.
20. Tonnies F. Der Hamburger Streik von 1896/97 // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1897. Bd. 10.
21. Tonnies F. Eine neue Methode zur Vergleichung statistischer Reihen // Schmollers Jahrbuch. 1909. Bd. 33.
22. Tonnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft. 8. Aufl. Leipzig, 1833.
23. Tonnies F. Soziologische Studien und Kritiken: III. Jena: Fischer, 1929.
24. Tonnies F. Statistik und Soziographie // Allgemeines Staatliches Archiv. 1928. Bd. 18.
25. Weber M. Die Verhältnisse der Landarbeiter im Ostelbischen Deutschland // Schriften des Vereins für Sozialpolitik. 1892. Bd. 55.
26. Weber M. Die Erhebungen des Evangelisch-Sozialen Kongresses über die Verhältnisse der Landarbeiter Deutschlands // Christliche Welt, 1893. S. 535—540.
27. Weber M. (Hrsg.) Die Landarbeiter Deutschlands. Tübingen, 1899.
28. Weber M. Zur Psychophysik der industriellen Arbeit [1908-1909] // Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik. Tübingen, 1924.
29. Weber M. Zur Methodik sozialpsychologischer Enketen und ihrer Bearbeitung // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1909. Bd. 29.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОСЛЕВОЕННОЙ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

11.1

Институционализация и проблематизация социологических исследований

Послевоенный период представлял собой сплетение труднейших проблем, возникших перед каждым человеком и его семьей, перед городами и отраслями хозяйства, перед обществом и властями, перед культурой и наукой. Все они стояли перед социологией и социологами как ее субъектами.

В отличие от заводов, музеев, городов, немецкая социология в лице ее профессионалов и институтов на территории Германии была разрушена не войной, а нацистским режимом. Устранение этого режима само по себе не означало восстановления социологии. Необходимы были действия по реконструкции ее институтов и самоактивизации профессионального потенциала социологов — и тех, кто не уезжал из страны, и тех, кто в нее возвращался, а также молодежи. Похоже, эмпирические исследования сыграли при этом очень важную роль.

Старт послевоенному восстановлению независимой социологии дали "великие старцы": Альфред Вебер, Леопольд фон Визе, Теодор Гейгер, Рихард Турнвальд, Ганс Фрейер и др. Они воссоздали Немецкое социологическое общество и "Кёльнский социологический журнал", создали новое Общество эмпирической социологии и новые социологические журналы, стали проводить конгрессы и конференции, публиковать статьи и книги. Оживала деятельность социологических кафедр и факультетов в университетах [1, с. 774—777].

Эта формальная институционализация начала обрастать живой тканью социальных проблем, осмысливаемых профессионально. Сначала на конгрессах социологического общества проводился общий обзор тем, широта которых искупала недостаток инструментов для осмысления их глубины. На конференциях, проводившихся между конгрессами, предпринимались попытки зондировать глубину некоторых проблем.

Возникла потребность в новых социологических концепциях, подходах, методах. Вначале появились труды с общетеоретическими воззрениями из 1920-х гг., но они мало помогали пониманию послевоенной Германии. Возобновился интерес к статистике и социографии. Но при этом социография интерпретировалась не как эмпирическая социология, а как более узкая область знания, означающая лишь описание максимального числа параметров некоторого проблемного комплекса с использованием статистических методов. Наиболее успешными были именно такие описания проблем народонаселения [13].

Для развития собственно социологии важнее оказалось освоение новых методов эмпирической работы. В этом определенно помогло знакомство с опытом американской эмпирической социологии 1930-х—1940-х гг. Использовался и методический опыт социальной психологии. Постепенно социологи новой генерации создали свои профессиональные справочники и учебники: "Социология" Арнольда Гелена и Гельмута Шельски (1955) [6], "Учебник эмпирического социального исследования" Рене Кёнига (1962) [10], "Методы эмпирического социального исследования" Питера Атесландера (1971) [2], который, рассматривая эмпирические исследования как опытную науку, систематизировал ее методы.

Рене Кёниг стал одним из ярких выразителей эмпирической переориентации послевоенной немецкой социологии. Он сыграл важную роль в переносе методов и техники американской социологии и социальной психологии на немецкую почву. Специализировался на эмпирическом изучении социальных институтов. Был редактором "Кёльнского социологического журнала" (с 1954 г.), составителем словаря по социологии (1958), многократно переиздававшегося в Германии и переведенного на другие языки.

Освоение современных методов побуждало испытать их в опыте собственных исследований. Был нащупан первый слой социальных Проблем послевоенной Германии, которые нуждались в таких

исследованиях. Самая близкая из них — проблема семьи. Исследования показали, что семья как социальная единица выдержала выпавшие на ее долю испытания и представляет своеобразное убежище для человеческих чувств и отношений, для социализации детей [19]. Известную противоположность семье составляла проблема "перемещенных лиц", которые из территориально далеких становились близкими. К 1954 г. в Федеративной Республике Германии таких оказалось около 8,5 млн. человек. Основными социальными аспектами этой проблемы стали ассимиляция в местные общины и преодоление социальной дистанции. Обнаружилось, что тяга новых граждан к "социальному восхождению" выше, чем у старожилов [14].

Начались эмпирические исследования индустриального труда, социальной стратификации и мобильности, политической динамики общества. Вскоре проявились два подхода к их изучению: эмпирико-социографический и проблемно-эмпирический. Второй подход ориентирован не просто на описание некоторого объекта, его структуры и функционирования, а на исследование заключенной в нем *сложной социологической проблемы*. Ее сложность состоит в том, что она одновременно выражает и общественно-практическое противоречие, и противоречие теоретическое, имеющее социологический смысл. То есть решение проблемы предполагает, в конечном счете, рассмотрение ее в контексте *данного общества как целого*, его типа и стадии эволюции.

Развернулась дискуссия о характере общества, складывавшегося в то время в Западной Германии. Вновь вышел на теоретическую сцену Теодор Гейгер, который после эмиграции жил в Дании и которого теперь признавали как ведущего специалиста по проблеме стратификации на европейском континенте [1, с. 782]. Изучив социальную стратификацию в Дании, он подверг критике марксистское понятие класса как значимое лишь для определенной фазы эволюции общества, которая на Западе уже миновала. Здесь, по его оценке, снова растет роль сословных элементов [8]. Герман Митгау также обратил внимание на сословные "реликты" в немецкой секуляризованной культуре [13].

С неомарксистских позиций разрабатывал общесоциологические проблемы Ральф Дарендорф. Он сосредоточил внимание на индустриальной социологии в широком смысле, включая социологию предприятия. В центр своих исследований он выдвинул

проблему социального конфликта как источника динамики современного общества. Его работы способствовали теоретической ориентации эмпирических исследований [3—5].

Ниже мы рассмотрим два пионерных эмпирических исследования, которые имели четкую теоретико-методологическую ориентацию в указанном выше смысле. Оба они нацелены на изучение проблем, имевших большое значение для немецкого общества 1950-х гг: а) проблема трудоустройства и профессиональной подготовки молодежи; б) проблема характера труда промышленного рабочего и его представлений о том обществе, в котором он живет. В обоих случаях эти проблемы интерпретируются как социологические, требующие определенного ответа на вопросы о типе общества, складывавшегося в Западной Германии 1950-х гг., и тенденциях его изменений. Авторы предлагают свои решения этих и других проблем, опираясь на результаты проведенных ими эмпирических исследований и включаясь в теоретические дискуссии своего времени.

11.2

Гельмут Шельски: безработица и профессиональная неподготовленность молодежи

Гельмут Шельски (1912—1984) — социолог-теоретик, руководитель ряда эмпирических исследований 1950-х гг.

Гельмут Шельски — известный немецкий социолог, не эмигрировавший в годы нацизма, профессор Академии муниципального хозяйства (Гамбург), соредатор учебника "Социология" (1955). Известен как теоретическими работами, прежде всего в области промышленной социологии и социологии предприятий, так и организацией ряда эмпирических исследований, получавших научный и общественный резонанс.

Ему присущ прагматичный взгляд на реальность и ее трудные Проблемы, сочетающийся с ориентацией на разработку конструктивной стратегии решения этих проблем, руководствуясь социологическим пониманием эволюции данного, конкретного типа

общества. Такое миронастроение Шельски отчетливо выразилось в программе и результатах теоретико-эмпирического исследования "Безработица и необходимость профессиональной подготовки молодежи", выполненного под его научным руководством. Это исследование было предпринято в начале 1950-х гг. социально-научным рабочим объединением по изучению молодежных проблем, действовавшим в рамках немецких профсоюзов. Результаты исследования опубликованы в 1952 г. в книге под тем же названием [17]. Книга состоит из семи глав, авторами которых являются Гельмут Шельски (руководитель), Фриц Рудольф, Гейнц Клуц, Фриц Беерман, Герхард Вурцбахер.

Суть проблемы как одной из ключевых для немецкого общества того времени состояла в следующем: с окончанием войны значительная часть молодежи, прежде ориентированная на службу в армии, столкнулась с отсутствием не только рабочих мест в разрушенной экономике, но и своей профессиональной подготовки для выполнения квалифицированной работы. Эта проблема включала много аспектов. Из них изучались четыре.

1. Безработный юноша и его семья: нормальная и неполная родительская семья; профессиональные и хозяйственные стороны безработицы юноши и его семьи; человеческие отношения безработного юноши в родительской семье.

2. Способность молодого безработного к человеческому общению: восприятие контактов — социальная изоляция, потребность в связующих скрепах, пути и формы восприятия контактов; функции контактных отношений; существующие контактные отношения — изоляция, интимная группа, круги определенных интересов и ситуаций.

3. Отношение молодых безработных к государству и политике: сфера политики — проблема политической индифферентности, мировоззренческо-идеологический потенциал; сфера государства — государство само по себе, в его современных формах.

4. Трудовая участь юноши и криминалитет: отклонения и мотивы субъекта; факторы, которые определяют криминальность (жилище, школа, работа и др.).

Все эти аспекты исследовались в контексте групповых и социальных различий, выявлялись особенности безработных молодых людей в отличие от профессионально подготовленной и работающей молодежи.

Авторы детально представили свой методический опыт получения эмпирических данных. С одной стороны, они представили свои аргументы и сомнения относительно обсуждавшихся в то время немецкими социологами возможностей и границ использования формализованного интервью и анкеты как средств изучения *установок* и реального *поведения* молодежи. С другой стороны, авторы изложили опыт своих монографических исследований, сопоставили результаты формальных и неформальных интервью. Словом, авторы стремились быть максимально открытыми для профессиональной критики. Некоторые обсуждавшиеся ими методические вопросы и поныне сохраняют свою актуальность.

После того как все четыре содержательных аспекта были подробно описаны и проанализированы, Шельски счел необходимым дать *обобщающую социологическую интерпретацию исследованной проблемы в целом*. Он различил в этой проблеме три слоя: антропологический — вступление юношей во взрослую жизнь; историко-политический — крах повергнутой Германии; социологический — тенденция исторического развития Германии в контексте современного западного общества.

Обращаясь к социологическому слою проблемы, Шельски включает ее анализ в осмысление природы формирующегося в Западной Германии общества. Он характеризует это общество как *индустриально-бюрократическое*, т.е. имеющее индустриальную форму производства и бюрократическую форму власти во всех областях управления и жизни. Этот тип общества представляет собой определенную фазу перехода от сословно-статичной к индустриально-динамичной социальной структуре, т.е. к современному обществу — перехода, продолжающегося в Германии около 150 лет. *"Но и теперь остатки статичной структуры общества все еще смешиваются с динамичными структурами мобильного общества. Задача реального социологического анализа современности — как раз установить соотношение такого перемешивания структур в каждой предметной области"* [Ibid, s. 276; курсив Шельски]¹.

При старых общественных формах жизнь каждого отдельного человека протекала по твердо заведенному порядку, и окружающая социальная среда создавала условия для доверительных привычных взаимоотношений. Современное социальное устройство ставит людей перед все новыми и ошеломляющими ситуациями,

¹ Здесь и далее цитируется в переводе А.А. Максимовой.

постоянно требует от них умения приспосабливаться и проявлять гибкость поведения в общественной и частной жизни. "На деле *повышение социальной мобильности* в каждой форме его проявления можно рассматривать как самый общий закон развития современного общества" [Ibid; курсив Шельски].

Рассматриваемая в таком контексте, *"безработица по своим последствиям действует как усилитель динамичных элементов общества* в этой смеси, то есть *она ускоряет в пораженной ею же среде молодежи формирование типичных способов поведения в индустриально-бюрократическом обществе...*" [Ibid, s. 278; курсив Шельски].

Исследование показало, что безработная молодежь желает получить профессиональное образование. Это свидетельствует о нормальной современной социальной ситуации молодежи. Но необходимо научиться регулировать (Шельски даже пишет: "планировать") нарастающую социальную динамику, приспособиться к условиям "длительного формирования порядка".

11.3

Генрих Попитц: техника, труд и представление рабочего об обществе

Генрих Попитц — руководитель теоретико-эмпирического исследования в сталелитейной промышленности по социальным проблемам производительности труда и общественного сознания рабочих.

Генрих Попитц — один из инициаторов развития теоретически ориентированных эмпирических исследований в послевоенной немецкой социологии. В 1953—1954 гг. он, работая в Службе социальных исследований Мюнстерского университета, руководил двумя взаимосвязанными исследованиями в сталелитейной промышленности. В одном случае в центре внимания были социальные проблемы техники и промышленного труда, его производительности; в другом — проблемы общественного сознания рабочих. Результаты исследований опубликованы в двух книгах, вышедших в 1957 г.: "Техника и индустриальный труд" [15] и "Представление рабочего об обществе" [16]. Состав авторов обеих книг единый: Г. Попитц, Г. Бардт, Э. Юрес, Г. Кестинг. В обоих случаях отмечается финансовая поддержка Фонда Рокфеллера.

Отмечая наличие философско-теоретических дискуссий о технических и социальных условиях труда на крупных предприятиях, авторы высказывают убеждение, что общие представления должны быть проверены эмпирически [15, с. У]. Объектом исследований был выбран один из металлургических комбинатов в Руре. Социальные проблемы техники и производительности труда изучались с помощью документов, наблюдений и интервью.

Ключевыми аспектами первого исследования стали: кооперация труда как социальный феномен производственного процесса, два способа кооперации — бригадная и структурная; два типа трудовых ситуаций рабочего — труд с помощью машины и труд возле машины, структура рабочего времени для каждого типа; специфические требования к производительности бригадной и структурной кооперации и к производительности машины ("техническая чувствительность", ее функции); социальное нормирование.

Это исследование, с одной стороны, продолжило работу, начало которой положил во Франции А. Турен, а с другой стороны — внесло собственный вклад в понимание социальных проблем труда на современном крупном промышленном предприятии. В профессиональную социологическую культуру вошли результаты анализа новых способов кооперации как социального феномена, а также понятие "технической чувствительности" как параметра взаимоотношения человека и техники, значение которого возрастает по мере развития автоматизации производства. В целом оно помогло формирующемуся новому немецкому обществу осознать содержание социальных проблем современной тяжелой промышленности.

Второе исследование Попитца вообще имело пионерный характер: его предметом стали представления немецких рабочих об обществе. Примем во внимание своеобразную остроту этого предмета для Германии, еще не завершившей трансформацию от тоталитарного общества к рыночно-демократическому. Одним из элементов этого перехода была идея участия рабочих в управлении предприятиями через своих избираемых представителей.

Авторы отмечают существование двух взаимодополняющих предрассудков: с одной стороны, — чрезвычайно оптимистичная оценка активности убеждений рабочих, их способности к политическим действиям; "постоянно делаются попытки убедить их в том, что они чего-то хотят, что они против, что у них есть мировоззрение, что они делают политику, что все зависит от них" [16,

s. 5]¹. А с другой стороны, недооценка способности рабочих к самостоятельным суждениям и действиям; "именно эмпирическое исследование должно быть в состоянии проверить широко распространенное убеждение, согласно которому промышленные рабочие едва ли располагают достаточным опытом и пониманием, чтобы оценивать свои собственные социальные и политические проблемы" [Ibid].

Из постановки проблемы следовали три задачи исследования: 1) установить, какой имеется у рабочих собственный *опыт*, как он ими понимается и оценивается; 2) какое существует у них *знание* общественных проблем и насколько велика открытость к информации; 3) какие развиваются *представления*, не ограниченные опытом, какова их широта и интенсивность, какое значение они имеют для определения собственного места в обществе.

Сложность проблемы и задач исследования предъявляла особые требования к методам получения необходимой эмпирической информации. Основным методом стало полужформализованное интервью, полученное от 600 рабочих того же, что и в первом исследовании, металлургического комбината в Руре. Схема вопросов интервью была сформирована на основе многократных бесед в ходе первого исследования: на рабочих местах, в общежитии для одиноких, в частных квартирах и за стойкой пивного бара. Интервью включало 60 вопросов, которые не всегда имели формализованные закрытия. Во многих случаях вопросы, опубликованные в книге, сопровождалась содержательной интерпретацией авторов, построенной на основе инструкции интервьюеру и реального опыта проведения интервью [Ibid, s. 22—24].

Интервью проводили сами исследователи и несколько привлеченных сотрудников, имеющих опыт интервьюирования и прошедших специальный инструктаж. Каждое интервью занимало около двух часов. Затем на подготовку протокола требовалось еще около четырех часов. Опрос продолжался в общей сложности девять недель. Ввиду неполной формализованностиTM ответов потребовались трудоемкие процедуры по их формализуемой идентификации. 7% ответов не удалось четко типологизировать.

В итоге авторы выделили шесть типов сознания рабочих: 1) статичный порядок — 10%; 2) прогрессивный порядок — 25%; 3) коллективное отличие рабочих от *тех наверху* — 25%; 4) индивидуаль-

¹ Здесь и далее цитируется в переводе В.Г. Ионина.

ные конфликты с теми наверху — 10%; 5) нужна реформа общественного порядка — 2%; 6) классовая борьба — 1%.

Кроме того, выяснилось, что 20% опрошенных рабочих не имеют такого представления об обществе, которое удовлетворяет критериям исследователей. Эти 20 и 7% нетипологизированных ответов не учитываются в последующих выводах.

Результаты исследования авторы свели к немногим, но значимым "заключительным соображениям".

А. 73% опрошенных рабочих имеют представление об обществе, отвечающее критериям исследователей.

Б. В представлении всех этих рабочих общество выступает как дихотомия: одну его часть составляют слои населения, занятые физическим, продуктивным трудом ("Мы"), а другую часть — остальные, занятые в конторах, включая предпринимателей ("Другие", те наверху).

В. Представление о себе как производительной части общества включает два элемента.

81. *Профессионально-специфичное сознание.* В нем заложена и тенденция внутренней дифференциации на рабочих высокой квалификации, специализированных, вспомогательных. Это, по сути, прогрессистское сознание, принимающее порядок, в основе которого лежит научно-технический прогресс. Этот тип сознания характерен для 25% опрошенных (тип 2).

82. *Коллективное сознание,* рабочий отграничивает себя от "других, которые наверху", не как одиночка, а как часть рабочего сообщества. Этот тип сознания характерен еще для 25% опрошенных (тип 3).

Эти два типа представлений имеют решающее значение. Они склонны к переговорам с "другими", способны к партнерству с ними, готовы легитимизировать привлечение своих представителей к участию в управлении. Особенно это относится к прогрессистскому типу сознания. Но вскоре действия его представителей могут обрести форму "начальствования". Поэтому данный тип ожидает разочарование или радикализация.

Литература

И. Мильман В.Э. Социология в Германии: новая расстановка сил // Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / Г. Беккер, А. Босков (сост.-ред.): Пер. с англ. М., 1961.

2. Atteslander P. Methoden der empirischen Sozialforschung. Berlin, 1971.
3. Dahrendorf R. Industrie und Betriebssoziologie. Berlin, 1956.
4. Dahrendorf R. Soziale Klassen und Klassenkonflikt in der industriellen Gesellschaft. Stuttgart, 1957.
5. Dahrendorf R. Sozialstruktur des Betriebes. Betriebssoziologie. Wiesbaden, 1959.
6. Gehlen A., Schelsky H. Soziologie. Düsseldorf, 1955.
7. Geiger T. Die soziale Schichtung des Deutschen Volkes. Soziografischer Versuch auf statistischer Grundlage // Soziologische Gegenwartsfragen. Heft 1. Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1932.
8. Geiger T. Die Klassengesellschaft im Schmelztiegel. Köln, 1949.
9. Geiger T. Umschichtungen in einer danischen Mittelstadt // Acta jutlandica, Aatsskrift for Aarue Universitet, 23. Aarhus and Copenhagen, 1951.
10. König R. Handbuch der empirischen Sozialforschung. Stuttgart, 1962.
11. König R. Beobachtung und Experiment in der Sozialforschung. 3. Aufl. Köln, 1965.
12. Mackenroth G. Bevölkerungslehre. 1953.
13. Mitgau H. Standische Daseinsformen genealogisch gesehen: Untersuchungen über das Generationsschicksal im Gesellschaftsaufbau. Göttingen, 1953.
14. Müller K.V. Die Eingliederung der Heimatvertriebenen als soziologischer Vorgang. München, 1953.
15. Popitz H. u. a. Technik und Industriearbeit. Soziologische Untersuchung in der Huttenindustrie. Tübingen, 1957.
16. Popitz H. u. a. Das Gesellschaftsbild des Arbeiters. Soziologische Untersuchung in der Huttenindustrie / Popitz H., Bahrdt G.P., Jüres E.A., Kesting H. Tübingen, 1957 (3. Aufl., 1967).
17. Schelsky H u. a. Arbeitslosigkeit und Berufsnot der Jugend. II. Bd. / Unter wissenschaftlichen Leitung von H. Schelsky. Köln: Bund Verlag GMBN, 1952.
18. Schelsky H. Ortbestimmung der Deutschen Soziologie. 3. Aufl. Köln, 1967.
19. Thurnevald H. Gegenwartsprobleme Berliner Familien. Eine soziologische Untersuchung an 498 Familien. Berlin, 1948.

ХРЕСТОМАТИЯ

ФРАНЦУЗСКАЯ ЭМПИРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

О. Конт Курс
позитивной философии
Том IV Догматическая часть
социальной философии

[Введение термина *sociologie*]

Сорок седьмая лекция
Краткая оценка основных философских попыток
создать социальную науку

Depuis Montesquieu, le seul pas important qu'ait fait jusqu'ici la conception fondamentale de la *sociologie*¹ est du a l'illustre et malheureux Condorcet, dans son memorable ouvrage sur *l'Esquisse d'un tableau historique des progres de l'esprit humain*, au sujet duquel une juste appreciation exige toutefois qu'on n'oublie point la haute participation de son celebre ami, le sage Turgot, dont les precieux apercus primitifs sur la theorie generate de la perfectibilite humaine avaient sans doute utilement prepare la pensee de Condorcet.

¹ Je crois devoir hasarder des a present ce terme nouveau, exactement equivalent a mon expression deja introduite, de *physique sociale*, afin de pouvoir designer par un nom unique cette partie complementaire de la philosophie naturelle qui se rapporte a l'etude positive de l'ensemble des lois fondamentales propres aux phenomenes sociaux. La necessite d'une telle designation, pour correspondre a la destination speciale de ce volume, fera, j'espere, excuser ici ce dernier exercice d'un droit legitime, dont je crois avoir toujours use avec toute la circonspection convenable, et sans cesser d'eprouver une profonde repugnance pour toute habitude de neologisme systematique.

Источник: Comte A. Cours de philosophie positive. Tome Quatrieme contenant partie dogmatique de la philosophie sociale. 5 ed. Paris, 1894. Пер. с фр. И.К. Масалкова. Подзаголовок в квадратных скобках дан составителем.

После Монтескье единственным значимым шагом, который до сегодняшнего дня был сделан на пути к фундаментальной концепции *социологии (sociologies)*, мы обязаны известному и несчастному Кондорсе и его замечательному произведению "Очерки исторической картины прогресса человеческого разума". Справедливости ради, не следует забывать важное участие его знаменитого друга и мудреца Тюрго, ценные и простые суждения которого по общей теории совершенствования, вне всякого сомнения, оказались полезными в подготовке мысли Кондорсе.

¹ Я считаю своим долгом отныне пойти на риск с этим новым термином, полностью эквивалентным ранее введенному мною выражению *социальная физика*, чтобы иметь возможность обозначать через одно имя существительное эту дополнительную часть натуральной философии, которая положительно изучает совокупность основных законов, относящихся к социальным явлениям. Такое переименование соответствует особому назначению этого тома, что оправдывает, как я надеюсь, в полной мере этот прием, которым я всегда пользовался с необходимой осторожностью, не переставая испытывать при этом глубокую неприязнь к любой систематической привычке к неологизмам.

Сорок в о с ь м а я лекция **Основные свойства положительного метода** **при рациональном изучении социальных явлений**

В социологии, как, впрочем, и вне ее, позитивный метод будет пользоваться успехом только в силу рационального применения его главных способов, по мере постепенного их осуществления. Таким образом, речь не идет о написании предварительного логического трактата о методе в социальной физике. Тем не менее, с другой стороны, прежде чем подвергнуть социологическую науку прямому испытанию, представляется необходимым тщательно охарактеризовать ее подлинный общий дух и совокупность относящихся к ней фундаментальных средств. Точно так же мы поступали в трех предыдущих томах по отношению к различным предшествующим наукам. Крайнее несовершенство рассматриваемой науки должно с еще большей строгостью накладываться это обязательство. Хотя подобные соображения должны по своей природе, вне всякого сомнения, иметь отношение непосредственно к самой науке, рассматриваемой в ее наиболее важных концепциях, тем не менее, их можно более целенаправленно соотнести с простым методом, так как они особо предназначены для направления нашего разума

на успешное изучение этого трудного предмета, что в достаточной мере оправдывает название данной лекции.

Похоже, привычную тенденцию постоянно подчинять научные концепции фактам <...> следует ввести, наконец, в систему социальных исследований, где туманные и плохо прописанные наблюдения не создают достаточной основы для по-настоящему научных рассуждений и обычно сами предстают изменяющимися по воле воображения, стимулируемого крайне подвижными страстями.

Это предварительное изложение достаточно охарактеризовало фундаментальный дух, свойственный статической социологии. Теперь, когда мы предварительно определили в целом подлинный дух новой политической философии, нам остается также рассмотреть непосредственно, хотя и в самых общих чертах, философскую концепцию, которая должна руководить нами при динамическом изучении человеческих обществ, что составляет главную цель нашей работы <...> Впрочем, следует отметить в дополнение, что спонтанное преобладание динамической социологии на всем протяжении этого тома дает нам в настоящий момент право сократить, насколько это возможно, общую оценку, несовершенство которой и иные недочеты можно постепенно компенсировать последующими лекциями.

Как я только что объяснил, статическое видение социального организма должно, в силу природы предмета, составлять первейшую рациональную базу всей социологии. Тем не менее необходимо признать, что социальная динамика не только образует в ней наиболее и непосредственно интересную часть, особенно в наши дни, но и с чисто научной точки зрения она одна придает, в конечном счете, этой новой науке в целом ее наиболее четкий философский характер, непосредственно выводя на первое место понятие, которое в наибольшей степени отличает, собственно говоря, социологию от простой биологии, т.е. основополагающую идею непрерывного прогресса, или, скорее, постепенного развития человечества.

В социологии, как и в биологии, научное исследование использует на конкурирующих началах три основных метода, которые я, начиная со второго тома этого Трактата, выделяю в обобщенном искусстве наблюдения: чистое наблюдение, собственно эксперимент и, наконец, сравнительный метод, существенно адаптируемый к разным исследованиям живых тел. Таким образом, здесь идет речь об общей оценке относительной значимости и характера этих трех последовательных способов действия в отношении природы и о предназначении новой науки, определение которой мы дали ранее.

Социология Конта в изложении Риголажа

Глава третья

Особенности положительного метода в его применении к изучению социальных явлений

Во всякой науке метод неотделим от доктрины. Самые правильные понятия о методе, если взять их отдельно от применения, сводятся к нескольким незначительным общим правилам, недостаточным для руководства исследованиями, потому что в них не содержится указания на изменения, которым они должны подвергаться на практике. Чем более явления становятся сложными, тем меньше возможности отделить метод от доктрины, потому что видоизменения его становятся все более важными. В особенности в социологии [phenomenes sociaux]¹ понятие метода может вытекать только из предварительного очерка науки.

Метод социологии может быть определен только на практике. Поэтому нельзя требовать предварительного трактата о методе. Тем не менее, раньше чем приступить прямо к социологии [science sociale], нужно познакомиться с ее духом и источниками.

Определяя современное состояние этой науки, мы находим и в методе, и в содержании ее сочетание признаков, характеризующих предшествующий период других ветвей философии. Современная политическая наука относится к действительной науке так, как астрология к астрономии, алхимия к химии и искание общей панацеи к системе медицинских наук. Одинаковые соображения применимы и к теологической и метафизической политике. Объясняются ли явления сверхъестественным вмешательством или свойствами субстанций, эта разница между понятиями, в конце концов тождественными, не препятствует появлению общих им главных признаков, которые состоят, что касается метода, в перевесе воображения над наблюдением и, что касается содержания, в искании абсолютных понятий. Отсюда в социальной науке появляется склонность производить неограниченное и произвольное влияние на социальные явления, потому что они не считают -

Источник: Социология Конта в изложении Риголажа. С приложением двух вступительных лекций Конта в "Курс положительной философии" / Пер. с фр. Н. Лосского. СПб.: Изд. Л.Ф. Пантелеева, 1898. Приводится в современной орфографии.

¹ Здесь и далее, если в тексте Риголажа и (или) в его русском переводе термин "социология" используется вместо иной терминологии Конта, в квадратных скобках приводятся термины, используемые Контом в "Cours de philosophie positive", t. 4, leçon 48. — *Сост.*

ся подчиненными естественным законам. Общая черта всех — и теологических, и метафизических — умозрений состоит в стремлении к идеалу, в абсолютности употребляемых ими понятий и в произволе в практическом применении их. Таковы до сих пор отличительные признаки всех социальных умозрений.

Положительная философия характеризуется, что касается метода, подчинением воображения наблюдению, она открывает воображению самое широкое и плодородное поле, но ограничивает его, заставляя только открывать или совершенствовать координацию установленных реальных фактов или средства, способствующие успеху новых исследований. Именно это стремление подчинять теорию фактам следует ввести в социологию [dans le systeme des etudes sociales] <...>

Эмпирическое правило предписывает всегда переходить от простого к сложному, но единственный довод в пользу этого правила состоит в том, что этот прием удобен в неорганических науках. Собственно, нет другого логического правила, действительно общего всем умозрениям, кроме требования переходить всегда от известного к неизвестному. Это правило предписывает переходить от сложного к простому или от простого к сложному, смотря по тому, что лучше известно и более доступно. С этой точки зрения существует большая разница между неорганической и органической философией. В первой, где гармония менее ясно выражена, нужно исследовать систему, элементы которой лучше известны, чем целое, и доступны прямому исследованию в отдельности; отсюда вытекает необходимость переходить от менее сложного к более сложному. В органической философии, объектом которой служить человек или общество, рационален только противоположный прием, так как здесь целый объект лучше известен и более доступен исследованию, чем его части. Что касается внешнего мира, то целое, составляемое им, ускользает от нас. Идея вселенной никогда не делается позитивной, и понятие солнечной системы — самое сложное из всех, какие мы можем мыслить отчетливо. Наоборот, в биологической философии недоступными нам остаются подробности: существа, изучаемые ею, тем лучше известны, чем более они сложны и высоко развиты. Идея животного, например, более отчетлива, чем менее сложная идея растения, и становится все более отчетливою по мере того, как мы приближаемся к человеку, понятие которого служит исходной точкой для всех подобных умозрений. Итак, сравнивая две части философии, мы видим, что в одном случае от нас остается скрытою последняя степень сложности, а в другом — последняя степень простоты.

Социология не единственная наука, в которой необходимо изучать целое раньше частей. Биология обладает тем же характером, но социология [physique sociale] требует большего развития этого логического метода <...>

Теперь мы исследуем источники социологических исследований [en sociologie]. Ввиду большой сложности явлений мы можем рассчитывать на очень разнообразную систему прямых и косвенных источников.

В социологии надо различать два вида источников: одни, прямые, заключаются в свойственных ей средствах исследования, другие, косвенные, вытекают из ее отношений к низшим наукам. Я должен начать с оценки первого рода орудий науки.

В социологии, как и в биологии, научное исследование пользуется тремя методами наблюдения — чистым наблюдением, экспериментальным исследованием и сравнительным методом, особенно пригодным для изучения живых тел. Определим значение и характер этих трех методов.

Метафизическая философия прошлого века, основываясь на абсурдной теории исторического пирронизма, стремилась отрицать достоверность социальных наблюдений. С тех пор как это заблуждение не высказывается более открыто, скептицизм ограничивается отрицанием достоверности свидетельств человека и продолжает отвергать значение исторических исследований. Шутливое настроение или наивность некоторых геометров дошла до того, что они попытались произвести запутанные и смешные вычисления возрастания недостоверности под влиянием времени. Это предприятие помимо того, что оно благоприятствует вредным заблуждениям, дискредитировало математику среди одаренных здоровым смыслом людей, недостаточно образованных, чтобы судить прямо об этой науке, но справедливо возмущенных таким злоупотреблением ее. Некоторые философы вывели из отрицания ценности личных свидетельств принцип подразделения наук на науки, основанные на личном свидетельстве, и науки, не требующие такого свидетельства; из этого видно, каким доверием еще пользуются подобные софизмы <...>

Социальные наблюдения требуют теорий, связывающих современные факты с прошедшими. В фактах нет недостатка, самые простые из них важнее всего; но наблюдение может иметь значение только тогда, когда осуществляется под воздействием хотя бы зачаточных познаний законов социальной гармонии. Факты сами по себе не имели бы никакого смысла, если бы не были приведены в связь с законами социального развития, хотя бы посредством временной гипотезы. Итак, знакомство с духом целого не только необходимо для понимания и постановки научных вопросов, но и должно руководить исследованием, чтобы придать ему рациональный характер <...>

Наблюдение в собственном смысле этого слова должно быть подчинено положительным умозрениям относительно законов гармонии или последовательности соответствующих явлений. Ни один социальный факт не может иметь научного значения, если он не сближен с каким-либо другим социальным фактом.

Это правило служит дополнением к установленному уже требованию. Поставить в социологии на первый план изучение духа целого. Исследуемые таким образом с точки зрения гармонии или последовательности социальные явления допускают больше средств к наблюдениям, чем все другие менее сложные явления. Не только наблюдение или описание событий, но и опре-

деление обычаев, оценка памятников, анализ и сравнение языков и множество других более или менее важных путей может дать социологии полезные источники знаний. Одним словом, всякий подготовленный соответствующим воспитанием человек после достаточного упражнения может превратить в социологические данные впечатления, получаемые почти от всех событий социальной жизни.

Вторая форма наблюдения, эксперимент, на первый взгляд, кажется неприменимою к социологии. Однако нужно вспомнить об установленном мною различии между прямым и косвенным экспериментированием. Сущность экспериментального метода заключается не в искусственном воспроизведении обстоятельств явления. Имеем ли мы дело с искусственно созданным или естественным явлением, наблюдение всегда можно назвать экспериментом, если нормальный ход его испытывает определенное изменение. Именно в этом смысле экспериментальный метод может быть применен к социологическим исследованиям.

Сложность и связность биологических явлений затрудняет применение искусственных прямых опытов в этой науке. В социологии эта сложность и связность еще более сильно выражена, поэтому в ней такой род опытов совершенно невозможен. Искусственное нарушение одного из социальных элементов должно тотчас распространиться на все остальные или в силу законов гармонии их, или в силу законов последовательности. Опыт был бы лишен всякого научного значения, так как было бы невозможно вычленил ни одно из условий и ни один из результатов явления.

Патологические случаи имеют в биологии такое же значение, как эксперимент; естественный, хотя и косвенный опыт, заключающийся в них, более приспособлен к исследованию живых тел, в особенности, когда мы имеем дело со сложными явлениями и высоко развитыми организмами. В еще большей степени те же соображения применимы к социологии и должны здесь вести к подобным же заключениям. Патологический анализ возможен здесь в тех, к несчастью, слишком распространенных случаях, когда законы гармонии или последовательности социальной жизни подвергаются более или менее сильным потрясениям, например, в революционные эпохи. Эти потрясения общества аналогичны болезням индивидуального организма.

Так как патологическое исследование еще не достигло совершенства и в биологии, то ясно, что оно должно быть еще более неполным в изучении социологических вопросов; здесь оно еще никогда не доставляло помощи, несмотря на то, что материалы встречаются в изобилии. Это зависит от того, что эксперимент еще менее, чем простое наблюдение, может обходиться без руководства рациональною теориею для того, чтобы принести действительную пользу. Самые губительные политические эксперименты повторяются в истории, хотя первые попытки должны были бы указать на бессилие и опасность их. Я знаю, какое здесь влияние нужно приписать страстям, однако мы слишком часто забываем, что недостаток рационального анализа

также составляет одну из причин бесплодности, в смысле поучения, социальных опытов; если бы мы лучше наблюдали их, они сделались бы более поучительными <...>

Социальные потрясения относятся к тому же порядку вариаций, как и изменения социологических законов различными второстепенными причинами, влияние которых я ограничил неизбежными пределами. Так как социологические законы проявляют свое действие при всяком состоянии социального организма, то на основании анализа потрясений общества можно построить теорию нормального состояния его. Таковы основания пользы, приносимой косвенными экспериментами при определении форм жизни социального тела. Этот прием применим к исследованию всех сторон социальной жизни, физической, умственной, нравственной и политической, и всех степеней социального развития, к сожалению, никогда не свободных от потрясений.

Наконец, обсуждая сравнительный метод, я должен отослать читателя к применениям, которые я ему дал в биологии, указывая на преобладающее значение этого метода при всех исследованиях живых тел. Я ограничусь указанием отличительных черт сравнительного метода, являющихся при употреблении его для социологических исследований <...>

Сравнительный метод в применении его к социологии заключается главным образом в сближении социальной жизни существующих одновременно в разных местах земного шара народов, не зависящих друг от друга. Хотя прогресс человечества обладает одинаковым характером, поскольку речь идет о целом развитии народа, тем не менее в силу сочетания плохо до сих пор анализированных социальных причин различные даже значительные народности достигли еще только низших степеней развития. Вследствие этого неравенства предшествующие состояния наиболее цивилизованных наций встречаются, за исключением неизбежных второстепенных различий, у современных народов в различных местах земного шара. Сравнительный метод представляет собою то удобство, что его можно применять в обоих отделах социологии: он подтверждает и законы существования общества, и законы развития его. Во-вторых, он простирается на все возможные ступени социального развития, характерные черты которых могут быть таким образом подчинены наблюдениям. Начиная несчастными обитателями Огненной земли и кончая самыми цивилизованными народами западной Европы, нельзя представить себе ни одного социального оттенка, который не был бы осуществлен в какой-либо точке земного шара.

Таковы свойства, характеризующие в социологии сравнительный метод, имеющий целью исправлять указания исторического анализа и, в особенности, дополнять неизбежные пробелы его. Употребление этого метода в высшей степени рационально, так как он основывается на принципе постоянного тождества развития человечества <...>

Из этого заключения вытекает, что первый набросок социологии, который должен руководить различными способами исследования, необходимо основывается на каком-либо особом методе наблюдения, более приспособ-

собленном к природе этих явлений и свободном от недостатков предшествующих методов. В самом деле, такой метод существует. Это — *метод исторический*, он составляет единственную основу, на которую может опираться система политической логики.

Историческое сравнение последовательных состояний человечества служит основным научным орудием социологии [science sociologique], его применение составляет основу этой науки и отличает ее от биологии. Хотя этот исторический анализ относится только к области динамической социологии, тем не менее он имеет значение для всей науки ввиду связи ее различных частей.

Исторический метод придает социологии ее отличительный характер не только с научной, но и с логической точки зрения. В самом деле, при помощи этого нового способа наблюдать, социология усовершенствует положительный метод к выгоде всей философии. Исторический метод подтверждает характерное свойство социологии, состоящее в том, что она переходит от целого к частям. Это необходимое условие социологических исследований обнаруживается во всякой исторической работе, которая без него выродилась бы в простое компилирование случайных материалов <...>

<...> Итак, всякий закон последовательности социальных явлений, даже в том случае, если исторический метод заставляет допустить его, может быть окончательно принят только после подтверждения со стороны положительной теории человеческой природы. Все наведения, которые не могут выдержать этого контроля, рано или поздно будут признаны ошибочными. Главная сила социологических доказательств должна заключаться именно в этой гармонии между выводами исторического анализа и понятиями биологической теории человека.

Таков метод исследования, наиболее приспособленный к социологии [recherches sociologiques], он играет в ней такую же роль, как зоологическое сравнение в биологии. Последовательность различных состояний общественной жизни соответствует с научной точки зрения координации различных организмов. Когда применение этого нового метода откроет все его свойства, в нем признают видоизменение положительного метода, достаточно самостоятельное для того, чтобы можно было поставить его, наряду с наблюдением, экспериментом и сравнением в собственном смысле слова, как четвертую форму наблюдения, предназначенную под именем исторического методы для анализа самых сложных явлений.

Оканчивая эту главу, я должен обратить внимание читателя на то, что новая философия возвращает истории все ее права, чтобы сделать ее основой всех социальных умозрений несмотря на софизмы, устраняющие из политики всякое широкое обсуждение прошлого. Социология не только не ограничивает влияния, которое человеческий разум всегда приписывал истории в политических комбинациях, но и увеличивает его в высшей степени. Политика ищет в истории теперь главного руководства, а не советов или уроков для усовершенствования взглядов, приобретенных иным путем.

Рассмотрев характер социологии и различные способы ее исследования, мне остается определить в следующей главе ее отношение к другим наукам.

А. Кетле

Социальная физика, или опыт
исследования о развитии человеческих
способностей

Книга I Развитие
физических качеств человека

10. Предмет этого труда: важность исследований о человеке

Задача этого труда — изучить естественные и пертурбационные (внезапные, неожиданные. — *Сост.*) причины в их влиянии на развитие человека, попытаться измерить силу влияния этих причин и их взаимодействие.

Я вовсе не имею в виду создать теорию о человеке; мне только хочется констатировать те факты и явления, которые касаются его, и попытаться подметить, путем наблюдения, те законы, которые связывают их между собою.

Человек, которого я здесь рассматриваю, служит в обществе тем же, чем центр тяжести в телах; он — та средняя, вокруг которой колеблются социальные элементы: если хотите, это фиктивное существо, для которого все происходит сообразно средним выводам, полученным для общества. Если хотят установить, так сказать, основы *социальной физики*, то должно иметь в виду именно среднего человека, не останавливаясь на частностях и аномалиях и не исследуя, может ли такой индивидуум более или менее значительно развить какую-либо из своих способностей.

Предположим, например, что хотят узнать, каково пертурбационное влияние человека на его физическую силу. При помощи динамометра можно определить сперва силу рук и поясницы большого количества индивидуумов разного возраста, начиная с детства до старости; полученные таким образом для какой-нибудь страны выводы дадут две шкалы сил, которые будут заслуживать тем большего доверия, чем многочисленнее и тщательнее сделаны наблюдения. Сравнивая затем шкалы, полученные теми же средствами и при тех же условиях, но в различные эпохи, узнают, уменьшилась или возросла количественно сила человека под влиянием его пертурбацион-

Источник: Кетле А. Социальная физика, или опыт исследования о развитии человеческих способностей / Пер. с фр. Е. Налмановской, Л. Печерского, А. Хараша, А-Шендеровича; Под ред. А. Русова. Киев: Типография И.И. Чоколова, 1911. Т. 1. Приводится в современной орфографии.

ного действия. Вот эту переменную, которую испытывает вся система, и важно указать в социальной физике. Можно было бы также установить при помощи того же способа перемены, которым подвергались разные классы общества, не спускаясь, однако, к отдельным индивидуумам. Человек колоссального роста или геркулесовской силы остановит на себе внимание натуралиста или физиолога; но в социальной физике значение его ступает перед силой и ростом другого человека, который, нашедши экспериментальным путем средства выгодного развития роста и силы, сможет их приложить на практике и приведет к результатам, которые будут ощущаться во всей системе или одной какой-нибудь ее части.

Изучив человека в разные эпохи и у разных народов, установив последовательно разные элементы его физического и нравственного состояния и узнав в то же время те изменения, которые претерпело количество производимых и потребляемых им продуктов, увеличение и уменьшение его богатств и его сношения с другими нациями, можно установить законы, которым подчиняется человек у разных народов с момента своего рождения; другими словами — можно проследить движение центра тяжести каждой части системы так же, как мы устанавливали законы, относящиеся к человеку разных народов, на основании совокупности наблюдений, сделанных над индивидуумами. С этой точки зрения народы играют в отношении социальной системы ту же роль, что индивидуумы — по отношению к народам: и те, и другие имеют свои законы возрастания и упадка и принимают большее или меньшее участие в пертурбациях всей системы <...>

Нас, быть может, спросят: как это мы можем бесспорно определить пертурбационную силу человека, т.е. те более или менее сильные отклонения, которые испытывает система по отношению к состоянию, в котором она очутилась бы, если бы была предоставлена одним силам природы? Подобная проблема если бы и могла быть решена, была бы, без сомнения, любопытна, но и бесполезна, так как этого состояния не было бы даже в природе, так как человек, каким бы он ни был, никогда не был всецело лишен своей интеллектуальной силы и низведен до животного состояния. Больше всего заслуживает внимания вопрос о том, изменяется ли действие пертурбационной силы человека в более или менее выгодную для него сторону?

Согласно тому, что только что сказано, наука должна исследовать:

1) каковы законы, согласно которым воспроизводится род человеческий, по которым в человеке развивается его рост, интеллектуальная сила, большая или меньшая склонность к добру и злу; законы, по которым развиваются его страсти и вкусы, законы, по которым изменяются предметы его производства и потребления; законы, по которым он вымирает, и т.д.;

2) каково влияние природы на человека; каков размер этого влияния; каковы пертурбационные силы и каково было их действие в тот или иной период; каковы были те социальные элементы, которые тогда оказывали особенное влияние;

3) наконец, могут ли [пертурбационные] силы человека нарушить устойчивость остальной системы? Я не знаю, смогут ли [люди] когда-нибудь ответить на все эти вопросы, но мне кажется, что их решение даст самые прекрасные и самые интересные выводы, какие только могут иметь в виду человеческие исследования <...>

Книга II Развитие физических способностей человека

Прежде всего мы должны в своих исследованиях определить среднего человека для разных народов. Для физических способностей, допускающих непосредственное измерение, согласятся, быть может, с тем, что подобная оценка возможна; но как поступить относительно нравственных и интеллектуальных способностей? Можно ли защищать, например, такое нелепое утверждение, что храбрость одного человека относится к храбрости другого, как пять к шести, как это можно сказать об их росте!?

Не будет ли смешна претенциозность геометра, который утверждал бы серьезно, будто он вычислил, что гений Гомера относится к гению Вергилия как три к двум? Несомненно, подобные претензии были бы только абсурдны и смешны. Значит, нужно условиться о значении слов и рассмотреть, возможно ли то, что мы имеем в виду, я не говорю при настоящем состоянии науки, а при том, до которого она разовьется в будущем?

И в самом деле, можно ли требовать от изучающих социальную физику больше, чем от тех, которые предвидели возможность создания небесной механики в то время, когда под руками было очень мало наблюдений и господствовали ложные теории, наряду с неудовлетворительными средствами счисления? Важно было, следовательно, обеспечить себя средствами исполнения; затем собирать с усердием и настойчивостью точные наблюдения, выработать и усовершенствовать методы их обработки и подготовить таким образом все элементы, необходимые для построения, о котором шла речь. Вот тот путь, которому должно, по-моему, следовать для создания социальной физики; ведь, речь идет о том, чтобы узнать, есть ли возможность выработать средства исполнения и, прежде всего, возможно ли определить среднего человека? <...>

Из предыдущего видно, впрочем, что число браков, заключенных в течение года, представляет один из статистических элементов, дающих очевидно самые резкие неправильности в своем развитии. Нам могут также возразить, что это — один из статистических элементов, в котором больше всего участвует человеческая воля. Мы охотно допускаем это объяснение; но как учесть другой факт, служащий некоторым образом дополнением к этому: *из всех причин, на которые человеческое вмешательство оказывает самое сильное влияние, — это возраст.*

В данном случае действительно наблюдается удивительное подтверждение выставленного нами в начале этой работы положения, согласно которому *при увеличении числа подвергающихся наблюдению индивидуумов исчезают физические и нравственные индивидуальные особенности и на первый план выдвигаются те главные факты, в силу которых общество существует и сохраняется*. Мы, конечно, далеки от утверждения, будто научные открытия, правительственные распоряжения и практическое применение великих социальных принципов не смогут оказать заметного влияния; но эти активные силы, хотя и исходят от людей, не зависят, однако, от свободной воли человека. Мы привели замечательные факты в подтверждение наших утверждений, но эти факты, хотя и многочисленные, не опирались на достаточно продолжительные наблюдения, для того чтобы можно было высказать с полной уверенностью наши положения <...>

Глава 7. О влиянии пертурбационных причин на число смертных случаев

1) Влияние профессий, степени зажиточности и т.п.

При современном состоянии науки почти невозможно точно определить различную степень вероятности смертности, которой подвергается человек при том или ином положении его в данном социальном строе; данные, которые удалось собрать по этому вопросу, еще слишком малочисленны и недостаточно определены; однако их уже достаточно много для того, чтобы доказать, что под влиянием профессии значительно изменяется степень смертности. То же можно сказать и о достатке, которым пользуется население, и способах и средствах питания. Для того чтобы остановиться на этих важных вопросах, приведем некоторые из главных выводов, к которым пришли в настоящее время.

Мы считаем нужным предпослать нашим наблюдениям одно важное замечание, подсказываемое теорией *вероятностей*, которая так часто упоминается в наше время и принципы которой так же часто нарушаются. Для того, чтобы тот или иной вывод, сделанный на основании чисел, представленного наблюдателем, заслуживал некоторого доверия, необходимо, чтобы *использованные наблюдения были точны и достаточно численны* <...>

С более общим значением действуют силы природы одновременно со случайными причинами, и великое искусство наблюдателя заключается в том, чтобы суметь определить их соответствующее действие: одну часть можно было бы назвать *вечной*, так как она периодически возрождается под влиянием постоянных сил; а другую — *случайной*, так как она случайно и всяческими способами нарушает действие природы.

Все наши усилия должны быть направлены к решению этих двух великих вопросов: надо уметь определять действие, оказываемое природой, человеком и теми случайными факторами, которые постоянно изменяют это действие. Определение естественных сил и изучение пертурбационных сил составляет самый важный вопрос статистики или социальной физики <...>

Глава 8. О населении и его приращениях

<...> Народы нарождаются незаметно; только тогда, когда они достигают известного развития, начинают интересоваться своим существованием. Это приращение бывает более или менее быстрым и происходит или вследствие избытка рождений над смертными случаями, или вследствие иммиграции. Оно указывает на достаточную степень благосостояния и на то, что средства к существованию превышают нужды существующего населения. Если оно приближается к этому пределу или переходит его, то рост населения прекращается и уступает место обратному. Интересно, стало быть, исследовать, сколько жителей в каждой стране, каковы их средства к существованию, какова сила прироста и, вместе с тем, пределы, которых оно может безопасно достигнуть...

Когда какое-нибудь население достигло в своем развитии уровня своих средств к существованию, оно должно остановиться благодаря человеческой предусмотрительности; или, если оно имело несчастье перейти этот предел, оно насильно возвращается к нему излишком смертности. Препятствия могут быть сведены в этом случае к двум группам. Первые действуют, предупреждая прирост населения, а другие — разрушая его по мере его образования. Совокупность первых составляет то, что называют *предупредительными препятствиями*, а вторые — *разрушительными препятствиями*¹.

Мальтус исследовал с большой проницательностью главные препятствия, которые население может встретить в своем приращении; не менее удачно определил он предел, перейти который оно может, только подвергнувшись очень большим потерям. Надо однако признать, что, несмотря на исследования английского ученого и следовавших по его стопам экономистов, влияние препятствий не было ясно установлено. Не установили закона, в силу которого они действуют: одним словом, не было дано способов перемещения теории населения в область математических наук, к которой она должна была, казалось, специально принадлежать. Вследствие этого исследование этого трудного вопроса и не могло быть до сих пор полным; преувеличивали, может быть, опасности, угрожавшие обществу, не находя в действии препятствий достаточно гарантий против зла, ужасающая быстрота развитая которого идет в геометрической прогрессии.

Чтобы постараться заполнить столь важный пробел, я занялся многочисленными исследованиями, приводить детали которых здесь излишне. Внимательное исследование вопроса доказало мне, что теория населения может быть сведена к двум принципам, которые я рассматриваю как основные принципы анализа развития населения и причин, влияющих на него.

¹ *Malthus. Essai, etc. p. 20.* По-моему, разрушительные препятствия принадлежат вообще к естественным силам, а предупредительные препятствия — к *пертурбационным* силам человека.

1. *Население стремится к возрастанию в геометрической прогрессии.*
2. *Сопротивление (или сумма препятствий его развитию) при равенстве прочих условий равно квадрату скорости, с которой население стремится возрастать.*

Э. Дюркгейм

Самоубийство. Социологический этюд

Предисловие

С некоторого времени социология вошла в моду; самое слово "социология" стало теперь употребляться очень часто, а еще десять лет назад оно было малоизвестно и почти осуждено наукой. Социология находит себе все новых и новых сторонников, и в публике слагается какое-то предвзято благосклонное отношение к этой новой науке, на которую возлагаются самые большие надежды. Нельзя, однако, не признать, что полученные до сих пор результаты не вполне оправдывают ни большого количества опубликованных по этому вопросу трудов, ни затраченного на них интереса читателей.

<...> Вместо того чтобы поставить себе целью осветить своими лучами определенную часть необъятного социального поля, социология в большинстве случаев ищет блестящих выводов, причем все вопросы только подвергаются общему обзору, но отнюдь не исследуются по-настоящему; такой метод легко ведет к злоупотреблениям, давая читающей публике так называемое "представление" о всякого рода вещах, но не приходя при этом ни к какому объективному результату <...>

Вместо того чтобы предаваться метафизическим размышлениям по поводу социальных явлений, социолог должен взять объектом своих изысканий ясно очерченные группы фактов, на которые можно было бы указать, что называется, пальцем, у которых можно было бы точно отметить начало и конец, — и пусть он вступит на эту почву с полной решительностью. Пусть он старательно рассмотрит все вспомогательные дисциплины — историю, этнографию, статистику, без помощи которых социология совершенно бессильна <...>

<...> И если среди различных вопросов, которые разбирались нами на всем протяжении нашего курса, мы выбрали темой настоящей книги самоубийство, то поступили мы так главным образом потому, что самоубийство

Источник: Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / Пер. с фр. А.Н. Ильинского; Под ред. В.А. Базарова. СПб., 1912. Приводится в современной орфографии.

принадлежит к числу явлений, наиболее легко определяемых, и может служить для нас исключительно удачным примером <...> Без всякого сомнения, нам не раз случалось ошибаться, чрезмерно увлекаться в своей индукции и отдаляться от наблюдаемых фактов; во всяком случае, каждое из своих положений мы подкрепляли возможно большим количеством доказательств; особенное внимание мы обращали на то, чтобы как можно тщательнее отделить рассуждение по поводу данного положения и нашу субъективную интерпретацию его от самих рассматриваемых фактов. Таким образом, читатель может сам оценить, насколько основательны предлагаемые ему объяснения, имея под руками все данные для обоснованного суждения <...>

Предлагаемый нами метод целиком зиждется на том основном принципе, что социальные явления должны изучаться как вещи, т.е. как внешние по отношению к индивиду реальности. Для нас это столь оспариваемое положение является основным. В конце концов, для того чтобы существование социологии было возможным, раньше всего нужно, чтобы у нее был специальный, только ей принадлежащий объект изучения <...>

Введение

<...> Мы можем с определенностью сказать: *самоубийством называется каждый смертный случай, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах.*

Книга II Социальные причины и социальные типы

Глава I. Метод их определения

Результаты предыдущей книги носят не только отрицательный характер. Мы установили в ней, что в каждой социальной группе существует совершенно специфическая склонность к самоубийству, необъяснимая ни физико-органическим строением индивидов, ни физической природой окружающей их среды. Отсюда по методу исключения вытекает, что склонность эта неизбежно должна зависеть от социальных причин и представлять собой коллективное явление; некоторые рассмотренные нами факты, в особенности же географические и сезонные колебания процента самоубийств, привели нас именно к такому заключению. Эту склонность мы должны теперь изучить ближе и более тщательно.

Глава II. Эгоистическое самоубийство

Рассмотрим, каким образом различные вероисповедания влияют на самоубийство.

I

Если посмотреть на европейскую картину самоубийств, то с первого взгляда бросится в глаза, что в чисто католических странах, как то в Италии, Португалии и Испании, самоубийства развиты очень мало, тогда как максимум их наблюдается в протестантских странах, в Пруссии, Саксонии и Дании. Нижеследующие средние цифры, выведенные Морселли, подтверждают это первое впечатление.

Среднее число самоубийств на 1 млн. жителей:		
Государства	протестантские	190
„	смешанные (прот. и кат.)	96
„	римско-католические	58
„	греко-католические	40

Впрочем, низкий уровень самоубийств у греко-католиков не может быть с уверенностью приписан влиянию религии, так как цивилизация этих стран резко отличается от цивилизации других европейских наций, а следовательно, этнокультурные различия и могут оказаться причиной неодинаково выраженной склонности к самоубийству. Но нельзя сказать того же самого относительно большинства католических и протестантских обществ. Бесспорно, не все эти страны находятся на одинаковом моральном и интеллектуальном уровне, но сходство между ними настолько велико, что мы имеем некоторое право приписать различию вероисповедного культа тот очевидный контраст, который они собой представляют по отношению к самоубийству...

Среди больших государств, входящих в состав Германской империи, наименьшее число самоубийств приходится на долю Баварии. Там едва насчитывается до 90 годовых случаев на 1 млн. жителей, начиная с 1874 г., тогда как в Пруссии в 1871—1875 гг. их было 133, в герцогстве Баденском — 156, в Вюртемберге — 162, в Саксонии — 300; в то же время именно здесь более всего католиков: 713,2 на 1000 жителей. Если мы, с другой стороны, сравним различные провинции этого королевства, то увидим, что число самоубийств прямо пропорционально числу протестантов и обратно пропорционально числу католиков.

Глава III. Эгоистическое самоубийство (продолжение)

Но если религия предохраняет от самоубийства лишь постольку, поскольку она создает общество, то вполне вероятно, что и другие общественные союзы вызывают те же результаты. Рассмотрим с этой точки зрения политическое общество и семью.

I

Если принимать во внимание только абсолютные цифры, то получается впечатление, что холостые люди кончают с собою реже, чем женатые. Так, например, во Франции в период 1873—1875 гг. насчитывалось 16264 самоубийства среди женатых, тогда как холостяки дали только 11709 случаев. Первое число относится ко второму как 100 к 132. Так как та же пропорция наблюдается и в другие периоды, и в других странах, то некоторые исследователи раньше утверждали, что брак и семейная жизнь увеличивают склонность к самоубийству <...> Меньшее число самоубийств, даваемое холостыми, зависит не от безбрачия, а от того, что большинство из них еще не вышло из детского возраста. Поэтому, если при сравнении этих двух групп населения мы хотим выделить то влияние, какое оказывают семейные условия и только они одни, то мы должны отбросить этот вносящий пертурбацию несовершеннолетний элемент и противопоставить людям, состоящим в браке, только неженатых и незамужних свыше 16-летнего возраста, исключая более молодое поколение. Откинув это последнее, мы находим, что за период 1863—1868 гг. на 1 млн. холостых старше 16-летнего возраста приходится в среднем 173 случая самоубийства, а на 1 млн. женатых — 154,6. Первое число относится ко второму как 112 к 100. Мы видим, таким образом, что безбрачие увеличивает количество самоубийств <...>

Законы, вытекающие из этих данных, могут быть сформулированы следующим образом.

1. Слишком ранний брак увеличивает склонность к самоубийству, особенно у мужчин <...>

2. Начиная с 20 лет люди, состоящие в браке, по отношению к холостым и незамужним обладают коэффициентом предохранения [от самоубийства], превышающим единицу <...>

3. Коэффициент предохранения супругов по отношению к холостым и незамужним изменяется в зависимости от пола. Во Франции преимущество на стороне мужчин, и разница между полами довольно значительна; для мужчин мы имеем 2,73, тогда как для женщин (замужних) — 1,56, т.е. на 43% Меньше <...>

4. Вдовство уменьшает коэффициент предохранения супругов обоего пола, но обыкновенно не уничтожает его совершенно. Вдовцы убивают себя чаще, чем люди, состоящие в браке, но в общем менее, нежели совсем безбрачные.

IV

<...> Нельзя отрицать, что существенным фактором предохранения от самоубийства людей, состоящих в браке, является все-таки семья, т.е. сплоченная группа, образуемая родителями и детьми <...> Семейный союз, точно так же, как и религиозный, является могучим предохраняющим средством от самоубийства.

Это предохранение тем полнее, чем больше семья, т.е. чем больше число ее членов <...>

<...> Поскольку семья является мощным предохранителем от самоубийства, она тем лучше оказывает свое воздействие, чем сильнее ее сплоченность.

V

<...> Итак, факты далеко не подтверждают обыденного мнения, что самоубийства вызываются главным образом тяготами жизни; наоборот, число их уменьшается по мере того, как существование становится тяжелее. Вот неожиданное последствие мальтузианства, которого автор его, конечно, не предполагал <...>

В литературе встречается мнение, что великие политические перевороты умножают число самоубийств. Но Морселли показал, что факты противостоят этому мнению. Все революции, имевшие место во Франции в течение XIX в., уменьшили количество самоубийств в тот период времени, когда они совершались. Общее число самоубийств, имевших место с 1804 г., падает в революционный 1830 г. до уровня 1756 г., что дает внезапное уменьшение приблизительно на 10%. В 1848 г. падение это не менее значительно: общая годовая сумма понижается с 3647 до 3301. Далее, в 1848—1849 гг., кризис, только что разразившийся во Франции, проносится по всей Европе; количество самоубийств везде уменьшается, и уменьшение тем заметнее, чем сильнее и продолжительнее был кризис.

В Германии возбуждение было более сильно, чем в Дании, и борьба была более продолжительна, чем во Франции, где новое правительство образовалось немедленно; в соответствии с этим в германских государствах число самоубийств продолжает понижаться вплоть до 1849 г. В этом последнем году понижение достигает 13% в Баварии, 18%—в Пруссии; в Саксонии за один только 1848—49 гг. оно также равняется 18%.

Если взять всю Францию в целом, то ни в 1851, ни в 1852 гг. мы не замечаем аналогичного явления. Число самоубийств остается постоянным. Но в Париже *coup d'etat* производит свой обычный эффект; несмотря на то, что он совершился в декабре 1851 г., цифра самоубийств падает с 483 в 1851 г. до 446 в 1852г. (-8%) и в 1853 г. остается еще на уровне 463. В этом факте можно было бы видеть доказательство того, что переворот сверху, совершенный в 1851 г., гораздо сильнее потряс Париж, чем провинцию, которая, по видимому, осталась почти индифферентной. Однако влияние подобного рода кризисов вообще гораздо заметнее отражается на столице, нежели на департаментах. В 1830 г. в Париже падение равнялось 13% (269 случаев вместо 307 в предшествующем году и 359 в следующем); в 1848 г. оно составляло 32% (481 случай вместо 698).

Даже чисто парламентские кризисы, несмотря на свою сравнительно малую интенсивность, имеют иногда тот же самый результат. Так, например, во Франции хроника самоубийств носит на себе явный след парламент-

ского переворота 16 мая 1877 г., того возбуждения, которое за ним последовало, а также тех выборов, которые в 1889 г. положили конец буланжистской агитации.

В течение первых месяцев 1877 г. число самоубийств выше соответственного числа 1876 г. (1945 вместо 1784 с января по апрель включительно), и повышение это сохраняется в мае и июне. Лишь в конце последнего были распушены палаты и фактически начался избирательный период; по всей вероятности, именно в этот момент политические страсти были возбуждены всего сильнее, ибо в дальнейшем они должны были несколько успокоиться под влиянием времени и усталости. И мы видим, что в июле число самоубийств уже не превышает соответствующей цифры предыдущего года, а спускается ниже ее на 14%. Если не считать легкой приостановки в августе, понижение это сохраняется, хотя и в меньшей степени, вплоть до ноября. В этот момент кризис заканчивается. Тотчас же по его окончании нарастающее движение самоубийств, временно приостановленное, начинается снова. В 1889 г. интересующее нас явление обнаруживается еще ярче. Палата расходится в начале августа; избирательная агитация начинается немедленно и продолжается вплоть до конца сентября, когда и произошли выборы. И в августе наблюдается, по сравнению с соответственным месяцем 1888 г., внезапное уменьшение числа самоубийств на 12%, которое сохраняется в сентябре, но более или менее быстро прекращается в октябре, т.е. в тот момент, когда борьба закончена.

Великие национальные войны оказывают то же самое влияние, как и политические волнения. В 1866 г., когда разражается война между Австрией и Италией, число самоубийств как в той, так и в другой стране понижается на 14%.

	1865 г.	1866 г.	1867 г.
В Италии	678	588	657
В Австрии	1464	1265	1407

В 1864 г. наступает очередь Дании и Саксонии. В этой последней стране число самоубийств, составлявшее 643 на 1 млн. жителей в 1863 г., упало в 1864 г. до 545, т.е. на 16%, чтобы в следующем, 1865 г. снова подняться до 619. Что касается Дании, то, не имея сведений о числе ее самоубийств в 1863 г., мы не в состоянии сравнить его с числом 1864 г.; но мы знаем, что общий итог самоубийств в этом последнем году выражается цифрой (411), ниже которой число добровольных смертей ни разу не спускалось, начиная с 1852 г. И так как в 1865 г. оно поднимается до 451, то, по всей вероятности, цифра 411 знаменует собой значительное понижение. Война 1870—1871 гг. имела такие же последствия для Франции и Германии.

Можно было бы подумать, что это уменьшение вызвано тем обстоятельством, что во время войны часть населения призывается на военную службу, а в действующей армии чрезвычайно трудно, конечно, вести счет самоубийствам. Но женщины не менее мужчин участвуют в указанном по-

нижении. В Италии число женских самоубийств со 130 в 1864 г. спускается до 117 в 1866 г.; в Саксонии - со 133 в 1863 г. до 120 в 1864 г. и до 114 в 1865 г. (уменьшение на 15%) <...>

Таким образом, вышеприведенные факты допускают лишь одно объяснение. И объяснение это заключается в том, что великие социальные перевороты, как и великие национальные войны, оживляют коллективные чувства, пробуждают дух партийности и патриотизма, политическую веру и веру национальную и, сосредоточивая индивидуальные энергии на осуществлении одной цели, создают в обществе — по крайней мере на время — более тесную сплоченность <...>

VI

Мы последовательно установили следующие три положения.

Число самоубийств изменяется обратно пропорционально степени интеграции религиозного общества.

Число самоубийств изменяется обратно пропорционально степени интеграции семейного общества.

Число самоубийств изменяется обратно пропорционально степени интеграции политического общества.

<...> Мы приходим, следовательно, к нашему общему выводу: число самоубийств обратно пропорционально степени интеграции тех социальных групп, в которые входит индивид.

Глава V. Аномичное самоубийство

Общество является не только тем объектом, на который с различной интенсивностью направляются чувства и деятельность индивидов; оно представляет собой также управляющую ими силу. Между способом проявления этой регулирующей силы и социальным процентом самоубийств существует несомненное соотношение.

I

Известно, что экономические кризисы обладают способностью усиливать наклонность к самоубийству.

В 1873 г. в Вене разразился такой кризис, достигший своего апогея в 1874 г., и в то же самое время можно было констатировать увеличение числа самоубийств. В 1872 г. насчитывалось 141 случай, в 1873 г. их было уже 153, в 1874 г. — 216, т. е. число их увеличилось на 51% по отношению к 1872 г. и на 41% — по отношению к 1873 г. Что это увеличение единственной своей причиной имело экономическую катастрофу, доказывается тем, что особенно высоко оно было в самый острый момент кризиса, а именно в течение первых 4 месяцев 1874 г. С 1 января по 30 апреля 1871 г. зарегистрировано 48 самоубийств, в 1872 г. — 44 и в 1873 г. — 43; в 1874 г. их насчитывалось за тот же период 73.

Мы имеем здесь, следовательно, увеличение на 70%. Тот же самый кризис охватил одновременно Франкфурт-на-Майне. В течение годов, предшествовавших 1874 г., среднее годовое число самоубийств равнялось там 22, в 1874 г. их было уже 32, т.е. на 45% больше.

Еще очень ярко у всех сохранилось в памяти воспоминание о знаменитом крахе, постигшем парижскую биржу в 1882 г. Последствия его дали себя почувствовать не только в одном Париже, но и во всей Франции. С 1874 до 1876 г. увеличение среднего годового числа самоубийств не превышало 2%; в 1882 г. оно достигает 7%. Кроме того, увеличение это равномерно распределялось на протяжении всего года, но особенно ярко выразилось в течение трех первых месяцев, т.е. как раз в момент этого краха. На эти три месяца приходится 0,59% общего увеличения. Ясно, что это возрастание зависит от исключительных обстоятельств, так как его не только не наблюдалось в 1881 г., но оно исчезло в 1883 г., хотя этот последний имеет, в общем, немного большее число самоубийств, чем предыдущий.

Соотношение между экономическим состоянием страны и процентом самоубийств наблюдается не только в нескольких исключительных случаях; оно является общим законом. Цифра банкротств может служить барометром, отражающим с достаточной чувствительностью изменения, происходящие в экономической жизни. Если наблюдается, что при переходе от одного года к следующему цифра эта внезапно увеличивается, можно быть уверенным, что произошла какая-нибудь значительная пертурбация в финансовом мире. В период 1845—1869 г. 3 раза наблюдалось внезапное повышение банкротств — этот характерный симптом кризиса; в продолжение этого периода годовое увеличение числа банкротств равнялось 3,2%; в 1847 г. оно достигает 26%, в 1854 г. — 37, в 1861 г. — 20%. Именно в эти моменты можно было констатировать также исключительно быстрый рост числа самоубийств; в то время как на протяжении этих 24 лет годовая сумма самоубийств увеличивается только на 2%, в 1847 г. увеличение достигало 17%, в 1854 г. -8, в 1864 г. -9%.

Но чему именно должны мы приписать такое влияние кризисов? Не потому ли происходит это явление, что с потрясением общественного благосостояния растет нищета? Не потому ли, что условия жизни становятся тяжелее, расставаться с ней более легко? Подобное объяснение соблазнительно по своей несложности, тем более что совпадает с общепринятым мнением о самоубийстве; тем не менее факты противоречат ему.

В самом деле, если число добровольных смертей увеличивается в силу того, что условия жизни становятся тяжелее, оно должно было бы заметно уменьшаться в тот период, когда благосостояние страны улучшается. Но, в^{то} время как чрезмерное возрастание стоимости предметов первой необходимости действительно вызывает повышение числа самоубийств, это последнее, как показывает опыт, не опускается ниже среднего уровня в тот период, когда наблюдается обратное движение цен. В Пруссии в 1850 г. цена на

хлеб была так низка, как еще ни разу на протяжении всего периода с 1848 по 1881 г. 50 килограммов стоили 6 марок 91 пф., а тем не менее число самоубийств вместо 1527 в 1849 г. повысилось до 1736, т.е. увеличилось на 13%, и продолжало увеличиваться в течение 1851, 1852 и 1853 гг., хотя низкие цены держались устойчиво. В 1858—1859 гг. имело место новое падение цен, но число самоубийств продолжало увеличиваться. В 1857 г. оно было 2038, в 1858 г. — 2126, в 1859 г. — 2146. В продолжение 1863—1866 гг. цены, достигшие 11 м. 04 пф. в 1861 г., постепенно понижаются до 7,95 м. в 1864 г. и остаются весьма умеренными до конца этого периода. За то же самое время число самоубийств увеличилось на 17% (2112 — в 1862 г. и 2485 — в 1886 г.)<...>

Насколько трудно приписать возрастание числа самоубийств влиянию растущей нищеты, видно из того, что даже счастливые кризисы, во время которых благосостояние страны быстро повышается, оказывают на самоубийство такое же действие, как экономические бедствия.

<...> Вот почему нет ничего, что бы могло служить случайной причиной самоубийства; все зависит от той интенсивности, с которой влекущие за собой самоубийство причины оказывали свое воздействие на индивида.

II

Это заключение может найти себе подтверждение уже в одном постоянстве процента самоубийств. Если, следуя нашему методу, мы должны были оставить до настоящего времени эту проблему нерешенной, то фактически очевидно, что она не допускает никакого другого решения. Когда Кетле обратил внимание философов на поразительную регулярность, с которой известные социальные явления повторяются в течение тождественных периодов времени, он полагал, что объяснением ей может служить его теория среднего человека, — теория, оставшаяся до сих пор единственной систематической попыткой дать объяснение этой замечательной особенности. По его мнению, в каждом обществе имеется определенный тип, которого более или менее правильно воспроизводит вся масса индивидов и среди которого только меньшинство имеет тенденцию отклоняться от средней под влиянием причин, нарушающих обычное течение жизни. Например, существует совокупность физических и моральных признаков, наблюдаемая у большинства французов, но которой нет в том же виде и размере у итальянцев и немцев, и наоборот. Так как эти признаки являются наиболее распространенными, то и вытекающие из них поступки встречаются очень часто, они образуют самую обширную группу. Те же индивиды, которые, наоборот, определяются выходящими из ряда особенностями, редки, как и сами эти особенности. С другой стороны, не будучи абсолютно неизменным, общий тип изменяется гораздо медленнее, чем тип индивидуальный, так как гораздо труднее измениться всему обществу в целом, чем отдельным лицам. Это постоянство естественно сообщается и поступкам, которые вытекают из характеристических свойств этого типа. Первые не изменяются ни по каче-

ству, ни по величине, пока не изменяются вторые, а так как в то же время эти способы действия являются наиболее распространенными, то постоянство неизбежно становится общим законом проявлений человеческой активности, как это и показывает статистика. В самом деле, статистик подсчитывает все однородные факты, совершающиеся в недрах одного и того же общества. А так как эти последние остаются неизменными до тех пор, пока сохраняется постоянным общий тип общества, и так как, с другой стороны, изменения типа осуществляются лишь с большими затруднениями, то результаты статистических обследований необходимо должны оставаться одинаковыми в течение довольно длинного ряда последовательных лет. Что же касается тех фактов, которые совершаются под влиянием исключительных особенностей и индивидуальных случайностей, то они, конечно, не обнаруживают такой правильности. Вот почему постоянство никогда не бывает абсолютным.

Но это — лишь исключения; следовательно, неизменность можно считать правилом, а изменчивость — исключением.

Этому общему типу Кетле дал название *среднего типа*, так как он точно определяется, если взять среднюю арифметическую всех индивидуальных типов. Например, если, определивши все длины роста, сложить эти величины и сумму разделить на число подвергавшихся измерению индивидов, то полученное частное выразит с достаточным приближением среднюю длину роста, так как можно допустить, что отклонения вверх и вниз, т.е. люди высокого и низкого роста, встречаются почти в одинаковом количестве. Они компенсируют друг друга и, следовательно, не изменяют частного.

Такая теория кажется очень простой; но, во-первых, она может быть рассматриваема как объяснение только в том случае, если она дает нам понять, откуда происходит то, что средний тип осуществляется в преобладающей массе индивидов. Для того, чтобы он не изменялся в то время, как изменяются эти последние, нужно, чтобы, с одной стороны, он был независим от них, а с другой стороны, чтобы был все же какой-нибудь путь, которым он мог бы накладывать на них свою печать. Правда, исчезает самая эта проблема, если допустить, что интересующий нас тип совпадает с этническим типом. В самом деле, элементы, создающие расу, имея свое происхождение вне индивида, не подчиняются тем изменениям, как и он, хотя в нем и только в нем одном они реализуются. Весьма понятно, что они пронизывают собой чисто индивидуальные элементы и даже служат для них основанием. Однако это объяснение могло бы соответствовать самоубийству лишь в том случае, если бы склонность, влекущая к нему человека, зависела непосредственно от расы, а мы знаем, что существующие факты противоречат этой гипотезе. Могут сказать, что общее состояние социальной среды¹ будучи одно и то же для большинства отдельных личностей, касается их² всех одинаковым образом и дает им, в частности, одну духовную физиономию. Но ведь, по существу своему, социальная среда состоит из идей, веро-

ваний, привычек, общих стремлений; для того чтобы последние могли воздействовать таким образом на индивидов, они должны существовать до известной степени независимо; как видим, этого рода соображения неизбежно приближают нас к тому разрешению вопроса, которое мы предложили выше. В самом деле, здесь молчаливо допускается, что существует коллективная склонность к самоубийству, из которой вытекают индивидуальные склонности, и вся задача сводится к тому, чтобы узнать, в чем эта коллективная склонность состоит и каким образом она действует <...>

Следовательно, является основной ошибкой смешивать, как это часто случается, коллективный тип данного общества со средним типом индивидов, которые составляют это общество. Средний человек обладает в очень умеренной степени нравственностью. Только наиболее существенные правила этики отпечатываются в его душе с известной силой, но и они далеки от той определенности и того авторитета, которыми они облечены в коллективном типе, т.е. в обществе, взятом в его целом. Это смешение, которое определенно допустил Кетле, превращает моральный генезис в неразрешимую проблему <...>

Кроме того, эта оценка очень преувеличена. Кетле пришел к своим цифрам, приписывая произвольно средним людям известную склонность к самоубийству на основании проявлений, которые обыкновенно наблюдаются не у среднего человека, а только у небольшого числа исключительных субъектов; таким образом, аномальное служит у него определением нормального. Кетле думал, правда, избежать этого возражения, указывая на то, что аномальные случаи, отклоняясь то в одну, то в другую сторону от нормы, компенсируются и взаимно уничтожаются. Но такая компенсация имеет место только в отношении тех свойств, которые в различной степени встречаются у всех, каков, например, рост человека <...>

В действительности отношение, вычисленное Кетле, измеряет собой лишь вероятность того, что человек, принадлежащий к данной социальной группе, покончит с собою в течение года. Если, например, на население в 100 тыс. душ приходится в год 15 самоубийств — значит, имеется 15 шансов на 100 тыс. в пользу того, что любой произвольно выбранный субъект данного общества покончит с собою в течение того же самого промежутка времени. Но эта вероятность не дает нам никакого понятия о размере средней склонности к самоубийству и не может служить доказательством того, что эта склонность действительно существует. Тот факт, что столько-то процентов лишают себя жизни, не доказывает еще того, что остальные в каком бы то ни было размере подвержены этой возможности, и не может нам дать никаких указаний относительно природы или интенсивности причин, вызывающих самоубийства.

Таким образом, теория о среднем человеке не решает поставленной нами проблемы. Вернемся же к этой последней и посмотрим, как она ставится <■?>

В странах, где замечается усиление убийств и самоубийств, числа их измеряются не в одинаковых пропорциях; никогда оба явления не достигают максимума в одном и том же месте. Наоборот, по общему правилу, там, где убийство сильно распространено, ему соответствует своего рода иммунитет по отношению к самоубийству.

Испания, Ирландия и Италия суть три страны Европы, где меньше всего самоубийств; в первой на 1 млн. жителей их приходится 17; во второй — 21 и в третьей — 37. Наоборот, нет таких стран, где бы убивали больше. Это единственные страны, где число умышленных убийств превышает число самоубийств. В Испании убийств происходит втрое больше, чем самоубийств (1484 убийства на год за период 1885 — 1889 гг. и только 514 самоубийств); в Ирландии первых вдвое больше, чем вторых (225 против 116), в Италии — в полтора раза больше (2322 против 1437). Наоборот, Франция и Пруссия отличаются распространенностью самоубийства (160 и 260 на миллион); убийств же здесь в десять раз меньше: Франция насчитывает их только 734 случая и Пруссия 459 ежегодно в среднем за период 1882—1888 гг.

Те же отношения наблюдаются и внутри каждой страны. На карте самоубийств Италии север сплошь окрашен в темную краску, весь же юг совершенно чист; как раз обратное замечается относительно убийств. Если, далее, распределить итальянские провинции на два класса по проценту самоубийств и посмотреть, каков в них же процент убийств, то антагонизм обнаружится еще резче. 1-й класс: от 4,1 самоубийств до 30 на 1 млн.; 271,9 убийств на 1 млн. 2-й класс: от 30 до 80 самоубийств; 95,2 убийства на 1 млн.

В Калабрии убивают больше, чем где-либо: здесь на 1 млн. бывает 69 убийств; зато нет провинции, где бы самоубийство случалось реже.

Во Франции департаменты, где совершается больше всего умышленных убийств, это — Корсика, Восточные Пиренеи, Лозера и Ардэм. Но по отношению к самоубийствам Корсика спускается с первого места на 85-е; Восточные Пиренеи — на 63-е, Лозера — на 83-е и, наконец, Ардэм — на 68-е.

В Австрии самоубийства достигают своего максимума в Нижней Австрии, Богемии и Моравии, между тем как они слабо развиты в Крайне и Далмации. Наоборот, Далмация насчитывает 79 убийств на 1 млн. жителей и Крайна — 57,4, тогда как Нижняя Австрия — только 14, Богемия — 11 и Моравия — 15.

Книга III О самоубийстве как социальном явлении вообще

Глава III. Практические выводы

Теперь, когда мы знаем, что такое самоубийство, его разновидности и главные законы, управляющие этим явлением, нам следует рассмотреть, какую ■"инию поведения должно выбрать современное общество по отношению к нему.

Но этот вопрос обуславливает собою еще и другой. Следует ли рассматривать самоубийство у цивилизованных народов как явление нормальное или, наоборот, как аномальное?

В самом деле, в зависимости от принятого решения или же придется признать, что необходимы и возможны реформы для сокращения размеров этого явления, или же, наоборот, следует, сохраняя к нему вполне отрицательное отношение, примириться с ним как с фактом.

I

Быть может, некоторые будут удивляться тому, что самый этот вопрос может быть поставлен.

В самом деле, мы привыкли смотреть на все неморальное как на естественное. Однако если, как мы установили, самоубийство оскорбляет нравственное сознание, то, по-видимому, невозможно не видеть в нем явление социальной патологии. Выше мы показали, что даже такое очевидное проявление имморальное™ как преступление, не должно быть обязательно отнесено к категории болезненных явлений. Правда, что это утверждение может смутить некоторых и, при поверхностном взгляде, может показаться, что оно колеблет самые основы морали. Это утверждение, тем не менее, не заключает в себе ничего разрушительного. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к той аргументации, на которой основывается это утверждение и которую можно резюмировать следующим образом.

Или слово *болезнь* ровно ничего не означает, или же оно означает что-то такое, чего можно избежать <...>

Мы не знаем такого общества, в котором бы в различных формах не наблюдалось более или менее развитой преступности. Нет такого народа, чья мораль не нарушалась бы каждодневно. Значит, мы должны сказать, что преступление необходимо, что оно не может не быть, что основные условия общежития, такие, какими мы их знаем, его логически обуславливают. Следовательно, оно нормально. Нам нет надобности ссылаться здесь на неизбежное несовершенство человеческой природы и доказывать, что зло, хотя и не может быть предупреждено, все-таки не перестает быть злом; это слова проповедника — не ученого.

<...> *То, что составляет необходимое условие жизни, не может не быть полезно, если только сама жизнь полезна.* Не будем выходить из этих пределов. В самом деле, мы показали, каким образом преступление может быть полезно. Однако оно может быть для чего-нибудь полезно только в том случае, если оно осуждается и подавляется. Совершенно несправедливо мнение, по которому простое зачисление преступления в разряд явлений нормальной социологии уже означает его оправдание. Если преступление есть нормальное явление, то нормально также, чтобы оно было наказываемо. Наказание и преступление составляют одну нераздельную пару. Одно в такой же степени необходимо, как и другое. Всякое аномальное ослабление карательной системы вызывает усиление преступности и доводит ее до аномальной степени интенсивности <...>

III

Кроме общества религиозного, семейного, политического, существует еще одно, о котором до сих пор у нас еще не было речи: это — общество, которое образуют, соединившись между собой, все работники одного порядка, все сотрудники в одной функции, это — профессиональная группа или корпорация.

<...> Итак, воспитание может реформироваться лишь тогда, когда реформируется само общество. А для этого необходимо уничтожить самые причины того зла, которым оно страдает.

Мы знаем эти причины. Мы определили их, когда указали, какими источниками питаются течения, несущие с собой самоубийства <...>

А потому единственное средство помочь [противостоять] злу, это — сделать социальные группы снова достаточно сплоченными, чтобы они крепче держали индивида и чтобы индивид крепче держался за них. Нужно, чтобы он сильнее чувствовал свою солидарность с коллективным существом, которое предшествует ему по времени, которое переживет его, которое окружает его со всех сторон. При этом условии он перестанет искать в себе самом единственную цель своей деятельности и, поняв, что он орудие для достижения цели, которая лежит выше его, он поймет также, что он имеет известное значение. Жизнь снова приобретет смысл в его глазах, потому что она вновь найдет свою естественную цель и свое естественное направление. Но какие группы всего более способны непрерывно толкать человека к этому спасительному чувству солидарности?

Не политическое общество. Особенно в настоящее время, в наших огромных новейших государствах оно слишком далеко стоит от личности, чтобы с достаточной последовательностью серьезно влиять на нее.

Единственный способ выйти из этой альтернативы, это — организовать вне государства, хотя и под его ведомством, пучок коллективных сил, регулирующее влияние которых могло бы проявляться с большим разнообразием. Возродившиеся корпорации вполне отвечают этому условию, и мы не видим даже, какие другие группы могли бы ему соответствовать. Корпорации стоят достаточно близко к фактам, достаточно непосредственно и достаточно постоянно приходят в соприкосновение с ними, чтобы чувствовать все их оттенки, и они должны быть достаточно автономны, чтобы не подавлять этого разнообразия. Они должны были бы заведовать кассами страхования, помощи, пенсий, потребность в которых чувствуется многими светлыми умами, но которые ими не решаются, и вполне основательно, отдать в руки государства, и без того столь могущественные и столь неловкие. Корпорации же должны были бы разрешать конфликты, которые так часто возникают между различными отраслями одной и той же профессии, устанавливать для различных разрядов предприятий соответственные различные условия, которым должны удовлетворять договоры, чтобы иметь законную силу — во имя общих интересов мешать сильным эксплуатировать слабых и т.д. <...>

Вот чем, в крупных чертах, должны быть корпорации, чтобы они могли оказывать услуги, которые мы вправе ждать от них. Конечно, когда видишь их современное состояние, трудно себе представить, чтобы они могли подняться когда-нибудь на высоту моральной власти. Действительно, они состоят теперь из индивидов, которых ничто не привязывает друг к другу, между которыми отношения чисто поверхностные и непостоянные, которые склонны видеть в других членах корпорации, скорее, соперников и врагов, а не сотрудников. Но с того дня, когда у них будет столько общих дел, когда отношения между ними и их группой станут тесны и постоянны, у них рождаются чувства солидарности, которые еще почти неизвестны, и поднимется моральная температура этой профессиональной среды, в настоящее время столь холодная и столь внешняя для ее членов <...>

М. Хальбвакс

Характеристики средних классов

При изучении политических организаций, в особенности парламентского режима, предполагающего наличие нескольких партий, иногда задаются вопросом, какого количества партий достаточно для его нормального функционирования. Чаще всего сходятся на том, что необходимы, как минимум, две партии: правительственная и оппозиционная. Подобный вопрос встает, когда речь идет и о классовом режиме. Сколько классов должно быть в нем?

Этот вопрос возникает, когда мы приступаем к изучению средних классов. В наших обществах существуют четко определенные группы, которым не отказано называться классами: буржуазия, рабочий класс, дворянство. Под названием же "средние классы" (кстати, употребляем то в единственном, то во множественном числе) понимается довольно разнородная масса, включающая в себя множество элементов. Здесь и встает вопрос: а представляют ли они собой группу, заслуживающую названия класса? Самое главное: нужен ли такой промежуточный класс? Почему бы не быть всего двум классам: классу богатых и классу бедных, классу высшему и классу низшему — тем, которых мы постоянно встречаем в разные эпохи под разными названиями?

Когда мы рассматриваем историю классов, нас поражает то, что во все времена, при всех состояниях цивилизации существовали не только высший и низший классы, но также один или несколько промежуточных. В античной Греции, как мы знаем, был высший класс евпатридов, евгениев — класс людей высокого происхождения; у римлян были патриции, представля-

Источник: Хальбвакс М. Социальные классы и морфология / Пер. с фр. А.Т. Библикова, НА. Шматко. М.: Алетейя, 2000.

юшие наиболее древние семейства. В нижней части социальной лестницы обеих цивилизаций был низший класс — рабы. Но мы также констатируем, что между этими двумя располагались и другие классы. Достаточно рассмотреть различные учреждения Греции, чтобы увидеть, что либо на основании богатства, либо должностей во все времена выделялись различные социальные позиции (*rangs*). В римском обществе наблюдалась та же картина, и число классов даже увеличивалось по мере продвижения вверх по лестнице: на вершине были собственно патриции, внизу рабы, а между ними промежуточные классы — всадники, плебеи, освободившиеся рабы и ряд других.

К началу истории современных европейских народов, при феодальном режиме, выделились два четко определенных класса: дворяне и крепостные, но были также и простолюдины, или свободные крестьяне (вилланы). Конечно, между крепостными и простолюдинами различие было не очень четким. Эсмен в его "Элементарном курсе истории французского права" пишет, что простолюдины не имели права на привилегии дворян, а во многих отношениях с ними обращались как с крепостными; так что слово "виллан" в текстах XIII в. относилось к сельским простолюдинам, добавляет он, — "оброк и барщина были столь же обязательными для простолюдинов, как и для крепостных". Однако юридически на них не распространялись ограничения, касающиеся крепостных: *формарьяж* (*formariage*) и право "мертвой руки". Первое происходит от *loris maritagium* — запрет для крепостных сочетаться браком со свободными или принадлежащими другому сеньору без особого на то разрешения. Право "мертвой руки" означает, что крепостной не имел права передачи своего имущества: он мог завещать его богоугодным заведениям, но не передать по наследству (поскольку иногда он мог обладать небольшим земельным владением). Эти два ограничения не распространялись на простолюдинов. К тому же они могли, в отличие от крепостных, свободно выбирать место жительства. Этого достаточно, чтобы утверждать, что класс простолюдинов и "вилланов" в городах и в сельской местности (еще не существовало различия между деревней и городом) представлял собой действительно промежуточный класс.

Если мы двинемся дальше по ходу истории, приблизившись к нашему времени, то увидим, что для периода средневековья характерно различие города и сельской местности. Возьмем, к примеру, городское общество как больших, так и малых городов. Временно забудем о дворянстве. Не будем думать ни о крепостных, ни о крестьянах, чье положение остается подобным крепостной зависимости. Итак, перед нами городское общество, в котором, на первый взгляд, образуется хорошо очерченное социальное единство. Хотя среди жителей различают две категории: богатые торговцы и ремесленники, которые выполняют более значительные функции в сравнении с другими, а также ремесленники рангом ниже. В городском законодательстве Флоренции различали *artes majores* и *artes minores*.

Все ли этим ограничивалось? Нет. Обратимся к тексту английского историка Эшли. "К середине XIV века появился рабочий класс, если это слово понимать в том смысле, которого оно не имело раньше. Теперь стало воз-

возможным найти определенное количество рабочих, которые не были ни учениками, имеющими договоренность с хозяином на период обучения, ни хозяевами-ремесленниками; то были люди, которые, побыв в ученичестве, поступали на службу к ремесленнику, но никогда не становились хозяевами. Вскоре обнаруживаются признаки роста этого класса: даже у обычного поденщика появляется возможность обзавестись своим хозяйством после нескольких лет работы. Поэтому можно говорить, что в некоторых отраслях промышленности с конца XIV века, а для большинства на полвека (или более) позже, появился рабочий класс — в том смысле, который мы придаем этому понятию в наше время"¹.

Если внизу иерархической лестницы имелся класс людей, работающих без надежды когда-либо стать хозяевами, а вверху — городских патрициев, который объединял в своих рядах самых богатых ремесленников и торговцев, получается, что оставался и промежуточный класс, не сводимый к двум указанным. Следует добавить, что к этим элементам промышленной и коммерческой групп прилегал весь низший персонал королевской феодальной, а также провинциальной и муниципальной администрации: писцы, судебные секретари — те, кто повсеместно отвечал за меры по исполнению решений; они возвышались над массой крестьян и рабочих культурой, оплатой, но занимали явно низшее положение в сравнении с собственно администрацией: судьями, прокурорами, начальниками администрации. Данная группа во все времена имела значительное влияние. Именно ее представители появятся во время Парижской коммуны в комитетах, формируемых на всей территории; это они будут формировать общественное мнение, так как могут читать газеты; они будут обеспечивать выполнение предписываемых новым режимом мер, позволивших заменить режим старый. Добавим, что именно в кругах этих маленьких людей, составляющих, тем не менее, благодаря своему числу и роли значительную часть общества, от старого режима к новому перейдет дух и множество традиций, позволивших обеспечить преемственность: дух судов, канцелярий, контор. Мы вновь встречаем их в современных обществах под именем мелких чиновников. Это значительное социальное образование. Оно будет все расти — и тому есть причины, — поскольку такой персонал необходим для функционирования коммерции, промышленности и администрации, для выполнения принятых решений. По мере роста органов коммерции, промышленности, администрации этот средний и промежуточный класс должен увеличиваться численно, а также по силе воздействия.

Теперь попробуем дать ему определение. Здесь мы оказываемся в некотором затруднении, поскольку он представляет собой группу, границы которой не вполне ясны, группу, состоящую из столь различных элементов, что между ними не сразу можно обнаружить общее. Возьмем определение, данное Франсуа Симианом:

¹ Ashley. *Histoire et doctrines économiques du Moyen Age (traduction française)*. T. II. P. 127-

"Под средним классом следует понимать устойчивую категорию людей, взятых вместе с семьей, имеющих доходы, а часто и земельное владение среднего уровня, группу, занимающую промежуточное положение между высшим социальным классом и классом рабочих и служащих. Эта категория скорее относится к населению городов, в особенности малых. Данная группа включает высшие слои ремесленников, малых и средних коммерсантов и промышленников, часть представителей либеральных профессий и средних чиновников"¹.

Заметим, что в этом тексте речь вообще не идет о крестьянах. Напротив, Карл Маркс в "Коммунистическом манифесте" включает в средний класс мелких промышленников, мелких коммерсантов, крестьян (правда, в других произведениях, например, в "Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта" он разделяет крестьян и мелкую буржуазию, как если бы они являли собой независимые социальные категории). В самом деле, есть важное отличие между взятыми в совокупности сельскими и городскими группами, которые противостоят по стилю жизни как две различные цивилизации. Можно было бы изучать сельскую цивилизацию саму по себе и выявлять, какие классовые различия имеются в ней сегодня. Такая задача была бы существенно более трудной, чем в отношении городской среды, поскольку для крестьянского сознания скорее характерно самоощущение крестьянина (по отношению к городским жителям), чем ощущение своего более высокого или низкого социального положения. Это представляется достаточной причиной для рассмотрения среднего класса лишь в рамках городской цивилизации. После того, как мы это установили, можно, сказать, что данное Симианом определение классов является точным, но носит скорее описательный характер. Симиан определяет классы через противопоставление, утверждая, что средний класс отличается от высшего [класса] и от промышленных рабочих: он определяет их через перечисление, разворачивая перед нами характеристики некоторых групп. Но эти группы очень различны, и непонятно, каким образом они оказываются объединенными в рамках одного и того же класса.

Можно ли сказать, что эта разнородная масса обнаруживает общее сознание? Если мы возьмем большие категории, между которыми распределяется вся эта совокупность, мы заметим, что между ними существует, быть может, даже больше отличий, чем между ними и высшим либо низшим классом.

Возьмем для начала *ремесленников*, высших, средних и мелких коммерсантов. Они, безусловно, относятся к среднему классу. Что их характеризует? В противоположность служащим и чиновникам они являются самостоятельно работающими людьми, т.е. по отношению к другим они — независимые экономические агенты <...>

Перейдем теперь к обширной и сложной категории *служащих*. Десяток лет назад в Германии проводились исследования по среднему классу, который во многих странах, в частности, там, значительно вырос, но в связи с

¹ Simiand F. *Cours d'economie politique. 1928-1929. P. 170.*

экономическими трудностями оказался под угрозой. Социологи сочли необходимым провести точные исследования этих групп, и полученные данные относительно разнообразия занятий в названной группе оказались весьма любопытными. Статистические данные были представлены в виде диаграммы, на которой численно большую категорию людей изображал очень высокий человек, а маленькую — очень низкий. Мы видим на ней служащего, рассыльного, инженера, продавца, бухгалтера, секретаря, переписчика, машинистку и прочие категории — то есть множество различных профессий. Однако с общеэкономической точки зрения можно сказать, что, в сравнении с ремесленниками, они выказывают немалое внешнее сходство и образуют своего рода единство, поскольку не обладают экономической независимостью и являются подчиненными по отношению либо к своим хозяевам, либо к организациям и тем самым приближаются к рабочим.

К тому же есть категории служащих (в частности, в магазинах продовольственных и непродовольственных товаров), которые вынуждены совершать определенное число операций с материей. Имеется ли выраженная разница между помощником мясника и рабочим? Помощник мясника — наполовину рабочий, так как он должен трудиться вручную для обработки материи, которая является если и не вообще неживой, то, во всяком случае, лишенной жизни. С другой стороны, служащие в магазинах, которые вынуждены с утра до вечера класть что-то в пакеты, конечно, являются служащими, но в то же время почти рабочими. Так же обстоит дело и с рассыльным, который доставляет товар: он вынужден перемещаться, работать мышцами ног, носить пакеты клиентам. Кассиры пропускают через свои руки много денег, считают их, складывают, вынимают золотые монеты и раскладывают в различные ячейки — ведь все это материальные функции.

Теперь давайте поднимемся на верхнюю ступеньку лестницы. Здесь не только инженеры, но и заместители директоров, старшие служащие, наделенные определенными полномочиями, и торговые директора, старшие продавцы в магазинах, торговые агенты, а также высший персонал банков. У них довольно широкая техническая компетентность, и они могли бы легко заменить руководителей предприятия. И действительно, во многих делах они их замещают, осуществляя руководство и технический контроль.

Служащих нижней части лестницы характеризует отсутствие инициативы, ответственности — тем самым они отличаются от ремесленников, которые отвечают за свое дело. Но это несправедливо в отношении служащих более высоких категорий, которые иногда обладают большой инициативой в тех пределах, которые предоставляет руководитель. То есть по роду своей деятельности, по требуемым от них качествам, а также по уровню доходов (которые во многих случаях высоки), можно сказать, что эта часть группы служащих очень близко подходит к буржуазии. Здесь нам также проще противопоставить их ремесленникам (хотя они вместе с ними входят в средний класс), чем отличить их от рабочих или буржуазии.

Чиновники: в этой категории выделяются высшие, средние и мелкие. Средние и мелкие чиновники относятся к среднему классу. В целом это крупная социальная категория, которая значительно выросла с тех пор, как приумножились функции государства, как были созданы многочисленные и развитые службы, отвечающие ранее не существовавшим коллективным потребностям. Кого мы обнаруживаем в категории чиновников (в широком смысле), кроме персонала судов, налоговой администрации? Это почтовые и таможенные служащие, персонал, который отвечает за фиксацию, расчет и сбор прямых налогов с каждого налогоплательщика, железнодорожные служащие, которые настолько тесно связаны с государством, что их сообщество имеет вид и структуру государственной организации; наконец, учителя.

Итак, существуют многочисленные группы. Они отличаются от ремесленников по тем же параметрам, что и служащие. Чиновники лишены инициативы и свободы. В гораздо большей степени, нежели служащие в торговле и промышленности, чиновники вынуждены подчиняться достаточно жесткому регламенту. Итак, незначительной долей инициативы, малой свободой многие категории чиновников в определенной мере походят на те группы рабочих, которым на заводах приходится подчиняться строгой дисциплине. В некоторых случаях такие категории мелких чиновников можно рассматривать как приближающихся к рабочему классу — по роду занятий и по малым доходам. Но есть и чиновники более высокого уровня. Хотя они и могут подчиняться частным лицам, в конечном счете они служат обществу и государству.

К трем выделенным в средних классах категориям можно было бы добавить категории менее важные, поскольку в свободных профессиях нижней части лестницы обнаруживаются элементы, позволяющие также относить их к среднему классу. Можно сказать, что к среднему классу относятся и врачи, имеющие небольшую практику, работники здравоохранения, "офицеры здоровья", как их называли раньше; в юридическом или финансовом мире это мелкие предприниматели, которых на бирже называют "мелкие сошки". В литературной среде также можно встретить множество людей, которые (из-за умеренного характера своей деятельности, из-за того, что ограничиваются распространением идей, моделей и произведений мэтров в массах) занимают низшее положение, но не являются рабочими, а принадлежат к среднему классу.

Как можно определить теперь все эти группы, чтобы усмотреть в них некое единство? Заметим, что все названные категории, относимые к одной группе под рубрикой "средний класс", какими бы они ни были, характеризуются тем, что их деятельность — прежде всего *техническая*, предполагающая практическое знание некоторого числа правил, точное, верное их исполнение, но не более того.

Следует предполагать, что хотя общество меняется, правила неизменны и, несмотря на то, что охватывают самые разнообразные стороны, их форма едина. Иными словами, правило, как инструмент, применяется по отношению к реальности, которая полагается одновременно неподвижной и единообразной...

Итак, существует целый ряд видов деятельности — очень важных, поскольку они воспроизводятся во множестве областей социальной жизни и

часто повторяются в течение всего дня, — которые основаны на том, что социальные группы, с которыми они имеют дело, представляют собой не совокупности людей, каждый в которой интересен сам по себе, но единицы некой категории, с которыми можно обращаться как с материальными вещами. Это и есть техническая точка зрения.

Те, кому приходится — как служащим и мелким чиновникам — заниматься техническими операциями подобного рода, и даже служащие рангом пониже, ограничиваются их исполнением без особых размышлений и без реальной инициативы, отличаясь от рабочих, которые своей техникой воздействуют лишь на неподвижную материю, а не на материализованную человеческую. Отсюда следует, что в обществе, которое заинтересовано прежде всего в социальных и человеческих отношениях, служащие занимают более высокое социальное положение, чем рабочие.

Другими словами, эта материя, или материализованное человечество — объект деятельности чиновников и служащих, которым в виде материи представляются все люди. Тем не менее эта материя является человеческой. Она отличается от материи материальной, если только можно воспользоваться этим плеоназмом, в том смысле, что служащие или чиновники, в отличие от рабочих, не имеют дела с неподвижной материей. Речь идет о людях и группах, которые имеют материальные черты, отдельные качества, над которыми можно производить операции, напоминающие те, что производятся над материей. Но все же есть и различия <...>

Вот каково общее определение средних классов. Имеются особые причины существования среднего класса, так как помимо чистой инертной материи и людей, наделенных личностными и человеческими качествами, существует промежуточная зона или область, в которой люди, а еще более группы, предстают отчасти в механической и материальной форме. Поскольку существуют виды деятельности, приложимые к этому материальному аспекту человечества, они естественным образом занимают промежуточное положение между классами буржуазии и рабочих. Этим же объясняется то обстоятельство, что этот класс порой склонен полагать, будто социальная ситуация сближает его с группой рабочих, а порой, наоборот, делает усилие, чтобы отличиться от нее, укрепить связи, соединяющие его с буржуазией.

Так объясняется то, что средние классы не обладают инициативной ролью в эволюции, хотя проявляют замечательную способность к сопротивлению и выживанию во время и впоследствии многих кризисов и экономических преобразований, которые являются для них тяжелым испытанием. Эти классы не доминирующие, но доминируемые, направляемые значительными экономическими изменениями. Согласно замечанию Токвиля, дух среднего класса "в соединении с духом народа или аристократии [теперь мы говорим "буржуазии"]¹ может творить чудеса, но сам по себе он никогда не даст ничего, кроме правления [или цивилизации] без доблести и размаха".

¹ Текст из цитат, заключенный в квадратные скобки, принадлежит Хальбваку. — *Пер*

А. Турен
**Эволюция труда рабочих
на заводах "Рено"**

Введение

**I. Первое французское исследование в области
индустриальной социологии**

Целью исследования, начатого в 1948 г. Центром социологических исследований¹ под руководством профессора Ж. Фридмана, было "изучение и отслеживание воздействий технологических трансформаций на природу и состав профессиональных групп и их функций в некоторых характерных для Франции отраслях промышленности". Исследователи должны были попытаться по различным годам, например, по 1920, 1935, 1948 гг. и по отдельным профессиям подвести итог, но не теоретического плана и не опирающийся на просто случайно добытые цифры из очень часто вводящих в заблуждение официальных рубрик, а реальный, более чувствительный к квалификациям по факту. На втором этапе исследователям предлагалось отследить формы, которые приобретало профессиональное сознание в изучаемой области. Это была амбициозная программа, значимость которой подчеркивал Ж. Фридман: "Ясно, что предмет этого исследования, опирающегося на технологические и профессиональные факты, предполагает рассмотрение в наиболее значимых аспектах культурных проблем жизни рабочих нашего времени".

Исследование, проведенное на государственных заводах "Рено", составляет один из фрагментов этого широкого проекта. Однако оно не отвечает на все вопросы, поставленные руководителем проекта. Ни господину Фридману, ни нам самим не представлялось возможным изучать установки на труд исходя из рассмотрения исключительно профессиональных аспектов, имплицитно не присоединяясь к опасным гипотезам. Здесь анализируется вполне определенный аспект трудовой среды: трансформация количества и качества профессий и, следовательно, трансформация того места, которое занимает труд рабочего на предприятии. Речь идет, таким образом, о той ситуации, которая сложилась вокруг человека, а не об установках человека,

Источник: Touraine A. L'evolution du travail ouvrier aux usines Renault. Paris: Centre national de la recherche scientifique, 1955. Пер. с фр. И.К. Масалкова.¹ Важный административный пост в котором занимал Ж. Гурвич.

помещенного в эту ситуацию. Заслугой этого ограниченного по масштабам исследования является то, что в нем соблюдается нормальный ход анализа, воспроизводящий в конкретной исключительности и исторической эволюции фундаментальный элемент среды, определяющий социально-психологическую обстановку, где живет промышленный работник.

И. Экономические рамки технической эволюции

Является ли достаточной эта предосторожность? Представляется ли возможным изолировать профессиональный аспект труда? Описывая предприятие как целостную систему труда, не рискуем ли мы представить как упрощенное отношение между состоянием механизации (*machinisme*) и качества профессионального труда рабочего — то отношение, которое фактически является комплексным и трансформируется в зависимости от экономического и социального устройства рассматриваемого промышленного организма?

На самом деле, техника не является главным двигателем социальной эволюции. Если технические открытия влекут за собой экономические трансформации, то они объясняются в свою очередь состоянием рынка, производимой продукцией и рабочей силой, требованиями экономической ситуации.

III. Автомобильная промышленность

Обработка металлов представлена на заводах "Рено" в двух различных формах: сравнение цехов 49¹ и 76² в 1949 г. дает этому подтверждение. С одной стороны, используемые в неодинаковой степени допотопные станки, загроможденные складированными деталями цеха, поточные линии, где вперемешку обрабатываются детали для нескольких моделей. С другой стороны, встречаются цеха, специализирующиеся на одной-единственной модели — 4 CV, где, как только происходит выход на нормальный ритм, технологическое оборудование работает отлично как часы и где складские запасы, если и не полностью ликвидированы, то весьма сокращены.

Этот контраст выражает различие между старой и новой экономической организацией. В период между двумя войнами завод работал, не используя средства и методы, которые позволяла его производственная мощность. Тот рывок вперед, который произошел после Освобождения, весьма значим. Производство превзошло цифры 1938 г., хотя численность работающих далеко не была достигнута. Это является конкретным примером влиянием экономических структур на технический прогресс.

Французская автомобильная промышленность в период между двумя войнами работала в двойственном режиме: с одной стороны, свободная внут-

¹Цех обработки деталей двигателя.

²Цех изготовления и установки агрегатов на кузов модели 4 CV.

решающая конкуренция, а с другой стороны — высокие протекционистские барьеры. Это положение дел привело к появлению множества производителей и к тому, что большинством из них производилось множество моделей. Публика ожидала от каждого салона новые модели или же, по крайней мере, новые формы. Таким образом, речь не шла о серийном производстве. Следовательно, от производителя автомобилей требовалась крайняя смелость, чтобы в производстве поставить на карту всего одну единственную модель. Тем не менее развитые формы механизации значительно сокращали риски. Доля расходов на рабочую силу была более высокой, а необходимые инвестиции менее значимыми, и тем самым гибкость предприятия была выше. Тем не менее состояние рынка сводило на нет или почти на нет эту попытку. Революционный прорыв в производстве автомобилей после Первой мировой войны, связываемый с именем Андре Ситроена, столкнулся с той же непреодолимостью: десятью годами позже "Ситроен" продолжил производить одновременно несколько автомобилей. "Рено" также недолго ожидал, чтобы подчиниться. Постоянной темой в рекламе была широкая гамма производимых моделей.

Это разнообразие производимой продукции не являлось какой-то особенностью автомобильной промышленности. Можно вывести общее правило: чем менее продвинута концентрация, чем слабее организован рынок, тем больше предприятие расширяет гамму своего производства, чтобы застраховать себя от кризиса неликвидности, который может произойти по отношению к тому или иному виду продукции.

Заводы, деятельность которых сдерживается конкуренцией, используют только часть своих производственных возможностей и сохраняют организацию, основанную на устаревших методах.

Как осуществлялся запуск в производство нового автомобиля¹? Новая модель, которую называли промежуточной, создавалась к очередному автомобильному салону с помощью подручных средств, без специального оборудования, и уже после того, как уходили последние посетители выставки, когда на столе лежала куча заявок, начиналось их производство. Каждый раз станочное оборудование готовилось заранее, однако в начале каждой серии имелись детали, производимые вручную. К концу года, благодаря рекламациям клиентов, основные слабые места новой модели были уже известны, и в каждом случае часто предпринималась достаточно значимая перестройка производства.

Таким образом рождалась окончательная модель, та, которую продавали в широких масштабах весной. В течение лета продажи сокращались, и завод начинал подумывать о новой модели к следующему салону, которая бы бли-

¹ Ж. Ле Крузе в журнале "Франс-транспорт" от 1 июня 1937 г. писал: "Необходимо, чтобы производители автомобилей отказались от непрекращающегося модифицирования легковых автомобилей и серийных грузовиков".

жайшей осенью заменила модель предыдущего года. Сегодня, в рамках генерального плана производства автомобилей, на государственные заводы "Рено" возложена миссия изготовить и выпускать народный автомобиль, несмотря на значимые экономические и производственные риски, которые влечет за собой эта ориентация. В связи с переходом на новую модель, ради достижения ежедневного производства 500 автомобилей, было поставлено на карту существование этих заводов. Для осуществления принятой политики было создано совершенно новое технологическое оборудование, что повлекло слом традиционных методов, но отвечало новым экономическим условиям.

IV. Заводы "Рено"

Предприятие, на котором разворачивалось наше исследование, ни в коем случае не является репрезентативным по отношению ко всей французской промышленности. Это самое большое промышленное предприятие Франции; даже в автомобильной промышленности, где основная выпускаемая масса поделена всего между шестью производителями, оно не идет ни в какое сравнение с другими предприятиями. Этот "чудовищный" характер заводов "Рено" в современной французской экономике не позволяет непосредственно распространить на всю промышленность те констатации, которые там можно сделать, но ставит на особое место само предприятие, особенно его производственные цеха, расположенные в Булонь Бийянкуре. Здесь и только здесь мы имеем дело с организацией производства, использующей специальное технологическое оборудование и методы производства, которые не были бы rentable в других местах и которые позволяют лучше отслеживать смысл эволюции. Опять же перед нами появляется возможность сопоставить этот французский пример с аналогичными случаями за рубежом.

Однако исключительный интерес заводов "Рено" состоит в том, что самые современные методы производства сохраняют многочисленные следы методов и принципов организации из далекого прошлого. Если заводы "Ситроен" были созданы сразу после окончания Первой мировой войны в едином порыве, по рациональному плану, то заводы "Рено" развивались постепенно, без методического плана, не разрушая до основания то, что оставалось от прошлого. Сегодня картина этого предприятия представляет собой нагромождение датированных разными годами зданий, начиная от маленького цеха, где был произведен первый автомобиль "Рено", до огромных сооружений на острове Сиген и до больших рационально расположенных помещений завода в местечке Флин. В Бийянкуре при беглом осмотре большого завода можно проследить историю автомобиля и механизации лучше, чем в каком-нибудь музее.

К этому наложению следовавших друг за другом различных этапов автомобилестроения добавляется нагромождение различных производств. До войны это предприятие активно развивало политику интеграции и вертикальной концентрации. Производители автомобилей действительно не на-

ходили во Франции предприятий, способных поставлять с более низкой или равной себестоимостью, чем у них самих, многочисленные смежные виды продукции, необходимой для установки на автомобилях. Беря на себя эти виды производства, они также освобождали себя от давления монополий, которыми становились предприятия малых размеров и которые не упускали возможность ею воспользоваться. Эта политика, к которой "Дженерал Моторс" в Соединенных Штатах никогда не прибегал и от которой "Форд" был вынужден отказаться в достаточно драматических условиях, продержалась во Франции и после Освобождения¹.

Список цехов заводов "Рено" указывает на разнообразие производимой продукции. Дело доходит даже до того, что первый по величине производитель французских автомобилей располагает литейным производством, а также исключительным по размерам для Франции производством кирпича, значительным производством резинотехнических изделий, бумаги и картона, асбеста и т.д. <...> Эта ситуация прямо сказывается на структуре профессиональных групп. Объемы производства технологического оборудования на заводах "Рено" были бы менее значимыми, если бы существовали специализированные предприятия, поставляющие все необходимое на национальный рынок. Эти предприятия могли бы использовать серийные методы производства, что привело бы к сокращению профессионалов-инструментальщиков.

Последнее преимущество заводов "Рено" заключается в том, что их техническая и профессиональная история непрерывна. Включая годы юины, когда множество факторов нарушало нормальное функционирование, завод не переходил от одного типа продукции к другому, — например, от производства товаров потребления к существенно отличающемуся производству средств производства, как бы это было со многими другими заводами в области машиностроения, техническая и профессиональная история которых неоднократно прерывалась подобного рода трансформациями. Автомобиль эволюционировал, но на заводах "Рено" можно изучать профессиональную эволюцию в автомобильной промышленности как непрерывный технический прогресс.

V. Исследование

Ни в один из моментов начатое исследование не претендовало на вынесение оценки механизации и на добавление той или иной этикетки в огромный и удручающий список обвинений или похвал в адрес машины. Ис-

¹ Тем не менее совсем недавно в связи с развитием своего производства заводы "Рено" были вынуждены усилить свои заводы и филиалы вне Парижа, а также обратиться к привлечению внешних предприятий. Эта программа знаменует важное изменение в ориентации политики заводов. Она находится в зависимости от общей экономической эволюции. Это изменение в сегодняшнем положении дел объясняется прежде всего отсутствием свободных пространств в Бийанкуре, что влечет за собой отказ от Политики интеграции, которая проводилась до сегодняшнего дня.

1

следование носило позитивный и очень ограниченный характер, главной заботой которого было определение отдельных элементов ситуации, которая создалась вокруг человека, занятого промышленным трудом, дальнейшее сопоставление этой ситуации с произвольно выбранным идеалом, который чаще всего был описан через образ мало известного и еще хуже проинтерпретированного прошлого.

Это исследование, с другой стороны, вписывается в несколько иную перспективу по отношению к тому, что делалось в современной индустриальной социологии. Если принять по отношению к этой дисциплине определение, которое было дано совсем недавно: "изучение групп, трудовых отношений, ролей, выполняемых работниками в этих трудовых группах, и организации завода как социальной системы", — то можно было бы даже сказать, что наше исследование не вписывается в индустриальную социологию. Однако неправомерно говорить о социальной системе предприятия и трудовых групп, не определяя их конкретную реальность, их историческую эволюцию. Абстрагирование от трудовой реальности свело бы их исключительно к рамкам общения, и социология растворилась бы в психологическом исследовании межличностных отношений и "морали" предприятия. Нам представляется более предпочтительным попытаться понять работника исходя из его труда. Совершенно справедливо, что практический сиюминутный интерес такого исследования не столь велик и наше исследование не претендует на разрешение конфликтов и напряженностей, в отношении которых оно отслеживает некоторый тип причин.

Исследование не могло быть проведено на основании статистических данных, потому что последние встречаются очень редко и их интерпретация предполагает знание конкретной ситуации в каждый момент. Ежегодные переписи, используемые французским комитетом по статистике, никогда не выделяли различные категории рабочих. Первые самые общие цифры были получены в ходе исследования занятости, проведенного Национальным институтом статистики и экономических исследований, и были опубликованы в 1949 г.

Завод, архивы которого были частично разрушены в результате бомбардировок, не располагает статистикой профессий, за исключением периода после 1945 г. В нашем случае документация идет как бы вслед за развитием социального законодательства. Переход в административном порядке некоторых категорий рабочих со статуса персонала, оплачиваемого по часам, к статусу персонала, оплачиваемого по месяцам, изменения в 1936 г. часовых ставок, установленных в соответствии со специальностями, на ставки, установленные по профессиональным категориям, делают весьма сомнительным использование общих цифр, проливающих свет на ситуацию, предшествующую 1936 г. Что касается периода после 1945 г., то используемые классификации лишь отчасти соответствуют реальности. Помимо того, что плохо составлены сами категории профессий, имеются случаи слишком общего

или слишком дробного их классифицирования, что не позволяет доверять статистике без ее детального контроля.

Итак, ничто не могло заменить прямого наблюдения (*observation directe*). Учитывая особенности завода и сравнивая различные цеха, обеспечивающие производство (от единичного до крупносерийного), мы попытались восстановить не реальную историю профессий завода, а влияние технического развития на структуру профессий рабочих.

Исследование было проведено в основном с июля 1948 г. по май 1949 г. После этой даты проводились периодические проверки в различных цехах, организация в которых была изменена, но эти новые наблюдения незначительно изменили заключение, сделанное в 1949 г.

VI. Заключение

В этом отчете встречаются ссылки на отрасли, к которым заводы "Рено" не имеют никакого отношения. Они никоим образом не претендуют на то, чтобы на базе этого офаниченного по масштабам исследования представить общую картину профессиональной эволюции всей промышленности, но они являются вспомогательным материалом для интерпретации непосредственно наблюдаемых фактов, показывая, что вытекающие из них заключения связаны не только с особыми условиями на одном предприятии или в отдельно взятой промышленной отрасли.

Эта интерпретация ставит две проблемы в отношении структуры и природы профессий. Первая из них относится к направленности эволюции: ведет ли развитие механизации и рациональной организации к последовательному снижению качества труда рабочего, к всеобщей механизации труда, становящегося частичным, монотонным, подчиненным задаваемому ритму на индивидуальном и коллективном уровнях, или же этот процесс компенсируется появлением новых категорий квалифицированных рабочих, находящихся свое место уже не в трудовой деятельности по непосредственному производству, а в цехах инструментальных, технологического обслуживания или ремонта. Или же, в конце концов, не стремится ли сама эволюция машин после фазы разложения труда создать новые формы квалификации, не стремится ли она, точнее выражаясь, заполучить от оператора качества, которые будут не обязательно "профессиональными", а могут быть "социальными" или "моральными", вызывающими в некоторых условиях интерес к трудовым операциям по производству?

Этот путь, который нам представляется более правильным, подводит нас ко второй проблеме: не является ли множество оптимистичных или пессимистичных заключений искаженными, если при исследовании различных этапов профессиональной эволюции мы определяем качество труда рабочего как в какой-то мере неизменное? В этой связи лишь скажем, что здесь мы Страгиваем одну из ключевых проблем индустриальной социологии, имен-

но проблему отношений между технико-профессиональными и экономико-социальными аспектами промышленного труда, которая относится к определению места и смысла техники в современных индустриальных обществах. В заключении мы увидим, как терпеливое описание поможет решить эту проблему.

Заключение

Важность заводов "Рено", разнообразие выпускаемой ими продукции, ее постоянный рост позволяют сегодня отслеживать и сравнивать цеха, имеющие разный возраст. Все это позволяет нам наделять большей ценностью те понятия, на которые вышло наше исследование. Однако эти выводы представляют собой лишь гипотезы. Общие же принципы описания профессиональной эволюции могут быть жестко установлены только в ходе исследования, относящегося ко всему комплексу промышленной жизни.

Тем не менее представляется желательным, чтобы *каждое исследование частного порядка формулировало общие гипотезы, относящиеся не только к направлениям и фазам профессиональной эволюции, но также к отношениям техники и социального, месту и значимости механизации в индустриальных обществах*. В противном случае эти исследования рискуют стать монографиями, бесполезно детализированными, не вносящими никакого вклада в изучение центральных проблем индустриальной социологии.

I. Направление и фазы профессиональной эволюции

Наиболее видимым фактом этой эволюции является *массовая деградация производственного труда*: повсюду, где разворачивается высокосерийное производство, вспомогательный рабочий заменяет мастерового.

Однако придает ли этот важный факт особый смысл всей этой эволюции и должны ли мы принять тот катастрофический тезис, в соответствии с которым история промышленности вот уже в течение полувека представляет собой продолжающееся разложение системы труда, имеющего вековую давность и основанного на профессиональном качестве рабочего "производителя"? Однозначно нет: мы имеем дело не со скатыванием в хаос организованной таким образом системы, а с переходом от одной системы к другой.

Эта концепция решительно отбрасывает не только "пессимистичные", но и "оптимистичные" тезисы. Поскольку из факта возрастания сложности машин неправомерно выводить все более и более продвинутое профессиональное качество рабочих, которые ими управляют; в этом нас убеждают даже самые краткие посещения современных цехов, где установлены, например, автоматизированные линии по обработке деталей. Наиболее со-

блзнительная форма оптимистического тезиса, выдвинутая Фордом и поклонниками концепции о ремесленнике нового типа, не выдерживает проверки самыми простыми цифрами.

Общим слабым местом этих двух тенденций, пессимистичной и оптимистичной, является рассмотрение профессиональной эволюции только с количественной точки зрения, как если бы природа квалификации не изменялась. В проводимых дискуссиях пытаются выяснить, имеется ли сейчас и будет ли в будущем больше или меньше квалифицированных рабочих по сравнению со вчерашним днем. На самом же деле самым значимым фактом является трансформация качества труда рабочих, и пессимизм некоторых из нас проистекает особенно вследствие того, что мы больше не находим на самых современных заводах того типа квалифицированных рабочих, который мы называем традиционным и который часто является всего лишь мифом, переносящим на промышленность некоторые характерные черты, тщательно отобранные из ремесленных профессий.

Эта суцностная трансформация или этот переход от одной системы к другой произошли не непрерывно и не линейно, а скорее через противоречие. Старая система труда, организованная вокруг исполнения рабочих заданий, трансформировалась не напрямую в новую систему, где в основе лежат косвенно производственные трудовые задания. Эта система образовалась или образуется исходя из ситуации, вытекающей, в свою очередь, из разложения старой системы. Понятие двух трудовых систем подводит нас к схеме из трех фаз профессиональной эволюции.

Изучение станков с технической точки зрения подвело к выделению фаз А, В и С. Однако напомним, что это произошло не сразу же, а как гипотеза, необходимая для понимания наблюдаемых фактов. В самом деле, в своем большинстве относящиеся к фазе В факты не могут освещаться путем простого описания этой фазы, рассматриваемой в качестве исторической целостности, определяемой из себя самой. Они подводят нас к фиксации не дивергирующих процессов (можно даже сказать — направленных в противоположные стороны), а единого процесса, образующего новую трудовую систему в той мере, в какой он разрушает старую, и по самому факту этого разрушающего действия. Если широкий взгляд на промышленность помогает ввести общие рамки описания, то техническая профессиональная эволюция лучше понимается, когда за основу берется центральная фаза В, которая, в свою очередь, легче всего наблюдается в крупной промышленности. Эта фаза не имеет собственной целостности, когерентности и стабильности. Она одновременно является разрушением и созиданием, именно в той мере, в какой она разрушает старые универсальные станки, делая из них простые специализированные машины, она позволяет появляться композиции станков, эволюционирующих в сторону автоматизма. В профессиональном плане происходит то же самое — декомпозиция "производительного" труда является необходимым условием его механизации, которая освободит человека от материального труда.

Эта противоречивая природа фазы В выносит запрет на ее изолированное рассмотрение: она является не концом эволюции, а всего лишь связующим шарниром.

Эта концепция трех фаз эволюции не связана с анализом одного-единственного завода. По причинам, относящимся к самой природе производства, машиностроение еще только входит в фазу С, в то время как другие отрасли промышленности, производство на которых уже не крупносериальное, а непрерывное, перешли в нее в заметно большей степени. К ним относятся нефтеперерабатывающая и газовая промышленность, получение электричества на теплоцентралях и гидростанциях. Таким образом, полученные выводы были сделаны путем изучения не одного завода.

Однако ничто не заставляет нас думать, что все отрасли промышленности следовали этой эволюции в целом. Какая-то из отраслей могла вовсе не пройти через фазу А, другая же в силу исключительных экономических и технических условий могла перейти напрямую от фазы А к фазе С; многие же отрасли ввиду отсутствия должной концентрации и достаточного ритма производства не прошли еще фазу В и часто фазу А. Однако во всех случаях предлагаемая описательная схема сохраняет свою ценность, позволяет увидеть место промышленной отрасли или наблюдаемого завода.

Не следует также приравнивать эти фазы к чередующимся друг за другом историческим эпохам, вроде утверждений, что французская экономика в целом должна была принадлежать к фазе А с 1815 по 1880 г., к фазе В — с 1880 по 1930 г. и к фазе С начиная после 1930 г. Ясно, что если в данный исторический момент в силу самых разных причин в той или иной стране ни одно из предприятий не будет принадлежать к фазе С, то может так случиться, что по истечении срока в одной и той же национальной отрасли экономики, скажем, в одной из отраслей промышленности, будет отмечено сосуществование предприятий, принадлежащих различным фазам. Заводы "Рено" дают на сегодняшний день картину наложения одного на другое: электростанций, принадлежащих фазе С; цехов по металлообработке, находящихся на стадии перехода от В к С; большого числа цехов, относящихся к классической фазе В; и некоторого числа цехов, относящихся к фазе А.

К этому можно добавить, что предприятия, достигшие более высокого уровня эволюции, выступают в целом в качестве некоторого ориентира по отношению к предприятиям, расположенным на более низкой стадии. На этой основе представляется возможным в какой-то мере охарактеризовать каждую промышленную отрасль и даже отдельную национальную экономику, исходя из перечня А, В, С. Автомобильная промышленность относится, главным образом, к фазе В; производство электроэнергии — к фазе С; добыча угля (во Франции) — к фазе А.

Однако любое относящееся к профессиональной эволюции исследование должно изучать предприятие или группу предприятий в зависимости от их экономических или технических условий производства, а не в зависимости от общей ситуации в национальной экономике в рассматриваемый момент.

II. Технические аспекты и социальные аспекты труда:
ЭВОЛЮЦИЯ ИХ ОТНОШЕНИЙ

Используемая в ходе данного исследования описательная схема не представляла бы особого интереса, если бы она не вводила одну из главных проблем индустриальной социологии: проблему структуры труда. Под структурой труда следует понимать взаимные отношения различных аспектов индустриального труда: технических, профессиональных, психологических, физиологических, экономических, социальных.

Одно из этих отношений представляется нам особо значимым: *отношение между технико-профессиональными и экономико-социальными аспектами промышленного труда*. Быстрое развитие технической базы, начиная с первой и особенно со времен окончания второй промышленных революций, как ее определяет Ж. Фридман, все больше и больше ставит человека в абсолютно новую жизненную и особенно трудовую среду. Создается впечатление, что технические условия цивилизации заставляют принимать их во всех промышленных странах в соответствии со знаменитым выражением М. Мосса как "цивилизационные факты", создавая помимо различий в социальных режимах, значимость которых не отрицает никто из исследователей, общую ситуацию и специфические проблемы.

Например, признание зависимости технических реалий от условий экономической и социальной жизни, от ситуации на рынке произведенных товаров и рынке труда не дает никакого ответа на эту проблему. Эта зависимость выражает ритм технического прогресса, но не характеризует социологическую значимость современных технических средств производства, их роль в социальной жизни, в частности, как фактора поведения промышленных работников¹.

Изучение профессиональной эволюции и перехода от одной трудовой системы к другой высвечивает эту проблему и позволяет, таким образом, предложить исследовательские принципы, позволяющие по-новому взглянуть на некоторые классические проблемы индустриальной социологии.

Профессиональная эволюция может быть определена как переход от профессиональной системы к технической системе труда. В фазе А в промышленности доминирует фигура мастера производства, мастерского (companion): он обладает профессией, принимает непосредственное участие и использует при этом личные методы даже в операциях, имеющих производственную направленность. Даже если он повязан рамками той или иной социальной и экономической системы, этот рабочий располагает профессиональной авто-

¹ Та же самая проблема может быть заявлена в отношении других категорий техники: технических средств досуга, коммуникации, транспорта. Однако не будем здесь расширять предмет нашего исследования, который и так уже очень широк.

номией <...> Если можно говорить с определенной долей вероятности, что понятие *профессиональное сознание* имеет смысл только в отдельных, четко определенных социально-исторических условиях, включая непосредственное отношение рабочего и пользователя продуктов, которые он производит, то очевидно, что мастер имеет установки по отношению к своему труду, достаточно независимые от социальных условий его труда. Это связано с тем, что рабочий участвует в процессе труда непосредственно, физически. Именно его ловкость, быстрота реакций, его зрительная, слуховая, тактильная чувствительность к работе машины или инструмента, точно так же, как его техническая грамотность — вот что определяет его профессиональное качество <...>

Если теперь мы перенесемся в последнюю фазу эволюции, то сможем констатировать, что рабочий не вмешивается непосредственно в процесс производства. Он наблюдает, делает записи, контролирует. Его производственное задание определяется уже не его отношением к исходному сырью, инструменту или машине, а некоторой ролью во всем производственном комплексе. *В технической системе профессиональный аспект труда поглощается его социальной реальностью.* Ритм и характеристики труда определяются уже не исходя из природы производимых товаров, используемых машин или человека как источника энергии, а исходя из форм организации труда. Качеством производственного рабочего становится лишь его способность интегрироваться в социальную группу и определяется как ответственность.

Мы увидели, что на этой стадии качество рабочего никоим образом более не определяется исходя из технических условий труда, а исходя из его социальных условий. Не исключена возможность того, что одной и той же технической ситуации, в зависимости от ситуации на рынке труда, могут соответствовать сильно отличающиеся режимы предприятия, отношения рабочих по этому поводу и т.п. иерархии, дефиниции и профессиональные отношения <...> Рабочему-надсмотрщику могут быть предписаны простые трудовые задания, не предполагающие никакого понимания технических проблем производства. И наоборот, он может быть ассоциирован с техническими специалистами, образован, направляться последними. Он может механически выполнять свое трудовое задание или, наоборот, проявлять инициативу и идти по пути инновации даже впереди технических специалистов. Эти самые разные возможности связаны с психологией различных профессиональных категорий, т.е. с состоянием человеческих и промышленных отношений — с социальными факторами.

Не опасаясь парадоксальности этой мысли, мы должны сказать, что *новая трудовая система, являясь технической, в то же время полностью социальна.* Труд несет в себе для работников смысл, ценность, которые полностью зависят от социальных условий, т.е. мы имеем дело с ситуацией, которая противостоит профессиональной системе труда. На этой стадии развития более не существует профессиональных установок в чистом виде.

Та весьма относительная автономия ограниченного отношения между человеком как обладателем отдельных профессиональных качеств, и трудом как ситуацией, где разворачиваются его способности, заменяется отношением двух целостностей: с одной стороны, труд в его целостности, которая является социальной, а с другой стороны — рабочий, рассматриваемый в комплексе его социальных ролей и его личности. Как нам представляется, этому расширению перспектив не только должно было бы соответствовать расширенное использование психотехники, но и, быть может, также должны были бы быть пересмотрены многие из принципов и методов труда в силу констатации относительности профессиональных реальностей по сравнению с социальными условиями.

Может быть, эти замечания позволят уточнить смысл оппозиции, на которой настаивает Ж. Фридман, между *средой естественной и средой технической*. Можно считать, что развитие техники всех порядков помещает человека в новую среду со своими психо-социальными условиями. Однако не должны ли мы при этом добавить, что в уже наполненной техникой среде в ходе фазы А человек остается в производстве "природным существом", часто являясь сам если не источником энергии, то, во всяком случае, элементом производства, неотделимым от инструмента или машин, которые он использует. Фаза В знаменует собой полное исчезновение естественной среды, в то время как с фазой С прочно устанавливается техническая система труда. Предыдущие замечания показывают, что, говоря о технических системах, мы не настаиваем на значимости технической обусловленности, а скорее наоборот, на исчезновении профессиональных обусловленностей и на возвращении к целостности труда, являющегося полностью социальной реальностью.

Это утверждение не раскрывает в должной мере проблем труда, поскольку последние имеют множественный смысл. Мы не можем сделать заключение в пользу одного фактора, одного уровня оценки. Необходимо анализировать отношения, которые существуют между различными формами социального участия — человеческими отношениями на предприятии, уровнем и типом потребления, участием в социальной, семейной жизни и т.д. Именно здесь мы видим новые и большие проблемы. В другом месте мы уже указывали на принцип, который должен руководить этим анализом, а именно принцип относительности систем оценки¹.

Для только что выведенных принципов может быть намечен определенный круг последствий, которые заслуживают специального исследования и которые здесь будут лишь упомянуты.

1. Подчинение профессиональных аспектов труда социальным в фазах В и С выносит приговор *технократическим иллюзиям*. Никто не сомневается в

¹ Приводя здесь используемые Ж. Фридманом выражения, мы не пытаемся дать Понять, что последний принимает наши заключения.

том, что в ходе эволюции промышленности возрастает роль технических специалистов; однако отдача, производительность труда все больше и больше зависят от социальных факторов, от "климата" на предприятии и, прежде всего, от трудовых установок рабочих. Отношения технических специалистов и рабочих являются важным элементом этого климата, однако его улучшение предполагает снятие всех техницизмов и технически желаемого разделения, оппозиции между техниками и исполнителями. Дух технократизма на предприятии сопротивляется тому, чтобы высшие управленческие кадры играли эту социальную роль, которая им принадлежит и которая в широкой мере управляет прогрессом производительности труда. Таким образом, *техническая эволюция выносит приговор технократическому духу, который незаконно занял не свое место.*

2. Более значимыми, более позитивными оказываются последствия предлагаемых принципов в *профессиональном обучении*. Помимо простого профессионального натаскивания в техницистском духе техническое обучение стремится дать новичкам подлинную профессию, рациональную подготовку, общие знания, позволяющие рабочему адаптироваться к самым разным образным квалифицированным работам. Однако эта озабоченность наталкивается на жестокую реальность, где существуют миллионы неквалифицированных или полуквалифицированных рабочих мест, которые не требуют никакой общей профессиональной подготовки. Тонкие наблюдатели даже смогли задать себе вопрос: не являются ли благие намерения источником дополнительных трудностей и разрегулирования, усиливая оппозицию, которая существует между желанием иметь настоящую профессию и повседневной деятельностью, к примеру, профессионала низкого уровня, участвующего в производстве. Характерные особенности фазы В и фазы С подсказывают, что трудности проистекают здесь из-за того, что происходит противопоставление труда во время этих периодов с идеалом в лице ставшего мифическим мастерского фазы А.

Профессиональное обучение, которое сохраняет свою ценность как подготовка на квалифицированные рабочие места, в отношении всех — и квалифицированных, и неквалифицированных — рабочих должно дополняться социальной подготовкой, т.е. обучением работника как социального субъекта, а не только как производителя. Такая подготовка должна быть обращена ко всем аспектам жизни работника, взятым в их единстве, а не только в отношении его труда и его досуговой деятельности, рассматриваемой как компенсаторная.

Это расширение профессиональной подготовки до уровня социальной подготовки не может быть достигнуто исключительно благодаря административным мерам; оно предполагает участие рабочих в жизни предприятия, что представляется нам востребованным со стороны технической и профессиональной эволюции промышленности, начиная с фазы В.

3. *Предприятие, рассматриваемое как социальная система*, было изучено в классических работах американской социологии. Однако доминировал праг-

матический подход: эти социологи описывают изучаемые предприятия не для того, чтобы определить характеристики различного рода, понять конфликты, которые там развиваются, а для того, чтобы обеспечить возможно лучшую интеграцию рабочего в предприятие, не изменяя наиболее значимые характеристики последнего. Эта точка зрения должна быть скорректирована историческим подходом, стремящимся поместить наблюдаемые реальности в общую эволюцию.

Проблемы неформальной организации цехов и заводов могут быть поняты только в рамках трех фаз, которые были выделены и которые представляют собой лишь один из частных аспектов проблем профессиональной эволюции. Фаза А характеризуется весьма продвинутым единством формальной и неформальной организаций. Поскольку труд выступает еще как "естественный", то именно "естественные" качества облекают его одновременно атрибутами руководства и неформального лидерства. Мастерской с наибольшим стажем, становясь чаще всего руководителем бригады или выполняя эту функцию, спонтанно признается другими мастерами. Последние, в свою очередь, не только дают направляющие указания вспомогательным рабочим, новичкам и разнорабочим, но и заставляют принять себя благодаря престижу своего опыта и своей ловкости, как это видно, например, на угольных шахтах, где можно увидеть формальные и неформальные элементы, которые придают "трудяге" высший статус по отношению к статусу вспомогательных рабочих и других категорий. Это не исключает возможность конфликтов между рабочими и мастерами. Эти конфликты очень часты между рабочими и горными мастерами на шахтах — однако *это социальные конфликты* и было бы важно показать двойную установку рабочего фазы А по отношению к своему мастеру: дуальность, которая воспроизводит двойственную роль последнего — как представителя дирекции (уполномоченного, в частности, определять зарплату рабочих) и как бывшего рабочего-профессионала, способного в сложных случаях взять в руки отбойный молоток. Автономия профессиональных аспектов и проблем труда не может означать отсутствие социальных проблем и конфликтов; она является всего лишь элементом сложной, противоречивой ситуации.

Появление фазы В влечет за собой в техницистском социальном климате полное отделение формальной организации от неформальной. Если организация рассматривает человека как простой элемент производственной системы, то начинает спонтанно развиваться соответствующая социальная организация: американская социология это превосходно проанализировала. Однако эволюция в сторону фазы С имеет место уже на фазе В: принятие во внимание социальных факторов производительности труда приводит к сближению двух организаций, потому что роль, выполняемая в общем социальном трудовом контексте, должна быть новым критерием квалификации, а не признаваться из узкотехнических соображений. В Соединенных Штатах Америки, как и в Советском Союзе, при всем различии систем мы имеем

дело с похожим сближением, которое может привести к единству. Последнее является симптомом системы когерентного труда; разделение формального и неформального на фазе В свидетельствует, напротив, о его преходящем характере, о его противоречивой природе.

Все, что было только что сказано по отношению к неформальной организации, также хорошо применимо к комплексу человеческих отношений на предприятии, и, как мы уже это видели, к проблемам распорядительства и коммуникаций. Таким образом, большинство проблем, наиболее часто затрагиваемых индустриальной социологией, можно увидеть по-новому методом исторического наблюдения.

4. То же самое относится к *изучению рабочего движения*. Не требуется особой дальновидности, чтобы догадаться о связи между периодом, в котором доминирует фаза А, и тредюнионизмом или профессиональным синдикализмом <...>

Было бы непростительно писать историю рабочего движения исходя только из профессиональной истории промышленности, тем не менее выявляемые между этими двумя рядами фактов корреляции представляют собой важный и неопровержимый элемент этого познания труда, целью которого является постижение в его эволюции *тройственного единства технико-профессиональных, экономико-социальных реальностей и рабочего движения*.

5. Говоря в целом, изучение профессиональной эволюции не оправдывает пессимистичные концепции, в соответствии с которыми механический труд создает проблемы, которые не могут быть полностью решены никакой социальной трансформацией, и до тех пор, пока техника не решит их сама по себе, устраняя благодаря автоматизации все работы по прямому воздействию на предмет труда, мы можем только снизить их тяжесть, сокращая продолжительность рабочего дня, организуя досуговую деятельность, улучшая материальные условия труда. Если мы должны признать, что только автоматизация снимает некоторые проблемы, которые сегодня стоят повсюду, во всех социальных системах, то мы должны также утверждать, что значимость труда для рабочего зависит от меры и способа, которыми они решаются в том обществе, где он живет. Если технические факты оказываются почти идентичными во всех обществах, достигших одного и того же уровня промышленного развития, то верно также и то, что чем ближе мы подходим к фазе С, тем в меньшей степени ценность труда может быть определена на уровне технико-профессиональных реальностей и в большей степени она меняется в соответствии с непрофессиональными источниками удовлетворенности, которые общество позволяет рабочему обрести в своем труде.

Именно таким образом должен пониматься релятивизм профессиональной квалификации: если продолжать определять профессиональную квалификацию технически, то он становится опасной формулой, которая приобретает смысл только в том случае, когда ее объединяют с появлением социальной квалификации и с необходимостью общей психо-социологической

дефиниции труда. Квалификация становится относительной только в той мере, где она проникает в более широкую реальность, а именно, в реальность социального смысла выполняемого труда.

Есть ли необходимость напоминать, что эти заключения применимы в строгом смысле только к наиболее развитым формам, к работе в цехах, наиболее близких к автоматизации, и представляют собой лишь частичный принцип анализа по отношению к наиболее общим фактам фазы В, поскольку она одновременно принадлежит старой профессиональной системе труда и новой технической системе? В фазе В социальные аспекты труда стремятся постепенно придать ей позитивный характер, действуя наряду с сохранением этого чисто негативного, попросту говоря нечеловеческого факта, которым является профессиональная реальность. *Проблема досуга* ставится в этой перспективе по-новому: уже не как поиск компенсации, а как интегрирующая часть наравне с самим трудом, с социальной системой, со всей системой определения и придания ценности труду.

П. Навиль

Автоматизация и труд человека

Исследовательский отчет (Франция 1957-1959)

Введение Объект и метод

исследования

Представляемый вашему вниманию отчет относится в своей основной части к исследованию по теме "Социальные последствия автоматизации", впервые реализованному во Франции (и даже за ее пределами) в одной из значимых отраслей промышленности. Инициатива его проведения принадлежала Высшему Совету Научных Исследований¹. Одна из комиссий этой организации в 1956 г. взялась за изучение социальных и гуманитарных сторон автоматизации, поскольку ранее углубленных исследований по этой теме не велось. В июле 1956 г. были выделены средства для организации Исследования, и руководитель проекта смог начать работу в ноябре того же

Источник: Naville P. L'automation et le travail humain. Rapport d'Enquete (France 1957—1959): Travaux du Centre d'Etudes Sociologiques. Centre National de la Recherche Scientifique. Paris, 1961. Пер. с фр. И.К. Масалкова.

¹ Эта организация в настоящее время не существует.

года. На исследование был отпущен двухгодичный срок, таким образом, закончено оно было в декабре 1958 г. То, что вы найдете на нижеследующих страницах, — результат этой большой работы, реально длившейся восемнадцать месяцев.

Область исследования

Предмет исследования был определен коротко — изучение "социальных аспектов автоматизации". Но эту область необходимо было предварительно разграничить, как минимум гипотетически, чтобы наметить рамки, где исследование реально выполнимо. Никакая предшествующая работа не могла служить руководством в этом деле, поскольку все публикации, написанные к тому времени на тему автоматизации, представляли собой технические доклады ученых или инженеров, либо же компиляции из "вторых рук", либо общие и малосодержательные комментарии. Эпизодически то тут, то там встречались отдельные материалы относительно рабочей силы, но все было расплывчато. Следовательно, в процессе планирования исследования приходилось сталкиваться с методическими трудностями, которые нужно было преодолевать, прежде всего, чтобы получить достаточно достоверные результаты.

Прежде всего нам приходится констатировать, что понятие *автоматизация* до настоящего момента имело много определений. Даже сам этот термин оспаривался. Часто в одинаковом значении употребляли такие слова, как автоматизм, автоматика и другие производные от этого корня, например автоматология. И действительно, эта проблема несоответствия слов уже заставляет подумать и о проблеме на уровне фактов. Каким бы ни был используемый термин и его определение, специалисты в своем большинстве признают, что с автоматизацией техническое развитие вошло в новую фазу со своими новыми чертами. Понятно, что эти черты не являются полностью оригинальными и проявились они гораздо раньше 1950-х гг. Однако, предшествуя разным стадиям технического развития в различных отраслях производства, с недавних пор они стали сопрягаться с целым набором других факторов, что выводит проблему далеко за рамки только технической стороны производства. Это и общая система организации предприятий, и вопросы экономической устойчивости, и структура рабочей силы. Автоматизм, следовательно, перешел из своей чисто технической формы — функционирования машин — в разряд общих объяснительных принципов, не только в промышленности, но и в сфере обслуживания. Этот переход неразрывно связан с объединением таких понятий, как *информация* и *производство*.

Столь значимая подвижка, разумеется, не может обойтись без значительного воздействия на общество; несомненно, она и сама частично является следствием действия социальных факторов. Автоматическая система может быть внедрена вследствие нехватки рабочей силы (абсолютной или относительной) и своим появлением должна устранять эту нехватку. Но

прежде чем обсуждать социальный эффект, было бы правильнее упомянуть о социальных обстоятельствах и сфере действия. Как бы то ни было, всякая дискуссия такого рода представляется теперь подчиненной сбору и отработке нюансированной информации, точной и контролируемой, которой до последнего момента не хватало. Поиск общих определений сможет начаться потом, пока же для начала достаточно и предварительных определений.

Выяснилось также, что прежде чем фиксировать разные мнения или определять установки, было необходимо собрать уже имеющиеся факты и получить проверенные данные. Очевидно, что реальные факты неотделимы от мнений, поскольку всякое мнение — это уже факт. И все же мы имеем дело не с одним и тем же *порядком* реальностей, и, чтобы рассуждать здраво, необходимо знать как можно лучше практические условия существования объекта, по поводу которого выносятся обсуждения. Иначе говоря, этот объект еще очень слабо изучен, описан и измерен. Следовательно, на второй план были отнесены психологические реакции, мнения и установки, чтобы сначала попытаться описать конкретные условия развития автоматизации в ее современной форме, отмечая по ходу дела возникающие проблемы, принимаемые решения и просматриваемые перспективы эволюции. Поэтому значительная часть этого исследования посвящена материальной стороне процесса производства, собственно технологическому оборудованию.

Угроза безработицы, с одной стороны, и опасность перепроизводства — с другой, представляющие собой два полюса одного и того же явления, были среди элементов, наиболее способствовавших распространению среди промышленников, равно как и среди рабочих мнения о том, что автоматизация таит в себе много опасностей особой природы. Поэтому наблюдавшиеся в общественном мнении опасения перед этими неизбежными издержками сильно преувеличивали те социальные последствия, которые были реальны и уже ощутимы. Итак, прежде чем строить прогнозы, которые могли бы внести как согласие, так и осуждение или сомнения, следовало, со всей очевидностью, постараться проанализировать то, что уже было зафиксировано, уже стало неотъемлемой частью жизни в промышленности.

Первым, что необходимо было сделать, являлось, следовательно, разграничение практической области исследования, учитывая определенное число неизбежных ограничительных условий. К ним могли быть отнесены следующие: во-первых, место, длительность во времени и средства, выделяемые в распоряжение руководителя исследования, которые ограничивают поле изучения. Во-вторых, необходимость подготовки сотрудников, еще не имеющих достаточного опыта в области автоматизации, затрудняла изучение в короткий срок. В-третьих, необходимо было удостовериться в доступности интересующей документации и способов ее сбора. В-четвертых, необходимо было составить несколько гипотез по поводу того, насколько та информация, которую предстояло собрать по теме автоматизации, может представлять интерес. Эти четыре основные условия было нелегко совмес-

тить, учитывая поставленную задачу. Однако они были объединены и получен вполне удовлетворяющий результат, так что здесь, полагаем, было бы уместно уделить этому несколько строк.

Что касается условий — по срокам и предоставленным средствам — достаточно сказать, что они вынуждали вести исследование, создавая с нуля весь исследовательский аппарат, от аренды помещений до последней печатной машинки, при том, что ни одна существующая организация не могла нам обеспечить ни малейшей поддержки. Это свидетельствовало о не слишком большом интересе к проблемам автоматизации до настоящего момента. Вопреки этим начальным трудностям и краткости отведенного срока, исследование смогло развернуться по всему фронту с соблюдением предусмотренных сроков. С другой стороны, участники исследования быстро освоились с проблемами автоматизации благодаря многочисленным контактам с инженерами, директорами предприятий и представителями персонала.

Третьим поставленным условием была доступность документации. Предварительная разведка на ряде технически развитых предприятий показала, что некоторые предприниматели не считали, что настал момент разрешить изучение новых условий труда, но в то же время многие другие существенно облегчили задачу своей доброжелательностью. В итоге приходилось производить монографические исследования там, где они были возможны, но не всегда там, где они могли бы оказаться наиболее плодотворными. Что же касается анкет, которые распространялись по почте, то возвращались они с известной вероятностью, достаточно стабильно.

В окончательном плане и с учетом всех высказанных соображений охваченная исследованием сфера ограничивается двумя отраслями промышленности и восемью отдельными предприятиями. Этими двумя отраслями стали: текстильная (переработка натуральных волокон из хлопка и шерсти) и металлообработка (машиностроение и производство электрооборудования). Восемь исследуемых предприятий выпускали следующую продукцию: выпечку, сахар, книги, типографские шрифты, стройматериалы, цемент, поташ, оцинкованное железо, нефтепродукты.

Анкеты и монографии

Исследование двух промышленных отраслей строилось на базе результатов анкетного опроса. Анкеты для каждой из них были различными и рассылались на предприятия по почте. Восемь отдельных предприятий стали объектами монографических исследований, реализованных уже непосредственно на местах.

Эти два метода не случайно употреблялись одновременно. Каждый из них имел свои плюсы и минусы, но их сочетание позволяло извлечь особую выгоду: в одном случае данные, полученные на нескольких десятках или сотнях предприятий, являются статистически значимыми; в другом — изучение на месте условий труда позволит выделить многочисленные аспекты автоматизации, которые не мог бы выявить никакой массовый анкетный опрос.

Не стоит удивляться, если отдельные непосредственные наблюдения иногда, казалось бы, противоречат тем тенденциям, которые были выявлены в ответах на разосланные анкеты, поскольку информативность анкет отличается от наблюдений.

Условия разработки опросных анкет и монографических исследований были изложены в соответствующих разделах по этой теме.

Гипотезы относительно автоматизации

Старт исследовательской программы не состоялся бы без использования некоторых гипотез. Соответственно, о них следует сказать здесь несколько слов, поскольку в отношении автоматизации (автоматики) даже право на ее существование как самостоятельной области всегда было весьма спорным, что впоследствии подрывало либо обоснованность, либо интерес к таким исследованиям, как наше. Эти общие гипотезы, естественно, являются результатом предварительных исследований, прямых наблюдений и изучения публикаций, уже сделанных другими исследователями. Можно было бы изложить их следующим образом.

1. Между формами труда и формами технологического оборудования существуют взаимоотношения, которые можно фиксировать. Иначе говоря, должны быть заметны некоторые корреляции между автоматизированным производством и формами человеческого труда, которые при этом используются прямо или косвенно. В эти формы включают и количественные изменения на рабочем месте (абсолютные или относительные) наряду с качественными переменами. Многие (речь идет об инженерах, рабочих и не только) полагают, что автоматика своим появлением "ничего не изменила" и что "стоят те же проблемы", что и на предшествующих стадиях механизации. Мы считаем, что противоположная гипотеза должна была появиться.

2. Существует несколько уровней либо степеней интеграции автоматизированных производственных систем, определяемых различными способами. Поэтому не следует ограничиваться единственным уровнем. В разных частях этого отчета отмечено, каким образом были использованы шкалы либо структуры для разных видов интегрированных систем, которые представляются вытекающими из изучаемых процессов. Главным образом, мы пытались работать на высшем уровне шкалы, то есть на уровне автоматических систем, не требующих, в принципе, никаких рабочих для непосредственно производственных операций. Ими были, в частности, объекты восьми монографических исследований.

3. Интегрированные автоматизированные системы требуют рассмотрения операционных циклов и циклов труда в виде некоторых последовательностей, так что отдельные операции по обработке и сами индивидуальные рабочие места имеют тенденцию отодвигаться на второй план. Общая структура Цикла в той или иной мере становится важнее всех ее частичных этапов, как с точки зрения механических операций или химической обработки, так и с точки зрения человеческого вмешательства. Отсюда вытекает необходимость заново пересмотреть классические идеи о разделении труда и провести глобальное исследование циклов настолько широкое, насколько это возможно.

4. Все автоматизированные системы производства, сколь бы ни различались они по своим особенностям, заключают в себе некоторые общие принципы управления и вследствие этого придают единую направленность изменениям, коррелирующим с трудом. Эта гипотеза была тем более необходимой, что исследование было нацелено на сильно различающиеся виды производства.

5. Технические характеристики автоматизированного производства последнего времени не могут быть раскрыты в полной мере вне зависимости от экономических характеристик. Оказалось невозможным проконтролировать эту гипотезу (или, скорее можно было бы сказать, этот постулат) в рамках настоящего исследования, которое не затрагивало чисто экономических проблем, в особенности касающихся инвестиций, амортизации, производительности и прибыли. Очевидно, однако, что многие стороны распространения автоматизации (особенно ее ритм) продиктованы экономическими требованиями. Некоторые аспекты этих требований проявлялись периодически в ходе нашего исследования, но не становились объектом систематического изучения.

Разумеется, за этими главными отправными гипотезами стояли более ясные озабоченности, как это будет заметно по прочтении материалов, объединенных в этом отчете. Но все затронутые вопросы могут быть распределены по двум группам: с одной стороны, те, которые обращены к природе и к техническим условиям функционирования автоматических систем производства, с другой стороны — касающиеся непосредственных производственных заданий рабочему персоналу и более обобщенных условий его труда. Детали этих вопросов раскрываются в заголовках соответствующих разделов, что позволяет не проводить здесь их специального описания.

Широта и границы частных исследований

Следует отметить, что в рамках каждой из изучаемых областей степень продвижения исследования варьировалась в зависимости от предоставленных возможностей, времени и количества имевшихся в наличии сотрудников. Отсюда и неравномерность объема различных частей данного отчета. Каждая отдельно взятая часть обращается не ко всей совокупности стоящих задач, а только к тем, которые могли решаться на основе проведенных наблюдений и информации, полученной в данных конкретных обстоятельствах.

В целом исследователи стремились в максимальной степени сосредоточиться на фактах, оставляя значительную часть интерпретаций для последующих исследований. Эти факты, накопление которых определяет реальное богатство данного отчета, в меру возможного представлены в детализированном виде, позволяя проводить новые исследования и иметь базу сопоставимости.

В окончательном варианте структура отчета упорядочивается в двух основных частях: исследование с помощью рассылаемых анкет и непосредственные исследования на местах, проведенные на нескольких предприятиях. В заключительной части этого текста, помимо оглавления, помещен также тематический указатель, позволяющий найти общие пункты, изложенные в нескольких или во всех разделах.

Анкета

Предназначена директорам предприятий металлургии, машиностроения и промышленности по производству электрооборудования. Указания по заполнению анкеты.

1. Правильное заполнение является необходимым для достижения максимальной точности статистических данных. Просьба ко всем директорам предприятий максимально полно ответить на все вопросы анкеты, даже если их позиция негативна по отношению к процессу автоматизации.

2. Вопросы даны в максимально упрощенной форме. Ответы на них должны иметь такой же характер и уместиться в ячейке таблицы. Вы можете подчеркивать или иным образом выделять выбираемые утверждения.

3. Данная анкета адресуется различным предприятиям. Вопросы имеют общий характер и не всегда учитывают их специфику. Поэтому мы обращаемся к руководителям с просьбой заполнить дополнительный листок, на котором вы можете привести свои соображения относительно интереса, который для вас представляет (или могло бы представлять) внедрение на вашем предприятии автоматизированного оборудования с экономической, технической и социальной точек зрения.

4. Проводимое исследование является чисто научным. Все полученные данные остаются конфиденциальными. Участвующие в нем предприятия останутся анонимными.

А. Предприятие

1. Название предприятия:

2. Юридический статус:

3. Юридический адрес:

4. Адрес предприятия:

5. Производимая продукция:

6. Ваш номер по кодификации I.N.S.E.E. (Национального института статистических и экономических исследований):

7. Общая численность персонала:

мужчины | женщины

в том числе:
служащие
рабочие, занятые в производстве
рабочие, занятые на ремонте
мастера и персонал среднего звена
инженеры и техники
высший руководящий состав

Автоматизированы ли некоторые монтажно-сборочные операции? Каким образом?	да нет
Располагает ли ваше предприятие автоматизированными установками по обработке поверхностей?	да нет (следует отметить типично) термической химической иной
Автоматизированные процессы распространяются на серии: Порядок величин серий	1) большие 2) средние 3) малые 1 2 3
Автоматизация на вашем предприятии позволила:	увеличить объемы производства увеличить производительность улучшить ритмичность производства улучшить качество продукции увеличить суточную продолжительность работы станков сократить расходы на оплату труда уменьшить потребление энергии упорядочить продажу приспособиться к конкуренции
Объем производимой за час продукции вследствие внедрения автоматики увеличился:	малозаметно заметно сильно не изменился
Сколько часов в сутки работает автоматизированное оборудование?	
Сколько времени (средний процент) занимает вынужденный простой машин в течение рабочего дня по таким причинам, как поломки, замена инструмента, неотложный ремонт и т.д.?	
Автоматизированное оборудование	было произведено на вашем предприятии: полностью частично было закуплено было взято во временное пользование
Предполагаете ли вы расширять автоматизацию на вашем предприятии в течение трех ближайших лет?	да нет

1. Французская эмпирическая социология

Если да, то изменение заключается в: (обязательное увеличение заработной платы, решение о котором исходит из официальных органов, в расчет не берется)	увеличении заработка введении системы индивидуального премирования введении системы бригадного премирования повышении заинтересованности в развитии производства создании иной системы
Каково в течение суток количество рабочих смен на автоматизированном оборудовании?	1 x 8 2x8 3x8
Повлекла ли автоматизация тенденцию к исчезновению принципа оплаты труда согласно индивидуальной выработке каждого рабочего?	да нет
Какое влияние оказывает автоматизация на безопасность производства?	улучшение ухудшение никакого влияния не отмечено
Прогулы, неявка на работу среди персонала, занятого на автоматизированном оборудовании, по сравнению с остальными сотрудниками происходят:	чаще реже без отличий

Какой интерес для предприятия представляет автоматизация с точки зрения:

- а) технической;
- б) экономической;
- в) социальной.

Выводы, заключение

Информация, представленная в двух основных частях данного отчета, позволяет со всей уверенностью сформулировать некоторые выводы, которые были бы отличны от случайных или слишком общих оценок. При этом в заключении по каждому из исследований можно найти определенное обобщение, уточняющее, как минимум предварительно, уроки, которые можно из него извлечь. На этих же заключительных страницах мы ограничимся некоторыми выводами и ориентирами, которые из них вытекают.

Для начала следует отметить, что многочисленные данные позволяют количественно измерять явления, до настоящего момента известные лишь в качестве отдельных примеров. Знать, что автоматизированные линии на заводах "Рено" являются примером продвинутой автоматике — это одно, а

что они имеются уже на шестидесяти попавших в перепись предприятиях машиностроения — другое. Одно дело — утверждать, что современные автоматические машины работают "безостановочно", и другое — обнаружить, что в тех же отраслях они бездействуют в среднем в течение 15—20% своего "рабочего времени". Точно так же, как декларировать, что автоматизация может "переквалифицировать" рабочий персонал и узнать, что в данных отраслях 80% из тех, кто трудится на самом современном автоматизированном оборудовании, — это различного рода "специализированные рабочие". В итоге полученная информация, имея достаточно небольшой "запас прочности", позволяет сегодня уточнить, почему и в какой мере распространенные автоматизации является одновременно как ярко выраженной тенденцией, благотворным и неизбежным ходом прогресса во многих отношениях, так и источником трудностей и проблем, с которыми социально-экономический оптимизм, сколь бы обоснованным он ни казался, справиться не в состоянии.

Прежде чем с этой точки зрения выделять какие-либо необходимые ориентиры, полезно обратиться к нескольким общим аспектам, которые не следовало бы упускать из виду.

Начнем с того, что прямые исследования группы предприятий выявили два порядка явлений, которые должны быть учтены при проведении той или иной политики автоматизации: первый — это то, что на сегодняшний день, за некоторыми исключениями (особенно в химической промышленности), автоматика в своей развитой форме представлена лишь на ограниченных участках каждого предприятия. Прогресс в этом направлении происходит прерывисто. Из этого следуют непростые проблемы баланса между автоматизированными и неавтоматизированными (либо очень слабо автоматизированными) секторами, которые отражаются на политике предприятия в данной сфере. Второй факт, вытекающий из первого, — то, что на большей части предприятий своим появлением автоматизация создает лишь проблему *вспомогательной* рабочей силы, работа с которой вписывается в общую кадровую политику предприятия, поскольку процент персонала, который непосредственно затронут установкой автоматизированного оборудования широкого спектра действия, ограничен по отношению к общему числу занятых на предприятии. В этих условиях какими могли бы быть перспективы предприятия, если мы будем исходить исключительно из автоматизации? И как их персонал мог бы реагировать на эти перспективы, выделяя их из общего контекста, в котором важнейшие вопросы ставятся без непосредственного соотнесения с автоматизацией?

Эта ситуация, которая кажется устойчивой, за исключением нескольких ограниченных секторов, позволяет предполагать, что политику внедрения автоматизации не стоит рассматривать саму по себе, изолированно и независимо от ее связей с развитием самих предприятий и производств, а также сферы оказания услуг, где автоматизация либо не представлена, либо

развивается очень медленно, либо не рассматривается в настоящее время как представляющая хотя бы какой-то интерес с точки зрения повышения производительности.

Один из результатов исследования — это рекомендация того, что нужно с осторожностью относиться к заключениям, полученным исключительно в узком контексте развития привилегированных с точки зрения автоматизации отраслей, и заменять этот контекст ситуационными рамками, подходящими ко всем крупным отраслям экономики.

Вот те вопросы, которые в ходе исследования привлекли внимание и на работу с которыми были направлены усилия.

1. Перечень форм и уровней автоматизированного оборудования в отраслях, затронутых данным исследованием, показывает, что они совершеннее и выше, чем обычно полагают. Успехи в плане модернизации, благодаря которой обновилась промышленность Франции, уже десяток лет объясняются в значительной степени не только более углубленной механизацией, но и намеренно проводимой автоматизацией производства. В то же время эти успехи носили неупорядоченный характер, и никто не позаботился о том, чтобы проводить их периодическую инвентаризацию. В некоторых отраслях промышленности, таких, как например, производство текстиля из натурального сырья, часто считающегося достаточно консервативным, имеет место автоматизация, уровень которой почти не отстает от благополучных в этом плане машиностроения или химической промышленности.

С другой стороны, как подчеркивалось, автоматические системы сосуществуют, как правило, со слабо автоматизированными или вовсе не автоматизированными участками. Во всяком случае, даже самые автоматизированные непрерывные производственные линии, на которых могут работать от десяти до сорока человек в двух или трех сменах в зависимости от предприятия, соседствуют с многочисленным персоналом более традиционной компетенции. Эти малочисленные бригады, хотя и играют на предприятии существенную роль с точки зрения производительности, теряются среди многочисленного персонала, занятого на погрузочно-транспортных работах, отделке, упаковке, в управлении и администрировании, без которого автоматизированные структуры совершенно не могли бы выполнять свою функцию.

Данная ситуация объясняет трудность анализа последствий автоматизации, если они рассматриваются отдельно от ситуации на всем предприятии, что может снизить достоверность исследования в целом, когда за отправную точку берется лишь сам феномен "автоматизации", вырванный из его контекста. В этом плане более правильным будет составить план перспективного исследования, уточняющего функцию автоматизации как таковую в широких производственных отраслях в ее взаимосвязях с занятостью в целом.

2. К вышеизложенным констатациям добавляются те, которые имели отношение к дискретному характеру автоматизированных участков предприятия. Изучение ситуации на разных предприятиях позволяет нам различать здесь два разных случая.

А. Предприятия, построенные и развивавшиеся непосредственно с упором на автоматизацию основных сфер производственной деятельности.

Б. Предприятия, постепенно вводящие у себя автоматизацию производства (это более распространенный случай, один из его примеров — автомобильная промышленность).

В каждом из этих случаев развитие прогрессировало неодинаково. В случае А расширение производства происходит резкими скачками: путем разделения предприятия пополам, посредством создания подобного производства в другом месте или дублированием автоматизированных производственных линий на уже имеющемся. Политика расширения влечет, следовательно, и расширение степени риска. В случае Б предприятие действует путем последовательного, но неравномерного создания новых автоматизированных участков, постепенно стремясь связать их последовательно в интегрированном все более и более широком цикле.

Эти два случая ставят разные проблемы в кадровом вопросе. В случае А набор новых сотрудников, в общем и целом легче приспособляющихся к новым задачам, может происходить легко при наличии рабочей силы в данной местности. Представляется, что практикуемая данными предприятиями политика высокой заработной платы дала возможность легко производить набор сотрудников на вновь создаваемые рабочие места. В случае Б, напротив, возникает целый комплекс проблем, связанных с изменением тарифных ставок, реадaptацией, переводом на новые рабочие места.

3. Имеет смысл подчеркнуть, что автоматизация, коль скоро она начала внедряться в какую-либо отрасль производства, почти всегда обретает черты перманентного развития. Даже серьезный кризис на рынке сбыта не смог бы теперь замедлить этот процесс, причем не только на предприятиях с крупносерийным производством, но и там, где производство средне- или даже мелкосерийное (пример — авиационная промышленность). Каждые полгода можно отмечать ощутимый рост. Проекты развития, рассчитанные на более или менее длительный срок, как показало исследование, существуют на всех участвовавших в нем предприятиях. Следовательно, мы должны будем рассматривать эти предписания как действующие на период, для которого они были сделаны. Но самым явным образом проявляется то, что одни предприятия все больше опережают другие, менее успешные. На первых наиболее четко прорисовываются новые формы труда. Из этого следует, что предприятия с наиболее развитой автоматикой просто обречены на то, чтобы играть роль первопроходца во всей отрасли, но также и то, что в некоторых сферах менее оснащенным предприятиям будет сложнее с ними конкурировать, особенно в случае кризиса. Это растущее расхождение приведет к проблемам, связанным с экономикой и рабочей силой, когда на технически отстающих предприятиях некоторые категории специализированных работников и даже профессионалы в традиционном понимании могут остановиться в своем развитии.

4. Во всех изученных случаях воздействие автоматизации на общую численность персонала представляется связанным в первую очередь с местом предприятия на рынке, а не с непосредственным введением автоматизированных систем производства или управления. Наиболее заметные сокращения численности работающих наблюдались в текстильной промышленности, но они объясняются кризисом, который вызван вовсе не прогрессом в механизации, а напротив, дал ей (механизации) возможность развиваться, чтобы сгладить отдельные его последствия. В самом деле, значительное расширение степени автоматизации в некоторых секторах этой промышленности произошло именно после спада в 1950—1954 гг. На всех изученных крупных предприятиях наблюдалось прямое увеличение их персонала. Иногда отмечавшееся в металлургии и машиностроении уменьшение общей численности занятых лишь в исключительных случаях было связано с вводом в действие автоматических устройств.

5. В то же время автоматизация влечет за собой, как правило, внутренние и внешние перестановки работников различного масштаба, всегда создающие серьезные проблемы касательно значимых перемен и адаптации.

6. Влияние на трудовую квалификацию стало понятным, что позволило сформулировать некоторые предложения, упомянутые ниже. Исследователи отмечают, что если автоматизация заключается в отстранении руки человека от непосредственного участия в операциях по обработке исходного материала (собственно от изготовления), то она имеет свое продолжение в упразднении человеческого труда и при транспортировке, креплении и перемещении с одного места на другое, необходимых при непрерывном процессе.

Труд человека концентрируется на измерении и контроле над производственными операциями и производимым изделием, т.е. в надзоре. Из этого следуют две трансформации общего плана в структуре рабочей силы: поддержание и повышение уровня знаний в отношении некоторых механизмов, для обслуживания и контроля которых требуется подготовленный персонал нового типа; сокращение либо сохранение существующего числа "обычных" операторов машин в такой же или менее значимой роли, чем прежде.

Большая часть полученных данных свидетельствует о растущей пропорции занятого контролем и наладкой персонала, — если не о постоянном ее росте, то, как минимум, о расширении и растущей ответственности за выполнение заданий, которые включаются в то, что называется техническим обслуживанием. Контроль за работой оборудования иногда становится неотличимым от собственно технического обслуживания. Задания по техобслуживанию, эволюционирующие к рутинной специализации, сохраняют еще достаточно поливалентный характер. Как-то невольно происходит выравнивание по степени важности деятельности по техническому обслуживанию, производству и управлению. В этой сфере намечается структурная дифференциация рабочей силы, которая уже начинает влиять на критерии продвижения по службе, смену рабочих мест и оплату труда.

На большом числе предприятий с особой силой было констатировано, что автоматизация не влечет за собой значимого изменения базовых способностей каждого рабочего или оператора, а влечет скорее новую оценку составных элементов квалификации. В целом операторы автоматического оборудования не имеют того, что в традиционном смысле этого слова называют профессией. Эта ситуация сходна с ситуацией в традиционных цехах, где доминировали просто рабочие и специализированные разнорабочие. Везде, где их присутствие еще необходимо в качестве постоянной функции, специализированные рабочие дополняют собой автоматизированные линии. Только небольшой процент бригадиров, смотрителей, контролеров и ремонтников воспользуются явным повышением своего статуса, помещающим данный персонал посередине между занятыми в производственном процессе и группой мастеров.

7. Монографические исследования показали, что одно из важнейших изменений в человеческой стороне производственного процесса — это новое в формировании трудовых бригад. Работа на автоматизированном оборудовании является очень строгой и точной, и состав бригад должен быть максимально однороден, а люди "подогнаны" друг к другу. Распределение по бригадам вносит свой вклад в изменение отношений между разными категориями рабочих, ставших менее разделенными, чем прежде. Эта тенденция изменяет также саму атмосферу в цехах и на предприятиях, увеличивая ответственность глав бригад или иных групп. Техники и инженеры становятся ближе к операторам. В результате возникает необходимость проведения некоей внутренней социально-психологической переподготовки, все более расширяющейся, и эту потребность следует учитывать уже на стадии обучения.

8. На всех обследованных предприятиях подчеркивалось, что расширение автоматизации неотделимо от роста производительности труда, позволяющего быструю амортизацию. Это возрастание — один из существенных стимуляторов развития автоматизации. Стремление увеличить производительность часто приводит к максимальному увеличению времени работы машин, вплоть до круглосуточного режима там, где это возможно (хотя последний вариант не особо распространен). Отсюда же идет и поиск путей максимально возможного сокращения непроизводительного времени, простоя автоматического оборудования. Из полученных данных следует, что это "мертвое время", вызванное различными причинами, остается еще значительным, в среднем порядка 15—20%, но иногда достигает 50%. Увеличивать производительность — значит, прежде всего, сокращать простой, и процесс, характерный для многих предприятий, — это увеличение ежедневных часов работы машин. Происходит расширение практики двух- или трехсменного режима работы, а труд операторов, контролирующих ход процесса, смотрителей и ремонтников становится достаточно напряженным. Это явление наблюдалось во всех изученных отраслях промышленности. Возникают также трудности с набором персонала для ночной работы, несмотря на предусмотренные для него денежные компенсации.

С другой стороны, ритм работы автоматизированного оборудования во многих случаях может изменяться из-за намеренных или непроизвольных действий операторов и руководства. Отсюда и при автоматизации имеют место некоторые противоречивые установки в сфере производительной политики, ведущие к тому, что уже хорошо известно и на "классическом" производстве, где установлено традиционное оборудование.

9. Трудовые нагрузки, физические и психические напряжения, испытываемые операторами, представляются достаточно неравномерно распределенными. Эта неравномерность способствует сохранению весьма неравнозначных в этом отношении рабочих мест, соседствующих друг с другом, часто в пределах одной бригады, где в одном случае нагрузки явно занижены, в другом — слишком велики, в особенности тогда, когда требуется исключительное неослабевающее внимание. Имеет место тенденция перемещения трудовых нагрузок из сферы нервно-мышечной активности в сферу нейро-сенсорной. Как нам представляется, здесь имеет место обратно пропорциональная тенденция между развитием автоматизма человеческих операций (действий рабочего-оператора), и операционным автоматизмом оборудования. Различные формы бдительности, т.е. ожидания, активного сбора информации и активной реакции, обострены и компенсируют у индивидуума относительное сокращение более автоматических форм регулярных мускульных усилий в циклическом ритме. Эта констатация явствует из ответов как директоров предприятий, так и персонала.

10. Почти везде было отмечено увеличение количества суточных смен и все более частое введение расписаний по принципу 2 x 8 и 3 x 8, с различными типами чередования смен. Это увеличение, так беспокоящее директоров предприятий, скорее всего станет в ближайшие годы объектом серьезного изменения социальной политики. Многие руководители предприятий полагают, что необходима адаптация социальных законов, касающихся расписаний трудового времени. В то же время признавалось, что "поломанные" расписания дня способны вызывать достаточно массовое недовольство персонала, и увеличение заработной платы тут не помогает. Нерегулярность в еде, сне и семейных отношениях — это наиболее частые упреки в адрес новой временной системы труда.

11. Согласно полученным данным, автоматизация не повлекла никаких фундаментальных изменений в сфере оплаты труда. Здесь предприятия ссылаются на крайне узкий и безусловный характер законов, регулирующих оплату труда, предписания коллективных трудовых договоров, и иногда даже Принятых обычаев. В том, что касается базовых заработков, различные категории операторов были приравнены к иерархии категорий, определяемых в коллективных договорах. Система премиальных выплат кажется практически неизменяемой, по крайней мере, по своей сути. Некоторые тенденции все же могли быть отмечены. Одни из них касаются повышения заработной платы, иногда временного, для персонала, занятого на автоматизирован-

ном оборудовании, даже малоквалифицированного. Другие подтверждают стойкость принципа оплаты труда согласно выработке и множеству различных премий, и часто все это принимает новые формы. Необходимость премирования за произведенный объем исходит из потребности стимулировать поиск максимальной производительности оборудования путем оптимального сокращения простоя машин. Следовательно, в общем вознаграждении за труд значительную часть продолжают составлять премии. Тенденция к помесичной оплате выгодна для предприятия тем, что легко подлежит учету и экономична. Реально же заработная плата продолжает быть связанной с почасовой выработкой.

12. Полученные данные не выявляют никакой дифференциации, своей ственной мужскому и женскому труду. Занятость в зависимости от половой принадлежности в изученных отраслях промышленности представляется соответствующей принятым в них традиционным нормам. На некоторых автоматизированных линиях (в пищевой промышленности, типографском деле) работают только женщины, на других (машиностроение, стекольное производство) их нет. Женщины отсутствуют и среди персонала нефтеперерабатывающих заводов. Такое распределение объясняется скорее местными или профессиональными традициями. В то же время некоторые изменения отмечают: к примеру, женщины появляются среди линотипистов. Трудовое законодательство по-прежнему запрещает работу женщин в ночную смену после 22 часов.

Независимо от затруднений, вызванных существованием официального временного режима труда в отношении женского персонала, нам представляется, что некоторые типы должностей, связанные с контролем и надзором, особенно на средних и высших ступенях, могли бы в будущем быть заняты женщинами, что было бы вполне подходящим. Техническое развитие может открывать для женского персонала новые сферы деятельности в промышленности, расширенные и с большей ответственностью, чем те, что им доверялись до последнего момента.

13. Представляется, что автоматизация не оказывает значительного влияния на возрастное распределение рабочих мест. Монографические исследования смогли выявить значительную долю лиц в возрасте от 40 до 50 лет среди занятых на автоматизированных линиях. Опытность выступает порой в их пользу, и здесь менее всего требуются физические усилия, поэтому средний возраст сотрудников часто оказывается большим на предприятиях с широкой автоматизацией.

* * *

Вот лишь некоторые из рассмотренных вопросов. Они отнюдь не отражают то разнообразие информации, которая получена в нашем исследовании и которая могла бы служить отправной точкой для последующих размышлений. Мы ограничимся тем, что дополним их несколькими подсказ-

ками относительно новых направлений поиска, которые кажутся сегодня необходимыми для углубленного понимания разворачивающихся технических изменений.

1. В пределах того короткого срока, что был предоставлен группе участников исследования, не предполагалось затрагивать все потенциально интересующие нас отрасли промышленности. В частности, желательно было бы охватить исследованием такие отрасли, как химическая, бумажная, производство пластмасс и транспорт.

2. Автоматика в начале 1957 г. не была широко распространена в администрациях и офисах, чтобы ее исследование было плодотворным. Сегодня здесь уже можно обнаружить ее новые проявления, и они могли бы быть изучены при согласии различных компетентных организаций.

3. Случай с предприятиями, производящими приборы и оборудование автоматизации, заслуживал бы отдельного изучения, которое можно было бы распространить, в частности, на электронную промышленность.

4. Ситуация с предприятиями — субподрядчиками или поставщиками крупных промышленных предприятий представляет особые трудности, учитывая их чувствительность к рыночной конъюнктуре. Она должна была бы также стать объектом исследования, соответствующего ее специфике.

5. Способы подсчета производительности могут быть пересмотрены в сфере автоматизации. Исследователи полагают, что этот вопрос смог бы стать объектом систематического изучения.

6. Представляется, что предварительные исследования, ставящие задачу выявления в первом варианте новой квалификационной шкалы, могут быть предприняты с вполне плодотворным результатом для сферы, относящейся к организации труда. Их практический интерес в том, что они облегчили бы переговоры по корректировке коллективных трудовых соглашений.

7. Вопрос распределения трудового временного распорядка, который будет все чаще и чаще стоять на повестке дня, мог бы стать объектом углубленного исследования, так как автоматизация будет ускорять перемены в этом вопросе.

8. Измерение трудовых нагрузок на человека в процессе оперирования автоматизированным оборудованием заслуживает того, чтобы рассматриваться как отдельная тема.

9. Последствия экономического спада, пусть легкого, в следующих по пути автоматизации промышленных отраслях можно было бы изучать начиная с нынешнего момента.

10. Представляется возможным и необходимым рассматривать разработку технико-экономических показателей развития автоматизации в их увязке как с занятостью, так и инвестициями и амортизацией вложенного капитала.

11. Систематическое исследование новых форм трудового обучения и профессиональной подготовки, связанных с расширением автоматизации, Представляет особую срочность.

Наконец, представляется уместным напомнить, что изученные явления имеют повсеместный, интернациональный характер и что их изучение должно было бы продолжаться с учетом этого факта прежде всего в рамках Общего рынка. Ведь не вызывает сомнений факт, что политика в области автоматизации находится отныне на повестке дня в масштабе всей Европы. Множественные взаимные влияния последствий автоматизации, имеющие место в различных странах — участниках Общего рынка, требуют сравнительного исследования, притом уже приобретающего свои контуры в некоторых отраслях промышленности.

М. Крозье

Бюрократический феномен
Исследование бюрократических тенденций
современных систем организации и их отношений
с социальной и культурной системой
во Франции

Введение

Миф о бюрократии, который я хотел развеять, стал кошмаром, и отныне создается впечатление, что даже среди образованных людей мы видим стремление не к анализу, а к изгнанию бесов через самоуправление у самых продвинутых и через участие в управлении у менее решительных.

Перечитывая свой труд в этом новом контексте, я замечаю, насколько, при своей кажущейся актуальности, он находится (как уже находился тогда) в противоречии с принятым мнением.

В 1960-х гг. мои работы вызывали шок, так как настоятельно демонстрировали то, что видеть отказывались: как сковывает любое действие людей необходимость прибегать к организациям, состоящим из человеческих существ. Их находили пессимистичными, жестокими и антиидеалистичными.

В 1970-х гг. их найдут, скорее, оптимистическими... Причина тому понятна: все институты угнетают и ненавистны; больше не испытываю особого желания задерживаться на анализе и разбираться, каким образом и до

Источник Crozier M. Le Phenomene bureaucratique: Essai sur les tendances bureaucratiques des systemes d'organisation modernes et sur leurs relations en France avec le systeme social et culturel. 2 ed. Paris, 1971. Пер. с фр. И.К. Масалкова.

какой степени они могут быть препятствием для свободы человека. Нас же интересуют только выводы. А мои выводы кажутся теперь ужасно простыми, почти наивными. Вместо того чтобы винить во всем кары небесные, они фактически апеллируют к ответственности самого читателя <...>

Мы чересчур легко перекладываем причину своих затруднений на абстрактные "пугала", такие, как прогресс, техника, бюрократия. Но не технические достижения или организационные формы повинны в этом. Это сами люди, которые осознанно либо неосознанно принимают участие в их разработке. И это вполне подходит нам как обоснование надежды и придания законности всякой борьбе, направленной на изменение. Если виноваты именно люди, тогда у них есть возможность научиться быть другими, тогда стоит их убеждать. Я решусь высказать, быть может, даже крамольную мысль о том, что негодование с позиций благородства, эти пылкие разоблачения и это мистическое рвение, в которых молодые поколения на время могут потерять рассудок, представляют в настоящий момент наибольший риск бюрократической регрессии <...>

Именно этой уверенностью и тем особым опытом, через который я ее приобрел, я инстинктивно хотел поделиться при написании "*Феномена бюрократии*". Разумеется, в мою задачу входило описать в более научном стиле особенности и пороки бюрократии, при этом понять их механизмы и предложить более обобщенную теорию. Но, быть может, в еще большей степени я стремился дать моим читателям возможность почувствовать, что эти порочные иррациональные факты, которые каждый переносит болезненно и стремится от них избавиться путем как можно более скорого перебрасывания их в сферу проклятий и активного протеста, являются фактами естественными, объяснимыми, относительно простыми и поддающимися позитивному рассмотрению, в рамках которого возможны вмешательство и коррекция.

Поэтому я посвятил столько времени — это заняло третью часть книги — изложению результатов двух исследований, которые были взяты мной за отправную точку, и детальной проработке всего хода аналитического процесса.

В отношении теории, которую я извлек из своих исследований организаций, где распространен порок бюрократии, напрашиваются некоторые комментарии, которые я попробую сделать в более живом стиле, для более активного вовлечения читателя в процесс чтения.

В самом деле, бюрократия в том смысле, как ее понимают широкие массы (это характерная для организации атмосфера рутины, жесткости, принуждения и безответственности, в отношении которых слышно больше всего жалоб), вовсе не является прообразом будущего и не имеет тенденции к Увеличению, особенно при концентрации предприятий¹, но несет в себе парализующее наследие прошлого, где преобладала узкая и ограниченная Концепция в отношении средств сотрудничества между людьми.

Она лишь только увеличивается (как это нередко наблюдается в современной Франции), когда при новых концентрациях намереваются использовать модели управления, прежде проявившие свою несостоятельность в меньших организациях.

Ведь никакая организация никогда не могла и никогда не сможет функционировать как машина. Ее результативность зависит от способности составляющего ее человеческого сообщества к координации своей деятельности рациональным образом. В свою очередь, эта способность зависит от технической развитости, но также и иногда особенно от того, как люди могут вести между собой эту игру в сотрудничество.

Такая игра не является игрой гармоничной. Она может рассматриваться в равной степени и как конфликтная игра, и как игра в сотрудничество. Эмпирический анализ доказывает, что она подчинена проблемами власти — не власти в политическом и более или менее мифическом смысле как высшей целостности, которую, быть может, однажды удастся ухватить, а тем отношениям, которые все поддерживают между собой, чтобы знать, кто в проигрыше, кто в выигрыше, кто лидирует, кто на кого оказывает влияние, кто от кого зависит, кто кем манипулирует и в какой степени.

Представляется, что урок, который можно будет извлечь из моих социологических исследований, состоит в раскрытии того факта, что в своих отношениях с кем-то другим — даже находящимся на самой низкой ступеньке — власть каждого индивида находится в зависимости от неподвижности его поступков и от контроля, который им осуществляется над источником неопределенности, важной для реализации общих задач. Отсюда вытекает эта непреодолимая тенденция стать необходимым, держать в секрете особые приемчики, сохранять видимость неопределенности, недоступности для всех остальных, иррациональности того, что лежит в основе своей власти. Отсюда эта комплексная, или по-другому непонятная борьба индивидов, групп и кланов за повышение значимости именно их типа экспертизы, а не организации в целом.

По этой причине организация не состоит лишь из прав и обязанностей этой прекрасной машины в лице бюрократии — как, впрочем, и не из эксплуатации рабочей силы хозяином или техноструктурой и ее сопротивления этой эксплуатации. Она представляет собой комплексную совокупность пересекающихся и независимых друг от друга игр, в ходе которых индивиды, имеющие на руках часто очень разные козыри, стараются максимально увеличить свой выигрыш, соблюдая навязанные окружением неписанные правила игры, извлекая систематическую выгоду из всех своих преимуществ и стремясь уменьшить преимущества других. Эти игры крайне неуравновешенны; но ни один из игроков в том, что его касается, никак не лишен своего шанса. А диспропорции проявляются в значительно большей степени между играми, чем внутри игры. Целое держится лишь за счет раздробленности и значительной дозы неясности. Отсюда непреодолимая тенденция к развитию, поддержанию либо воссозданию барьеров в коммуникации вопреки непрерывным усилиям руководства. Отсюда же рутинерство и негибкость, неэффективность организаций, внешне кажущихся устроенными наиболее рационально.

Некоторые организации все же являются более эффективными и в целом можно сказать, что современные организации — исключая временную тенденцию к неразберихе и регрессии — шаг за шагом повышают свою эффективность, становясь намного более эффективными, чем организации, существовавшие сто лет назад. Отчего? Потому что им удалось, более или менее сознательным образом, выработать такие модели игры, при которых участники, продолжаящие, естественно, искать свою выгоду, имели бы заинтересованность в коммуникации. Речь не идет об отмене базовых властных отношений — это задача нереальная и не приносящая результатов, — а, напротив, об их признании, чтобы сделать их регулируемыми и заставить стороны вступить в прямые переговоры, т.е. в коммуникацию.

Однако такие "игры" требуют более ясных и непосредственных человеческих отношений, подвергающих намного большей проверке тех, кто в них участвует, что хорошо заметно при рассмотрении всех экспериментов по децентрализации, вплоть до самоуправления. Эти опыты создают психологическое напряжение, преодолеть которое непросто тем, кто получает выгоду (так и тем, кто является жертвами).

Для того чтобы здесь смогли произойти реальные изменения, для того чтобы бюрократия смогла исчезнуть или как минимум ослабнуть, необходимо, следовательно, чтобы люди приобретали новые способности: индивидуальную способность каждого противостоять напряжениям, коллективную способность организовывать и поддерживать "игры", основывающиеся на большем обмене и меньших запретах.

Именно здесь происходит вмешательство культурного измерения. Характеристики национального общества, передающиеся через семейные модели, модели социализации и воспитания, беспрестанно подкрепляемые опытом общественной жизни, коренным образом воздействуют на возможное развитие этих способностей. Следовательно, они составляют определенное жесткое ограничение, исключительно сильно противостоящее всем изменениям.

Третья и заключительная часть *"Феномена бюрократии"* посвящена этому культурному измерению. По своей сути она сильно отличается от предыдущих. На сей раз речь идет о попытке интерпретации, а не об анализе или теории.

Обсуждение двух моих случаев показало значимость данного культурного контекста. Конечно, я мог дать очень разумное и удовлетворительное толкование фактов, которые наблюдал сквозь развитие этой рационалистичной теории организации, некоторые элементы которой здесь только что были изложены. Но я отмечал, что те же самые факты могли истолковываться иным (но не противоречивым) образом, учитывая оказываемое им сопротивление во французской культурной модели. Следовательно, мне захотелось возобновить упражнение, увидеть то, что можно получить от иного образа рассуждения, и попытаться установить элементы более общей теории на основе взаимодополняемости двух подходов.

Но читатель, менее интересующийся теоретической спекуляцией, найдет главным образом именно здесь, в третьей части, непосредственные рассуждения, которые показались, по крайней мере в то время, провоцирующими в отношении сегодняшнего французского общества, модели его организации и его стиля действия. Бюрократия "по-французски" представляет разумное решение проблем, связанных с нашими инстинктивными реакциями: боязни оказаться лицом к лицу с нашей абсолютистской концепцией власти и с нашим отвращением к принятию вместо нее малейших отношений зависимости.

Часть I. Исследование парижского Агентства

Социальное участие служащих и их интеграция в организацию

Негативная солидарность персонала и развитие профсоюзной деятельности.

Наемные служащие — женщины, как мы увидели, не идентифицируют себя с какой-либо госслужбой, не испытывают никакого интереса к целям и функционированию организации, к которой они принадлежат, и чувствуют себя совершенно покинутыми. Поскольку эта моральная изоляция не может быть компенсирована теплой атмосферой дружбы — ее может дать лишь принадлежность к сплоченной и диверсифицированной группе, то они на деле предоставлены сами себе, имея единственную поддержку в виде своей небольшой трудовой группы.

В то же время эта заброшенность составляет лишь одну из сторон того положения, в котором находятся служащие. Мы должны признать существование, на более углубленном уровне, очень мощной групповой солидарности внутри персонала. Эта солидарность является только негативной. Она может выражаться против Агентства, против дирекции и прежде всего против профессиональных союзов, но в то же время никогда не имеет конструктивной перспективы.

Мы уже цитировали горькие, однако очень типичные слова одной из служащих о своем руководстве: *"Это люди, отделенные от нас письменными столами"*. Учреждение в своих институциональных характеристиках является для служащих вечным сюжетом кулуарных бесед, насмешек и невеселых шуток, однако они необходимы для поддержания негативной солидарности и как минимум морального духа, который эта солидарность приносит. Отражение этой темы нам удалось выявить в наших интервью. Многие из наших собеседниц, даже будучи относительно удовлетворенными, своими выражениями и тоном голоса передали нам немного этой горькой иронии. Говоря о коммерческом успехе Агентства, одна из них — женщина ^{y>*}c зрелого возраста, рассудительного вида и совершенно невозмутимая, без

обиняков заявляет анкетеру: *"В сравнении с прочими службами министерства — это штрафной батальон, исправительная колония для тех, кто сделал что-то не так..."*

К профсоюзам в основном испытывается такое же презрение¹. Большинство сотрудниц (60% проинтервьюированных) заявляют, что они необходимы, но при этом большая часть из них проявляет сдержанность и добавляет малоприятные комментарии. Так, одна давно здесь работающая уважаемая и уважаемая дама выразилась весьма эмоционально: *"Они слишком много занимаются своими делами, а нам уделяют недостаточное внимание."*

Убежденные сторонницы профсоюзов встречаются достаточно редко и часто выражают критику. К примеру, одна из них, изложив нам немало убедительных доводов в пользу своего участия в профсоюзе, добавляет: *"Нас защищают мужчины, которые не понимают наши проблемы со всей точностью и не всегда входят в наше положение."*

Общее чувство отрицательной солидарности было отлично проявлено во время стачки, имевшей место в предшествующем году, ровно за восемь месяцев до опросной кампании. Эта стачка была не результатом частного конфликта внутри Агентства, а следствием всеобщей забастовки в государственных службах, показательной и эффективно развернутой во всей Франции, так что служащие парижского предприятия не брали на себя эту инициативу. Но, конечно же, они воспользовались этим случаем с большим рвением, чтобы самым резким образом показать свое недовольство. В этом отношении показательным то, что спустя восемь месяцев после стачки, забастовщицы — служащие парижского учреждения — говорили о ней так, как будто она относилась только к Агентству; они совершенно забыли о том, что следовали всеобщему призыву и вспоминали лишь о своих собственных претензиях.

Руководители Агентства в министерстве обнаруживали склонность рассматривать забастовку как дело профсоюзов; для них, следующих старым стереотипам, забастовщицы были "горячими головами", "обманутыми" профсоюзными вдохновителями. Анализ проведенных нами интервью позволил внести опровергающую ясность в такие утверждения. К нашему собственному удивлению, результаты статистического анализа отличались не меньшей двусмысленностью. Простейшие перекрестные сравнения по двум переменным позволили констатировать, что сотрудницы, бастовавшие до конца, были прежде всего руководителями групп (есть одно исключение), затем — хорошо адаптированными в своей работе и, наконец, теми, у которых было наибольшее число сильных товарищеских связей с коллегами². Все те, кто

¹ На протяжении последних сорока лет синдикализм был очень силен среди служащих того министерства, к которому относится Агентство. Разумеется, в самом Агентстве он был слабее по причине преобладания в нем женского персонала.

² Статистически значимо на уровне 0,01.

были "профсоюзными активистами", очевидно, бастовали, но, как нам представляется, здесь нет никакой связи между более или менее благосклонными комментариями опрошенных работников касательно профсоюзов и их участием в забастовке. Следовательно, забастовщики были не "горячими головами", а, напротив, наиболее ответственными и трудолюбивыми сотрудниками. Это открытие подкреплялось другим распределением, которое мы смогли произвести на основе выявленных нами при опросе суждений начальников отделов по отношению к проинтервьюированным служащим. В нашем примере 79% сотрудниц, определяемых своим непосредственным руководством как "исключительные", участвовали в забастовке до конца, против 33% среди тех, кого считали просто "хорошими работниками", и 20% среди "посредственных".

Профсоюзы остались относительно удовлетворены результатами стачки, но из наших интервью следует, что сами служащие были крайне разочарованы. Это большое событие в жизни Агентства, постоянно упоминавшееся в течение года, в итоге не принесло никаких сдвигов в конструктивном смысле.

Отношения власти

На сегодняшний день персонал парижского отделения Агентства представляется нам слабодифференцированной массой, практически безразличной к делам своей организации, совершенно не отождествляющей себя с ее целями и задачами и не проявляющей никакой солидарности, если не считать несколько взрывов враждебности, и испытывающей, как правило, отрицательные чувства по отношению к администрации.

Дирекция Агентства не остается в неведении о существовании этого неприятного явления, хотя официально пока еще старается его отрицать. Предпринимаются всяческие попытки найти ему легкое объяснение, этим сбрасывая с себя ответственность на младший руководящий состав. В той мере, в какой члены дирекции способны вынести за скобки влияние самой природы выполняемых трудовых заданий, которые они сочли бы преобладающими, они полагают, что не лучшее состояние морального духа служащих объясняется главным образом неуклюжестью младшего руководящего состава, его неспособностью установить хорошие человеческие отношения на нижнем уровне управления. Кроме того, они считают, что изменить эту ситуацию почти столь же сложно, как и улучшить условия труда, ибо по причине стесненности в средствах Агентство не может нанимать кадры высокого уровня для низшего руководящего звена <...>

В случае с Агентством расхождения в восприятии реальности, когда ситуация видится руководителями одним образом, а младшим руководящим составом и служащими — другим, являются просто поразительными.

Результаты исследования вовсе не подтвердили существование той напряженности, которая существовала в воображении дирекции. Отношения между младшим руководящим составом и сотрудниками являются, по край-

ней мере на поверхностный взгляд, самыми теплыми. Во всяком случае, создалось впечатление, что сотрудницы совершенно не обеспокоены этими отношениями. ...В наших интервью мы задали несколько приведенных ниже вопросов: *"Что вы думаете о своих непосредственных начальниках?"*, *"Защищают ли они ваши интересы?"*, *"Можно ли довериться своему начальству?"*

Первый из этих вопросов был обобщенным, два других — более специфичными, но, в любом случае, никакой из них не относился непосредственно лишь к кому-то одному из младшего руководящего состава. Вопросы были направлены скорее на отражение проблем функционирования, чем проблем личности. Они были восприняты очень хорошо и принесли множество комментариев, обильных и весьма многозначительных, но в то же время, и это стало для нас неожиданностью, в целом эти высказывания были лишены всякого эмоционального и даже личностного оттенка <...>

В ответ на вопрос: *"А вас они защищают?"* — одна сотрудница добавляет: *"Начальство нас защищает в той мере, в которой это защищает их самих; иначе они скорее стали бы нас давить. Наш начальник отдела, он очень субъективен... Насколько они далеки от некоторых, настолько же они близки к другим'. В конечном счете, отношения не такие уж и плохие. Мы достаточно свободны, и я лично с ними не чувствую себя стесненной... С нами никогда не говорят на тему работы, они убеждены в том, что не смогут от нас ничему научиться, хотя в их интересах..."*

Ясно, что эта сотрудница, очень критичная к начальнику своего отдела, является в то же время трезвомыслящей и достаточно терпимой <...>

В комментариях мы находим три большие темы:

- 1) младший руководящий состав не отличается большой тактичностью в человеческих отношениях; они не знают, как следует вести себя с женщинами;
- 2) они не любят брать на себя ответственность;
- 3) они не особо компетентны, не очень хорошо знают, как организовать вверенный им отдел.

<...> Создается впечатление, что служащие чувствуют себя нормально рядом с низшим руководящим составом, перехлесты и изъяны которого они охотно критикуют, но при этом они не вызывают у них ни уважения, ни Ужаса. Это суждение подтверждается анализом частных характеристик тех служащих, которые жалуются на своих начальников. Если бы отношения данного типа были для них очень важными, то недовольные своим начальством служащие непременно назвали бы ряд общих черт, свидетельствующих о том, что их моральное состояние или возможности адаптации от этого страдают <...>

Прочие линии размежевания гораздо более значимы. Чувства, испытываемые к руководящему составу, представляются имеющими значение лишь

¹ Мы замечаем здесь переход от единственного числа ко множественному. После Проявления своих личностных чувств участницы опроса немедленно возвращаются к •обобщенным безличностным выражениям.

для самых молодых сотрудниц, и в особенности для тех из них, которые принадлежат к более высокой социальной среде. Для таких участниц опроса сложные отношения с непосредственным начальником всегда ассоциируются с очень плохим моральным состоянием¹.

Итак, можно считать, что в Агентстве властные отношения на низшем уровне (т.е. те, которые предполагают общение руководителя и подчиненного лицом к лицу) просты и теплы, от них не исходит никаких затруднений и не создается напряженность. В противовес этому комментарии опрошенных работниц касательно высшего руководящего состава, т.е. начальников отделений, второго эшелона руководства, оказываются исключительно персонализированными и несут значительную эмоциональную нагрузку. Этот совершенно неожиданный феномен достоин того, чтобы над ним поразмыслить, поскольку он направляет внимание на болевую точку функционирования таких административных организаций, как Агентство.

В ходе интервью мы задали один-единственный вопрос: *"Что вы думаете о своих высших руководителях?"*

44% сотрудниц отказались на него отвечать, заявляя, что никогда не контактировали с *"большим начальником"*, и что вследствие этого они не могут выносить никаких приемлемых суждений. И напротив, 28% немедленно отреагировали самыми оживленными комментариями, как то: *"Они слишком жестки"*, *"Когда им что-то говорят, они не хотят ничего слышать."*

Многие участницы опроса совершенно открыто давали понять, что испытывают страх перед высшим руководством: *"Я его увидела однажды, чтобы взять отпуск по болезни; он мне внушает страх; он меня парализует."*

Рядом с этой частью работниц, настроенных резко критически, мы нашли небольшую группу (9% от выборки), которую можно характеризовать как умеренно критическую, и вторую группу в 20% — это те, кто оказывается настроенным скорее благосклонно.

В конечном счете, очаг иерархических напряженностей нам видится не как результат всех властных отношений лицом к лицу, которые поддерживаются между служащими и их непосредственными начальниками, а как результат менее прямых и более опосредованных отношений между служащими и высшим руководящим составом. Вопреки установленным представлениям, почти не видится наличие следов отношений зависимости (и их сопровождающих эмоциональных всплесков) между исполнителями и

¹ Проработавшие достаточно долго сотрудницы проявляют примерно одинаковое отношение к начальству, какой бы ни была та социальная среда, к которой они принадлежат. Но среди недавно пришедших наблюдается такая картина: чем выше их социальная среда, тем больше их критика в адрес руководящего состава совпадает у них и с неблагоприятным отношением к труду, дисциплине и госслужбе (все эти отношения статистически значимы на уровне 0,01).

маленьким штабом из руководителей, с которым они имеют дело на протяжении всего дня внутри своего подразделения в сотню человек. Напротив, на уровне подразделения из тысячи человек служащие кажутся обремененными непомерными трудностями для создания удовлетворительных отношений с начальником отделения, ответственным за всех, и от этого выглядит немало страдающими.

Мы уже описали полувоенный характер иерархической пирамиды с начальником отделения на вершине и главами отделов и инспекторами в середине пирамиды. В то же время мы уже обращали внимание на почти полное отсутствие штабного персонала. Для принятия всех необходимых решений по управлению деятельностью сотрудников, которые прорабатываются, напомним, в самых мельчайших деталях, начальник отделения имеет рядом с собой лишь двух начальников основных отделов. Решения, которые они вместе должны принимать, касаются в одинаковой степени реализуемых целей и используемых средств, согласованности между отделами и с повседневной жизнью сотрудников этих отделов, перенесения сроков некоторых операций, когда трудовая нагрузка слишком велика, всех проблем дисциплины и в целом всех проблем, связанных с персоналом.

Поставленные в такое положение, начальники отделений и их помощники не имеют ни возможности, ни желания делегировать свою ответственность. Они сами принимают решения по множеству совсем малозначительных вопросов, например: разрешение отлучиться с работы, которое нужно дать сотруднице по случаю похорон, или выговор в адрес сотрудницы, сделавшей в работе над текстом слишком много ошибок. Поскольку сами они не могут располагать в достаточной степени необходимой информацией по всем проблемам, им необходимо обращаться за помощью к начальникам отделов за ее получением. Но начальники отделов реально не находятся в положении, позволяющем давать такую информацию, которой можно было бы безоговорочно доверять. В действительности в рамках одного отделения насчитывается до десяти начальников отделов, и каждый управляет службами где-то параллельными и немного сходными. В силу такой ситуации они находятся в конкуренции между собой за распределение весьма ограниченных ресурсов организации. Между собой они не имеют никаких отношений взаимозависимости, а значит, и никакого положительного общего интереса, и, в конечном счете, они могут рассматривать себя только как конкурентов. Следовательно, имеет место стечение обстоятельств, чтобы постараться представить в выгодном для них свете ту информацию, которую они должны давать своему начальнику отделения.

Далее, опыт показывает, что давление конкуренции является таким, ^{что} никому не удается от него ускользнуть, и что все начальники отделений искажают предоставляемую ими информацию, получая максимум ресурсов ^{благодаря} "благосклонности к своей персоне, поскольку это те ресурсы и та благо-

склонность, которые позволяют им поставить работу в своих службах без лишних проблем и не давать своим коллегам себя обойти. В то же время они будут создавать давление с целью помешать начальнику отделения попытаться преодолеть изоляцию вокруг себя, входя в более тесные отношения с тем или другим из них. Всякое подобное усилие незамедлительно влечет с их стороны обвинения в фаворитизме и, как правило, заканчивается неудачей.

Если начальник отделения обречен, в силу всего этого, на обладание лишь искаженной информацией и изоляцией от повседневных вопросов трудовой жизни, которые ему полагается решать, его решения рискуют слишком часто оказываться безличными, основанными в гораздо большей степени на букве распорядка, чем на серьезной оценке фактов и последствий возможных решений. Единственное исключение из этого духа рутины появляется, когда начальник отделения преуспел в организации собственной сети информантов, что ведет, как правило, к серьезным конфликтам с руководящими работниками и со служащими, к конфликтам, в основе которых лежит обвинение в фаворитизме — к чему данная среда крайне чувствительна.

Учитывая давление и напряженность, развивающиеся после подобной постановки дела, можно меньше удивляться тому открытию, что служащие перекладывают ответственность за свои трудности на начальников отделений и остаются благожелательными и терпимыми к своим непосредственным руководителям, начальникам отделов и инспекторам. Первый эшелон руководящего состава находится в исключительном положении, чтобы заручиться хорошим расположением исполнителей, с которыми его члены должны, не забудем это, жить в постоянном контакте; они могут перекладывать ответственность за проведение всех непопулярных мер на начальников отделений и настаивать на том, что, в свою очередь, они делают все возможное, чтобы защитить своих служащих от суровости обезличенной системы, рутинной и бесчеловечной. Можно констатировать, впрочем, что единственный вопрос из заданных служащим об их непосредственном начальстве звучал так: *"Защищают ли вас ваши начальники?"* Ответы выявили значительный разброс позиций. Сотрудницы на деле не особенно полагаются на своих руководителей: 44% из них полагают, что знать здесь истину достаточно сложно, и только 12% заявляют о своем полном доверии руководителям. Среди отрицательных вариантов ответа такие, как *"конечно же, он нас никогда не защищает"*, оказываются гораздо более многозначительными, чем просто *"он суров"*.

Эти отношения между руководителями и подчиненными не могут, однако, быть хорошо поняты на основе анализа только лишь мнения служащих. Значит, чтобы расширить поле нашего исследования, необходимо в него включить сферу среднего руководства.

Часть II. Исследование промышленной Монополии

5. Отношения в группе управления

Значение конфликта в системе бюрократической организации

Представляется вполне ясным, что в истоке всех тех конфликтов, которые мы только что проанализировали, всегда находят, в той или иной форме, одну и ту же борьбу индивидов и групп — борьбу за власть. Такая констатация хорошо увязывается с новейшими размышлениями теоретиков в области организации, все больше и больше признающими центральное значение понятий управления и власти для понимания отношений между индивидами и между группами внутри крупной организации. Мы попробуем их обсудить, когда придет время, но сейчас нам следовало бы лишь подчеркнуть, что нет организации, которая не имела бы проблем власти и где не возникали бы конфликты, вызванные борьбой за нее, и также где эти конфликты не были бы, в свою очередь, подконтрольны и ограничены той или иной формой "социального контроля". Именно в рамках этих двух постулатов мы хотели бы задать себе вопрос: каково истинное значение этих присутствующих им черт, делающих конфликты, которые мы только что рассматривали, столь острыми, и какова природа социального контроля, благодаря которому организация все же может преуспеть в своем функционировании.

Когда сравниваешь положение управленческих команд Монополии¹ с наиболее распространенными типами иерархической организации, поражают два факта: прежде всего, внутри Монополии нет многих сил, которые обычно упреждают развитие или, по крайней мере, проявление конфликтов; затем, между возможными соперниками существует комплексный баланс власти, авторитета и вовлеченности в ситуацию, при котором для них становится необходимым и даже плодотворным предпочтением компромисса конфликту.

В негативном плане, т.е. относительно отсутствия традиционных барьеров, ограничивающих развитие конфликта, должны быть сделаны три основных замечания.

1. Наша четверка участников руководящей команды имела абсолютную уверенность не только в обеспеченности работой, но и в том, что касалось их возможного продвижения по службе. Она настолько сильна, что они совершенно не зависели ни друг от друга, ни от высшего руководства, с которым они или их коллеги могли бы объединиться. В этом отношении они абсолютно ничего не опасаются и при желании могли бы действовать вполне независимым образом.

¹ Название "Монополия" условное.

2. У них нет никаких шансов быть вознагражденными в материальном плане или даже всерьез повысить свой статус внутри организации посредством своих личных достижений; даже результаты, на которые каждый может выйти, редко измеримы и остаются для каждого в значительной мере его собственным частным делом, так что можно заключить, что они избавлены не только от страха, но также и от надежд.

3. Наконец, дифференцирование ролей и их изоляция таковы, что кооперация и работа в командах совершенно не требуются для того, чтобы заставить организацию функционировать; командный дух может оказать моральную поддержку членам команды и облегчить им достижение цели, но и его отсутствие не составит препятствия.

Четверо наших персонажей соответственно могут рассматриваться как абсолютно самостоятельные в той мере, в какой отсутствует принуждающая сила в системе, к которой они принадлежат, которая заставляла бы их приложить усилие к тому, чтобы адаптировать одних к другим и к достижению компромисса, когда их интересы оказываются в конфликте между собой. В конечном счете они ничего не приобретут, жертвуя чем-то ради облегчения работы в команде, поскольку для такой работы этого не требуется и, поскольку их будущее уже настолько хорошо заранее определено, то нет риска, что на него повлияет характер их взаимоотношений с коллегами<...> Кажется, что всем этим управляют три основных принципа: прежде всего, уравнительный принцип, выражающийся в предпочтении большому стажу службы и в непреклонном следовании этому принципу, что позволяет добиться того, что все члены организации, достигшие единого иерархического уровня, практически в точности выполняют одни и те же функции и являются строго равноправными, а то и даже взаимозаменяемыми. Во-вторых, иерархический принцип выстраивания перегородок, следствием которого оказывается разделение персонала на враждебные категории, неспособные общаться друг с другом, и необходимость при рекрутировании новых членов почти всегда обращаться только к людям, внешним по отношению к службе. Наконец, в-третьих, принцип безличности правил и процедур, благодаря которому удалось в максимальной степени исключить человеческий арбитраж.

Первые два принципа — равенства и выстраивания перегородок — кажутся, на первый взгляд, противоречивыми; но если учитывать, что они, по существу, способствуют, как и третий, одной общей цели, заключающейся в устранении любого человеческого вмешательства в функционирование аппарата организации, то их можно расценивать, по крайней мере, в некотором роде, как взаимодополняющие.

Именно по этим двум принципам будут развиваться изолированность и жесткость ролей. Строгое применение равенства и служебного старшинства исключит всякую возможность разногласий между лицами, находящимися внутри одной категории. Набор по конкурсу и извне разделит эти кате-

гории и сделает невозможным разрешение противоречий между ними, которые будут вызваны проблемами власти. Желание устранить вместе с источниками неопределенности и любой человеческий арбитраж должно было бы, несомненно, действовать как средство защиты от этих возможных распрей, так как оно, в сущности, нацелено на упразднение любого властного отношения. Но наш пример показал нам, что поиск путей к этому всегда напрасен и что при этом устранение отношений зависимости внутри организации не может происходить просто так.

Заключение

Сопrotивление переменам: случай общественной администрации

Рассуждая о будущем французской бюрократической модели, мы до настоящего момента учитывали лишь изменения, касающиеся ценностей и первичных поступков, вызванные ускорением развития индустриального общества. Мы могли, следовательно, заключить из этого, что власть бюрократической системы должна была ослабевать в той мере, в какой ее латентные функции стремились к потере своей значимости. Такое заключение представляет собой вполне правдоподобную долгосрочную гипотезу, но ее недостаточно, если всерьез рассуждать о ближних и среднесрочных перспективах. Ведь она не учитывает возможности сопротивления изменению системы, являющейся одновременно и крайне длительной, поскольку она затрагивает практически все общество и при этом совершенно автономна, самодостаточна и наделена исключительно эффективными механизмами самоконтроля.

Можно утверждать, что такие системы могут надолго пережить исчезновение своих традиционных латентных функций, или, точнее, что они могут преуспеть, используя возможности воздействия на свое собственное окружение для создания нового с ним баланса и развивая новые латентные функции, необходимые для поддержки своих основных способов действия.

Оригинальный вклад французской бюрократической системы

Столь глубоко укоренившаяся система, как французская бюрократическая система, все же не может исчезнуть, не повлияв на новые организационные модели, которые придут ей на смену. Следует даже заглянуть подальше. Возможности эволюции определены по большей части необходимой потребностью поддерживать на всех уровнях новой системы действия выгоды, равнозначные или сопоставимые с теми, которые ее участники имели в Прошлом. И по этому поводу можно задаться вопросом: не будет ли одним Из наиболее удачных перспективных исследований такое, которое измерит тот оригинальный вклад, какой вносит французская бюрократическая модель в то, что должно быть сохранено в новой модели, лучше приспособленной к условиям современного мира.

Мы уже много раз спорили о преимуществах, которые бюрократическая система несет в себе для индивидов, и о глубинных причинах их привязанности к ней. Возвращаясь теперь к проблеме с точки зрения более общего сравнения, мы предпочли бы утверждение, что ее положительные элементы, к которым можно испытывать доверие, состоят главным образом в открывающейся перед всеми, даже самыми скромными ее членами возможности широко и равноправно разделять стиль жизни, предполагающий значительную личную независимость, равнодушие к обстоятельствам, большую свободу и интеллектуальную трезвость.

Не следует преуменьшать подобные достижения и успехи. Их можно рассматривать как одну из немаловажных частей вклада французской культуры в западную цивилизацию. Но их поддержание отныне обеспечивается весьма значительными затратами, и равновесие общества в целом связано непосредственно с этим. Весь вопрос для нынешней Франции состоит в том, чтобы открыть в современном массовом обществе и посредством тех различных способов действия, которые оно предполагает, элементы, которые должны были бы позволить ему поддерживать и обновлять этот необходимый вклад.

Такая проблема представляет собой вызов обществу, которое должно встретить его достойно, но уйти от этого вызова невозможно. Согласитесь, никакое общество еще не добилось успеха в выработке удовлетворительного баланса между потребностями каждого и нуждами организованной деятельности. Но власть человека над самим собой непрерывно увеличивается, и современные общества начинают как раз осознавать те средства действия, которыми они располагают, чтобы контролировать и реформировать себя.

Человек в организации всегда находится в поиске новой культуры, которая была бы открытой одновременно для всех, — т.е. культуры массовой и достаточно жизнеспособной для того, чтобы добиться созидательного участия каждого ее члена. Не является неожиданностью то, что общество, подобное французскому, в доиндустриальную эпоху и в первые периоды индустриализации преуспевшее в выработке одной из наиболее удовлетворительных с точки зрения индивида культур, дольше, чем наши соседи, остается привязанным к тому типу бюрократического и буржуазного равновесия, который позволил ему этого достичь. Но можно надеяться, что в момент, когда изменение начинает играть главную роль, брошенный ему вызов заставит его содействовать, в свою очередь, оригинальному способу развития нового гуманизма, приспособленного к новым формам организации, новым моделям действия и новому пониманию рациональности.

2

АНГЛИЙСКАЯ ЭМПИРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

В. Петти

Политическая арифметика, или рассуждения

относительно размеров и стоимости земли, людей, строений, сельского хозяйства, мануфактур, торговли, рыбной ловли, ремесленников, моряков, солдат; относительно государственных доходов, процентов, налогов, способов повышения доходов, регистрации, банков; относительно определения ценности людей, увеличения числа моряков; относительно милиции, портов, положения страны, кораблей, могущества на море и т.п. Все это рассматривается в отношении ко всякой стране вообще, но более подробно в отношении территорий его величества короля Великобритании и территорий его соседей — Голландии, Зеландии и Франции

Предисловие

Люди, дела которых приходят в упадок или которые считают, по крайней мере, положение своих дел неудовлетворительным, не прилагают (как некоторые думают) наибольших усилий к тому, чтобы противостоять надвигающимся на них несчастьям, а становятся, наоборот, более вялыми и менее энергичными во всех своих действиях, не заботясь даже о том, чтобы попытаться обеспечить себе возможные средства спасения. Исходя из этих соображений и стремясь в качестве члена общества установить, в чем действительно заключается общая выгода, я буду во всех сомнительных случаях полагаться на лучшее и, стало быть, не терять надежды без серьезных и очевидных к тому оснований, тщательно исследуя все то, что направлено к подрыву моих надежд на общественное благополучие.

Источник: Петти В. Экономические и статистические работы / Пер. с англ. под ред. М. Смита. М.: Соцэкгиз, 1940.

Я считаю поэтому необходимым подвергнуть рассмотрению следующие убеждения, весьма, как я нашел, распространенные¹ и слишком сильно влияющие на умы некоторых людей во вред всем.

А именно, убеждение в том, что ренты с земель, как правило, понижаются; что поэтому и по многим другим причинам все королевство становится с каждым днем все бедней и бедней; что раньше золото имелось в изобилии, в настоящее же время² наблюдается большой недостаток как золота, так и серебра; что нет никаких промыслов и занятий для народа, и все же страна недостаточно населена; что налоги были многочисленны и велики; что Ирландия и колонии в Америке и другие приобретения короны являются обузой для Англии; что Шотландия не приносит никаких выгод; что торговля приходит в общем в плачевный упадок; что морские силы голландцев приближаются к нашим, а французы развиваются слишком быстро по сравнению и с нами, и с голландцами и кажутся столь богатыми и могущественными, что только по своей кротости не пожирают своих соседей; и, наконец, что церковь и государство Англии находятся в том же опасном положении, в каком находится торговля Англии. Делается еще, кроме того, множество других зловещих намеков, которые я предпочитаю не повторять.

Несомненно, что расходы на иностранные товары были за последнее время слишком велики; значительная часть нашей посуды из драгоценных металлов, оставаясь деньгами, оказала бы большую пользу торговле; слишком многое из того, что должно было бы управляться лишь природой, древними обычаями и всеобщим соглашением, подпадало под регулирование закона; избиение и гибель людей во время последних гражданских войн и чумной эпидемии были велики; пожар в Лондоне и несчастье в Чатаме³ создали в умах необразованных людей всего мира настроение, направленное против нас; число отступников от англиканской церкви — *нонконформистов*⁴ — растет; население Ирландии с нетерпением ожидает устройства своих дел; англичане чувствуют себя там чужеземцами и вынуждены завязывать торговые сношения с иностранцами, в то время как они могли бы с тем же успехом торговать со своими близкими в Англии. Однако несмотря на все это (подобные явления наблюдались везде и во все времена), Лондон

¹ См. у Рошера в его "Истории народного хозяйства Англии" о распространении мнения об упадке английской промышленности в эту эпоху. Child в своей книге "New Discourse of Trade" (1669) дает целый список "отраслей, пришедших в упадок".

² В этом абзаце Петти резюмирует то, что пишет по этому вопросу Роджер Кок в своей книге "Трактат, доказывающий, что церковь и государство Англии находятся в такой же опасности, как и ее ремесла".

³ Петти имеет в виду эпизод, имевший место 10 июня 1667 г., — пребывание голландского флота на Темзе, атака английского флота в Чатаме и пожар на английских кораблях. Этот эпизод описан в книге Mahan'a "Influence of the Sea Power".

⁴ *Нонконформисты*, или несогласные — религиозные секты, отделившиеся от англиканской церкви. Петти относит к ним и католиков.

застраивается большими и великолепными домами, американские колонии дают занятие для 400 кораблей; стоимость акций Восточноиндийской компании почти вдвое превосходит свою первоначальную величину; лица, могущие предоставить хорошее обеспечение, могут получить деньги под проценты, более низкие, чем те, какие разрешает взимать закон; строительные материалы для восстановления Лондона (даже дубовый лес) почти не подорожали, а некоторые стали даже дешевле, чем были раньше; биржа кажется столь же заполненной купцами, как и в прежнее время; на улицах не наблюдается большего, чем раньше, количества нищих; число осужденных за воровство не больше, чем раньше; число карет и великолепие экипажей гораздо больше, чем в прежние времена; общественные театры великолепны. Король обладает большим флотом и более сильным войском, чем до наших бедствий. Священнослужители богаты, и храмы восстанавливаются; большое количество земли обрабатывается лучше, и цены продуктов питания столь умеренны, что люди отказываются от удешевления их путем разрешения ввоза ирландского скота. Коротко говоря, ни один человек не будет нуждаться, если станет трудиться хотя бы умеренно. Что одни люди более бедны, чем другие, это всегда было и всегда будет. А то, что многие по натуре сварливы и завистливы, — это зло, которое старо, как мир.

Эти общие замечания и тот факт, что люди едят, пьют и смеются так, как они это делают всегда, придали мне смелости попытаться, если это только мне удастся, успокоить и других, поскольку сам я убежден, что интересы и дела Англии отнюдь не находятся в плачевном положении.

Способ, каким я взялся сделать это, однако, не обычный, ибо, вместо того чтобы употреблять слова только в сравнительной и превосходной степени и прибегать к умозрительным аргументам, я вступил на путь выражения своих мнений на языке чисел, весов и мер (я уже давно стремился пойти по этому пути, чтобы показать пример политической арифметики), употребляя только аргументы, идущие от чувственного опыта, и рассматривая только причины, имеющие видимые основания в природе. Те же, которые зависят от непостоянства умов, мнений, желаний и страстей отдельных людей, я оставляю другим. Я, право же, признаю себя столь же неспособным рассуждать удовлетворительным образом, исходя из этих оснований (если их можно назвать основаниями), как и предсказать число очков при бросании костей или уметь хорошо играть в теннис, на бильярде, в крокет (не имея большой практики), пользуясь наиболее тщательно разработанными теориями, когда-либо написанными *De Projectilibus et Missilibus* [о вещах, бросаемых и метаемых] или об углах падения и отражения.

Замечания или положения, выраженные посредством чисел, весов и мер, на которых я основываю нижеследующие рассуждения, являются или верными, или не явно ложными, а если они не являются уже верными, надежными и очевидными, то они все же могут стать таковыми при содействии верховной власти, ибо *Nam id certum est quod certum reddi potest* [верно то,

что может быть сделано верным]. Если же они ложны, то не настолько, чтобы разрушить аргумент, ради которого они приведены; в худшем же случае они могут быть использованы как догадки, показывающие путь к тому знанию, к которому я стремлюсь. Впрочем, на этот раз я ограничился десятью основными выводами, которые подробно развиваются на нижеследующих страницах. В случае, если они будут признаны имеющими существенное значение и заслуживающими лучшего обсуждения, я надеюсь, что все сведущие и беспристрастные люди помогут очистить их от ошибок, дефектов и несовершенств, какие можно, вероятно, найти в том или ином исходном пункте, на который опираются эти выводы. Не мешало бы также и властям осветить те проблемы, которые не поддаются усилиям частных лиц.

Дж. С. Милль

Система логики силлогистической и индуктивной

Книга III. Индукция

Глава XVI. Эмпирические законы

§1. Ученые называют "эмпирическими законами" те единообразия, на существование которых указывает наблюдение или опыт, но которые исследователи не решаются распространять на случаи, более или менее значительно отличающиеся *от* действительно наблюдавшихся, — не решаются вследствие того, что не видят основания, *почему* должен существовать подобный закон. Таким образом, в понятие "эмпирического закона" входит то, что это — не конечный закон, что, если он вообще истинен, то его истинность может и должна получить себе объяснение. Это — производный закон, происхождение которого еще неизвестно. Дать эмпирическому закону объяснение, ответить на указанный выше вопрос *почему* — значит указать те законы, из которых вытекает данный закон, — те конечные причины, от которых он зависит. Если же мы узнаем эти причины, мы узнаем вместе с тем и пределы нашего закона, узнаем и то, при каких условиях должно прекратиться его действие <...>

Источник: Милль Дж.С. Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / Пер.^с англ. под ред. В.Н. Ивановского. М.: Магазин "Книжное дело", 1900.

Книга VI. Логика нравственных наук

Глава X. Об обратно-дедуктивном, или историческом методе

§1. Есть два рода социологических исследований. В одних вопрос идет о том, каково будет следствие той или другой причины при предположении известного общего состояния социальных условий. Таковы, например, исследования относительно того, каковы будут следствия принятия или отвержения хлебных законов, уничтожения монархии или введения всеобщего голосования — при данном состоянии общества и культуры в той или другой европейской стране или же при каком-либо другом предположении касательно социальных условий вообще, без отношения к тем переменам в этих условиях, которые могли бы осуществиться или, быть может, уже осуществляются. Но бывают еще и другого рода исследования: в них изучается то, какими законами определяются сами эти общие обстоятельства. Здесь вопрос идет уже не о том, каково будет следствие какой-либо данной причины при известном состоянии общества, а о том, каковы вообще те причины, которыми обуславливаются различные состояния общества, и те явления, которыми эти общественные состояния характеризуются. Решением таких вопросов занимается общая социальная наука (*general science of Society*), которая должна ограничивать и контролировать результаты более специальных исследований.

§ 2. Чтобы правильно представить область этой науки и отграничить ее от подчиненных отделов социологических умозрений, необходимо фиксировать понятия, связываемые с выражением "состояние общества". "Состоянием общества" называется то положение, в котором находятся в какой-либо данный момент общественные факты или явления: например, уровень познаний и степень умственной и нравственной культуры всего общества и каждого из его классов; состояние промышленности, богатство и его распределение; обычные занятия общества; деление его на классы и отношения этих классов друг к другу; общепринятые воззрения относительно всех наиболее важных для человека предметов и степень той уверенности, с какою придерживаются этих воззрений; вкусы общества, характер и степень его эстетического развития; форма правления и более важные из законов и обычаев. Состояние всего этого и многого другого, что легко можно было бы перечислить, и образует состояние общества, или состояние цивилизации в какое-либо данное время.

Когда о состояниях общества и о вызывающих их причинах говорят как о "объектах науки", то при этом подразумевают, что между названными элементами существует некоторое естественное соотношение, что возможно не любое сочетание этих общих социальных фактов, а лишь некоторые

из их сочетаний, — короче говоря, что между различными социальными явлениями обнаруживаются единообразия сосуществования. Так именно и есть на самом деле, и это составляет, конечно, необходимое следствие того влияния, какое все сосуществующие явления оказывают друг на друга. Этот факт предполагается *consensus 'om* отдельных частей общественного тела.

Глава XI. Добавочные разъяснения относительно исторической науки

§1. То учение, подтверждению и разъяснению которого посвящены предыдущие главы и согласно которому последовательный ряд социальных явлений (другими словами, ход истории) подчиняется общим законам, доступным для изучения, — хорошо известно уже нескольким поколениям мыслителей континента и за последнюю четверть века перешло из их специальной области в газеты и обыденные политические дебаты <...>

Факты статистики, с тех пор как они тщательно отмечаются и изучаются, привели к заключениям, отчасти совершенно неожиданным для людей, не привыкших считать нравственные действия подчиненными единообразным законам. Те самые события, которые уже по сущности своей кажутся наиболее причудливыми и изменчивыми и предвидеть которые в каждом отдельном случае нам не позволила бы никакая возможная для нас степень знания, происходят (если брать в расчет значительные числа) с правильностью, приближающейся к математической. Какой поступок можно считать в большей степени зависящим от индивидуального характера и от действия индивидуальной свободной воли, чем убийство своего ближнего? И между тем, во всякой крупной стране отношение числа убийств к числу жителей (как оказалось) весьма мало изменяется из года в год и в этих своих изменениях никогда не уклоняется значительно от некоторой средней <...>

Такая удивительная правильность *массы случаев*, при крайней нерегулярности каждого из случаев, составляющих эту массу, служит прекрасной апостериорной проверкой закона причинной связи в его приложении к области человеческих поступков. Если признать, что этот закон имеет силу и здесь, то всякое действие человека — например, всякое убийство — будет совокупным результатом двух рядов причин. А именно, с одной стороны, это будут общие условия страны и ее обитателей: нравственный, воспитательный, экономический и другие факторы, действующие на весь народ и образующее то, что мы называем "состоянием цивилизации"; а с другой — чрезвычайно разнообразные обстоятельства отдельных индивидуумов: их темпераменты и другие особенности организации, их родственные связи, привычный круг товарищей, их влечения и т.д. И вот, если мы возьмем столь широкую группу случаев, чтобы можно было исчерпать все сочетания таких специальных, личных факторов, т.е., другими словами, если мы ис-

ключим случайность, и если за время, к которому относятся все эти случаи, не произошло никакой существенной перемены в общих влияниях, образующих состояние цивилизации данной страны, — то мы можем быть уверены, что (в том случае, если человеческие действия подчинены неизменным законам) общее число будет приближаться к некоторому постоянному количеству. Так как число убийств, совершенных на данном пространстве и в данное время представляет собою следствие отчасти общих причин, которые за это время не изменились, отчасти же причин специальных, которые прошли весь цикл своих изменений, то для практических целей его можно считать неизменным.

Г. Спенсер

Автобиография

Лежащая перед нами автобиография Герберта Спенсера, состоящая из двух огромных томов в тысячу сто страниц плотной, убористой печати, является крайне интересным и характерным произведением этого рода. В этой "Естественной истории самого себя" ("A natural history of myself"), как называет Спенсер свои записки, мы знакомимся прежде всего с генезисом идеи эволюции, обработке которой великий философ посвятил всю свою жизнь. Этим, однако, далеко не исчерпываются весь интерес и содержание автобиографии. Далее Спенсер обстоятельно, своим обычным, ясным, точным, как алгебраическая формула, языком рассказывает, *что* он читал и *почему* читал; затем он рисует ряд портретов людей, с которыми встречался или был близок: тут Бокль, Гексли, Джон Стюарт Милль, Карлейль, Генри Льюис, Тиндаль, Джордж Эллиот и другие имена, к которым мы, русские, привыкли со школьной скамьи относиться с глубоким уважением. Эта последняя часть автобиографии Герберта Спенсера является особенно интересной.

<...> Попутно с работой над "Началами психологии" Спенсер готовил материал для своего обширного труда по социологии, к которому он приступил только в 1874 г.

До того как приступить к указанному большому труду по социологии, Спенсер работал все время один, пользуясь услугами секретаря лишь для записывания под диктовку. Материал для "Общих начал", "Начал биологии" и "Начал психологии" легко был собран самим Спенсером; но "я прекрасно сознавал, — пишет он, — что когда дойдет до социологии, то дело будет обстоять несколько иначе: понадобится достаточное количество фактов, распределенных в известном порядке, дабы возможны были выводы и обобщения" <...>

Источник: Спенсер Г. Автобиография / Сокращенное изложение А.Т. Коротнева. СПб., б.г.

<...> Спенсер составил план работы и выработал таблицы для собирания фактов, по каковому плану и начал работать вышеупомянутый секретарь его — Давид Дункан. Скомпилированный таким образом материал должен был послужить "фундаментом" для дальнейшей работы Спенсера, но он скоро убедился, что сгруппированный материал и без обобщений представляет огромную ценность для изучающих социологию. Таким образом возникла мысль выпустить собранный материал отдельными книжками под общим заглавием "Описательная социология".

Первая книжка указанной "Описательной социологии" была выпущена в 1871 г.; на выпуске этой книги особенно настаивал приятель Спенсера, американец, профессор Юманс.

Как уже выше было замечено, Спенсер был уверен, что труд этот представит огромную ценность для изучающих социологию.

"Сгруппированные социологические факты, касающиеся различных племен и народов, облегчат ученым отыскать общие законы," — думал он <...>

<...> Более точное название этого труда: *"Описательная социология, или группа социологических фактов, классифицированных и распределенных Гербертом Спенсером, собранных и компилированных Давидом Дунканом, Ричардом Шеппингом и Джемсом вольером"*.

В 1876 г. Спенсер получил письмо из России от киевского профессора И.В. Лучицкого, из какого письма он, к своему удивлению, узнал, что все его сочинения уже переведены на русский язык, за исключением "Описательной социологии", которую названный профессор собирался тоже перевести, а в следующем, 1877 г. Спенсер уже получил экземпляр русского перевода первой части, а именно: "Англия". "Какой это передовой народ" ("What a go-a-head people they are"), — восклицает он по этому поводу в письме к своему приятелю.

«Однажды, — говорит Спенсер в своей автобиографии, — я беседовал с одним русским об инертности англичан и услышал от него, что в России молодежь нередко отказывает себе в обеде, дабы иметь возможность купить книгу. Обстоятельство это стоит в связи с удивительной восприимчивостью, выказавшейся и в вышеприведенном факте. Какой огромный контраст между оценкой "Описательной социологии" в России и тем равнодушием, с которым она была встречена в Англии».

Над "Описательной социологией" Спенсер работал семь лет; кроме того, в то же время, в 1873 г., он выпустил небольшую книгу "Об изучении социологии", предварительно печатавшуюся в английском и американском журналах. Книга эта имела большой успех.

<...> Помимо такой обширной и основательной подготовки, начатой с определенной целью, у Спенсера была еще к "Основам социологии" подготовка общая, начавшаяся с того момента, как он впервые заинтересовался политико-этическими вопросами, т.е. с 1842 г.

«Фактов, — говорит Спенсер, — набралось так много, они были так разнообразны, что почти подавляли меня... Затем у меня был еще большой материал, собранный в "Описательной социологии". Для экономии труда приходилось систематизировать и этот материал, а для экономии времени, равно как и во избежание ошибок при переписке, я отмечал по печатному тексту, что нужно вырезать. Предположим, мне нужно было подготовить часть "Первобытной идеи". Для этого я прочитывал все мои выдержки относительно некультурных и полукультурных племен, разбитые на группы: "Суеверия", "Обряды" и т.д. При чтении я отмечал факты, имеющие значение для меня, и мой секретарь вырезывал их. Затем вырезки прибавлялись к куче заранее накопленных фактов, после чего вся масса вновь классифицировалась. Детали части "Первобытные идеи" обдумывались долго. Намечались главы: "Идеи о снах", "Идеи о смерти и воскресении", "Идеи о загробной жизни", "Идеи о загробном мире" и пр. Затем я брал большие листы бумаги и раскладывал их по полукругам на полу перед собою. На каждом листе я подписывал название главы. Потом я брал кучу вырезок и раскладывал их сообразно содержанию между листами бумаги. При этом процессе мне иногда попадался факт, для объяснения которого требовалась отдельная глава. Я сейчас же прибавлял новый лист бумаги, куда собирал из других глав подходящие факты. Я перекладывал много раз, покуда устанавливалась известная связь между главами».

"Приступая к каждой отдельной главе, я опять группировал факты. Для этого у меня на особом столе был род попитра, покрытый зеленым сукном. При помощи особой подпорки попитр можно было поставить под любым углом. На этом попитре я раскладывал факты в том порядке, в каком они должны были следовать в главе. Затем, глядя на вырезки, я диктовал секретарю мою книгу, т.е. связь между фактами, и давал ему их, чтобы он вставлял эти вырезки в текст".

Г. Спенсер

Описательная социология

Предисловие

Подготавливая материалы для [книги] "Основания социологии", требующей большого запаса данных, удобно сгруппированных для сравнения и

Источник: Спенсер Г. Описательная социология, или Группы социологических Фактов, классифицированных и распределенных Гербертом Спенсером / Пер. с англ. Под ред. И.В. Лучинского. Киев, 1878.

которые могли бы служить основами для индукции, я приступил лет пять тому назад к собиранию и организации фактов, представляемых обществами различных типов прошедшего и настоящего времени <...>

Весь труд должен состоять из трех больших отделений. В каждом из них будет заключаться ряд таблиц, вмещающих в себя факты в сокращенном выражении и под известными рубриками, и затем множество цитат и выдержек из источников, размещенных в том же порядке и имеющих в виду подтвердить и дополнить содержащееся в таблицах. Сокращенные положения, расположенные по известному одинаковому приему, представляют в каждой таблице или ряде таблиц явления различного рода, наблюдаемые в жизни каждого данного общества, т.е. касающиеся его морфологии, физиологии и — если общество имеет уже историю — его развития. С другой стороны, собрание выдержек, служащих подтверждением положений, помещенных в таблице, классифицируется, во-первых, соответственно порядкам явлений, к которым они относятся, и, во-вторых, соответственно с обществами, в которых обнаруживаются эти явления. Таким образом, каждый разряд явлений, выражающийся во всех обществах, может быть предметом отдельного изучения.

Три отдела этого труда, составленные по описанному выше способу, будут обнимать собою три группы обществ: 1) *нецивилизированные общества*, 2) *цивилизированные общества, уже угасшие или пришедшие в упадок*, 3) *цивилизированные общества, существующие в настоящее время*.

Компиляции и материалы, классифицированные и сведенные таким образом под общим именем *Описательной социологии*, имеют целью снабдить изучающего социальную науку данными, которые должны иметь такое же значение по отношению к выводам социолога, какое указание строения и отправлений различных типов животных имеет для заключений биолога...

Что же касается таблиц, изобретенных с целью сгруппировать наиболее удобным образом социальные явления, я с самого начала старался расположить последние так, чтобы можно было сразу обозреть и одновременность, и последовательность этих явлений. [См. примечание на с. 249. — *Сост.*]

Общий строй

до Р. X. - 420 после Р. X. ТАБЛИЦА I
(Бриттский и римский периоды)

"В каждом племени или клане можно подметить несколько различных классов: вождя и его родичей, друидов и бардов, по-видимому, с полужреческим характером, воинов, земледельцев и рабов. По всей вероятности, по крайней мере в более позднее время, существовали порабощенные деревни, занятые родственным покоренному племени, ранними насельниками, или, быть может (позднее), военнопленными, платившими подать и лишенными права носить оружие". — *Pearson*, I, 12.

Как можно заключить из надписей, население городов делилось на три класса (не считая низших) в ту эпоху, когда, несмотря на право самоуправления, полученное им, оно все еще было подчинено наместнику Британии и 5 президентам провинций. То были: *equites* или всадники, потомки прежних, римских высших военных чиновников, поселившихся в качестве граждан и получивших право на передачу своего звания по наследству и на владение участками от шести до семисот акров земли. Звание создало из них особый класс, из среды которого избирались высшие должностные лица. Но они отличались скорее как особое подразделение, чем как класс, от *decuriones* или высшей буржуазии, достоинство которых, крайне для них тяжелое, было либо наследственным, либо следствием владения поземельною собственностью в размере больше 25 акров. На этих последних ложилось всей своей тяжестью отправление мелких и мало доходных муниципальных должностей, которыми пренебрегали *equites*; они должны были сверх того пополнять недоимки, и когда их звание, которого они когда-то так домогались, благодаря всем этим тягостям обратилось в предмет их ненависти, они не могли ни отказаться от него, ни жить вдали от своих ферм, ни искать спасения в лагере или церкви отлежавшей на них ответственности. Закон столь ревниво оберегал их общественное положение, что декурион за брак с рабыней присуждался к каторжной работе, его жена ссылалась в рудники, имущество конфисковалось <...>

449-1066. ТАБЛИЦА II (Древнеанглийский период)

Наиболее ранние памятники того времени столь же ясно обрисовывают систему, основанную на различиях происхождения, как если бы то было сделано парламентскими предписаниями или указами более позднего времени. — *KenmBe*, I, 122. "Первобытная тевтонская община состоит из *eorls* и *ceorls*, находящихся под управлением короля, альдермана или иного вожда, временного или постоянного, избираемого или наследственного. Такая община обладает собственною территорией, *маркой*, состоящей из земель двоякого рода: 1) общинной земли, либо находящейся в общем пользовании общины, либо арендуемой отдельными лицами, на условиях, которые община, в качестве поземельного собственника, находит наиболее удобными; 2) частных владений отдельных лиц, участков, данных по общему соглашению и составляющих полную собственность владельцев, собственность, не пожалованную им каким-либо господином, а лишь подчиненную такого рода повинностям, которые община, как политическая единица, считает нужным налагать на своих членов". — *Freeman*, I, 89 <...>

1066-1307. ТАБЛИЦА III

"Феодальная система существенно отлична от вотчинной и составляет продукт более поздней ступени цивилизации. В настоящее время можно считать вполне доказанным, что в Англии, в англосакский период, она не существовала и была впервые введена и установлена в ней норманнами. Она

возникла в государствах, созданных германскими завоевателями в прежних провинциях римской империи, и представляла соединение двух вначале различных систем — вассальной и бенефициарной. Обычай становится к знатым лицам и особенно к королю в вассальные отношения с обязательством особенной преданности, по-видимому, был очень древним. Рядом с ним возник и обычай награждения королями знатных и могущественных лиц пожалованием им в награду за услуги земель (*beneficia*) из своей поземельной собственности, а между франками — из конфискованной церковной...

1688-1815. ТАБЛИЦА VI

"Со времени революции 1688 г. отменена обязанность короля из разрешенных ему доходов государства покрывать все государственные расходы, и на содержание королевского дома назначаемы были различные части доходов". — *Fischel*, 145. Присяга в верности вначале носила чисто феодальный характер, и до революции 1688 г. давалась королю и его наследникам, а потом — только королю". — *Ibid*, 127.

1815-1850. ТАБЛИЦА VII

В 1813 г. была создана должность вице-канцлера. "В 1841, после отмены юрисдикции по справедливости суда финансовой палаты, было назначено еще два вице-канцлера... Дальнейшее умножение судей по справедливости совершилось назначением двух судей, называемых лордами юстиции апелляционного суда канцлерства". — *Fischel*, 273. (Три принца уэльских, впоследствии Георги II, III и IV, стояли обыкновенно в рядах оппозиции. Вероятно, только со времени эманации католиков и билля о реформах королевские принцы приняли открытое участие в политике.) "При коронации восстанавливается на один день должность *lord high Stewart of England* (сенешаля). Он заседает в качестве судьи в уэстминстерской деловой зале и обязан разрешать требования тех, кто домогается участия в церемониале коронавания. Восстанавливается также и должность *lord high constable* (констебля)... В белой зале устраивается банкет, на него является на коне одетый в латы боец" (с 1820 г.). — *Fischel*, 133—4.1823. "То был один из тех периодов времени, когда исключительное право аристократии на занятие государственных должностей было впервые потрясено". Каннинг и Гэскиссон вступили в министерство. — *Martineau*, I, 319. Общественное мнение можно считать вполне установленным лишь при существовании трех условий: источников для справок, средств для обсуждения и органов для его проявления. Но в XVIII в. чувствовался сильный недостаток в этих трех условиях, необходимых для могущества общественного мнения, хотя ни одно из них, строго говоря, не отсутствовало вполне. Они были осуществлены в промежуток времени от 1770 по 1829 г. благодаря развитию газетного дела, возникновению ассоциаций и общественных митингов для политических целей и развитию древнего обычая г.сда"-¹¹ петиций. Этот период может быть назван периодом выработки общественного мнения". — *Seeley, Macmillan*, Сент. 1870.

Язык

От Р. X. - 420 после Р. X. ТАБЛИЦА I (Бриттский и римский периоды)

В эпоху римского завоевания на всем пространстве Бриттских островов говорили на одном языке — кельтском, разделявшемся на 2 главных диалекта: кимврский и гаельский. Первый был в употреблении в Британии, второй — в Ирландии.— *Huxley, Cont. Rew.*, июль, 1870, 517.

446-1066. ТАБЛИЦА II (Древнеанглийский период)

"Хотя в английском словаре менее половины слов готского происхождения, тем не менее английский язык причислен к готской семье, так как 1) в его несколько смешанном грамматическом строении преобладает готский синтаксис, а 2) большинство слов в обыкновенной разговорной речи и почти во всяком данном литературном произведении взяты из готской этимологии". — *Marsh*, 42.

1688-1850. ТАБЛИЦЫ VI и VII

"С 1731 г. норманно-франкский язык был изгнан из судов, но в парламенте обветшалые формулы были удержаны". — *Fischel*, 479<...> В обыкновенной английской прозе слова с символическим значением составляют около 60%, остальные 40% приходятся на долю предметных". — "Предметными называются такие слова, которые вызывают предмет перед памятью или воображением, или, одним словом, дают разуму известное понятие (*conception*) о нем". — "Символические слова — те, которые сами по себе не выражают для ума никакого понятия и делаются понятными лишь в связи с некоторыми предметными словами или словом". — *Earle*, 195—210.

Распределение

до Р. X. - 420 после Р. X. ТАБЛИЦА I (Бриттский и римский периоды)

"Во дни Страбона продукты острова: хлеб, скот, серебро и железо, кожи, Рабы и собаки разных пород вывозились туземцами, конечно, главным образом к берегам соседних стран; торговля названными статьями достигла таких размеров, что оправдала обложение пошлинами, ввоз и вывоз. Еще во время Нерона Лондон, хотя и не сделавшийся колонией, пользовался известностью, как торговая станция, и, по всей вероятности, служил большим Рынком для галлов.—*Kemble*, 1, 8. (Лондон уже сделался действительным Центром торговли). — *Pearson*, 1.

449-1066. ТАБЛИЦА II
(Древнеанглийский период)

"В конце VIII в., по-видимому, некоторые английские товары были вывозимы за границу и, вероятно, некоторые континентальные — ввозимы в страну" при посредстве пилигримов. — *Graik, Hist. of Corn.*, 1,62 <...> Возникновение городов: "Вдоль старых *streets* (римских дорог) возникали поселения и города; многочисленные *Stretfords* и *Stratfords* и города, оканчивающиеся на *le-street*, как *Ardmck-le-street* в Йоркшире, и *Chester-le-street* в Дерхэме, — указывают большей частью на направление этих древних дорожных линий". — Города и деревни возникли около таких мест рек, где можно было свободно перейти вброд, подле главных путей сообщений, названия которых удержались до нашего времени и указывают на их происхождение. Так, вдоль всей дороги между Лондоном и Довером существовали: во-первых, *Deep Ford*, теперь Дептфорд, около брода через Равенсбурн; затем *Grayford* на берегу реки Край; *Dartford* на Даренте; и Айлесфорд на Медуэ, на пути пилигримов, шедших с запада Англии к фобу Беккета в Кентербери. То же и по всем другим направлениям вокруг Лондона. Так, на востоке находились *Stratford* на Ли, *Romford* на Бурне и *Chelmsford* на Чельмере. То же можно сказать и относительно Brentforda, Туифорда, Уатфорда, Оксфорда, Гертфорда, Бедфорда, Стамфорда и т.д. — *Smiles*, 1,157—158 и 237—238. "Прежде чем инженерное искусство достигло такого развития, что сделало возможным постройку стен гаваней, в глубоких местах, — текущие реки в достаточной степени удовлетворяли всему тому, чего требуют от гаваней". Отсюда Лондон на Темзе, Бристоль на Авоне, Голл на реке Голл, Честер на Ди, Глочестер на Северне, Бостон на Уитгэме и Ньюкастл на Тайне. Тем же объясняется и раннее значение, приобретенное Бристолем, который продолжал развиваться "вплоть до конца XV в., когда Ливерпуль только что возник". — *Ibid*, 1, 282.

1066-1307. ТАБЛИЦА III

"Уинчестерская ярмарка" была учреждена Вильгельмом Завоевателем и пожалована им в виде дохода уинчестерскому епископу. Особою хартией он продолжил ее на три дня... Вследствие новых королевских пожалований она была продолжена Генрихом III на 16 дней. Ее юрисдикция простиралась на 7 миль в окружности и включала даже Southampton, в то время значительный торговый город. Купцы, торговавшие в пределах округа, лишались товаров: их конфисковали в пользу епископа... В то же время и все лавки в сити Уинчестера были закрыты. Во время ярмарки заседал суд, называвшийся шатром, в котором участвовали епископские судьи и другие чиновники, с правом решать дела всякого рода, возникшие в городе и на 7 миль вокруг. Многие монастыри имели лавки или дома на этих улицах, открывавшиеся лишь во время ярмарки. — *Warlon*, II, 55.

2. Английская эмпирическая социология

Примечание*

Общую схему "таблиц, вмещающих в себя факты", использованных Г. Спенсером при подготовке "Описательной социологии", можно представить в следующем виде.

Рубрики фактов	Распределение фактов по периодам						
	ДоР.Х. по 420 г. после Р.Х.	449- 1066	1066- 1307	1307— 1530	1530- 1688	1688- 1815	1815- 1850
1. Разделение труда 2. Организация труда 3. Семейные законы — супружеские 4. Семейные законы — сыновние 5. Политический строй 6. Законы уголовные, гражданские и промыш- ленные 7. Общий строй 8. Местное управление 9. Военный строй 10. Церковный 11. Профессии 12. Добавочные учреждения 13. Погребальные обряды 14. Законы общественных сношений 15. Нравы и обычаи 16. Эстетические чувства 17. Нравственные чувства 18. Религиозные идеи и суеверия 19. Знание 20. Язык 21. Распределение 22. Обмен 23. Производство 24. Искусства 25. Земледелие, скотоводство и т.д. 26. Общественные работы 27. Жилища 28. Пища 29. Одежда 30. Оружие 31. Утварь Й. Эстетические произведения 33. Прибавления							

* Подготовлено составителем.

**Г. Спенсер Об
изучении социологии**

Глава IV. Трудности социальной науки

Вследствие внутренней природы фактов, вследствие природы нашей собственной, как наблюдателей этих фактов, и вследствие особенного нашего отношения к наблюдаемым фактам, социология представляет гораздо больше трудностей, чем какая бы то ни было другая наука.

Явления, которые ей предстоит обобщить, вовсе не таковы, чтобы их легко было подметить прямо; их нельзя наблюдать с помощью телескопа и часов, как явления астрономические: их нельзя измерять динамометром и термометром, как явления физические; нельзя изучать с помощью весов и реактивных бумажек, как явления химические; нельзя обнаружить при помощи скальпеля и микроскопа, как менее ясные биологические явления, их нельзя также открыть самонаблюдением, как явления, с которыми имеет дело психология. Каждое явление в области социологии должно быть установлено сопоставлением многих подробностей, которые очень сложны и разбросаны во времени и пространстве и доступ к ним затруднителен. Отсюда объясняется, почему такие основные истины этой науки, как, например, разделение труда, долго оставались неизвестными. Действительно, не трудно было сделать обобщение, что в развитых обществах занятия людей различны, но заключить отсюда, что эта форма общественного распорядка не обязана своим происхождением ни особому учреждению, ни узаконениям какого-нибудь короля, но образовалась без чьего бы то ни было намерения, можно было только после того, как были подмечены и объяснены многочисленные и разнообразные отношения между людьми и после сравнения этих отношений с теми, какие существовали между людьми в более простых обществах и в более древние времена. И если вспомнить, что те данные, из которых только и можно сделать вывод о специализации труда, гораздо доступнее большей части данных, из которых извлекаются другие социологические выводы, то для нас будет ясно, как сильно замедляются успехи социологии самым характером ее предмета и содержания.

Характеры лиц, как наблюдателей, прибавляют к этой трудности вторую, которая, пожалуй, не меньше первой. В социологические исследования люди необходимо вносят те методы наблюдения и суждений, к которым они привыкли в других исследованиях, — по крайней мере те лица, которые делают исследования, заслуживающие этого названия. Не говоря о боль-

Источник: Спенсер Г. Сочинения / Пер. с англ. под общ. ред. НА Рубакина. Т. VII- Об изучении социологии / Пер. М. Гольдсмит. Киев; СПб., б.г.

щинстве образованных людей и ограничиваясь теми немногими, которые собирают данные с пониманием дела, сравнивают их и осторожно выводят заключения, мы видим, что даже и они должны бороться с тем затруднением, что способы мышления, порожденные в них изучением сравнительно простых явлений, делают их мало способными к изучению явлений чрезвычайно сложных. Всякая способность имеет стремление приладиться к своему делу. Специальное приспособление к одному делу ведет за собой большую или меньшую трудность приспособления к другим; вследствие этого умы, привыкшие иметь дело с менее запутанными группами фактов, не могут успешно изучать этот в высшей степени сложный разряд фактов, не разучившись отчасти тем методам, которым научились прежде.

Со стороны душевной природы также являются большие затруднения. Едва ли кто-нибудь может изучать социологические предметы с тем же чувством, как предметы другого рода. Для точного наблюдения и правильных выводов необходимо спокойное состояние духа, которое готово признавать или выводить одну какую-нибудь истину совершенно так же, как и другую. Но к истинам социологии почти невозможно относиться таким образом. В исследование их каждый вносит более или менее сильные чувства, которые заставляют его ревностно искать одного заключения, забывая о другом, с ним несходном, заставляют уклоняться от какого-нибудь иного заключения, кроме того, которое уже известно. И хотя, может быть, из десяти мыслящих людей только один сознает, что его суждение искажено предубеждением, но даже и этот один не признает предубеждение в полной мере. Правда, что личные чувства мешают делу: почти во всякой области исследования является, большею частью, какое-нибудь предвзятое понятие и известная доля самолюбия, которая мешает отказаться от него. Но особенность социологии состоит в том, что при изучении ее фактов и выводов личное чувство действует необыкновенно сильно. Здесь непосредственно затрагиваются личные интересы; удовлетворяется или оскорбляется чувство, возникшее из этих интересов; приятно или неприятно возбуждается другое чувство, которое имеет отношение к существующей форме общества.

Здесь нам представляется третье затруднение, происходящее от занимаемого нами положения относительно тех фактов, которые нужно обобщить. Ни в каком другом случае наблюдателю не приходится делать исследования свойств такого агрегата, к которому он сам принадлежит. Его отношение к изучаемым фактам можно себе представить, если сравнить отношение одной веточки, составляющей часть живого тела, к тем фактам, которые представляет это тело как целое. Говоря вообще, жизнь гражданина возможна только при правильном исполнении тех функций, которые выпали на его долю, и он не может совершенно избавиться от понятий и чувств, которые внушает ему его жизненная связь с обществом. Здесь, следовательно, является трудность, которой не представляет никакая другая наука. Мысленно оторваться от всех Родственных, национальных и гражданских привязанностей; забыть все интересы, предубеждения, наклонности, предрассудки, которые порождены в

нем жизнью его общества и его времени; смотреть на все перемены, которые совершились и совершаются в обществе, без малейшего отношения к национальности, вере и к личному благосостоянию, — все это такие вещи, на которые обыкновенный человек не способен вовсе, а человек исключительный способен только в очень несовершенной степени.

Сделав таким образом общий очерк трудностей, представляемых социальной наукой, я перейду к описанию и объяснению их в отдельности.

С. Раунтри

Непосредственные причины бедности в Йорке

Целью этой главы не является обсуждение конечных причин бедности. Попытаться сделать это означало бы осилить целую социальную проблему. Моя цель — только обозначить непосредственные (immediate) причины: а) "первичной" и б) "вторичной" бедности.

(а) Непосредственные причины "первичной" бедности

Важнейшими из них представляются следующие.

1. Смерть основного кормильца.
2. Нетрудоспособность основного кормильца вследствие несчастного случая, болезни или старости.
3. Основной кормилец оказался без работы.
4. Хроническая нерегулярность работы (иногда являющаяся следствием неспособности или нежелания работника наниматься на постоянную работу).
5. Большой размер семьи, т.е. те случаи, когда семья находится в бедности, т.к. имеет более четырех детей, хотя она и не была бы бедной, если бы число детей не превышало четырех.
6. Низкая зарплата, т.е. когда основной кормилец находится на постоянной работе, но его зарплаты не хватает для содержания средней семьи (т.е. не более чем с четырьмя детьми) на уровне прожиточного минимума.

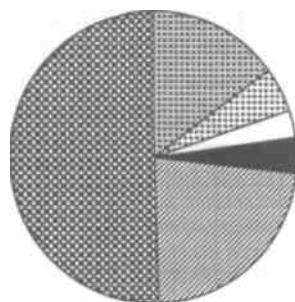
Анализируя случаи "первичной" бедности в Йорке, мы обнаружили, что они непосредственно связаны с той или иной из вышеперечисленных причин в следующих пропорциях.

Источник: Rowntree B.S. Poverty: A Study of Town Life. 3d ed. L.: Macmillan, 1902. Ch. 5-P. 119—145. Пер. с англ. М.В. Кондрашовой.

2. Английская эмпирическая социология

Группа	Кол-во домохозяйств	Причины "первичной" бедности	Кол-во опрошенных детей	Кол-во опрошенных взрослых	Общее кол-во опрошенных	Процент от всего населения, живущего за чертой "первичной" бедности
1	403 ¹	Смерть кормильца	460	670	ИЗО	15,63
2	146	Болезнь или старость кормильца	81	289	370	5,11
3	38	Безработный кормилец	78	89	167	2,31
4	51	Нерегулярность работы	94	111	205	2,83
5	187	Большой размер семьи (более 4-х детей)	1122	480	1602	22,16
6	640	Регулярная работа, но с низкой з/п	2380	1376	3756	51,96
	1465		4215	3015	7230	100,00

Пропорции различных причин "первичной" бедности представлены на диаграмме.

ШП Смерть основного кормильца — 15,63%, находящихся в "первичной" бедности (1130 человек)

ШПП Болезнь или старость основного кормильца — 5,11% (370 человек)

I Безработный кормилец — 2,31 % (167 человек)

Нерегулярность работы — 2,83% (205 человек)

Большой размер семьи — 22,16% (1602 человека)

Регулярная работа, но с низкой заработной платой — 51,96% (3756 человек)

¹ В эту группу включены также 14 женщин, брошенных мужьями или разошедшихся с ними.

Давайте рассмотрим более подробно вышеперечисленные группы населения, живущего в условиях "первичной" бедности. Группы 1 и 2 можно взять вместе, тогда первопричиной бедности будет смерть или нетрудоспособность основного кормильца.

Группы 1 и 2

Составляют вместе 20,74% от населения, живущего в "первичной" бедности.

	Группа 1 (смерть кормильца) ¹	Группа 2 (болезнь или старость кормильца)
Общее количество человек	ИЗО	370
Количество семей	403	146
Средний размер семьи	2,85	2,53
Средний заработок на семью	8s 7d	5s 7 V₄d
Средний размер арендной платы	2s 11 V₂d	2s 8 V₄d

Семьи из этих двух групп, за некоторым исключением, включены в класс "А", описанный нар. 12 [см. источник. — *Пер.*]. Здесь мы дадим лишь краткую характеристику их экономического положения.

Только 367 семей из 549 зарабатывают деньги, их совокупный недельный заработок составляет £200 lis, что равняется 10s lid на семью². Эта сумма привносится главой семьи и дополнительным работником в семье в следующих пропорциях.

	Общая сумма			На семью		
	£	s	d	s	d	
Вносится главой семьи	136	8	0	7	5	V ₄ 3
Вносится дополнительным работником	64	3	0	5	V«	
	200	11	0	10	11	

Зарабатывают деньги 367 глав семейств со следующими специальностями: 165 — поденщицы на домашней работе; 78 — прачки;

¹ В первой группе 389 вдов, в 243 случаях был установлен возраст: 81 (33,3%) Д° 50 лет, 89 (36,6%) между 50 и 60, 73 (30,14%) более 65 лет. Если допустить, что пропорция вдов различного возраста такая же и в составе 146 неопрошенных вдов, то практически $\frac{2}{3}$ от целого имеют возраст более 50 лет.

² Латинское d — dinaris, или пенс; 12d равно 1s (шиллинг); 20s равно £ (ФУ^{11*} стерлингов). — *Сост.*

2. Английская эмпирическая социология

- 28 — сдают комнаты жильцам;
 - 18 — портнихи и т.п.;
 - 16 — чернорабочие (старики);
 - 12 — сельхозработчие (женщины);
 - 10 — сиделки, медсестры;
 - 10 — служащие Северо-Восточной железной дороги; мпаний;
 - 8 — работают на кондитерских фабриках;
 - 7 — мелкие лавочники;
 - 4 — заняты на стекольном производстве;
 - 4 — пенсионеры;
 - 3 — сапожники;
 - 2 — уличные торговцы;
 - 1 — работает на оловянных рудниках;
 - 1 — столяр.
- Всего: 367.

Как выяснилось, остальные 182 главы семейств не зарабатывают денег, они зависят от поддержки государства или милосердия частных лиц. Взяв две группы вместе, мы видим, что суммарная еженедельная плата за жилье составляет £ 73 : 12 : 3, что равняется 2s 10³/₄d на семью. Экономические условия этих двух групп показаны в следующей таблице.

Доходы и рассчитанные необходимые расходы для групп 1 и 2

Доход				Расход			
	£	s	d		£	s	d
Приблизительно рассчитанный недельный доход 367 семей 182 семьи без дохода	200	0	0	Еженедельная плата за жилье	73	3	0
Недельное пособие Для неимущих Недельный баланс — дефицит (= 4s 10 ³ / ₄ d на семью)	64	3	5 ¹	Еженедельная минимальная стоимость еды и мелких расходов, необходимых для поддержания 959 взрослых и 541 ребенка на уровне прожиточного минимума	302	12	8
	111	13				15	
	376	7	11		376	7	11

Анализ этой таблицы покажет, насколько опасна жизнь бедняков, которые в любой момент могут оказаться в нищете из-за смерти или болезни основного кормильца. Необходимо помнить, что группы 1 и 2 включают не только взрослых, но и детей (541).

¹ Цифры по пособию для неимущих в этой таблице и на последующих страницах °Б1 получены после изучения официальных источников.

Группа 3

Составляет 2,31% от всего населения, живущего в "первичной" бедности.
Непосредственная причина бедности: основной кормилец без работы.

Всего человек 167

Количество семей 38

Средний размер семьи 4,34

Средний заработок на семью 5s 3d

Средняя плата за жилье 3s V_2d

Род занятий мужчин, внесенных в список безработных, обычно следующий:

25 — чернорабочие;

3 — изготовители сотов;

— садовник;

— мясник;

— официант;

— лесоруб;

— позолотчик;

— помощник бакалейщика;

— колесный мастер;

— каменщик;

— извозчик;

— слесарь — газовщик.

Всего: 38.

Этот список включает не всех безработных мужчин Йорка, а лишь тех, отсутствие работы у которых является причиной проживания за чертой "первичной" бедности. Необходимо также помнить, как это было отмечено на *p. 46*, что исследование было сделано, когда существовал беспрецедентный спрос на рабочую силу (лето 1899 г.)

Общий недельный заработок этой группы составляет £10, что эквивалентно 5s 3d на семью. Все это было заработано дополнительными рабочими руками в семье. Нижеследующая таблица показывает недельные доходы и необходимые расходы группы 3.

Доход			Расход				
	£	s	d		£	s	d
Недельный доход 38 семей	10	0	0	Еженедельная плата за жилье	5	18	8
Недельное пособие для неимущих	1	0	0	Еженедельная минимальная стоимость еды и других мелочей, необходимых для поддержания 89 взрослых и 78 детей на уровне прожиточного минимума	30	17	0
Недельный баланс — дефицит (= 13s 6 V_4d на семью)	25	15	8				
	36	15	8		36	15	8

Значительный дефицит, составляющий 13s. 6 ³/₄d. на семью, главным образом возникает из-за необходимости физического выживания и из-за влезания в долги, в основном перед ростовщиком, хозяином нанимаемого жилья и перед мелкими лавочниками. Если работы нет в течение значительного периода времени, то бремя долга серьезно давит на семью, и его возврат может занять годы. Часть недостающей суммы может быть покрыта случайным образом за счет благотворительности отдельных лиц или за счет случайной работы.

Группа 4

Включает 2,83% от всего населения, живущего в "первичной" бедности. Непосредственная причина бедности: хроническая нерегулярность работы.

Всего человек.....205
 Количество семей.....51
 Средний размер семьи.....4
 Средний заработок на семью..... 13s 2d
 Средняя плата за жилье.....3s 0 ³/₄d

Количество людей, не имеющих постоянной работы, кажется небольшим, но следовало бы напомнить, что в эту группу включены только те, чей совокупный семейный заработок столь низок, что семья находится за чертой бедности. В Йорке довольно много рабочих без постоянной работы, индивидуальный заработок которых невелик, но которые находятся выше черты "первичной" бедности за счет заработка своих жен и детей.

Точно оценить доход рабочего без постоянной работы сложно. После внимательного изучения были выделены следующие особенности.

Общий недельный доход в этой группе оценивается в 33 и 12 s., вклады глав семейств и дополнительных работников распределяются в следующих пропорциях.

	Общая сумма			На семью	
	£	s	d	s	d
Вносится главой семьи	29	7	6 4	11	6
Вносится дополнительным работником	4	6		1	8
	33	12	0	13	2

Профессии глав семейств в этой группе следующие:

- 20 — чернорабочие;
- 17 — уличные торговцы;
- 1 — "на все руки мастер" (подручный);
- 4 — уличные носильщики;
- 3 — уличные музыканты;

3 — собиратели костей и тряпья; 1
 — садовник на сдельной работе; 1
 — гуртовщик; 1 — чистильщик
 сапог. Всего: 51.

Следующая таблица показывает доходы и приблизительно рассчитанный необходимый уровень расходов для группы 4.

Доход				Расход			
	£	s	d		£	s	d
Приблизительно рассчитанный недельный доход 51 семьи	33	12	0 0	Еженедельная плата за жилье			
Недельное пособие для неимущих		12	0	Еженедельная минимальная стоимость еды и других мелочей, необходимых для поддержания 111 взрослых и 94 детей на уровне прожиточного минимума	16	0	
Недельный баланс — дефицит (= 4s 8d на семью)	11	18	10		38	6	10
	46	2	10		46	2	10

Возможно, что многие кормильцы в этой группе были бы неспособны или не склонны заниматься на какую-либо регулярную работу, даже если бы им ее предложили.

Группа 5

Составляет 22,16% от всего населения, живущего в "первичной" бедности.

Непосредственная причина бедности: большой размер семьи¹.

Всего человек 1602
 Количество семей 187
 Средний размер семьи 8,56
 Средний заработок на семью 29s 6 ¹/₂d
 Средняя плата за жилье 4s 4 ¹/₂d

¹ Согласно переписи 1901 г. в Йорке средний размер семьи был 4,71, для Англии и Уэльса цифра была 4,61. Большая семья, конечно же, является причиной бедности только в период, когда дети зависят от заработка главы семейства. Как только дети начинают зарабатывать деньги, они становятся источником дохода. Но период бедности, сопровождающийся недоеданием, скудностью одежды и перенаселенностью жилища, длится в течение первых десяти или более лет их жизни в условиях, которые не могут не приостановить их умственного и физического развития.

Эта группа включает почти четверть тех, кто живет в "первичной" бедности. Число детей в семье варьирует от пяти до десяти, среднее количество — шесть.

66	семей	с	5	дет!
76	„	„	6	
29	„	„	7	
12	„	>	8	
3	„	„	9	
1		..ю		

187

Совокупный недельный доход этой группы £ 276 : 6 : 3 составляется главой семейства и дополнительным работником в следующих пропорциях.

	Общая сумма			На семью	
Вносится главой семьи	£	s	d	s	d 26
Вносится дополнительным работником	243	13	0	0	У ₄
	32	13	6	3	5 У,
	276	6	6	29	6 1/2

Профессии глав семей в этой группе следующие:

- 27 — кузнецы, молотобойцы;
- 4 — мясники;
- 1 — трубочист;
- 1 — служитель приюта;
- 15 — маляры;
- 3 — стеклодувы; 1 — коммивояжер; 7 — клерки;
- 16 — столяры;
- 3 — водопроводчики; 1 — официант; 47 — чернорабочие; 6 — ж/д рабочие;
- 3 — сапожники;
- 1 — почтальон;
- 4 — извозчики;
- 14 — каменщики;
- 2 — кондитеры;
- 1 — аптекарь;
- 4 — кэбмены;
- 6 — продавцы мебели;
- 1 — резчик пробкового дерева;
- 1 — владелец небольшого магазина;

3 — торговцы молочными продуктами;
 6 — портные;
 2 — констебли;
 1 — школьный учитель;
 3 — лодочники;
 1 — электрик;
 1 — солодовник.

Всего: 187.

Следующая таблица показывает доходы и подсчитанные необходимые расходы группы 5.

Доход				Расход			
Недельный доход 178 семей	£	s	d	Плата за жилье в неделю	£	s	d 40
Недельное пособие для неимущих	276	6	6	Еженедельная минимальная стоимость еды и других мелочей, необходимых для поддержания 89 взрослых и 78 детей на уровне прожиточного минимума	264	1	10
Недельный баланс — дефицит (= 2s 9 7 ₄ d на семью)	2	5	0				
	26	8	11				
	305	0	5		305	0	5

Группа 6

Составляет 51,96% от всего населения, живущего в "первичной" бедности.

Непосредственная причина бедности: низкая заработная плата.

Всего человек..... 3756

Количество семей..... 640

Средний размер семьи..... 5,86

Средний заработок на семью..... 18s 9d

Средняя плата за жилье..... 3s 6 1/2d

Эта группа включает более половины людей, живущих в "первичной" бедности. Совокупный недельный заработок этой группы составляет £ 600, которой распределен между главой семьи и дополнительными работниками в следующих пропорциях.

	Общая сумма			На семью	
Вносится главой семьи	£	s	d	s	d 18
Вносится дополнительным работником	586	14	0	40	5'
	13	6	0		
	600	0	0	18	9

¹ Следует отметить, что средняя сумма заработка дополнительного работника в семье из этой группы гораздо меньше, чем в других. Это может быть объяснено тем фактом, что

2. Английская эмпирическая социология

Род занятий глав семейств в группе 6 следующий:
 469 — разнорабочие¹ (general labours);
 47 — извозчики, кэбмены, грумы и т.д.;
 3 — лодочники;
 21 — неквалифицированные маляры;
 3 — перевозчики мебели;
 2 — грузчики;
 19 — служащие ж/д;
 2 — упаковщики;
 12 — мелкие лавочники;
 8 — по одному в каждом наименовании: дубильщик, работник молочной фермы, официант, фонарщик, учитель музыки, бармен, парикмахер, переплетчик;
 12 — мастера по ремонту обуви;
 9 — клерки;
 8 — трубочисты;
 7 — садовники;
 5 — мясники;
 5 — шьют одежду на продажу;
 8 — почтовые служащие.
 Всего: 640.

Следующая таблица показывает доходы и приблизительно оцененные необходимые расходы группы 6.

Доход				Расход			
Недельный доход 640 семей	£	s	d	Плата за жилье в неделю	£	s	d
Недельный баланс — дефицит	600	0	0	Еженедельная минимальная стоимость еды и других мелочей, необходимых для поддержания 1376 взрослых и 2380 детей на уровне прожиточного минимума	112	15	5
(= 5s 0 1/4d на семью)	160	17	5		648	2	0
	760	17	5		760	17	5

Отмечу, что группа 6 состоит из неквалифицированных рабочих различного уровня, 73% из них — разнорабочие; другие же, занимая невысокую должность со схожей квалификацией, выполняют работу, которая едва ли

основной кормилец получает регулярный доход, и как только заработок детей становится существенным, семья поднимается над чертой бедности. Семьи, находящиеся за чертой бедности, это в основном те, где маленькие дети еще не зарабатывают сами.¹ Многие из них заняты на заводах или на железной дороге.

сложнее и ответственнее, чем работа чернорабочего, и поэтому их зарплата слегка больше, чем у последних. Неудивителен, для прочитавших предыдущие страницы, тот факт, что многие главы семей могут находиться на уровне "первичной" бедности. Средняя зарплата рабочего в Йорке варьируется от 18s до 21 d; тогда как, согласно ранее приведенным цифрам, минимальный уровень потребления, необходимый для поддержания физического здоровья семьи из двоих взрослых и троих детей, составляет 21s 8d¹. Если же в семье четверо детей, то необходимо уже 26s.

Таким образом, зарплата, выплачиваемой за неквалифицированный труд в Йорке, недостаточно для обеспечения пищей, кровом и одеждой в количестве, необходимом для поддержания простого прожиточного минимума семьи средних размеров¹. Напомню, что выше приведенная оценка необходимого минимального уровня потребления основывается на допущении, что рацион питания гораздо скуднее, чем у здорового бедняка из Йоркской богадельни, а также о том, что недопустимы никакие другие расходы, кроме тех, которые действительно необходимы для поддержания только лишь прожиточного минимума.

Давайте разберемся, что же означает понятие "прожиточный минимум". Семья, живущая в рассматриваемых условиях, не должна потратить и пенни на поездку по железной дороге или на автобусе. Они не должны бывать за городом, разве только пешком. Они не должны покупать газету за 7₂ пенни или тратить хотя бы пенни на билет на популярный концерт; не должны писать писем уехавшим детям, так как не могут позволить себе оплатить почтовые расходы. Они никогда не должны жертвовать что-либо в свой церковный приход или оказывать помощь соседям, если она требует материальных затрат. Они не могут ни отложить денег, ни присоединиться к обще-

¹ Эта цифра получилась следующим образом: (см. р. НО):

	s	d
Еда — 2 взрослых по 3s 3 детей по 2s 3d	6 6	0 9
Плата за жилье	4	0
Одежда — 2 взрослых по 6d 3 детей по 5d	1 1	0 3
Топливо	1	10
Все остальное — на 5 человек по 2d	0	10
Всего	21	8

² То есть где детей не более четырех. — Пер.

ству здоровья или профсоюзу, так как не смогут платить необходимые взносы. Дети не могут иметь карманных денег на игрушки, шарики или сладости. Отец не должен курить или пить пиво. Мать не может купить симпатичные вещицы для себя или своих детей; семейный гардероб, так же как и рацион, могут быть описаны следующим образом: должно покупаться только то, что действительно необходимо для поддержания физического здоровья, а то, что куплено, должно быть самым простым и самым дешевым. Если ребенок болеет, то он должен быть осмотрен приходским врачом, если же умирает, то он должен быть похоронен церковным приходом. Наконец, кормилец семьи не может отсутствовать на работе и одного дня.

Если нарушается какое-либо из этих условий, возникает необходимость в дополнительных расходах, которые могут быть покрыты ограничением рациона питания или, другими словами, принесением в жертву физического здоровья.

Очевидно, что некоторые рабочие Йорка, получая 20—21s в неделю, покоряются этим жестким условиям, чтобы поддержать себя на уровне прожиточного минимума. И даже подчинившись им, они не достигают прожиточного минимума, особенно те, кто имеет троих и более детей. Поэтому нужно четко понимать, что *всякий раз рабочий с тремя детьми, получающий не более 21s 8d, позволяя себе какие-либо другие расходы, кроме необходимых для удовлетворения элементарных физических потребностей, делает это только за счет своей собственной физической дееспособности и дееспособности членов своей семьи.*

Если у рабочего только два ребенка, то эти условия улучшаются на 2s 10d, если один — на 5s 8d. Опять же, как только его дети начнут работать, их заработок поднимет семью над чертой бедности. Таким образом, любой рабочий, имеющий троих детей, должен пройти через период времени, возможно, длящийся около десяти лет, в течение которого он находится в состоянии "первичной" бедности; другими словами, когда он и его семья будут *недоедать*¹.

¹ Некоторые читатели могут возразить, сказав, что это несомненное преувеличение. "Посмотрите на тысячи семей, — скажут они, — с доходом от 18s до 21s или еще меньше, где мужчина курит и тратит деньги на выпивку, а женщина — на одежду и Развлечения, несмотря на все это, они кажутся счастливыми и довольными, а мужчины слывут хорошими работниками". Однако при ближайшем рассмотрении подобные аргументы против реального давления бедности и ее последствий могут быть названы иллюзорными. Эти доводы относятся к классу аргументов, от которых предостерегал своих читателей Бастиа, французский экономист, в серии статей под названием "То, что видно, и то, что не заметно". В этих статьях автор говорит об опасности формулирования суждений по социальным и экономическим вопросам без их тщательного изучения.

По поводу предыдущих аргументов можно сказать, что трата денег на выпивку, одежду или развлечения — это *"то, что видно"*. Однако существуют последствия бедности, которые *"не видны"*.

Жизнь рабочего отмечена пятью сменяющимися друг друга периодами нужды и относительного изобилия. В раннем детстве, если его отец неквалифицированный рабочий, вполне вероятно, живет в бедности; этот период будет продолжаться до тех пор, пока он или кто-то из его братьев и сестер не начнет зарабатывать деньги, что повысит заработок отца достаточно для того, чтобы поднять семью над чертой бедности. Затем наступает период, в течение которого он зарабатывает деньги и живет под родительской крышей.

В этот момент он будет зарабатывать денег больше, чем необходимо на жилье, питание и одежду. Это его шанс скопить денег. Если его сбережений будет достаточно, чтобы меблировать домик, то этот период относительного процветания будет продолжаться после женитьбы до тех пор, пока у него не появятся два или три ребенка, когда его снова накроет волна бедности. Этот период бедности будет длиться, вероятно, десять лет, т.е. до тех пор, пока первому ребенку исполнится 14 лет и он начнет зарабатывать деньги, но если в семье более троих детей, то этот период может быть более длинным¹. Мужчина наслаждается следующим периодом преуспевания, когда дети зарабатывают деньги, прежде чем, женившись, уйти из дома; а затем снова впадает в нищету, когда его дети женятся и оставят его.

Он сам уже слишком стар, чтобы работать, а его доход никогда не позволял делать достаточные сбережения, а на те, что сделали, он и его жена смогут прожить очень недолго.

Таким образом, рабочий, который живет в бедности, недоедает:

- в детстве — когда формируется его организм;
- в начале взрослой жизни — когда он должен был бы быть в расцвете сил;
- в старости.

Диаграмма может послужить иллюстрацией вышесказанного.

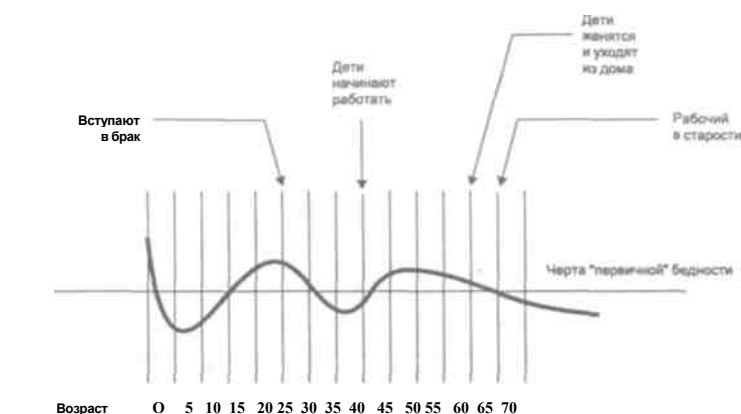
Мы *видим*, что многие рабочие, имеющие жену и троих или четверых детей, здоровы и являются хорошими работниками, хотя зарабатывают всего лишь фунт в неделю. Но мы не *замечаем*, что для того, чтобы предоставить ему достаточно пищи, мать и дети ограничивают себя, так как мать знает, что все зависит от заработка ее мужа.

Мы *видим* мужчину, который ходит в кабаки и тратит деньги на выпивку, но мы не *замечаем* детей, которые вследствие этого отправляются спать без ужина.

Однако с этими невидимыми последствиями необходимо считаться — высокий уровень смертности среди бедных, ужасающе высокая детская смертность, задержка роста и вялость интеллектуального развития — эти и другие последствия не видны, пока мы не снимем поверхностную оболочку; все они воздействуют на слой бедняков, в результате — на всю страну. Поэтому я хотел бы попросить некоторых читателей повременить с суждениями, пока они не прочтут главу VII, где рассматривается вопрос об "уровне бедности и показателях здоровья".

¹ Следует отметить, что семья живет в бедности и, как следствие, недоедает в течение первых десяти или более лет из детской жизни. Воздействие фактора бедности детально обсуждено на *р. 209*.

2. Английская эмпирическая социология

Необходимо отметить, что женщины живут в бедности в течение большей части периода деторождения.

Таким образом, мы видим, что 7230 человек, по данным исследования находящиеся на уровне "первичной" бедности, *едва ли полностью отражают ту группу людей, которые оказались на той или иной стадии бедности в момент проведения исследования*. Многие из них с течением времени перейдут на стадию относительного благополучия, это произойдет, как только дети, сейчас зависимые, начнут зарабатывать сами. Но их место за чертой бедности займут другие, живущие сейчас в благополучном периоде, который предшествует женитьбе. А многие из помещенных выше черты бедности были за ней до того, как дети начали работать. Следовательно, часть общества, которая в тот или иной период своей жизни страдает от нищеты и лишений, гораздо больше. Негативное воздействие подобных условий гораздо сильнее распространено, чем может показаться после подсчета количества людей, которые могут быть помещены за черту бедности в любой данный момент времени.

Точно оценить, насколько распространены последствия "первичной" бедности, невозможно, но если мы предполагаем существование зависимости между бедностью, то приведенные цифры (гл. VII) прольют свет на предмет нашего исследования¹.

Наши замечания по поводу стадий бедности придают особое значение тому факту, что единственная хорошая возможность сделать сбережения появляется у рабочего после достижения им зрелости и до брака. Исходя из этого соображения было бы интересно выяснить, вступают ли рабочие в брак раньше, чем представители других групп.

¹ Несомненно, что бедные люди весьма добры друг к другу. Семьи, находящиеся в бедности. Довольно часто получают в дар пищу от друзей и родственников, находящихся в меньшей нищете. Даже если в некоторых случаях подобная поддержка смягчает пресс нищеты, все же она никогда не будет достаточной, чтобы противостоять изложенным выше аргументам.

С этой целью автор привлек данные о браках, совершавшихся в Йорке в течение 1898 и 1899 гг., о возрасте и роде занятий жениха и возрасте невесты. В большинстве случаев устанавливалась улица, на которой живет жених, опрос был анонимным. Информация была получена о 1123 брачных парах, которые принадлежат к рабочему классу. В 626 случаях жених был квалифицированным рабочим, в 497 — неквалифицированным.

Анализ возраста этих пар показал, что по крайней мере $\frac{1}{3}$ неквалифицированных рабочих вступила в брак в возрасте до 23 лет, только $\frac{1}{5}$ квалифицированных рабочих поступила так же; что 58% чернорабочих женятся в возрасте до 26 лет, тогда как у квалифицированных рабочих эта цифра составляет 49%.

Следующая таблица показывает количество вступивших в брак в различном возрасте в каждой подгруппе (1898—1899)¹.

Возраст вступления в брак, лет	Квалифицированный рабочий		Неквалифицированный рабочий	
	Количество	%	Количество	%
До 20	3	5	21	4,2
20-22	114	18,2	138	27,7
23-30	188	30,0	132	26,5
31-35	174	27,8	117	23,5
36-40	61	9,8	40	8,1
41-45	19	3,0	22	4,5
46-50	29	4,6	7	1,4
Более 50	15	2,1	7	1,4
	23	3,7	13	2,7
	626	100	497	100

Принимая во внимание вышеизложенные цифры, можно с уверенностью сказать, что существенно большая часть неквалифицированных рабочих, нежели среди квалифицированных, вступают в брак молодыми.

Этот факт, без сомнения, показывает, как усиливается проявление благоразумия и предусмотрительности по мере того, как человек поднимается по социальной лестнице; но существуют другие не менее важные причины ранних браков среди неквалифицированных рабочих, которые необходимо рассмотреть.

1. Неквалифицированные рабочие главным образом живут в тесноте, что порождает страстное желание иметь свой собственный дом, в котором за любую цену и до тех пор, пока не будет детей, они будут свободны от неудобств, непременно сопровождающих переполненное жилище.

2. Вообще говоря, чернорабочие имеют меньше интеллектуальных интересов и удовольствий, чем квалифицированные рабочие, и некоторые из них вступают в брак, желая внести разнообразие в свою монотонную жизнь.

¹ Подробности можно найти в *приложении D* [см. источник. — Пер.], где приведены данные о возрасте новобрачных и продолжительности брака в разных странах.

(б) Непосредственные причины "вторичной" бедности

Количество людей, живущих во "вторичной" бедности в Йорке	13,072
Процент от всего населения	18,510
Процент от представителей рабочего класса	28,000

Напомню, что показатель "вторичной" бедности был получен путем подсчета всего бедного населения в Йорке, из которого потом был вычтен ранее полученный показатель "первичной" бедности.

Показатель "первичной" бедности основывается на калькуляции минимального уровня потребления, необходимого для поддержания физической дееспособности. Если бы была произведена более полная калькуляция, то ее следствием стало бы увеличение пропорции "первичной" бедности и уменьшение "вторичной".

На *p. 112* отмечалось, что, кроме отнесенных к категории "первичной" бедности, существует не менее 2312 человек, семейный доход которых всего лишь на 2s больше стандарта, принятого для определения черты "первичной" бедности. Если их включить в группу "первичной" бедности, то ее доля по отношению к совокупному показателю поднялась бы с 35,6 до 47%, а показатель "вторичной" бедности к общему упал бы соответственно с 64,4 до 53%. Следовательно, точка, в которой "первичная" бедность переходит во "вторичную", в основном зависит от субъективного выбора стандартов благосостояния. Но даже если бы были выбраны более высокие стандарты для фиксирования черты "первичной" бедности, чем принятые в предыдущей главе, все равно осталась бы значительная доля, относящаяся, бесспорно, к "вторичной" бедности; а она, в свою очередь, обусловлена следующими непосредственными причинами: пьянство, ставки на скачках и азартные игры. А также невежественное и легкомысленное ведение домашнего хозяйства; непредвиденные расходы, которые часто вызваны нерегулярностью дохода.

Невозможно установить, в каких пропорциях каждая из этих причин составляет долю "вторичной" бедности. Вероятно, все они являются факторами бедности, влияющими друг на друга. Однако практически нет сомнений, что преобладающим фактором является пьянство. Мне не удалось осуществить точную оценку средней еженедельной суммы, которую тратит на выпивку рабочая семья в Йорке; но тщательная оценка этой суммы была произведена другими учеными в масштабах Великобритании. Средняя цифра была получена путем деления годового национального объема потребления алкоголя, который компетентные источники приписывают рабочему классу, на количество семей из рабочего класса в Англии. В результате *6s 10d* — это та средняя сумма, которую тратит на выпивку такая семья в неделю. Этот показатель был детально рассмотрен г-ми Раунтри и Шервиллом, которые проверили его различными способами. Результатом их исследования стал следую-

щий вывод: "Большая доля рабочих определенно тратит гораздо меньше, чем было заявлено, но значительное количество семей тратит гораздо больше приведенной цифры; после всех необходимых расчетов средняя трата рабочей семьи на спиртные напитки составит не менее 6s в неделю" <...>

Нет оснований полагать, что средняя сумма, которую тратит на выпивку рабочая семья в Йорке, ниже, чем средняя по стране. Трата в 6s на семью поглотит более 1/6 от среднего совокупного дохода рабочей семьи в Йорке.

Учитывая увлечение скачками и азартными играми, невозможно получить даже приблизительные данные о степени распространенности этого пристрастия; или же измерить долю нищеты, причиной которой оно стало. Достаточно очевидно, что в это вовлечены не только мужчины, но и женщины, а также, в меньшей степени, даже дети. Размеры причиняемого зла можно оценить по приведенной выдержке из "The Bulletin" (изд. Национальной Лиги по борьбе с пагубными привычками) от ноября 1896 г.: "Йоркский букмекер имеет 3500 сделок в месяц на суммы от 6d до 4s, не считая скачек." В настоящем исследовании были собраны многочисленные свидетельства того, что страсть к скачкам и азартным играм не только сильна, но и распространяется в среде рабочего класса, однако свести их к более четкой формулировке сложно¹.

Говоря о причинах, объясняющих "вторичную" бедность, нужно помнить, что они сами являются результатом неблагоприятных условий, в которых находится рабочий класс. Живя на убогих, грязных улицах, часто в тесноте и антисанитарных условиях, они вынуждены зарабатывать свой хлеб тяжелой монотонной работой. Они не способны, частично из-за недостатка образования, из-за сверхурочной работы или из-за физического истоще-

¹ С тех пор как были написаны эти строки, стали известны другие свидетельства популярности азартных игр. 17 июня 1901 г. Главный прокурор выступил обвинителем против двух людей, содержавших игорный притон (betting house). Этот дом — обычный коттедж, расположенный в рабочем районе города. Отрывок протокола суда: "П.С. Виттакер подтвердил, что наблюдал из своего убежища за домом 6-го, 7, 8, 11 и 12-го числа этого месяца. За это время в дом позвонили 534 человека, мужчины, женщины и дети. Некоторые проходили в дом и оставались там короткое время, другие передавали листки бумаги, стоя на пороге, неизвестному N, который стоял за дверью. Они быстро проходили один за другим, в один момент там скапливалось до восьми человек. В некоторых случаях было видно, как передают деньги. В первый день он наблюдал за домом с 11.50 до 14 часов, дом посетили 84 мужчины, 12 мальчиков, 4 женщины и 3 девочки — всего 103 человека. Во второй день он вел наблюдение с 10.42 до 2.23 и видел 139 человек: 97 — мужчин, 26 мальчиков, 6 женщин и 10 девочек. 8 июня наблюдение велось с 10.34 до 2.09, было зафиксировано 155 визитов, во время которых передавались деньги. Это была суббота. Сюда пришло 109 мужчин, 33 мальчика, 7 женщин и 6 девочек. 11 июня — с 11.15 до 2.08 здесь побывало 72 мужчины, 13 мальчиков, 4 женщины и 5 девочек, и 12-го числа с 11.25 до 1.25, момента облавы, притон посетили 29 мужчин, 12 мальчиков, 1 женщина и 2 девочки. Кроме этого, он видел, как N выходил на улицу и взял листки бумаги у кэбменов и ломовых извозчиков, стоявших у обочины. ...Суд признал этот случай полностью доказанным и назначил строгое наказание за содержание игорного притона и эксплуатацию детей."

ния, наслаждаться интеллектуальным отдыхом. Почему же эти люди становятся покорной жертвой трактирщиков и букмекеров?

Серьезное воздействие на детей оказывает ограниченный кругозор их матери; их домашние увлечения узки и непривлекательны, часто они вырастают готовыми освободиться от монотонности своей работы и окружения в публичных домах или отдаваться волнующему возбуждению азарта.

Автор не упускает из виду более глубокую проблему благосостояния общества, которая лежит в основе вышеизложенных фактов. Однако для всестороннего рассмотрения этой проблемы необходимо выйти за рамки нашего повествования. Это, возможно, потребует изучения вопросов, связанных с земельной собственностью, взаимными правами и обязанностями государства и отдельного человека, а также с законодательством по накоплению и распределению материальных ценностей. Несмотря на то что факты "вторичной" бедности требуют хорошо продуманных и решительных мер, окончательное устранение этого явления будет возможно только тогда, когда оно будет рассматриваться как часть более сложной социальной проблемы.

А. Баули

Социальные классы: проблема определения

Сегодня стоит весьма сложная проблема определения и описания социальных классов. Можно учитывать семьи, домохозяйства или индивидов, ранжируя их по дате рождения, социальному положению (чину или званию), по роду деятельности, доходу или привычкам.

Дата рождения не даст нам какой-либо классификации, так как этот фактор свел бы решение проблемы к рассмотрению отдельного поколения. Классификация по чину или званию слишком сузила бы рамки нашего рассмотрения, хотя, возможно, для некоторых целей, даже в современных условиях, это имело бы смысл: чтобы перечислить наследуемые титулы, обладание которыми дает право на дворянство, на чин в армии или на флоте, или в богословии, праве или медицине; но официальный чин не делает серьезной социальной дифференциации, исключая события, требующие церемониала, и охватывает столь незначительную часть населения, что не может быть важным фактором для социологии.

Определяя социальный класс, мы могли бы сказать, что он состоит из группы лиц и их иждивенцев, которые взаимодействуют при равных условиях

Источник: Bowley A.L. The Nature and the Purpose of the Measurement of Social Phenomena // Abrams Ph. The Origins of British Sociology. 1834-1914: An Essay With Selected Papers. Chicago; L., 1968. P. 274-279. Пер. с англ. М.В. Кондрашовой.

(отвлекаясь от различий пола и возраста). Тогда детерминантами будут: род занятий (профессия), уровень дохода и привычки. Очевидно, что будет нетрудно отделить один класс от другого, и, возможно, самый многообещающий способ вычленения классов — попытаться найти несколько отличных друг от друга типов и допустить, что люди могут быть отнесены в классы согласно тем типам, с которыми они имеют наибольшее сходство. Это, скорее, задача для критика образа жизни, чем для статистика, и я не предлагаю углубляться в нее.

В качестве типичных представителей *высшего класса* нам следует взять людей, обладающих большим и так называемым независимым состоянием; иными словами — владельцев крупной собственности, которые приобрели привычки к элитному отдыху, коммунальным услугам, к управлению землями и людьми в больших масштабах. К ним же мы должны отнести людей, которых они допускают в свой круг.

Кинув взгляд на род занятий по данным переписи, мы увидим, насколько пестр *класс профессионалов*. В основном его составляют те, кто после соответствующей интеллектуальной и технической подготовки получил от компетентных властей звание священника, врача, адвоката и т.д. Но определение "учитель" весьма приблизительно, существует непреодолимая разница между профессором университета и недипломированным учителем в сельской школе или воспитательницей. Музыканты, художники, писатели и актеры также проходят подготовку и часто имеют степень или диплом, но уличный музыкант¹, художник, рисующий на тротуарах, литограф, стенографист или актер пантомимы находятся на другом конце длинной лестницы, вершину которой занимает просвещенный гений. Условное разделение должно быть проведено по критериям круга общения и уровня дохода, в результате чего могут быть выделены по крайней мере три подгруппы.

Нередко приходится собираться в одном месте людям, одни из которых не будут взаимодействовать с другими, из нижестоящего, по их мнению, класса; а их не удостоит вниманием люди того класса, в который они стремятся.

В промышленности и торговле мы могли бы выделить *класс нанимателей* с множеством подклассов, различающихся по уровню дохода, и *класс нанимаемых*, состоящий из клерков и рабочих физического труда. Клерков близкого возраста условно можно дифференцировать по уровню дохода и кругу общения.

Очевидно, что подобная классификация неточна, в одной семье могут быть члены любого класса из перечисленных выше (кроме рабочих физического труда) и взаимодействие может быть плотным. С другой стороны, общение в рамках семьи может становиться номинальным или несущественным, так как люди, по мере того как они становятся старше, склонны ассоциировать себя с другими людьми, имеющими похожие привычки, уровень дохода и род занятий. Когда люди занимаются профессиональным трудом, встречаются в равных

¹ В английской переписи уличный певец является музыкантом, шарманщик — работником *Sundry Ind.* Производства всякой всячины. — *Пер.]*, художник, рисующий на тротуарах, — без определенных занятий.

условиях с людьми с таким же доходом, занимающимися торговлей, происходит пересечение критериев. Если мы поместим всех их в один большой *средний класс*, то сможем представить градацию по уровню дохода, которая приблизительно соответствовала бы градации по критерию круга общения.

Чтобы добиться четкого различия между средним классом и рабочими физического труда, необходимо учитывать только взрослых в их устойчивой социальной позиции. Постоянное пополнение среднего класса происходит из рабочего класса: все чаще дети мастеровых становятся клерками и учителями; девочки очень часто становятся продавцами, модистками, швеями и т.д., гораздо реже они получают профессию или становятся служащими.

Классификация по социальной позиции может быть дополнена, если отвести в ней место для молодых людей, покидающих социальный класс своих родителей и независимых от них. Многие данные, полученные в ходе городских исследований, мы суммировали в приведенной ниже таблице. Мы можем дать только общую картину относительно небольшого числа домохозяйств, где есть работающие дети, которые живут с родителями.

Статус детей в сравнении со статусом их отца

Статус арендатора жилья	Статус детей, живущих с родителями	Число домохозяйств			
		Нортэмптон	Уоррингтон	Ридинг	Всего
<i>Неквалифицированные рабочие</i>	Нет детей с родителями	60	154	146	360
	Дети имеют тот же статус, что и отец	13	66	75	154
	Один или более детей квалифицированы или обучаются	29	21	18	68
	Один или более детей работают клерками		6	8	14
<i>Квалифицированные рабочие</i>	Нет детей с родителями	288	205	180	673
	Статус ниже	13	21	23	57
	Статус тот же	173	11	64	314
	Статус выше	22		12	45
<i>Клерки</i>	Нет детей с родителями	11	14	18	43
	Статус ниже	2	4	2	8
	Статус тот же		1		1
<i>Неизвестен "и арендатор мужчина"</i>		120	84	131	335
Всего Непосещенные дома вся выборка		731	668	677	2076
		153	13	150	316
		884	681	827	2392

Суммарно, домохозяйства наемных работников (арендаторы-мужчины);	
Нет детей с родителями	1076
Дети с родителями	665
Из них:	
статус не изменился	472
статус снизился	65
статус повысился	128
Всего	1741

Г-н Бут дал очень интересную эмпирическую классификацию в работе "Жизнь и труд в Лондоне" (*Booth Ch. Life and Labour of the People in London. 1902* — последний том, с. 6 и след.). Для богатых классов она производилась по числу персон на одного слугу, а для более бедных — по количеству человек на одну комнату. Конечно же, это разделение условно, состоятельные семьи с одинаковым уровнем дохода и родом занятий могут довольно сильно отличаться в своих расходах на аренду жилья и организацию обслуживания, в то время как представители рабочего класса имеют тенденцию нанимать лучшие дома, какие только могут себе позволить.

В этой стране довольно хорошо определены границы класса рабочих физического труда. Доля людей, работающих на самих себя, невелика, и большинство из них могут быть без труда отнесены к тому или иному классу. Сложно поддаются классификации многочисленные подсобные работники магазинов, мелкие торговцы, цветоводы и члены их семей.

Класс же рабочих физического труда, как часто отмечалось, довольно точно ранжирован. Боязнь спуститься вниз по лестнице социального престижа довольно сильна, и свободное, на первый взгляд, взаимодействие на самом деле очень жестко ограничено в определенных классовых рамках. Разделение может быть не обязательно по уровню дохода, оно, скорее, обусловлено привычками и образом жизни, которые, в свою очередь, частично зависят от дохода и работы. Можно легко провести градацию, если ориентироваться на тип жилья не столько исходя из арендной платы и качества помещения, сколько преимущественно из престижности улицы, на которой находится дом. Месторасположение жилья — один из главных критериев для всех классов. Несомненно, градация будет варьировать в зависимости от города. Но в любом городе можно провести границы между различными подгруппами рабочего класса: поместим в первую группу цехового мастера и высококвалифицированного ремесленника, уже владеющих домом или приобретающих его в собственность; во вторую — обычного квалифицированного рабочего; в третью — полуквалифицированного заводского рабочего-станочника, обслуживающего машины; в четвертую — малоквалифицированного человека на постоянной работе; в пятую поместим человека, нерегулярно занятого физическим трудом, живущего впроголодь. Улицы, на которых живут типичные представители этих подгрупп, и люди, с которыми они себя ассоциируют, могли бы быть проанализированы, чтобы дать довольно четкое

определение классов во множестве городов. Классификация в рамках страны, конечно же, была бы иной.

Сомнительна сама по себе возможность разделения общества на столь хорошо определенные социальные классы, на основе которых могли бы быть проведены необходимые измерения. Социальная структура находится в состоянии постоянного изменения: прежние границы рушатся, а новые разделительные барьеры постоянно появляются, модифицируясь в течение одного поколения. С. Рейнольде и другие авторы, пристально изучив работников физического труда, подчеркнули разницу между "Они" (Them) и "Мы" (Us). "Мы" — это работники физического труда, действующие в контакте с силами природы или работающие за зарплату без гарантий сохранения работы; а "Они" — это люди с соответствующим доходом, защищенные от лишений в будущем. Это, несомненно, свидетельствует об общей установке при контактах относительно обеспеченных с менее оплачиваемыми работниками, которые остаются в действительности "Другими" (Others), чуждыми друг другу, как "Они" и "Мы"; да и классы не разделены вертикальной стеной, скорее, существует слегка наклонная плоскость от самой низкой позиции к наивысшей. Можно было бы расширить метафору, сказав, что продвижение от одного класса к другому подобно восхождению по растрескавшемуся леднику, скользкому и ненадежному, разломы которого невозможно преодолеть одним путем и легко — другим, так как время от времени эти разломы расширяются или закрываются. В таком случае нам следовало бы создать карту или план социальных позиций в зависимости от их высоты. Этой задаче и отвечает метод, которому я следую.

Д. Гласе и др.
**Социальная мобильность
в Великобритании**

Предисловие

Д. Гласе

Всякому, кто держит в руках эту книгу, будет очевидно, что серию описываемых здесь исследований невозможно было бы провести без советов наших коллег, поддержки государственных департаментов и, несомненно,

Источник: Social Mobility in Britain / Ed. by D.V. Glass with contribution by D.J. ^{оф}ent, T. Bottomore, R.C. Chambers et al. L.: Routledge & Kegan Paul, 1954. Пер. с англ. ^МС.Добряковой.

помощи многих и многих людей, согласившихся поговорить и ответить на вопросы. Специальные ссылки на такого рода сотрудничество приводятся в разных главах. Однако будет вполне уместно, если в этом введении я, говоря также от имени своих соавторов, назову наших самых крупных партнеров.

Профессор Т. Маршалл был первым, кто представил доклад в Отделение социальных исследований Лондонской школы экономики и предложил разработать долгосрочную программу исследований социального отбора и дифференциации в Великобритании. Исследования, включенные в данный сборник, выросли именно из этого доклада, а сама работа оказалась возможной благодаря очень щедрому гранту Фонда Наффилд и затем дополнительному гранту Фонда Рокфеллера <...>

Глава I. Введение

Д. Глазе

В работах, включенных в данный сборник, представлены первые основные результаты исследовательской программы, которая в настоящее время осуществляется при помощи Отделения социологических и демографических исследований Лондонской школы экономики. Программа в целом направлена на изучение процессов социального отбора и дифференциации, имеющих место в Великобритании: формирование социальных страт, исследование их сущности, состава и функций. Эти проблемы занимают центральное место в исследованиях социальной структуры; они также напрямую связаны с развитием социальной теории и выработкой социальной политики.

Ни одна исследовательская программа, имеющая дело с проблемами такого рода, не может стремиться к тому, чтобы быть абсолютно исчерпывающей. Поле огромно и затрагивает — по крайней мере поверхностно — всю сферу социальных отношений. Границы [исследования] и его содержание менялись по мере того, как события в области экономической и социальной политики изменяли роли различных социальных институтов. Некоторое ограничение масштабов было необходимо даже несмотря на очевидную невозможность четкого разграничения сфер исследования и понимание того, что внимание к одной сфере зачастую повлечет за собой внимание и к другим.

В качестве отправной точки предлагалось остановиться на исследовании формирования и структуры "средних классов". В последние годы много говорилось об изменении ситуации в данной части сообщества. Однако, как правило, этой дискуссии (по крайней мере в Великобритании) не предшествовало никакого систематического, объективного исследования. Действительно, за исключением самой ранней своей истории британские "средние

классы" особенно не интересовали исследователей¹. Социальные реформаторы конца XIX — начала XX вв. по вполне понятным причинам интересовались "рабочим классом" и проблемами бедности, и для локального социального обследования — наиболее важного вклада британцев в развитие эмпирических социальных исследований — стало традицией придерживаться именно этих рамок. Сформировалась длительная традиция исследования профессий, и пока не появилось ни в Великобритании, ни в какой-то другой стране работы, которая превзошла бы исследование А. Карр-Саундерса и П. Уилсона². Однако акцент в ней делается скорее на развитии профессиональной структуры, а также на месте профессионализма в обществе, нежели на собственно рекрутировании членов профессий или степени, в какой — вследствие того, что подъем уровня минимальных требований, необходимых для занятия определенными профессиями, произошел более стремительно, чем увеличилось количество образовательных возможностей в сообществе в целом, — профессионалы по-прежнему набираются в значительной мере из числа "средних классов". Аналогично проявлялось немало интереса к общему вопросу отбора "лидеров нации" и связи данного процесса с образовательными возможностями. Однако до Второй мировой войны этот интерес был недостаточно велик (или не того качества), чтобы привлечь необходимое финансирование и людей — непереносимое условие действительно всесторонних исследований. Таким образом, исследования того времени неизбежно оказывались ограниченными по масштабу проведения и глубине анализа. Характерно, что дефицит адекватных социальных исследований не помешал принять в 1944 г. Акт об образовании, который — с точки зрения социальной стратификации — является, пожалуй, наиболее важным событием за последние полвека. Однако так же характерно и то, что не предлагалось никакого централизованного обеспечения, которое подкрепило бы социальные последствия этого мощного расширения образовательных возможностей — например, его влияние на существующие "средние классы" или его роль в формировании новых элит. Очевидно, что с учетом и недавних, и нынешних работ остается более чем достаточно места для исследований "средних классов".

Выделение данной, более узкой области исследований — "средних классов" — предполагает значимость для нее определенных специальных исследований: таких, как исследования степени саморекрутирования в определенных группах, особенно в группы специалистов и высокопоставленных чиновников; факторов, влияющих на престиж в данном сообществе видов

¹ Недавно опубликованная работа представляет результаты, несомненно, интересного и полезного обследования (*Lewis R., Maude A. The English Middle Classes. L., 1949*). Тем не менее, будучи основанным на материале, который был доступен на тот момент, оно неизбежно оказалось полным серьезных упущений, особенно в отношении описания процесса рекрутирования "средних классов".

² *Carr-Saunders A.M., Wilson P.A. The Professions. Oxford, 1933.*

деятельности "среднего класса" и перенос профессионального престижа на другие сферы деятельности; дифференциации внутри "средних классов"; природы и особенностей устремлений и идеалов "среднего класса". Однако не менее очевидно и то, что исследования такого рода оказались бы неполными, если бы их авторы ограничились только исследованием "средних классов". Престиж профессий и других "беловоротничковых" занятий нельзя рассматривать без привязки к возможной более общей иерархии престижа различных видов занятий. Явление саморекрутирования в группу профессионалов и высокопоставленных чиновников имеет смысл лишь в сравнении с явлением саморекрутирования в другие профессиональные группы. Действительно, было ясно, что изучение конкретных групп в качестве фона требовало *общего* исследования социального статуса и социальной мобильности в Великобритании. В результате начальный этап анализа был сосредоточен именно на этом общем исследовании. В дальнейшем работа была специализирована на исследовании "средних классов" в целом или их подгрупп — таких, как высшие слои чиновников или представители различных ["беловоротничковых"] профессий. Однако данное издание посвящено анализу *общей* картины социального статуса и социальной мобильности в Великобритании. Последующие главы (в которых рассматриваются различные аспекты этой общей картины), как правило, представляют собой самодостаточное, законченное описание, и, следовательно, нет необходимости говорить о них сейчас подробно. Однако поскольку материал, на котором основаны эти главы, получен в ходе серии исследований (было выполнено семь самостоятельных полевых работ), стоит вкратце охарактеризовать общую схему, в рамках которой они проводились. Надеемся также, что подобное описание покажет, что избранная последовательность глав — которая может показаться несколько необычной, — это не просто наша прихоть.

Основу общего исследования составляет изучение социальной мобильности в Великобритании: изучение степени подвижности социального статуса или изменения социальной позиции индивидами различного социального происхождения. Такое исследование изначально принимает посылку о существовании иерархии социальных статусов (т.е. о том, что общество состоит из упорядоченных слоев) и о том, что есть критерии, по которым можно выявить уровень статуса индивида/группы или их позицию в иерархии¹. Не требуется разрабатывать специальную концептуальную схему или

³ См.: Marshall T.H. *The Nature and Determinants of Social Status* // *Year Book of Education*, 1953. По социальной стратификации в целом см.: MacRae D.G. *Social Stratification: A Trend Report and Bibliography* // *Current Sociology*. 1953—1954. Vol. 2. N V; Pfautz H.W. *The Current Literature on Social Stratification: Critique and Bibliography II American Journal of Sociology*. January 1953. Работа П. Сорокина "Социальная мобильность" по-прежнему остается единственным всесторонним исследованием социальной мобильности (Sorokin P. *Social Mobility*. N.Y.; L., 1927). [См.: Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. — *Сосм.*]

проверять тщательно сформулированные гипотезы, чтобы показать, что в современной Великобритании существуют различные уровни социальных статусов. Труднее выбрать критерий или критерии, которые, по крайней мере в первом приближении, позволят выявить социальный статус индивида. В обществе, разделенном на ряд "сословий", где ранг, привилегии и наполнение этих сословий определяются законом, теоретически не должно возникать проблем с идентификацией позиции того или иного индивида в социальной иерархии. Однако в современном обществе различные уровни определены не так четко, и отобранные критерии должны отражать не столько правовую структуру, сколько структуру обычаев. В более ранних исследованиях профессия часто использовалась как индикатор социального статуса, и в таком подходе есть немало преимуществ. Определенно, группы, образованные представителями профессий с предположительно схожим статусом, демонстрируют схожие модели рождаемости и смертности и характеризуются схожей степенью саморекрутирования. И это неудивительно, поскольку очевидно, что, например, в нашем собственном обществе профессия отражает совокупное влияние ряда факторов, связанных с социальным статусом. Более того, есть существенное преимущество в использовании, при первом приближении, одного-единственного критерия — ведь связи и влияние других самостоятельных факторов или детерминант можно затем исследовать отдельно. Имеющиеся на настоящий момент знания, несомненно, подтверждают оправданность использования профессии как исходного индикатора социального статуса в Великобритании, и именно этот критерий использовался в качестве исходного в данном исследовании.

Однако в предыдущих британских работах классификация занятий [occupations] с точки зрения социального статуса не была основана на специальном эмпирическом исследовании. Эта классификация отражала взгляды небольшого числа людей, в большинстве своем принадлежавших к "среднему классу". Едва ли это существенно повлияло бы на ранжирование видов деятельности по краям шкалы. Однако в середине шкалы, по поводу которой и так достаточно разногласий, предвзятые суждения "среднего класса" могут сыграть не последнюю роль. Более того, в наиболее распространенной классификации, составленной Управлением регистрации актов гражданского состояния Англии и Уэльса, профессии физического труда были подразделены на категории [работников] различной квалификации, хотя и нельзя просто исходить из того, что квалификация и социальный статус непременно будут коррелировать между собой¹.

¹ О дискуссии по поводу трудностей и противоречий при использовании классификации Управления регистрации см. заметку автора: *Population Studies*. 1947. December. ■ 296—300. Некоторые высказанные в ней сомнения по поводу консенсуса относительно престижа профессий в целом были рассеяны впоследствии проведенными исследованиями.

Таким образом, чтобы использовать профессию в качестве индикатора социального статуса, требовалось начать с общего анализа социальной мобильности и провести новое эмпирическое исследование (см. главу II). Это исследование было ограничено по масштабу и целям. Соотнося социальный статус той или иной профессии с ее престижем в данном сообществе, исследование предполагало выявить, сходятся ли члены сообщества во мнении по поводу относительных позиций различных профессий в иерархии социального престижа — на уровне стереотипных представлений о видах занятий, а не представлений, сложившихся под влиянием личного знакомства с человеком данной профессии и, быть может, информации скорее об исключениях, нежели правилах. Обнаруженная таким образом степень единства мнения оказалась отнюдь не малой и вполне достаточной, чтобы обосновать конструирование ряда крупных групп, образующих шкалу престижа. Эти группы затем можно было использовать на втором, основном этапе общего исследования.

На втором этапе по случайной выборке, репрезентирующей взрослое гражданское население Великобритании, были собраны биографии 10 тыс. человек с целью исследования социального происхождения этих людей, их образования, профессиональной принадлежности, семейного положения и количества детей. Это была очень серьезная задача, и едва ли она оказалась бы осуществимой, если бы работу поручили случайным образом сформированной группе неопытных интервьюеров. К счастью, при помощи Межведомственного комитета по экономическим и социальным исследованиям и финансовой поддержке Министерства труда оказалось возможным прибегнуть к услугам Правительственного агентства социальных обследований. Эта организация дала ценные советы по составлению анкеты и разработала структуру выборки; при этом полевая работа была чрезвычайно эффективно выполнена работавшими в Агентстве интервьюерами.

Данные о профессиях, полученные в ходе исследования, накладывались на шкалу престижа профессий: ведь основной задачей исследования являлось изучение уровней социального статуса, а не изучение профессий как таковых. Эта шкала престижа, даже несмотря на то, что это было всего лишь первое, грубое приближение к ней, позволила распределить профессии по категориям социального статуса. Затем можно было проводить множество типов анализа. Например, можно было посмотреть, есть ли постоянные существенные различия в уровне образования индивидов, чьи отцы принадлежали к различным статусным группам (глава V), и проследить связь между социальным статусом отцов и сыновей (главы VIII и IX). Аналогично можно было проанализировать связь между социальным происхождением женихов и невест (глава XII), а также влияние восходящей или нисходящей социальной мобильности на рождаемость детей в семье¹. Эти вопросы поД-

¹ Исследование рождаемости, выполненное при поддержке Комитета исследований населения, уже опубликовано. См.: *Berent J. Fertility and Social Mobility// Population Studies. 1952. March.*

робно обсуждаются в последующих главах, и нет необходимости останавливаться на них здесь. Однако стоит отметить, что природа выборочного исследования позволила анализировать целый ряд вопросов по единой схеме, используя общие критерии и основания классификации. При рассмотрении различных аспектов социальной мобильности был также разработан и апробирован общий метод анализа — метод, нацеленный на преодоление некоторых основных трудностей, возникающих при сравнении мобильности индивидов различного социального происхождения, будь то мобильность, связанная с профессиональными достижениями или замужеством/женитьбой.

В рамках этих двух основных исследований было выполнено шесть специализированных работ, направленных на изучение отдельных аспектов таких общих вопросов, как социальный статус и социальная мобильность. Одна из этих работ вышла за пределы анализа, который возможно осуществить при помощи шкалы престижа профессий: в ней был исследован широкий спектр установок по отношению к социальному статусу и его детерминанты, а также связь между социальным статусом и политическими взглядами (глава III). Две работы касались проблем образовательного отбора. Основные материалы по образованию (собранные в рамках главного выборочного исследования) описывают индивидов, прошедших через школьную систему до вступления в силу Акта об образовании 1944 г. Однако некоторые важные социальные факторы, влияющие на отбор и достижения в новой системе среднего образования, рассматривались в двух дополнительных исследованиях (главы VI и VII). Остальные узконаправленные исследования были сосредоточены на отдельных аспектах социальной мобильности. Основные материалы по социальной мобильности анализировались с точки зрения перемещений между крупными статусными категориями. В дополнение к этому анализу было проведено исследование саморекрутирования в четыре профессиональные группы, основанное на информации о студентах университетов (глава XI). Аналогично, в основном исследовании социальный статус анализируется с точки зрения профессиональной принадлежности. Однако есть и другие пути завоевывания социального престижа в сообществе, и важно знать, эффективны ли эти альтернативы: являются ли они возможностями, которые представители низкопрестижных профессий видят и используют, или же они отражают (или, быть может, подкрепляют) иерархию престижа в мире наемного труда. Часто считается, что лидерство в добровольных ассоциациях является альтернативным источником социального престижа, и два последних исследования анализируют структуру добровольных ассоциаций с этих позиций (главы XIII и XIV).

Следует подчеркнуть одно различие между основным исследованием и более частными работами. В основном исследовании рассматривается Великобритания в целом, оно построено на выборке, репрезентирующей все сообщество. Данный подход был избран в силу необходимости получить достоверную общую картину и на ее фоне проводить последующие локальные

или узкопредметные исследования, анализирующие отдельные вопросы более подробно. Такие исследования за двумя исключениями (исследованием саморекрутирования в четыре профессиональные группы и исследованием структуры лидерства в трех женских добровольных ассоциациях) носят локальный характер и задуманы так, чтобы высветить определенные проблемы на основе локальных материалов, не проводя общенациональных обобщений. Однако эти специализированные исследования вписываются в одну общую схему и используют одни и те же крупные классификации; их результаты сопоставимы между собой, равно как и с результатами основного исследования.

Глава II. Социальное ранжирование профессий

К.А. Мозер, Дж. Холл

Введение

Материалы, представленные в данной главе, основаны на исследовании социального ранжирования профессий. Более подробный отчет по некоторым аспектам данного исследования уже опубликован¹. Однако его основные моменты описываются здесь, поскольку на результатах именно этого исследования ранжирования профессий построена классификация социальных статусов, используемая в следующих главах. Эта классификация, в свою очередь, является существенным элементом для анализа социальной мобильности — предмета данной книги в целом.

В указанной более ранней работе по социальному ранжированию профессий использовался один статистический подход. Со времени ее публикации появилась возможность проанализировать материал несколько иным способом, и результаты этого второго подхода также представлены в данной главе.

Понятие социального статуса, объединяющее все исследования в данной книге, основано на представлении о том, что сообщество состоит из страт, организованных в форме иерархии. Отдельные страты могут плавно перетекать друг в друга, и характеристики и границы каждой такой страты остаются неопределенными². Однако для того чтобы обнаружить перемещения внутри иерархии и измерить их величину, необходимо установить ряд условных, но реалистичных границ, причем их суть и местоположение будут различаться в зависимости от используемых критериев социального статуса.

¹ Hall J., Jones D.C. The Social Grading of Occupations // *British Journal of Sociology*-1950. VoU.N1.

² Однако между стратами возможны также резкие переходы, и использование шкалы престижа может помочь в их выявлении: ведь она может продемонстрировать существование различных систем ранжирования — систем, не образующих единого континуума.

Для определения социального статуса [индивида] важны и объективные, и субъективные критерии, среди них: доход, профессия, образование, материальное имущество; собственная оценка статуса, участие в определенной социальной деятельности и отношениях, оценка его статуса другими.

Теоретически диапазон возможных критериев социального статуса очень широк. Однако ряд практических соображений позволяет уменьшить сложность их отбора. Во-первых, необходимо выбрать критерии, о которых можно собрать достаточно точную информацию и которые поддаются классификации. Во-вторых, многие критерии весьма тесно связаны между собой. Кроме того, для определенных типов исследования — в том числе и тех, что включены в данную книгу, — преднамеренный выбор одного, главного критерия является преимуществом, позволяющим увидеть, насколько сильно он коррелирует с другими характеристиками статуса.

В данном исследовании критерием, используемым для конструирования классификации социальных статусов, является профессия. Хотя это, очевидно, и не единственный важный критерий, который можно было бы выбрать, он особенно полезен, поскольку связан с экономическим статусом и образованием. Следовательно, он коррелирует с "образом жизни" [pattern of living] индивида. Более того, как показано в главе III, это один из аспектов социального статуса, который одним из первых приходит в голову людям, когда они пытаются оценить положение того или иного индивида в социальной иерархии. Образование также часто упоминают как связанный с ним фактор. Однако, поскольку одной из основных целей исследования являлось проанализировать связь между происхождением статуса и образованием, с одной стороны, и образованием и статусными достижениями, с другой, то образование как таковое не принималось во внимание на этапе начального конструирования статусных групп.

Чтобы использовать профессию как основу классификации и особенно чтобы применить эту классификацию к результатам описанного в вводной главе случайного выборочного обследования, призванного обеспечить исходную информацию для всего исследования социального отбора и дифференциации, необходимо сгруппировать некоторые профессиональные группы на основании их социального статуса или престижа. Несколько классификаций профессий уже существуют, в том числе: классификации Управления регистрации, Комитета по исследованиям населения и Агентства социальных опросов. В силу различных причин ни одна из них не отвечает полностью нашим задачам, и в результате нами была разработана семиступенчатая классификация (ниже — "стандартная классификация"), предназначенная для дифференциации профессий с точки зрения их социального престижа.

Стандартная классификация

1. Высший административный и профессиональный персонал.
2. Управленцы и менеджеры.

3. Инспектора, контролеры и прочие работники умственного труда высший слой.

4. Инспектора, контролеры и прочие работники умственного труда — низший слой.

5. Квалифицированные работники ручного труда и слои работников умственного труда, выполняющих рутинную работу.

6. Полуквалифицированные работники ручного труда.

7. Неквалифицированные работники ручного труда.

Категория 1 включает все виды занятий, требующие высоко специализированного опыта и зачастую обладания ученой степенью или аналогичной профессиональной квалификацией и предполагающие продолжительный период получения образования и подготовки. К категории 2 относятся работники, ответственные за инициирование и (или) внедрение той или иной политики (например, менеджер по персоналу или директор начальной школы); при этом попавшие в категорию 3 не несут такой ответственности, однако могут иметь некоторую власть над другими (например, инспектор полиции или помощник учителя в начальной школе). У работников, отнесенных к категории 4, власть над другими ограничена, однако их работа предполагает некоторую степень ответственности (например, клерк-счетовод или попечитель, ведающий оказанием помощи бедным в районе).

Порою трудно провести грань между квалифицированными, полуквалифицированными и неквалифицированными работниками. Квалифицированный труд предполагает специальную подготовку или опыт, а также ответственность за выполняемый данным индивидом процесс. Если особых навыков или ответственности не требуется, но индивид выполняет ту или иную работу привычно и, как правило, в соотнесенности с определенным ремеслом или отраслью промышленности, он попадает в категорию полуквалифицированных работников. Неквалифицированный труд не требует какой бы то ни было специальной подготовки, носит общий характер, не привязанный к какой-то определенной отрасли промышленности.

На основе этой семиступенчатой классификации было проранжировано большое количество профессий. Однако поскольку предполагалось, что данная классификация будет использоваться для исследования социальной мобильности с точки зрения профессиональных достижений, было важно увидеть, соответствует ли подобная априорная шкала реальным установкам по поводу относительного социального статуса профессий. Ведь это поднимает отдельный вопрос о том, есть ли в сообществе единое мнение по поводу социального престижа профессий, включая профессии, неизвестные людям из их собственных знаний или опыта. Иными словами, имеет ли термин "социальный статус" какое-то общепринятое значение применительно к профессиям, и если да, то что за шкала или иерархия за ним стоит.

Часть I: Первоначальный анализ

Чтобы ответить на эти вопросы, было исследовано общественное мнение по поводу относительного социального престижа нескольких ключевых профессий¹. Последние были отобраны из первоначального списка в 138 наименований (предварительно сгруппированных пятью независимыми экспертами в девять категорий), начиная от профессий, для которых необходима исключительная квалификация, и заканчивая трудом общего характера, не требующим никаких навыков или подготовки. Чтобы было легче работать с общей выборкой, число профессий, включенных в исследование, было сокращено до тридцати. Пилотное исследование (П) проводилось при поддержке Ассоциации преподавателей для взрослых. Индивидам, принимавшим участие в исследовании, предлагалось упорядочить отобранные профессии относительно друг друга в соответствии с их социальным положением в сообществе, при этом их просили рассуждать не о каком-то конкретном индивиде, а о типичном представителе этой профессии. Фиксировались также пол, возраст и профессиональный статус (в соответствии со стандартной классификацией) индивидов, заполнявших формы, — с тем, чтобы проанализировать различия во взглядах в зависимости от значения этих переменных. Однако для более детального исследования требовались дополнительные материалы, и было проведено основное исследование (О). Среди его участников — члены Национального объединенного союза работников страхования, Национальной ассоциации работников местных правительств, Ассоциации клерков государственной службы, Конгресса профсоюзов и еще одна группа из Ассоциации преподавателей для взрослых. Через центральный офис каждой из этих организаций устанавливались контакты с отделениями, разбросанными по всей стране, и выяснялось, согласны ли их члены принять участие в исследовании.

В табл. II. 1 показано распределение ответивших респондентов пилотного и основного обследований по полу, возрасту и профессиональному статусу.

В пилотном обследовании было получено 343 заполненные анкеты, в основном обследовании — 1056 анкет. Общая сумма в табл. II. 1 не соответствует этим числам, поскольку в некоторых случаях поле возраста или профессионального статуса оставалось не заполненным. Поскольку только 55 бланков анкет в ходе пилотного и основного обследований были заполнены представителями 6-й и 7-й категорий, эти два класса работников были объединены в один.

¹ Список отобранных профессий и инструкции для тех, кто помогал при проведении исследования, приводятся в Приложении к данной статье. Критический обзор исследований престижа профессий см.: *Davies A.F. Prestige of Occupations // British Journal of Sociology. 1952. June.* См. также: *Hyman III. The Psychology of Status // Archives of Psychology. 1942. N269.*

Таблица Цд
**Процентное распределение респондентов пилотного (П) и основного (О)
 обследований по полу, возрасту и [профессиональному] статусу, %**

Категории стандартной классификации	Мужчины		Женщины		Возрастная группа	Мужчины		Женщины	
	П	О	П	О		П	О	П	О
1 2 3	14	24	6	9 16	15-29	17	18		38
4 5	112	17	12	22	30-39	39	34	57	25
6, 7	(16	17	32	14	40-49	24	24		22
	113	15	19	35 4	50 +	20	24	43	15
	38 7	23 4	28 3						
Всего	100	100	100	100	Всего	100	100	100	100
N в выборке	219	710	124	281	N в выборке	219	749	124	302

Всех, принимавших участие в исследовании, прежде всего просили поместить каждую профессию в один из пяти социальных рангов, по поводу которых указывалось лишь то, что группа А занимает самое высокое положение, а группа Е — самое низкое; затем требовалось распределить профессии в порядке понижения статуса внутри каждого ранга. Таким образом все тридцать профессий были выстроены в относительную шкалу социального статуса или престижа. Разрешалось "привязывать" друг к другу профессии, казавшиеся равностатусными. Затем были сопоставлены назначенные индивидами ранги каждой из этих тридцати профессий и рассчитаны медианные и квартильные значения для каждой профессии.

В общей выборке для четырех возрастных групп и пяти категорий стандартной классификации (за исключением категорий 6 и 7) были получены двадцать наборов медианных значений для высказанных мужчинами суждений¹. Затем для каждой профессии были рассчитаны средние арифметические этих двадцати медианных значений (см. колонку 3 табл. П.2). Аналогичная процедура была выполнена с данными пилотного исследования (они рассчитаны для мужчин и женщин вместе и включают все статусные категории) — V^6 .

¹ Среди индивидов, заполнивших анкеты, было достаточно мало тех, чья профессия попадала в категории 6 или 7 стандартной классификации. Чтобы увеличить это число, для этих респондентов были объединены результаты пилотного и основного обследований; медианные и квартильные значения были рассчитаны для каждой из тридцати профессий-Профессий, проранжированные согласно медианным значениям, были затем сопоставлены с ранжированием, выполненным мужчинами из классов 1—5 (результаты представлены в табл. 11.2). Между полученными в обоих случаях результатами много общего.

зультаты представлены в колонке 4 табл. II. 2. Средние значения, приписанные профессиям в обоих случаях очень близки, и порядок ранжирования тридцати профессий относительно друг друга получился идентичным.

В колонке 2 табл. II.2 отображена стандартная классификация, в которую мы первоначально поместили каждую из профессий, рассматриваемых в данном эксперименте. Это значение можно сравнить с результатами ранжирования, полученными в ходе основного исследования (которое охватило большее число респондентов по сравнению с пилотным исследованием). Только три профессии не подтверждают порядок, предложенный в стандартной классификации: фермер, забойщик-шахтер и носильщик на железнодорожном вокзале. В стандартной классификации фермер помещен в категорию 1, однако эмпирические данные связывают эту профессию с профессиями категории 2. Аналогично, шахтера и носильщика респонденты поместили вместе с теми, кого мы отнесли бы к категории 6, в то время как в стандартной классификации шахтер попадал в категорию 5, а носильщик — в категорию 7. Однако эти различия невелики. Более заметное отклонение в случае фермера может быть связано с тем, что городские жители, составлявшие большинство в нашей выборке, неуверенно определяли статус той или иной "сельской" профессии. Однако по результатам проведенного исследования относительный ранг этих трех профессий в стандартной классификации был должным образом изменен.

На основе данных, объединенных в табл. II.2, можно сделать следующие выводы: во-первых, люди в целом присваивали социальному статусу тридцати профессий, включенных в исследование, практически тот же ранг, что и в стандартной классификации; во-вторых, можно предположить наличие в нашей выборке единого стандарта суждений относительно социального ранжирования профессий.

Таблица II. 2 Социальное ранжирование в пилотном (II) и основном (O) исследованиях по отношению к стандартной классификации

Профессия	Стандартная классификация	Среднее арифметическое групповых значений	
		Мужчины Категории 1-5 (O)	Мужчины и женщины Категории 1-7 (II)
Начальник медицинской службы	1 1	1,3	1,4
Директор компании	1	1,6	1,2
Окружной адвокат	1 2	2,6	2,8
убшественный бухгалтер			
виновник (исполнитель)	2	3,2	3,6
Менеджер в бизнесе		6,0	5,9
		6,0	6,0

Профессия	Стандартная классификация	Среднее арифметическое групповых значений	
		Мужчины категорий 1-5 (О)	Мужчины и женщины категорий 1-7 (П)
Менеджер трудового процесса	2	6,4	6,2
Священник	2	6,4	6,3
Фермер	1	7,3	7,9
Учитель начальной школы	3	10,8	10,4
Бригадир строителей-подрядчиков	3	11,4	11,2
Репортер колонки новостей	3	11,8	11,2
Коммивояжер	3	12,0	12,6
Шеф-повар	4	13,8	14,2
Страховой агент	4	14,6	14,8
Продавец в газетном киоске и торговец табаком	4	15,0	15,6
Полицейский	5	16,1	15,5
Клерк, выполняющий рутинную работу ¹	5	16,1	16,1
Слесарь	5	17,6	16,3
Столяр	5	18,6	17,4
Помощник продавца	5	20,2	20,2
Каменщик	5	20,2	20,4
Тракторист	6	23,0	22,8
Угольщик	5	23,2	23,0
Носильщик на железнодорожной станции	7	25,3	24,8
Сельскохозяйственный рабочий	6	25,5	25,5
Извозчик	6	25,8	26,2
Бармен	7	26,4	26,2
Портовый рабочий	7	27,0	27,0
Дворник	7	28,9	29,2

Из этого первичного исследования можно сделать два главных вывода. Во-первых, не было выявлено существенных различий во взглядах респондентов относительно социального ранжирования отобранных профессий. Во-вторых, сопоставление порядка расположения профессий в стандартной классификации и предварительно не ограниченных никакими рамками суждений респондентов продемонстрировало, что стандартная классификация оказалась "не чуждой взглядам обывателя". Однако не следует полагать, что между статусными группами в стандартной классификации есть существенные и резкие разрывы. Деление на ранги правильнее рассматривать просто как условные, хотя и подходящие границы.

Часть III: Дальнейший анализ материала

Как уже говорилось выше, по крайней мере одна из характеристик шкалы престижа профессий, выявленная в ходе исследования, может являться результатом инструкций, которые получали участвовавшие в нем индивиды. Им предлагалось начать анализ с распределения различных профессий по пяти рангам: А, В, С, D и E. Подобная инструкция преследовала две цели: во-первых, облегчить задачу ранжирования; во-вторых, — найти пять категорий, наполнение которых было бы сопоставимо с пятью "классами", традиционно использовавшимися в Управлении регистрации актов гражданского состояния Англии и Уэльса. Однако в конечном счете эта процедура накладывала и ряд ограничений на свободу индивидов в осуществлении ранжирования, и не исключено, что она способствовала искусственному группированию профессий и разрывам в шкале, о которых говорилось выше.

Сейчас нельзя отделить последствия использования данной пятиступенчатой шкалы от результатов ранжирования; однако можно "сгладить" их влияние, прибегнув к другому методу анализа. Это было сделано в два этапа. Сначала анализировалось распределение каждой профессии по пяти рангам. Затем исследовалась возможность объединить профессии, которым был присвоен одинаковый статус. Эта два вида анализа, межгрупповой и внутригрупповой, — лишь два из множества возможных путей дальнейшего исследования материала. Однако никаких других видов анализа предпринято не было: отчасти потому, что составление таблиц вручную оказывалось чересчур трудоемким занятием, а отчасти потому, что, как представлялось, характер выборки не позволял применять к ней слишком изощренные процедуры анализа.

Распределение по пяти рангам

Сразу необходимо оговориться, что результаты предлагаемого здесь нового анализа не противоречат уже опубликованным результатам, — напротив, они, скорее, подкрепляют ранее сделанные выводы.

Единственное, что говорилось респондентам, которые должны были распределить профессии по пяти рангам, от А до E, это что А — наиболее престижный ранг, а E — наименее престижный. Теоретически ничто не мешало поместить все тридцать профессий в один ранг. Однако большинство Респондентов использовали все пять рангов, и в целом картина распределения получилась следующая:

	A	B	C	D	E	
Процентное распределение	16	19	25	21	19	100

Не следует придавать большого значения обнадеживающей нормально-^и распределения, поскольку респондентам, в целях облегчения их задачи, Предлагалось начать с распределения наиболее престижных и наименее пре-

стижных профессий по рангам А и Е соответственно, а затем перейти к анализу средних категорий. Не исключено, что это повлияло на характер распределения, и в категорию С профессии попадали по остаточному принципу. Все респонденты, независимо от пола и собственной профессии, нарисовали примерно одинаковую картину распределения.

В табл. II.4 представлено распределение всех тридцати профессий.

Таблица II.4

Процентное распределение профессий по пяти первоначальным рангам

Профессия	А	В	С	Д	Е
Начальник медицинской службы	89	10	1	—	—
Директор компании	87	12	1	—	—
Окружной адвокат	74	24	2	—	—
Общественный бухгалтер	66	31	3	—	—
Чиновник (исполнитель)	34	53	12	1	—
Менеджер в бизнесе	32	54	12	2	—
Менеджер трудового процесса	28	62	10	—	—
Священник	28	59	12	1	—
Фермер	21	58	19	2	—
Учитель начальной школы	3	38	54	5	—
Бригадир строителей-подрядчиков	2	35	54	9	—
Репортер колонки новостей	2	33	58	7	—
Коммивояжер	1	23	61	14	1
Шеф-повар	1	21	56	21	1
Страховой агент	—	13	60	25	2
Продавец в газетном киоске и торговец табаком	—	10	59	29	2
Полицейский	1	8	55	34	2
Клерк, выполняющий рутинную работу	—	6	54	37	3
Слесарь	—	6	43	44	2
Столяр	—	3	34	59	4
Помощник продавца	—	1	27	62	10
Каменщик	—	2	19	61	18
Тракторист	—	1	10	58	31
Угольщик	—	2	10	44	44
Носильщик на железнодорожной станции	—	—	3	30	67
Сельскохозяйственный рабочий	—	—	2	29	69
Извозчик	—	1	5	23	71
Бармен	—	—	2	24	74
Портовый рабочий	—	—	2	14	84
Дворник	—	"	1	4	95

По поводу профессий, находящихся по краям шкалы, практически нет разногласий. Более четырех пятых респондентов одинаково распределили четыре профессии: начальник медицинской службы, директор компании, портовый рабочий и дворник. Для большей части профессий "модальный" ранг прослеживается достаточно четко. По меньшей мере 60% респондентов однозначно присвоили примерно половине профессий какой-либо ранг — А, В, С, D или E. Если учесть, что эти группы не были как-то определены и что респондентов просили присвоить профессиям относительный ранг, а не абсолютный, то степень консенсуса следует считать очень высокой.

Бросающимися в глаза исключениями оказались слесарь и угольщик — по поводу этих профессий высказывались очень разные суждения (различия проявлялись независимо от возраста, пола и профессии респондентов). Среди других профессий, которые были распределены достаточно по-разному — чиновник, священник, учитель начальных классов, бригадир строителей-подрядчиков, полицейский и клерк. Одни профессии из этой группы "неоднозначны" настолько, что оказались распределены по всему социальному спектру. Другие (в частности, священник) получили разные ранги, поскольку их материальное вознаграждение и традиционный социальный престиж могут быть различными. Присвоение различных рангов в таких случаях может свидетельствовать о том, что респонденты основывают свои суждения на разных критериях. Для социолога наиболее интересны именно эти "пограничные", среднеуровневые профессии, а не профессии, помещенные по краям шкалы. Для их изучения необходима подробная информация о респондентах и о том, какими критериями ранжирования они руководствовались.

Какие профессии взаимосвязаны?

Было бы полезно знать, какие профессии оказываются вместе чаще всего; происходит ли так, что определенные типы респондентов склонны связывать одни и те же профессии; какие кластеры профессий оказываются связанными, и т.д. Надеемся, что будущее исследование поможет ответить на эти вопросы. В условиях же данного исследования построение подобных таблиц вручную оказалось бы непомерно трудоемким занятием. Поверхностный обзор материала показал, что наиболее часто объединяют следующие профессии: плотник, слесарь, клерк, угольщик, коммивояжер, страховой агент, полицейский и каменщик; а реже всего вместе оказываются директор компании, бармен, начальник медицинской службы, фермер, священник и дворник. Это наблюдение позволяет предположить, что чаще всего вместе оказываются профессии, демонстрирующие наиболее противоречивые значения ранга. Явными исключениями из этой тенденции являются фермер и священник: эти профессии редко оказываются вместе, однако обе характеризуются высокой степенью разброса оценок.

Заключение

Мы описали основные результаты, полученные в ходе двух типов анализа первичного материала. Эти результаты (особенно те, что касаются взаимосвязей между профессиями) оставили многие вопросы открытыми и продемонстрировали, что определенные проблемы заслуживают дальнейшего изучения. В частности, не предпринималось серьезных попыток статистического анализа выборки, и хотя многие результаты наводят на размышления, мы не претендуем на их статистическую значимость.

Глава VIII. Социальная мобильность в Великобритании: исследование межпоколенных изменений статуса

Д. Гласе, Дж. Холл

Введение¹

Одной из основных задач выборочного исследования, описанного в главе IV, являлась оценка величины и направления социальной мобильности в Великобритании с конца XIX в. Именно этому вопросу и посвящена данная глава. Однако следует подчеркнуть, что — с учетом имеющейся на данный момент информации и разработанных методик исследования — полученная оценка оказывается несколько ограниченной. Хотя она точнее и детальнее той, что давалась в более ранних исследованиях, это все же всего лишь второе — если не первое — приближение к проблеме. В значительной степени ограничения данного исследования объясняются отсутствием более ранних исследований, которые были бы сопоставимы между собой и с нашим исследованием и которые можно было бы использовать в качестве предпосылки. Правда, как будет показано в ходе анализа результатов, встретились и технические трудности. Однако прежде необходимо описать, как именно понятие социальной мобильности используется в данном исследовании.

Во-первых, следует объяснить, что в предлагаемой главе нас интересуют вопросы профессиональной достижительности и связь "отец — сын" по отношению к этому типу достижительности. Очевидно, что есть и другие аспекты социальной мобильности, которые совершенно не затрагиваются в данной главе, однако один из них — социальная мобильность в браке — рассматривается в одной из последующих глав. Мы также исключаем всякие

¹ Мы хотели бы выразить благодарность мисс Бетти Роксборо за работу над данным исследованием. К сожалению, она вышла на пенсию до того, как анализ был завершен, однако ее вклад в работу на начальном этапе исследования очень ценен.

иные критерии социального статуса индивида, помимо его профессиональной принадлежности. Некоторые причины выбора именно этого фактора уже назывались: убеждение (подкрепляемое также и другими материалами, вошедшими в данный сборник), что в Великобритании профессия является, вероятно, наиболее важным самостоятельным критерием социального статуса; желанием измерить поведение других переменных относительно данной переменной. Например, в главах XIII и XIV предпринимается попытка проверить, в какой степени позиция в статусной иерархии, построенной на основе анализа профессионального престижа, совпадает со статусной позицией индивида в добровольных ассоциациях; в других главах исследуется связь между профессиональным статусом индивида и его установками в отношении образования, его интересом к школьным делам детей и ожиданиями от детей.

Во-вторых, при помещении индивида в ту или иную категорию в рамках статусной иерархии мы использовали модифицированную семиступенчатую классификацию, описанную в главе II. В конечном счете это означает, что при сравнении отца и сына мы пользовались одной статусной шкалой, основанной на проведенном в 1949 г. исследовании установок. Это, очевидно, первое ограничение данного подхода, хотя его и можно считать надежным — так же, как он надежен для исследования изменений стоимости жизни посредством анализа моделей расходов, преваляровавших в последний из вошедших в исследование год. Впрочем, это ограничение можно обойти, если в дальнейшем регулярно проводить выборочные исследования установок. Другое ограничение касается того, что статусная шкала отображает профессии мужчин и в целом все исследование описывает только мужчин. Подобного ограничения не удалось избежать в силу невозможности прямого сравнения между шкалой престижа мужских профессий и шкалой престижа женских профессий. В нашем обществе, где у женщин относительно мало возможностей занять высокостатусные профессиональные позиции и где, в любом случае, большинство замужних женщин оставляют оплачиваемую работу после рождения первого ребенка¹, профессии женщин, как правило, имеют более низкий статус, чем профессии, которые готовы занять мужчины с аналогичным происхождением и образованием. По этой причине в главе о браке статус одинокой женщины оценивался на основании профессии ее отца. Аналогично, статус замужней женщины, как правило, совпадает со статусом ее мужа. В силу указанных трудностей данный анализ ограничивается анализом мужчин, вошедших в выборочное обследование.

Третий момент, на который следует обратить внимание, заключается в том, что в настоящей работе социальная мобильность исследуется в рамках Достаточно ограниченного промежутка времени. В идеальной ситуации социальную мобильность следует измерять посредством исследования изме-

¹ См. главу XII.

нений статуса индивида в течение жизни его поколения. В качестве исходной точки следует брать год рождения (когда статус индивида совпадает со статусом его отца) и затем отслеживать статусные достижения на протяжении всей активной жизни индивида. Использование данного метода применительно к нескольким последовательным поколенческим когортам позволило бы сопоставить схемы изменения статуса и выявить как сущность внутрипоколенных статусных перемещений, так и их конечную точку в окончательном распределении социальных статусов членов рассматриваемых когорт. В подобном анализе изменения статуса в промежуток между началом жизни поколения и ее концом позволят измерить и межпоколенные изменения статуса. Однако в наше выборочное исследование не включалась информация о профессии отца на момент рождения субъекта; более того, за исключением тех случаев, когда и субъект, и его отец на момент исследования были живы, едва ли мы получили бы достоверный ответ на такой вопрос. Вместо этого в исследовании фиксировалась последняя основная профессия отца субъекта. В результате анализ в целом сводится к сравнению последнего основного статуса отца со статусом сына, зафиксированным в исследовании 1949 г. Были использованы также профили [динамики] статуса субъекта, однако в нашем исследовании они начинаются с первой работы субъектов, а не с их рождения. Таким образом, анализ в целом носит скорее статичный, нежели динамичный характер; тем не менее он достаточно много может рассказать о гибкости или жесткости социальной структуры.

Изменения статуса между двумя поколениями

Основной анализ базируется на исследовании мужчин, вошедших в выборку и проживавших в Англии и Уэльсе; в целях отслеживания изменений во времени они были разбиты на группы на основе своего года рождения (по десятилетиям). Количество респондентов и их распределение по годам рождения показаны в табл. VIII. 1. Лишь в немногих случаях отсутствовала информация о профессии индивида, так что в последующих таблицах приведены данные о 94,5% проинтервьюированных мужчин.

Шотландия также входила в исследование, однако полученные по ней материалы не такие полные. В Шотландии другая образовательная система, и для адекватного сопоставления с результатами по Англии и Уэльсу потребовалось бы составить отдельный, более детальный список вопросов. Однако в рамках единой, "компромиссной" анкеты, использовавшейся для всех трех исследований, это было неосуществимо. Чтобы напрямую сравнивать материалы различных глав, посвященных мобильности, образованию и связи между образованием и социальным статусом, данные по Шотландии анализировались отдельно; результаты анализа приводятся ниже в одном из разделов данной главы.

Таблица VIII. 1

Группы субъектов-мужчин по году рождения

Дата рождения	Число субъектов в выборке	Нет информации о профессии отца или субъекта	Число субъектов, включенных в исследование
1889 г. и ранее	713	34	679
1890-99	556	16	540
1900-09	777	26	751
1910-19	802	30	772
1920-29	794	39	755
1930 и позднее	58	1	-
Всего	3700	146	3497

Общие статистические сведения об Англии и Уэльсе даны в табл. VIII.2: в ней социальный статус респондентов сравнивается с социальным статусом их отцов. Тип анализа на первом этапе подобен тому, что использовал профессор М. Гинзберг в своем новаторском исследовании¹; применялись также и более точные методы измерения. В табл. VIII.2 данные представлены в двух формах. Проценты по строкам (в правом верхнем углу каждой ячейки) показывают, сколько сыновей (в процентном выражении) занимают ту же статусную позицию, что и их отцы. Например, ячейки в первом ряду показывают, что среди сыновей, чьи отцы принадлежали к категории 1, 38,8% тоже принадлежат к этой категории, 14,6% — к категории 2 и т.д. Среди сыновей, чьи отцы принадлежали к категории 7, ни один не достиг категории 1, а 27,4% остались в категории 7. Диагональ таблицы (выделенная жирным) показывает, сколько статусных позиций остались неизменными между отцами и сыновьями. Наибольшее значение этого показателя — для категории 5, а наименьшее — для категории 3: 47,3% мужчин, чьи отцы принадлежали к категории 5, сами остались в категории 5, и лишь 18,8% мужчин, чьи отцы принадлежали к категории 3, сами остались в этой категории <...> Уровень саморекрутирования наиболее высок среди квалифицированных работников физического труда и работников умственного труда, занятых рутинной работой. Можно проследить также тип связи между статусом отца и сына: чем выше статус отца, тем меньше доля их сыновей в категории 5 и ниже.

¹"Interchange between social classes". См. в кн.: Ginsberg M. Studies in Sociology. L., '932; а также в: Economic Journal. 1929. December.

Таблица VIII.2
**Распределение субъектов в соответствии с их статусной
 категорией и статусной категорией их отца**

		Статусная категория субъекта							Всего
		1	2	3	4	5	6	7	
Статусная категория отца	1	38,8	14,6	20,2	6,2	14,0	4,7	1,5	100,0
		48,5	11,9	7,9	1,7	1,0	1,0	0,5	(129)
	2	10,7	26,7	22,7	12,0	20,6	5,3	2,0	100,0
		15,5	25,2	10,3	3,9	2,2	1,4	0,7	(150)
	3	3,5	10,1	18,8	19,1	35,7	6,7	6,1	100,0
		11,7	22,0	19,7	14,4	8,6	3,9	5,0	(345)
	4	2,1	3,9	11,2	21,2	43,0	12,4	6,2 7,5	100,0
		10,7	12,6	17,6	24,0	15,6	10,8		(518)
	5	0,9	2,4	7,5	12,3	47,3	17,1	12,5	100,0
		13,6	22,6	34,5	40,3	50,5	43,5	44,6	(1510)
	6	0,0	1,3 3,8	4,1	8,8	39,1	31,2	15,5	100,0
		0,0		5,8	8,7	12,5	24,1	16,7	(458)
	7	0,0	0,8	3,6 4,2	8,3	36,4	23,5	27,4	100,0
		0,0	1,9		7,0	9,8	15,3	25,0	(387)
II	100,0 (103)	100,0 (159)	100,0 (330)	100,0 (459)	100,0 (1429)	100,0 (593)	100,0 (424)	(3497)	

По колонкам (левый нижний угол ячейки) представлена информация о статусе отца субъекта относительно его собственного статуса в 1949 г. Так, отцы 48,5% субъектов из категории 1 имели такой же статус. И это также является показателем саморекрутирования: как видно из диагонали таблицы, родительский статус в наибольшей степени сохраняется субъектами в категории 5 и в наименьшей — в категории 3. В то же время имеют место существенные изменения статуса между двумя поколениями. Например, данные по рядам показывают, что отцы 60% мужчин, вошедших в категорию 1,

принадлежали к более низким категориям, в то время как более 70% мужчин, чьи отцы принадлежали в категории 7, оказались в более высокостатусных категориях, чем их отцы. О значении этих изменений будет говориться ниже.

Данные табл. VIII.2 несколько иным образом представлены в табл. VIII.3, VIII.4 и VIII.5. В табл. VIII.3 показан удельный вес субъектов, чей статус совпадает со статусом отца, и тех, чей статус отличен от него, а значение χ^2 для различий, отмеченных в табл. VIII.2, достаточно велико. Это касается и различий между субъектами, достигшими более высокого статуса, чем статус их отца, по сравнению с теми субъектами, чей статус ниже статуса отца. Тенденция к повышению статуса более заметна среди субъектов, чьи отцы принадлежали к низкостатусным категориям (мы не имеем в виду категории 1 и 7, так как из них возможна мобильность только в одном направлении); однако длина статусного перемещения не особенно велика. В табл. VIII.5 предпринимается попытка выразить эту тенденцию количественно: считается, что расстояние между двумя соседними категориями равно единице. Это утверждение более чем неоднозначно, но для его проверки потребуются отдельное новое исследование иерархии профессионального престижа. Нас же здесь интересует лишь то, во многих ли категориях имело место изменение статуса, и есть ли существенные различия в этом отношении между различными группами респондентов. Анализ разброса значений показывает, что такие различия действительно существенны: чем выше статус отца, тем дальше перемещение вниз, и это неудивительно — ведь тем больше перед этим человеком категорий, через которые происходит данное перемещение. В то же время перемещения вверх или вниз обычно являются перемещениями на "короткие дистанции"; если статус субъекта отличен от статуса его отца, как правило, он все равно расположен неподалеку от категории отца. Словом, подводя итог

Таблица VIII.3

Субъекты, чья статусная категория совпадает со статусной категорией отца, и субъекты, чья статусная категория отличается от статусной категории отца

Статусная категория отца	Статусная категория субъекта			
	Та же (1)	Другая (2)	Всего (3)	% столбца 1 к столбцу 3
1	50	79	129	38,8
2	40	ПО	150	26,7
3	65	280	345	18,8
4	110	408	518	21,2
5	714	796	1510	47,3
6	143	315	458	31,2
7	106	281	387	27,4
Всего	1228	2269	3497	35,1

этим рассуждениям, можно утверждать, что налицо связь между статусом отцов и сыновей; она наиболее заметна в случае, когда отцы принадлежат к категории квалифицированных работников физического труда или к категории высшего административного или профессионального персонала; сила связи существенно различается в зависимости от категории; в случае, когда имеют место изменения между статусом отца и статусом сына, статус сына, как правило, оказывается близок статусу отца.

Таблица VIII.4

Субъекты, чья статусная категория выше или ниже статусной категории их отца

Статусная категория отца	Статусная категория респондента			
	Выше (1)	Ниже (2)	Всего (3)	% столбца 1 к столбцу 3
1	16	94	ПО	14,5
2				
3	47	233	280	16,8
4	89	319	408	21,8
5	349	447	796	43,8
6	244	71	315	77,5
7				
Всего	745	1164	1909	39,0

Таблица VIII.5 Среднее перемещение

между статусом отца и статусом сына в иерархии (расстояние измеряется количеством категорий, образующих разницу между статусами)

Статусная категория отца	Позиция сына по отношению к позиции отца	
	Выше Среднее перемещение и погрешность	Ниже Среднее перемещение и погрешность
1	—	2,46 ± 0,16 (85)
2	1,00 ± 0,00 (16)	2,10 ± 0,13 (94)
3	1,26 ± 0,06 (47)	2,00 ± 0,06 (233)
4	1,47 ± 0,08 (89)	1,40 ± 0,03 (319)
5	1,65 ± 0,05 (304)	1,42 ± 0,03 (447)
6	1,40 ± 0,05 (246)	1,00 ± 0,00 (71)
7	1,90 ± 0,06 (281)	-
	1,62 ± 0,03 (983)	1,62 ± 0,02 (1249)

<...>

Понятие "совершенной мобильности"¹

Это могло бы означать, что между статусом отца и статусом сына — обратная зависимость, что было бы очень необычным явлением для западного общества. Подобная ситуация имела бы место, если бы между этими поколениями произошел переворот в процессах отбора элит, если бы — возьмем гипотетический пример — закон или обычай запретил сыновьям врачей делать карьеру в медицине!

В связи с использованием этих данных следует подчеркнуть четыре момента. Во-первых, сам общий подход к исследованию не оригинален. Проблема случайных связей рассматривалась рядом итальянских статистиков, в том числе Беннини, Ливио Ливи и Кесса; Голдхамер предложил метод учета поколенных изменений в общей профессиональной структуре сообщества, а Рогофф активно применял его². Однако, как будет видно из технических приложений к данной главе, этот метод систематично разрабатывался в нашем исследовании. Меры ассоциации применялись к анализу как внутри-, так и межпоколенных изменений, а меры диссоциации были разбиты таким образом, чтобы показывать отдельно повышение статуса и его понижение. Были составлены тесты проверки уровня значимости, которые играли принципиальную роль для возможности объективного использования показателей ассоциации и диссоциации. Ведь, например, сначала необходимо убедиться, что данный показатель ассоциации значимо отличается от единицы, и только потом его можно использовать для выявления степени инерционности статуса — большей или меньшей той, что можно было бы ожидать в ситуации одинаковой вероятности. Даже если оба показателя значимо отличаются от единицы, необходимо убедиться, что они значимо отличаются и друг от друга, — и лишь потом говорить, что один из них свидетельствует о более тесной или более слабой степени ассоциации, чем другой. И даже в этом случае имеющиеся данные не позволяют нам утверждать — в пределах данного доверительного интервала — что один показа-

¹ Мы предлагаем использовать термин "мобильность" для обозначения целиком внутр поколенных перемещений, а для обозначения связи между статусом отца и статусом сына — термин "ассоциированность" [association]. Однако использование этого общего понятия не означает, что "совершенная мобильность" относится только к "мобильности" (определяемой таким образом) или только к "ассоциированности".

² Rogoff N. *Recent Trends in Urban Occupational Mobility* // Hatt P.K., Reiss A.J. *Reader in Urban Sociology*. Glencoe, Illinois, 1951. Это не особенно важно, но, возможно, стоит отметить, что в данной работе этот метод разрабатывался независимо от Работы Рогоффа.

тель, значимо отличающийся от другого, отличается от него именно в я раз. Самое большее, что мы можем сказать, — это что их соотношение позволяет приблизительно оценить его относительную величину¹.

Второй момент состоит в том, что посылка о "совершенной мобильности", или о существовании равных возможностей перемещения для индивидов, независимо от их социального происхождения, не означает существования какой-либо системы ценностей, каких-либо притязаний на социальную справедливость или вообще какую бы то ни было основу. В самом деле, едва ли "совершенная" мобильность когда-либо будет иметь место в нашем обществе или каком-то другом: ведь, вероятно, родительское происхождение всегда будет давать определенные преимущества (пусть даже только в смысле поощрения или стимула). Это позволяет утверждать, что показатель, значимо отличающийся от единицы, означает только лишь то, что он имеет определенное статистическое значение². Единственным предназначением понятия "совершенной" мобильности является обеспечить общий стандарт, который позволит увидеть *относительные* шансы изменения статуса для различных поколений и для индивидов различного статусного происхождения. Следовательно, важно именно *различие* между показателями по этим поколениям или группам мужчин.

В-третьих, говоря, что показатели ассоциации и диссоциации основываются на изменениях в общей доле профессий разной степени престижности, следует отметить, что это означает также учет влияния демографических факторов. В случае разных уровней рождаемости фиксированное распределение возможностей [в сфере профессий] для всего взрослого мужского населения в течение двух поколений может оказаться эквивалентным увеличению числа возможностей для части этого населения. Это можно показать на еще одном умозрительном примере. Допустим, есть некая неизменная группа населения, статусные возможности распределены таким образом, что в каждом поколении имеется 300 рабочих мест в категории 1 и 700 рабочих мест — в категории 2. Если предполагается, что эти категории репрезентируют группы работников умственного труда и физического труда, то получаемое распределение близко к реальной ситуации в Англии и Уэльсе. На основе ситуации в родительском поколении допустим также, что место каждого отца в категории 1 было занято 0,84 взрослыми сыновьями, каждого отца в категории 2 — 1,069 взрослыми сыновьями, при этом коэффициент замены

¹ Постольку, поскольку лучшее значение соотношения — это соотношение лучших значений этих двух показателей.

² То есть разница между реальными и ожидаемыми частотами больше той, что объясняется колебаниями выборки.

работников физического труда работниками умственного труда составляет 1,27. И опять, данный гипотетический коэффициент не так далек от истины (если оставить в стороне вопросы брака), поскольку результаты семейной переписи населения показали аналогичное значение (примерно 1,4) среднего числа рождений в семье, в которой уже не ожидается рождения других детей¹, и это значение будет чуть меньшим, если учесть дифференциацию смертности [в различных группах]. Если исходить из этих посылок в отношении дифференцированного замещения, то 300 отцов в категории 1 будут замещены 252 взрослыми сыновьями, а 700 отцов в категории 2 — 748 взрослыми сыновьями (т.е. в целом в поколении сыновей будет 1000 мужчин). Если мы посмотрим теперь на поколение сыновей и рассчитаем их статусное распределение на основе понятия "совершенной" мобильности, мы получим ситуацию, описанную на схеме В.

Схема В

Статус отцов	Количество сыновей в каждой статусной категории					
	Категория 1		Категория 2		Всего	
Категория 1	/	76	<i>K</i>	176	*,	252
Категория 2	<i>L</i>	224	<i>U</i>	524	*2	748
Всего	<i>c</i> ₁	300	<i>c</i> ₂	700	<i>d</i>	1000

Зная c_1 и c_2 , а также b_1 и b_2 , мы можем заполнить ячейки схемы. Согласно концепции "совершенной" мобильности, L (рассчитываемое по формуле: $(b_2 \times c_1) / d$) равно приблизительно 224; остальные ячейки заполняются аналогичным образом. Однако в категории 1 имеется 300 рабочих мест, а взрослых сыновей отцов этой категории всего 252, следовательно, 48 мужчин в ячейке L (из числа 224 сыновей, попавших в категорию 1 несмотря на то, что их отцы принадлежали к категории 2) должны были попасть в нее в результате дифференцированного замещения — даже при условии, что каждый сын отца категории 1 сохранил родительский статус. В результате, если общее распределение статусных возможностей на уровне поколений не зависит от дифференциации рождаемости [различной в различных группах], то чем больше эта дифференциация, тем больше вероятность того, что в поколении детей сыновья работников физического труда займут места работников умственного труда. Тем не менее, если судить просто по приведенной схеме и не учитывать данное пояснение — и, значит, анализировать статусные изменения только на примере поколения детей, — можно заключить, что произошло увеличение удельного веса высокостатусных рабочих мест, в то время как на самом деле имеют место различия на уровне "чистого" замещения позиций отцов двух рассматриваемых категорий.

¹ Royal Commission on Population: Report. L., 1949. P. 29.

Наконец, следует подчеркнуть, что различия между показателями ассоциации и диссоциации (когда эти показатели статистически значимы) не являются очевидными. Они не объясняют причину существования дифференциации. И несомненно, объяснение может быть очень непростым и включать различия на уровне "врожденной" сообразительности, культурного происхождения, поощрения со стороны родителей и собственные устремления, а также и сугубо экономические обстоятельства. Эти факторы требуют самостоятельного исследования, и именно поэтому многие главы данного сборника посвящены сути и причинам различий между представителями различных статусных категорий.

Итоги и заключение

Рассуждения по поводу социальной мобильности в данной главе носили достаточно формальный характер и вследствие частого употребления таких терминов, как "статусная категория" и "показатель ассоциации", неизбежно оказались несколько занудливыми. Значит, тем более необходимо теперь максимально кратко обрисовать результаты данного этапа исследований и обратить внимание на некоторые сомнительные моменты и недостатки, о которых следует помнить при интерпретации этих результатов.

Основная задача исследования состояла в том, чтобы объективно оценить относительные шансы индивидов различного социального происхождения достичь различных уровней профессионального престижа в течение жизни своего поколения. Для этого было необходимо использовать концепцию "совершенной мобильности" — она служила неким стандартом. Едва ли этот стандарт может реализоваться в современном западном обществе. Однако возможность его реализации для нас не важна, поскольку он использовался исключительно для того, чтобы обеспечить общую основу для сравнения и позволить нам говорить о том, что одно выявленное значение уровня саморекрутирования больше или меньше другого.

Применение этого стандарта в исследовании позволило почти во всех случаях выявить ассоциацию между статусом отца и статусом сына (причем значительно более сильную, чем этого можно было ожидать на основе "совершенной мобильности"), а также существенные различия между стратами, к которым были отнесены субъекты, в степени этой ассоциации. Насколько можно судить по нашим данным, именно выявление этих различий и является наиболее значимым результатом. В наши задачи не входило их объяснение, это будет сделано в других главах. Вторым важным результатом — отрицательный: сделан вывод о том, что — согласно нашим данным — между поколениями нет существенных различий в степени общей интенсивности статусной ассоциации между отцами и сыновьями. В силу различий в продолжительности жизни поколений и, следовательно, во времени, которым

располагали сыновья, чтобы достичь статуса своего отца или превзойти его, это не окончательный результат. Сами показатели не говорят о значимых различиях, однако мы должны предположить процесс дальнейших изменений для более молодых поколений. Если мужчин, родившихся в 1920—1929 гг., вновь исследовать через 20—30 лет, едва ли окажется, что для их поколения степень ассоциации окажется существенно иной, чем аналогичный показатель для предыдущих поколений. Однако статистически значимое различие не обязательно является *основным* различием. И пока имеют место весьма серьезные изменения в уровне дальнейшей карьеры этих людей — изменения, которые доступная нам статистика не предсказывает и предсказать не в состоянии, — едва ли можно прогнозировать *существенное* ослабление этой ассоциации. Если подобное серьезное изменение и произойдет с течением времени, более вероятно, что оно будет иметь место в первом поколении, которое получит все преимущества, обеспеченные Актом об образовании 1944 г. Однако мы не узнаем, действительно ли это произойдет, пока в какой-то подходящий момент в будущем не проведем следующего исследования такого рода.

В ходе рассуждений в данной главе уже назывались несколько ограничений и недостатков настоящего исследования. Тем не менее можно добавить еще два момента. Во-первых, даже с учетом всех ограничений семиступенчатая статусная классификация слишком груба. В частности, результаты других исследований, включенных в данный сборник, показывают, что между работниками физического труда и работниками умственного труда, включенными в категорию 5 (которая в нашей работе объединяет рутинный умственный и квалифицированный физический труд), есть важные различия на уровне установок и поведения. Если бы впоследствии обнаружилась необходимость видоизмененной классификации, было бы лучше начать просто с разведения сфер физического и умственного труда.

Второй момент состоит в том, что актуальность и ценность начального исследования такого рода, сколь бы важным оно ни являлось для разработки первого этапа, неизбежно оказываются ограниченными, ибо это все же *первое* исследование, и его результаты нельзя сравнить с аналогичными результатами за другие периоды времени или для других стран¹. Однако необходимо было положить начало таким исследованиям и утвердиться в надежде, что будущие авторы повторят, улучшат и продвинут вперед первоначальные исследования и что постепенно будет накоплено систематичное знание о процессе социального отбора в различных обществах.

¹ В Великобритании возможно реконструировать некоторые исторические факты, ⁱⁱ мы надеемся вернуться к этому в одном из последующих исследований <...>

Э. Трист и др.

Организационный выбор

Способности групп, работающих в угольном забое при меняющихся технологиях. Потеря, новое обретение и трансформация традиции труда

Глава I. Социотехнический подход

Развитие концепции

Представленные здесь исследования Тавистокского института человеческих отношений [Tavistock Institute of Human Relations] проведены на нескольких угольных шахтах Северо-Западного Дарема¹ и нацелены на анализ взаимодействия технологических и социальных факторов в системах промышленного производства — в данном случае речь идет о методах угледобычи на разных уровнях механизации. Принятый подход, согласно которому каждая единица производства рассматривается как *социотехническая система*, возник в ходе первого исследования угольной промышленности, проведенного Институтом². Дальнейшая работа³ продемонстрировала полезность этого понятия, и впоследствии оно разрабатывалось в двух параллельных проектах Тавистокского института: исследовании индийской текстильной промышленности⁴ и представленном здесь исследовании. Уилсон отмечал⁵, что в разных странах независимо друг от друга велась похожая работа и были получены похожие результаты⁶.

Источник: Organizational Choice: Capabilities of Groups at the Coal Face under Changing Technologies. The Loss, Re-Discovery and Transformation of a Work Tradition / Trist E.L, Higgin G.W., Murray H., Pollock A.B. L.: Tavistock Publications, 1963. Пер. с англ. М.С. Добряковой.

¹ Графство Дарем, Великобритания. — Пер.

² Trist E.L., Vamport K. W. *Some Social and Psychological Consequences of the Longwall Method of Coal Getting: Hum. Relat. Vol. 4. 1951.*

³ Wilson A.T.M., Trist E.L. *The Bolsover System of Continuous Mining: A Report to the Chairman, East Midlands Division, N.C.B. 1951 (T.I.H.R. Rep. 290); Trist E.L. Some Observations on the Machine Face as a Socio-Technical System, A Report to the Area General Manager, East Midlands Division. 1953 (T.I.H.R. Rep. 341).*

⁴ Rice A.K. *Productivity and Social Organization: The Ahmedabad Experiment. L.: Tavistock Publications, 1958.*

⁵ Wilson A.T.M. *Some Contrasting Socio-Technical Production Systems// The Manager. 1955. December.*

⁶ Walker C.R., Guest R.H. *The Man on the Assembly Line. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1952; Westerlund G. Group Leadership. Stockholm: Nordisk Rotogravyr, 1952; Touraine A. L'evolution du travail ouvrier aux usines Renault. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1955.*

Трист и Бамфорт следующим образом формулируют исходные положения, на которых построено данное исследование: "...метод работы в длинном забое [longwall method] будет рассматриваться как технологическая система, отражающая наиболее распространенные представления о технической организации массового производства [mass-production engineering], и как социальная структура, состоящая из профессиональных ролей, уже институционализированных в ней. Эти взаимодействующие технологические и социологические модели оказывают психологическое воздействие на жизненное пространство забойщика: он должен либо найти себе определенную роль и выполнять определенное задание в системе этих образцов, либо расстаться с мыслью о работе в забое. Его собственное влияние на поле детерминант зависит от характера и качества установок и отношений, которые он формирует, выполняя одно из таких заданий и осуществляя одну из таких ролей. Эти силы и их влияние вместе образуют психосоциальное целое, которое и является предметом исследования"¹.

В работе "Производительность труда и социальная организация" Райе продолжает на более общем уровне: "Представление о системе производства как социотехнической системе обозначает общую область исследования, изучающую взаимосвязи в сфере технической и социопсихологической организации систем промышленного производства... Понятие социотехнической системы возникло в результате размышлений о том, что всякая система производства требует как технологической организации (оборудования и течения процесса), так и организации трудовых отношений каждого со всеми, кто участвует в выполнении заданий. Технологические требования накладывают ограничения на тип возможной организации труда, однако последняя обладает также собственными социальными и психологическими свойствами, независимыми от технологии... Кроме того, социотехническая система должна удовлетворять финансовым условиям отрасли промышленности, частью которой она является. Она должна быть экономически надежной. В самом деле, она имеет социальное, технологическое и экономическое измерения, каждое из которых зависит от другого, но при этом имеет и собственные независимые ценности"².

Конечно, ключевыми измерениями являются социопсихологическое (люди) и технологическое (вещи) измерения. Экономическое измерение показывает эффективность использования человеческих и технологических Ресурсов для выполнения основного задания³. Значимость территориальных особенностей обсуждалась в работе Миллера⁴. Позднее Эмери и Трист пока-

¹ *Trist E.L., Bamforth K. W. Op. cit.*

² *Rice A. K. Op. cit.*

³ *Williams R.H. The Theory of Action in Operations Research and in Social Sciences. Operations Research Office, T-13. Johns Hopkins University, 1950.*

⁴ *Miller E.J. Technology, Territory and Time: The Internal Differentiation of Complex Production Systems. Hum. Relat. 1959. Vol. 12.*

зали, что понятие социотехнической системы следует разрабатывать в терминах теории открытой системы, а не закрытой, и особенно это касается изучения связи между предприятием и средой, в которой оно работает, а также объяснения условий, при которых возможно достижение стабильного состояния:

«Анализ предприятий как "открытых социотехнических систем" позволяет нарисовать более реалистическую картину того, как среда влияет на предприятия, а предприятия, в свою очередь, влияют на среду. В частности, можно увидеть, как структурные и функциональные свойства предприятий ("системные константы") позволяют им управляться с "дефицитами" и "излишками" среды вокруг них. В отличие от механических и прочих неодушевленных систем они обладают качеством "эквивинальности": могут достигать стабильного состояния из разных исходных условий и различными способами. Таким образом, при преодолении трудностей посредством внутренних изменений предприятия не ограничиваются просто количественными изменениями или увеличением степени единообразия, но могут — и, как правило, так и поступают — выстраивать новые структуры и брать на себя новые функции. Кумулятивный эффект преодоления трудностей преимущественно посредством *внутреннего* развития и дифференциации, как правило, делает систему независимой от все увеличивающегося числа предсказуемых колебаний поставок материалов и выпуска продукции. В то же время этот процесс захватывает и выстраивает определенным образом все больше капитала, навыков, энергии и в результате сужает возможности предприятия справляться с вновь появляющимися непредвиденными изменениями, ставящими под угрозу выполнение его основных задач».

Социотехнический подход предполагает, что достижение оптимальных условий по одному измерению не обязательно ведет к достижению оптимальных условий для системы в целом. Если структуры разных измерений не согласованы, может произойти *вмешательство* одной структуры в другую, что приведет к нарушению равновесия, когда достижение конечной цели окажется под вопросом или — если брать крайний случай — станет и вовсе невозможным¹. *Оптимизация* целого зачастую требует не вполне оптимального состояния каждого отдельно взятого измерения.

Акцент на социопсихологической системе

Данный подход не означает, что при любых обстоятельствах требуется подробно исследовать все три измерения. Однако в нем подчеркивается необходимость при изучении какого-то одного аспекта производственной сис-

¹ Диссонанс между свойствами системы может быть уподоблен когнитивному диссонансу, описанному Фестингером (*Festinger L. A Theory of Cognitive Dissonance. Evanston, Ill.: Row, Peterson & Co., 1957*), однако проведение такого рода сопоставлений выходит за рамки данной книги.

темы учитывать особенности и степень взаимозависимости всех ее измерений. В описываемом здесь исследовании угольной промышленности акцент делался на изучении *социопсихологической* системы. Ведь именно люди, составляющие эту систему, успешно или неуспешно реализуют техническое и экономическое изменения. Для эффективного осуществления изменений необходимо понимать, как функционирует социопсихологическая система на явном и латентном уровнях¹.

Социопсихологическую систему можно исследовать на различных уровнях организации (причем это касается не только угольной, но и других отраслей промышленности): на уровне рабочей бригады, пласта, шахты, бассейна, региона или Национального управления угольной промышленности [Великобритании] — иными словами, на уровне предприятия как единого целого следует принимать во внимание все его широкое экономическое, политическое и социокультурное окружение. Тем не менее единицей исследования в данной работе является *первичная рабочая группа*. Это самая малая по численности группа, члены которой выполняют весь спектр операций в угольном забое, составляющих один законченный цикл. Границы данной социальной единицы определяются технологически — т.е. с точки зрения выполняемого ею рабочего цикла². Точно так же, как техническая система угольного забоя является частью более крупной системы (угольного пласта) и должна быть интегрирована в нее для обеспечения эффективности работы, первичная рабочая группа — цикловая группа [cycle group] — является частью более крупной социальной системы. Таким образом, исследование затрагивает не только уровень бригад, которые образуют группу, выполняющую полный цикл работ, но и уровень других индивидов и групп данного пласта, с которыми эти бригады вступают в непосредственные отношения и которые составляют окружающее их "пластовое общество" [seam society]³.

На уровне цикловой группы вариации технологического, экономического и социопсихологического измерений возможны только в той степени, в какой эта группа способна оказывать модифицирующее влияние на систему в целом. В технологической плоскости возможны только самые незначительные модификации, поскольку решения, касающиеся угледобычи, ред-

¹ Merton R.K. *Social Theory and Social Structure*. Glencoe, Ill.: Free Press; 1949. (Rev. ed., 1957); Jaques E. *The Changing Culture of a Factory*. L.: Tavistock Publications, 1951; Blau P. *The Dynamics of Bureaucratic Structure: A Study of Interpersonal Relations in Two Government Agencies*. Chicago: University of Chicago Press, 1955.

² См. у Бергаланфи о необходимости описания, наряду с системными константами, промежуточных ограничивающих условий (в данном случае — технологии), что позволит показать, как открытая система приходит к стабильному состоянию (*fiertalanffy L. v^on. The Theory of Open Systems in Physics and Biology// Science. 1950. Vol. 3, 23*).

³ О важности рассмотрения систем, сверху и снизу примыкающих к той, что интересует нас в первую очередь (ср.: *Levin K. Field Theory in Social Science*. N. Y.; L. I. Harper: Tavistock Publications, 1951).

ко принимаются ниже уровня шахты и часто предполагают участие высшего менеджмента. В экономической плоскости возможностей для изменений чуть больше, хотя и здесь они достаточно ограничены: например, на локальном уровне можно начать переговоры по поводу принципов или размеров оплаты труда. При этом должна вестись жесткая бухгалтерия в рамках уже существующих соглашений (это могут быть "цены", принятые в пласте, или соглашения на уровне угольного бассейна); при этом на раннем этапе любое предложение следует рассматривать также с позиций соглашений на уровне графства и государства. Больше всего возможностей для формальных и неформальных изменений на уровне цикловой группы дает социопсихологическая система — здесь можно изменить, например, модель организации рабочей группы.

В наши задачи не входило специальное исследование таких аспектов экономической системы, как капитал, ее действие, поддержание, исследование издержек, связанных с выплатой зарплаты, анализ уровня зарплаты и сдельных расценок. Тем не менее характер системы заработной платы оказывает значительное воздействие на структуру и функционирование социопсихологической системы, и в этом контексте его следует принимать во внимание. Нашей основной задачей являлось исследовать тот аспект социотехнологического целого, в рамках которого первичная рабочая группа обладает относительно широкими возможностями формирования различных способов организации труда в рамках навязываемых ей технологических и экономических границ, — т.е. социопсихологический аспект. Для описания социопсихологического измерения потребовалось сформулировать ряд понятий, которые затем можно адаптировать также и для описания технологического измерения.

Возможности проведения исследования

В течение ряда лет Институтом велись пилотные исследования различных методов угледобычи в нескольких угольных бассейнах. Поскольку проведение таких исследований требует появления соответствующих возможностей-оказий, а также поскольку условия пласта и принятые в нем обычаи, практики и установки в каждом случае имели свои локальные особенности, выполнить систематичное детальное сопоставление методов угледобычи было практически неосуществимой задачей. Для дальнейшей работы требовалось, чтобы все вышеназванное было открыто для исследователя одновременно, а также чтобы шахты, использующие эти методы, находились в одной части угольного бассейна, что позволило бы минимизировать различия на уровне истории и традиций. Особенно благоприятными для проведения такого исследования были условия в старой части Даремского угольного бассейна. На угольных предприятиях здесь можно было встретить самые разные системы угледобычи (зачастую они сосуществовали в рамках одной и той же шахты, все они активно функционируют и поныне): от традиционного немехани-

2. Английская эмпирическая социология

зированной труда и частично механизированных старинных методов до только появившихся высокомеханизированных систем. Так как все рассматриваемые угольные забои находились в одном низком пласте, геологическая структура которого отличалась однородностью, оказалось возможным провести сравнительное исследование систем различных уровней механизации в условиях, значительно более близких между собой, чем удавалось найти прежде.

Среди наиболее распространенных традиционных даремских технологий можно выделить две диаметрально противоположные формы организации труда: одна берет начало в более ранних традициях данного бассейна, другая — отражает форму организации труда, более распространенную в перерабатывающих отраслях. Таким образом, оказалось возможным сравнить, как в рамках одной технологии работают альтернативные формы организации труда. Гипотезы, полученные в ходе более ранних исследований Института, сделали проведение подобного "эксперимента с оказиями" основным предметом научного интереса.

Нынешнее сосуществование исторически обусловленных различных методов угледобычи, растущее значение низких пластов (ибо ресурсы более высоких уже исчерпаны), а также распространение в них более механизированных методов добычи предоставили еще одну необычную возможность наблюдения социопсихологических аспектов технологических изменений.

Данная книга охватывает период с января 1955 г. по март 1958 г. и описывает общие результаты исследования, а также ряд полевых экспериментов и исследований отдельных случаев <...> За изложением исследовательской программы и методов следует разъяснение понятий, сформулированных для анализа систем труда. Затем в этих терминах рассматриваются основные методы угледобычи, от более простых до более сложных и механизированных. В полевых экспериментах и исследованиях отдельных случаев проводилось сравнение операциональной эффективности различных форм организации труда для принятого в рассматриваемых единицах уровня механизации. Описывается социальное развитие композитных рабочих групп в благоприятных и неблагоприятных условиях. Наконец, мы обращаемся к проблеме изменений организации труда, которые могут быть связаны с технологическими изменениями или происходить независимо от них.

Глава II. Программа и методы

Одной из основных проблем, стоящих перед исследователями угольной промышленности, является проблема терминологии. Каждый угольный бассейн пользуется своим словарем для описания систем, оборудования и процессов угледобычи, и в более старых угольных бассейнах — например, в Северо-Западном Дареме — на многих шахтах используется ряд выражений, которые не встречаются больше нигде. Несмотря на то, что Нацио-

нальное управление угольной промышленности пыталось рационализировать используемую в отрасли терминологию, в данном описании мы придерживаемся словоупотреблений, принятых в Северо-Западном Дареме. Мы старались минимизировать использование специфических угольных терминов. Тем не менее в Приложении I содержится подготовленный нами глоссарий по данной терминологии. Мы заинтересованы в том, чтобы выработать набор понятий, которые связывали бы между собой технологическую и социопсихологическую системы. Поскольку мы будем описывать главным образом методы работы в длинном забое, примеры, иллюстрирующие сформулированные понятия, также будут относиться к организации труда в длинном забое.

Социотехнические системы в угледобывающей промышленности

Интересующие нас методы угледобычи имеют одну общую характеристику: все они являются *циклическими* системами, в рамках которых требуется выполнить некую последовательность операций для получения каждой "порции" угля. Их следует отличать от появившихся позднее *непрерывных* методов, в рамках которых операции выполняются не последовательно, а параллельно, так что шахта выдает относительно стабильный поток угля во все смены. В циклических системах можно выделить три фазы производственного цикла:

а) *подготовка*, в ходе которой производятся операции, направленные на то, чтобы сделать уголь более досягаемым и удобным для добычи;

б) *добыча*, в ходе которой осуществляется погрузка угля и откатка его из забоя;

в) *проходка*, в ходе которой передвигаются дальше вглубь лавы опорные стойки крыши, откаточные штреки и конвейерное оборудование.

В зависимости от типа технологии эти фазы включают разное количество операций разной продолжительности и лишь в незначительной степени накладываются друг на друга во времени.

Характер социотехнических систем связан с уровнем механизации. Как и в других отраслях, механизация в угольной промышленности началась с введения механических инструментов, которые помогали горнякам внедрять, обслуживать и контролировать более сложные машины. Системы различаются не только по уровню механизации (т.е. доле усилия, выполняемой механизмами), но и по равномерности и масштабу механизации составляющих их компонентов.

В самой простой форме традиционной угледобычи каждое рабочее место охватывает небольшую самостоятельную часть угольного забоя и занимается одним шахтером в один промежуток времени (хотя в целом это могут быть два или три человека, работающих в разные смены). Уголь добывается вручную и отгружается из забоя в вагонетках. При разработке пласта встречаются разные модели работы в забое. Эти модели — камерно-столбовая разработка, пошаговая разработка длинного забоя — похожи между собой,

если не считать конкретной последовательности операций, и с точки зрения организации труда могут рассматриваться как один тип: *обособленное рабочее место*.

Появление *угольных конвейеров* привело к внедрению *конвейерной работы в длинном забое*. В этих прямых забоях, в данной части Дарема достигающих 80—120 ярдов, первоначально уголь добывался так же, как и на обособленном рабочем месте, т.е. руками, а затем накладывался (экскаватором) на угольный конвейер, двигавшийся вдоль всего, теперь непрерывного, угольного забоя и сгружавший уголь в вагонетки на выходе. Внедрение пневматических отбойных молотков, как в случае обособленного рабочего места, так и для тесания длинного очистного забоя, стало следующим этапом механизации. Еще один, более механизированный вариант технологии работы в длинном забое связан с использованием электрических врубовых машин и проведением взрывных работ для подготовки угля к ручной навалке. Если говорить об этих двух вариантах частично механизированной конвейерной угледобычи в длинном забое, то в Дареме и во всей Великобритании более распространена технология использования врубовых машин, в то время как тесание забоя применяется только в Дареме и еще одной-двух областях. Преобладание врубовых технологий объясняется тем, что почти весь уголь достаточно тверд, а пласты при этом относительно ровные. На европейском континенте более распространены технологии тесания, поскольку уголь здесь относительно мягок, а его месторождения расположены очень неровно. В Соединенных Штатах все еще разрабатываются толстые пласты, расположенные близко к поверхности, что привело к механизации каменно-столбовой разработки в мелких шахтах и штреках.

Традиционная организация труда в *длинном забое* развивалась по принципу "один человек — одна работа", однако позднее на некоторых шахтах, использующих технологии тесания и врубки, появилась альтернативная форма организации труда, основанная на традиции обособленного рабочего места. Она известна как *композитная работа в длинном забое*, и здесь уже не предполагается жесткого разделения труда, как в случае с традиционной его организацией.

Механизация традиционных длинных забоев началась в более высоких пластах с фазы подготовки и, в меньшей степени, внедрялась на этапе добычи угля. Относительно простые методы механизированной навалки подготовленного угля получают сегодня распространение и в более низких пластах; внедряются также более продвинутые методы, сочетающие фазу подготовки и фазу добычи. В настоящее время механизуются методы использования проходческих угольных конвейеров, крышевых опор и откатных путей.

Поисковая фаза

Первоначально предполагалось, что цель исследования — как она виделась на основе общей информации о методах работы в шахтах, предложенных для изучения, — состояла в том, чтобы сравнить, как в одном пласте

одновременно используются более ранние, традиционные методы выемки угля из лавы (с помощью врубовой технологии либо технологии тесания) и появившиеся позднее методы с элементами механизации. Руководство региона и бассейна чувствовало, что результаты растущей механизации оставляли желать лучшего, и пытались понять, насколько причины этого кроются в социопсихологической сфере.

Одна из основных исходных гипотез состояла в том, что один пласт угля достаточно однороден на разных шахтах, эффективность разных методов угледобычи можно сравнивать напрямую. Однако было выявлено, что, несмотря на кажущуюся однородность, геологические условия в выбранном пласте Мэнли¹ были не совсем идентичными. Те или иные вариации присутствовали в каждой шахте, и хотя сами по себе они были незначительными, этого было недостаточно, чтобы предопределить выбор метода угледобычи. Системы работы, вместе образывавшие процесс угледобычи в рамках пласта, также различались от забоя к забою. В какой-то степени это было обусловлено технологически — как, например, в случае выбора средств откатки; но были также и более общие различия — такие, как фаза разработки, масштаб операций, степень гомо- или гетерогенности методов выработки лавы. Хотя такие факторы усложняли проведение прямых сравнений между участками лавы, их прояснение на ранних этапах существенно увеличило степень реальности исследовательских планов. Еще более очевидным стал тот факт, что группу, выполняющую полный цикл работ в каждой лаве, следует изучать в ее связи с организацией всего пласта, поскольку с точки зрения угледобычи то, как добывался уголь на уровне целого пласта, существенно влияло на психологический климат и на технологические условия в отдельных лавках.

В течение поисковой фазы мы посещали и другие участки выбранных шахт с целью сравнения и общего ознакомления с условиями за пределами нашего пласта. В результате стало ясно следующее: неважно, в каком именно пласте находится забой; важно, чтобы это были те же условия низкого пласта, что преобладают в данном бассейне, т.е. условия, типичные для первоначально выбранного пласта. Это объясняется тем, что в условиях длинного забоя высота пласта определяет длину лавы, а та, в свою очередь, — размер работающей группы. В более высоких пластах, которые мы посещали в ходе предыдущих исследований, лавы были значительно длиннее, а группы — крупнее, чем те, что мы обнаружили здесь. В силу этого система длинных забоев в условиях высоких пластов представляется, с точки зрения групповых отношений, иным миром по сравнению с тем, с которым мы имеем дело в нашем нынешнем, более сложном исследовании <...>

Общая цель исследования была переформулирована следующим образом: сравнение с социопсихологической точки зрения некоторых моментов угледобычи в условиях низких пластов. Несмотря на то, что в нем сохрани-

¹ В тексте приводятся вымышленные названия пластов.

лись определенные вариации геологического характера, а также вариации на уровне организационного опыта угледобычи, которые могли помешать первоначально намеченному проведению простых сравнений, выбранный пласт наилучшим образом позволял видеть, что происходит с организацией труда и с групповыми отношениями в условиях низкого пласта. Выработка адекватных методов сравнения стала проблемой, решавшейся уже в ходе исследования. Полученные в результате методы описываются в главе XII.

Проект

В ходе исследования в первоначальную программу посещения шахт, с целью ее совершенствования, вносились определенные изменения. Исследование проводилось на трех шахтах, на каждой из которых использовались методы обособленного рабочего места, обтесывания и вырубki длинного забоя, а также более механизированные методы обработки забоя. В одной из шахт можно было наблюдать одновременно традиционные и сложные формы организации труда в длинном забое.

Общий проект предполагал проведение интенсивного кейс-стади качественными и количественными методами в течение достаточно продолжительного времени, исследование структуры и функционирования социальной системы, сопровождавшей использование, по крайней мере, одного из основных методов угледобычи. Предполагалось проведение менее интенсивных исследований других проявлений каждой из систем, однако никакой попытки проведения "выборочного исследования" не предпринималось — ибо таким образом невозможно выявить, как та или иная система работает или изменяется с течением времени. Наша работа, последовавшая за поисковой фазой, была направлена на прояснение набора понятий, при помощи которых можно сравнивать различные системы, а также выявить те их аспекты, которые заслуживают дальнейшего изучения.

Как нам это виделось, исследование распалось на четыре основных направления:

а) историческое исследование типов групп, работавших на немеханизированной угледобыче до появления системы длинных забоев, т.е. исследование методов обособленного рабочего места: схемы камерно-столбовой разработки;

б) сравнение традиционных и сложных методов организации труда в забое:

методов обтесывания лавы,

методов врубки лавы;

в) проблемы, связанные с переходом лав от традиционной организации труда к сложным методам:

от камерно-столбовой разработки к методу сложного обтесывания длинного забоя,

от сложной организации врубки короткого забоя к сложной организации врубки длинного забоя,

от традиционной к композитной организации врубки длинного забоя;
г) влияние дальнейшей механизации на организацию врубки в длинном очистном забое:

монофункциональные машины: например, врубонавалочная машина, скребковый погрузчик,

полифункциональные машины: многобарная врубовая машина, скребно-шелушильная машина, анкерный скребковый конвейер.

Методы

Полевое исследование проводилось методами наблюдения за работой в угольном забое во все смены и интервью с основными информантами всех уровней — от рабочих до менеджеров. Продолжительность наших подземных визитов составляла от четырех до семи часов. Прежде всего, необходимо было понять технологию, а также обычаи и традиции. Во время первых посещений той или иной лавы нас знакомили с ее высшим руководством и представителями профсоюза. Всякий раз во время последующих посещений там, где это было возможно, нас сопровождал новый гид, иногда — представитель профсоюза, иногда — руководства. На завершающей стадии, когда исследовательская команда изучила географию [шахт], освоилась с правилами безопасности и обычаями, принятыми в разных шахтах, ее члены получили стандартное письменное разрешение менеджера шахты перемещаться без сопровождения.

Хотя горняки представляли себе общий характер исследования, начальный период оказался фазой испытаний для исследовательской команды. Нас подробно расспрашивали о причинах проведения исследования, о том, кто его санкционировал, каков источник финансовой поддержки. Когда работавшие в забое бригады осознали, что исследование проводится не по поручению руководства или профсоюза, а является независимым научным проектом, результаты которого будут представлены в первую очередь тем, для кого они действительно важны, стало возможным обсуждать скорее частные, чем официозные установки и мнения по поводу систем труда¹. Нам не удалось бы написать адекватный отчет об исследовании, если бы во время первых посещений мы непосредственно в шахте записывали рассказы рабочих, отражающие их представления об "официозном" исследовании. Так что мы практиковали запись на пленку своих впечатлений сразу после посещения шахты.

Один член исследовательского коллектива отвечал за поддержание отношений с бригадой каждой лавы, при этом достоверность его наблюдений подкреплялась наблюдениями других исследователей, спускавшихся в шах-

¹ Katz D., Schanck R.C. *Social Psychology*. L.: Chapman and Hall, 1938.

ту независимо от него. Надежность полевых наблюдений оценивалась путем прогнозирования событий на одном участке лавы на основе информации о делах на другом ее участке и последующей проверки прогнозов. Вследствие ограниченной видимости и мобильности в условиях низкого пласта это был единственный возможный путь получить достоверную картину функционирования системы. По мере того как наблюдения становились более вдумчивыми, а понимание работы системы — более основательным, предварительные описания и выводы неформально обсуждались с работниками, которых они касались, что позволяло убедиться в верности выполненного описания и сделанных выводов. Данная процедура повторного проигрывания позволила исследовательскому коллективу отследить изменения в системе организации труда. Таким образом были выявлены события, которые считались слишком незначительными, чтобы упомянуть их в разговоре, но которые тем не менее имели решающее значение для понимания системы.

Хотя всех наших информантов мы интервьюировали в забое, с некоторыми мы встречались также (индивидуально или в группах) в помещении профсоюза. Им эта ситуация была внове, так что подобные методы исследования оказались непродуктивными. И мы отказались от них в пользу менее формальных контактов у шахтеров дома или в местных клубах и пивных.

Руководство обеспечило нам полный доступ к стандартной документации шахты, связанной с производством, посещаемостью, отсутствием по болезни, прогулами и т.д., а также к различным требуемым от шахты отчетам, подготовленным ее управляющими. Для некоторых аспектов исследования мы использовали специально составленные формы, которые заполнялись бригадирами и десятниками.

Хотя общая схема исследования была сформулирована достаточно рано, непредсказуемость условий в лаве, с одной стороны, и отношений между руководством и рабочими, с другой, не позволяла точно следовать намеченной программе. Исследовательскому коллективу часто приходилось ждать, пока разрешатся обстоятельства, выходящие за рамки его контроля, и быть готовым воспользоваться возможностями, появление которых не предвиделось на этапе планирования. Особенно это касалось шахт, где производились технологические изменения или менялась система организации труда.

Исследование было бы невозможно без полной готовности к сотрудничеству со стороны руководства и профсоюза. В полевой работе такого рода исследовательская команда более, чем где-либо, зависит от помощи и советов тех, с кем она работает. Все более открытое обсуждение проблем и готовность шахтеров рассказать о вещах, о которых не стали бы говорить при других обстоятельствах, были принципиально важными факторами, определившими получение первичных данных.

Глава XIX. Первая неудача¹

Характер и история проекта

В этом разделе описывается течение событий в связи с развитием двойной бригады для тесания длинного забоя, организованной на комбинированных, композитных принципах. На начальном этапе здесь были чрезвычайно неблагоприятные геологические условия, и большинство шахтеров бригады (новой группы, образованной под влиянием внешних обстоятельств) не имели опыта тесания лавы и работы в длинном забое. Эти геологические и социопсихологические факторы взаимно усиливали действие друг друга и усугубляли ситуацию <...>

<...> Данная горизонтальная выработка была отделена от прочих выработок бассейна, а двойная бригада являлась новым делом. Предполагалось, что при такой организации будет возможно производить 1000 т угля в неделю, что составит четверть от прежнего объема выработки всего бассейна и в перспективе значительно продлит ему жизнь <...>

Планировалось набрать бригаду из 51 шахтера, 6 из которых выполняли бы роль "запасных игроков", заменявших кого-либо в случае отсутствия. Помимо этого была еще группа из 6 человек на подготовительных работах.

Появление сложной организации труда в данном бассейне уже обсуждалось в главе VIII. Ее успех в пласте Мэнли привел к решению организовать работу в новой выработке аналогичным образом, модифицировав ее применительно к технологии тесания. И менеджеры, и рабочие предвидели возможность каких-то "первоначальных трудностей", но надеялись, что преимущества сложной организации труда начнут проявляться уже через несколько недель. Никто не предполагал, что болезнь роста затянется на семь месяцев, и что пройдет одиннадцать месяцев, прежде чем будет достигнут и закреплен на регулярной основе запланированный уровень выработки.

Бригада и ее организация

Одним из условий данной организации труда являлось то, что горняки должны были сами разбиться на подгруппы требуемой численности. В нашем случае ни менеджмент, ни профсоюз не обратили внимания на это условие. Бассейн находился в стадии реорганизации, и навалыщиков, а также рабочих, занятых ручным трудом на обособленном рабочем месте, становилось слишком много. Руководство и профсоюз согласились перевести этих людей в новую бригаду и объединить их с теми, кто уже был занят разработкой данной лавы. С учетом еще одного человека, приглашенного для выполнения несложных работ, получилась бригада численностью 51 человек (табл. 21).

¹ Приводятся фрагменты главы, связанные с социально-психологическими аспектами организации труда, технические детали опускаются. — *Сост.*

Таблица 21

Состав бригады

Прежняя работа	Количество человек	Могут работать проходчиками ¹
Навалка	21	4
Ручное тесание	12	7
Проходка горизонтальных выработок (а)	2	1
Проходка горизонтальных выработок (б)	5	9
Проходка горизонтальных выработок (в)	4	
Проходка горизонтальных выработок (г)	5	J
Каменные работы	1	0
Бригадир	2	0

За несколько дней до начала работы профсоюз провел собрание бригады с целью ознакомления людей с системой организации труда, распределения их по сменам и определения заданий, а также назначения подземных десятников для различных целевых подгрупп. Председатель подчеркнул преимущества преимущественности заданий и тот факт, что [в отношении оплаты труда] бригада оценивается как единое целое; "работники, — отметил он, — должны стремиться сохранить эти преимущества". Восемь человек вызвались пойти на проходку, десять — заняться каменными работами; остальные были определены на тесание. Для каждой из подгрупп был выбран десятник <...>

Затем представители профсоюза и три подземных десятника встретились с руководством для окончательного обсуждения деталей. Сначала предполагалось, что работа будет организована в три смены, однако было решено работать в две: в дневную смену (с 9 утра до 16.30) заниматься тесанием и навалкой угля, а в ночную (с 16.30 до 24.00) — проходкой и каменными работами. Такая организация позволяла более экономично использовать дневной труд и вписывалась в схему транспортировки угля на поверхность <...>

Глава XXI. Кризис и его разрешение

Менеджер настаивает на договоре [о новой системе организации труда]

В течение трех недель после профсоюзного собрания все было тихо — наступили рождественские и новогодние праздники; однако за это время⁶ еще двое горняков оставили шахту (и вообще угледобывающую промышленность) и начались неформальные перемещения <...>

¹ Все члены бригады могут работать на проходке и навалке и заниматься каменными работами.

Условия в восточной лаве несколько улучшились, и переустановка костровых крепей стала относительно простым занятием, однако здесь по-прежнему оставалось довольно много воды. В западной лаве особенных улучшений не было, и в заднем забое условия были плохими как никогда. Горняки высказывали самые разные суждения по поводу возможных результатов работы, причем проходчики были менее оптимистичны, чем тесальщики.

Менеджер вновь переговорил с десятниками: дела идут не слишком хорошо; он со своей стороны сделал все, что мог; с настоящего момента (девятой недели) он намерен платить строго в соответствии договором [о новой организации труда]. Он был разочарован тем, что его усилия не привели к желаемым результатам, и полагал, что в бригаде по-прежнему сохранялись разногласия, которые горняки отказывались признавать, — и что загвоздка именно в этом <...>

К концу этой недели и всю следующую неделю велись разговоры об уровне оплаты, которого можно ожидать, если действовать строго в соответствии с договором (высказывались предположения, что за смену оплата будет меньше на 5—10 шиллингов) <...> Высказывались также сомнения относительно того, что в данных условиях можно в точности следовать пунктам договора. Лишь немногие горняки были знакомы с деталями договора, и зашла речь о том, чтобы предоставить его копии всем. Теперь рабочие изменили свое отношение к руководству: общие установки менеджера казались им необоснованными, а его настойчивость в следовании первоначальному плану — негибкой <...>

В среду в ночную смену (десятая неделя) менеджер обходил западную лаву и счел, что условия здесь стали настолько плохими, что необходимо вывести людей и сократить выработки <...>

Сокращение выработок означало сокращение рабочей силы, и менеджер попросил горняков набрать из имевшихся на тот момент рабочих бригаду численностью в 42 человека. Он хотел, чтобы (по крайней мере, на ближайшие две недели) в ночную смену остались работать только опытные проходчики, и затем уже можно будет думать о том, чтобы перевести туда менее опытных горняков и обучать их работе. Он попросил троих рабочих зайти к нему на следующий день и надеялся, что сокращение выработок позволит избавиться от девяти самых слабых человек в бригаде.

Однако для горняков эти две вещи — отбор бригады в 42 человека или увольнение девяти человек — были в равной степени недопустимы <...> [На следующий день] они сообщили менеджеру, что ни одна его просьба для них неприемлема, и всю ситуацию следует обсудить на профсоюзном собрании.

Реакция профсоюза

<...> Председатель отметил, что горняки данной шахты всегда негативно относились к тому, что так или иначе напоминало "выживание сильнейших" или вело к тому, что одному человеку отдавали предпочтение, поскольку "кому-то больше нравился цвет его глаз или пробор". [Профсоюзом

было высказано мнение, что значительная доля ответственности за происходящее лежит на менеджере, так как многие вещи находятся в его компетенции, а не в компетенции рабочих.] <...>

На следующей (одиннадцатой) неделе профсоюзный комитет вновь встретился с менеджером, однако соглашения достигнуто не было. Тем не менее менеджер полагал, что, по крайней мере, каждая сторона высказала свою позицию, и при этом им удалось "не перегрызть друг другу глотки" <...>

В течение трех недель переговоров уровень выработки был низким. На двенадцатой неделе некоторые проходчики решили, что с них довольно беспрерывной работы в ночную смену и ни к чему не ведущих дебатов, и предложили поменяться сменами. На замечание менеджера о том, что опытных проходчиков следует оставить в ночную смену, не обратили внимания: он недостаточно платил; подобный график работы был им навязан и, значит, они не обязаны оставаться в ночную смену <...>

Во время первой недели кризиса чувство недовольства по поводу оплаты основывалось на обиде, смешанной с удивлением по поводу того, что менеджер решил строго следовать пунктам договора именно тогда, когда объем выработки был наибольшим. "Странно, — говорили они, — но самая большая выработка означает самую низкую оплату". На следующей неделе оплата была еще ниже. Когда об этом стало известно, обида переросла в беспокойство. Еще через неделю, несмотря на то, что оплата была еще ниже, атмосфера несколько разрядилась. Перемену (которую заметили и горняки, и бригадиры) приписывали тому, что переговоры, пусть и с трудом, но все же шли. Это воспринималось как знак того, что в конечном итоге ситуация все же стабилизируется.

Новое соглашение

В течение тринадцатой недели менеджер и члены профсоюзного комитета встречались с рабочими обеих смен, и было проведено еще одно собрание, на котором присутствовал представитель департамента по трудовым отношениям. Было достигнуто соглашение по следующим пунктам:

а) уровень оплаты за выработку сверх двух основных кубических ярдов за смену был увеличен до приемлемой цифры, и менеджер согласился компенсировать зарплату за 12-ю и 13-ю недели, подняв ее до прежнего уровня;

б) план работ был снижен с 4 футов 6 дюймов до 4 футов с тем, чтобы рабочие реально могли выполнить задание;

в) менеджер составил список рабочих, которых он хотел видеть в каждой смене, и было принято решение работать в соответствии с этим списком в течение двух-трех недель;

г) хотя в момент строгого следования договору менеджер высвободил лишних рабочих из забоя, теперь он согласился взять двоих обратно, поставив их в задний забой, где работа отставала, и платить им из своих средств,

^a Не из общего фонда бригады.

Результаты соглашения

[После заключения нового соглашения план работ был выполнен.] <...> В течение 16-й недели некоторые рабочие начали меняться сменами, однако это были перемещения на индивидуальном уровне, без какой-либо системы ротации смен на уровне бригады в целом. В результате в понедельник 17-й недели в дневную смену на работе появилось 25 рабочих вместо необходимых 19, а в ночную смену не досчитались 6 человек. Младший менеджер и бригадиры сочли это свидетельством того, что бригада сама не в состоянии осуществлять перемещения между сменами, и взяли эти функции на себя, назвав рабочих, которым следовало выйти в ночную смену, и объявив, что все, кто выйдут не в свою смену, будут отправлены домой. На следующей неделе в комнате для собраний повесили доску, на которой рабочие писали, в какую смену они хотели бы работать в дальнейшем. Затем бригадиры и младший менеджер перегруппировывали этих рабочих так, как считали необходимым, в целом руководствуясь при этом тем, что работающим обычно в ночную смену надо дать поработать и в дневную смену и что менее опытным рабочим дневной смены следует выйти в ночную смену и заняться закладкой заднего забоя. А рабочие дневной смены, не имевшие опыта проходки, каждую неделю направлялись в ночную смену, с тем чтобы завершить предписанный период обучения.

Подведение итогов и заключение

Предложенная исследовательская программа была нацелена на анализ взаимодействия технологических и социально-психологических факторов в системах промышленного производства, представленных множеством методов угледобычи на различных уровнях механизации в условиях низких пластов. Основных систем три: традиционная работа на обособленном рабочем месте; тесание и врубка угля в длинном забое, когда уголь вручную грузится на конвейеры; высокомеханизованная работа в длинном забое. Были исследованы две диаметрально противоположные формы организации рабочей группы в длинном забое: традиционная и композитная. Программа исследования предполагала проведение интенсивного и продолжительного кейс-стади количественными и качественными методами, в ходе которого были бы изучены структура и функционирование социальной системы, характерной для хотя бы одной разновидности каждого из методов угледобычи; при этом параллельно проводились два или более дополнительных исследования.

Модель организации труда — т.е. то, каким образом люди, выполняющие необходимые задания, связаны друг с другом, — анализировалась с точки зрения качества рабочих ролей, типов рабочих групп, преобладающей культуры труда, природы межгрупповых отношений и характера системы управления. Чтобы сравнить операциональную эффективность различных

типов систем работы в лаве, были выстроены две аналитические схемы. Первая позволяет оценить методы регулирования рабочего цикла и определить его структуру, акты вмешательства в него и противодействия ему. Вторая схема нацелена на анализ результатов регулирования [групповых отношений] и оценивает отношение реальных объемов выработки к потенциальным, определяя, что есть уровень выработки, какова ситуация с выполнением той или иной задачи и какова реакция группы.

На обособленном рабочем месте шахтер обладает всеми навыками, необходимыми для выполнения всех видов горных работ в рамках своего, самодостаточного рабочего места. Это роль многофункционального работника, который сам контролирует свою деятельность и по отношению к которому бригадир не столько начальник, сколько помощник. На одном месте работают группы численностью до шести человек, при этом горняки сами выбирают себе товарищей. Поскольку все члены группы выполняют все виды работ (в одну ли смену или в разные), то все имеют равные доли в общем фонде заработной платы. Традиционно шахтер достигает статуса забойщика, пройдя обучение в том или ином пласте, где он сначала выполняет ряд работ на откатке и лишь затем допускается в забой и получает определенные установленные права. В целом отношения между членами группы и между самими группами носят гармоничный характер. Подобная модель организации труда хорошо адаптируема к технологическим условиям работы на обособленном рабочем месте и общим рискам работы под землей.

Традиционные системы работы в длинном забое кардинально отличаются от работы на обособленном рабочем месте, причем в большей степени это касается технологий врубки лавы, нежели тесания. В отличие от ситуации, когда одна роль предполагает выполнение всех операций, здесь есть формальное разделение труда: несколько групп разного размера выполняют специализированные задания. Более крупные рабочие группы являются группами идентичных ролей: предполагается, что все члены такой группы выполняют одинаковый объем одинаковых работ; когда различия в возможностях и желании товарищей работать становятся заметными, отношения в таких группах зачастую оказываются непростыми. Более маленькие рабочие группы — это группы реципрокных ролей: каждый член такой группы делает собственный, уникальный вклад [в общее дело], и отношения здесь более дружеские, особенно в случае, когда эти группы сформировались сами [на основе взаимных симпатий]. Есть также обособленные роли, которые (если не считать взрывника, так как эту работу выполняет представитель Руководства) не предполагают выполнения всех видов работ.

В каждой рабочей группе имеются свои обычаи и договоренности, в том числе системы раздельной оплаты, так что в результате каждый работник не зависит от соседа и преследует собственные интересы. Поскольку члены группы работают вместе спонтанным образом, необходимо координировать и контролировать их работу извне — это делает руководство. Однако традиционно бригадир выполнял, скорее, роль помощника, чем руководителя; с

другой стороны, принудительный контроль был бы неудобен и невозможен в крайне опасной ситуации работы в угольном забое. Если руководство не может рассчитывать на самоконтроль со стороны группы, оно не располагает средствами, достаточными для объединения разрозненных рабочих групп в эффективно работающую команду, которая выполняет полный цикл работ. Ситуация усугубляется тем фактом, что ответственность за весь цикл имеет место только на уровне младшего менеджера, т.е. находится в иерархии на три ступеньки выше уровня забоя, поскольку ответственность бригадиров и десятников распространяется только на их смену — на уровне забоя и пласта соответственно.

Иная организационная модель, принятая в условиях композитной работы в длинном забое, разрешает трудности, вызванные высокой степенью специализации рабочих ролей, обособленностью рабочих групп и недостатком сплоченности в бригаде в целом. Здесь принята общая система оплаты, основанная на фиксированных ставках, к которым добавляется премия в зависимости от объема выданного угля. Все члены бригады зарабатывают одинаково. Это означает, что все они одинаково заинтересованы в том, чтобы выполнить полный цикл работ, минимизировать разногласия между более мелкими группами и не затягивать переговоры с руководством по поводу оплаты. Бригада полностью отвечает за распределение людей по сменам и определение им заданий; используемые при этом методы ведут к появлению многофункциональных ролей и позволяют увидеть последствия чьей-то небрежной работы для других. Рабочие группы — хотя они и не отличаются от традиционных рабочих групп в длинном забое с точки зрения выполняемых ими работ, — не обособлены друг от друга: их члены переходят из одной группы в другую. Как только предписанная смене работа выполнена, горняки стихийным образом принимают за какую-то другую работу, которая продолжает уже выполненное, так что следующие группы получают преимущество на случай непредвиденных обстоятельств при дальнейшем прохождении цикла — вероятность которых никогда нельзя исключить в условиях подземной работы. Подобная саморегуляция группы и преемственность действий повторяет саморегуляцию и преемственность, характерные для работы на обособленном рабочем месте. В этих условиях бригадир не требуется "тюкать рабочих по мелочам", и руководство пласта может сосредоточиться на планировании и поддержании условий, выполнении работ, которые позволят циклу гладко двигаться дальше, а рабочей группе — ставить более высокие производственные задачи.

При исследовании этой же технологии работы в длинном забое было выявлено, что композитная организация труда в большей степени, чем традиционная, позволяет добиться производственной эффективности, снизить затраты, повысить уровень удовлетворенности трудом, наладить отношения в коллективе и улучшить социальный климат.

Чтобы в полной мере реализовать потенциал высокомеханизированных методов непрерывной угледобычи, требуется радикальное изменение практик и ценностей: от культуры труда, сосредоточенной на человеке, — к культуре труда, сосредоточенной на машинах. В культуре, ориентированной на машины, подразумеваются: новая ценность времени — ведь машины потенциально обладают высокой производительностью; новая основа производительности — использование машин; перемены в организации труда под землей в целях обеспечения непрерывной работы в забое; наконец, переоценка традиционных методов распределения и назначения людей по рабочим местам — таким образом, чтобы ключевые позиции были заняты лучшими работниками и чтобы бригады были уравновешены. Прежде чем сложится подобная новая культура, требуется своего рода "размораживание" существующей ситуации. Переход на более высокий технологический уровень, сколь бы ограниченным он ни был, дает такую возможность, однако он не приведет к нужному результату, пока не будет признана и его возможность повлечь за собой социальные изменения. Именно слаженность между организацией труда людей и технологическими требованиями в конечном итоге определяет эффективность всей системы.

В традиционных методах угледобычи контроль и регулирование процесса труда в забое осуществлялись автономно рабочими группами со сложившимися обычаями саморегуляции, преемственности заданий, ротации ролей в зависимости от ситуации под землей. Руководство пласта помогало рабочим бригадам, действовавшим независимо друг от друга, и, поскольку темпы производства были низкими, легко справлялось с задачей координации работы пласта в целом. При традиционной работе в длинном забое, когда бригада распадается на множество рабочих групп, выполняющих свои задания, координация и контроль ложатся целиком на плечи руководства. Подобный внешний контроль за операциями в лаве втягивает руководство в хлопотные и отнимающие много времени переговоры и то, что называется "управлением посредством системы оплаты". В результате у них остается меньше времени на поддержание и планирование других работ по пласту — которые, в свою очередь, становятся более сложными по мере повышения уровня механизации. Чем более непрерывным становится производство, тем более высокий требуется уровень управления. Увеличение темпов производства требует лучшего планирования будущих потребностей и более быстрого общения между забоем и поддерживающими системами. Основной функцией руководства в полностью механизированных системах является обеспечить условия, которые позволят забоям с высоким производственным потенциалом достичь максимальных объемов выработки. Это невозможно, если руководство вынуждено в мелочах контролировать работу групп в забое. Возвращение к ответственной автономии со стороны бригады дает руководству возможность сосредоточиться на обеспечении эффективной коммуникации. По всему пласту, проектировании будущей поддержки работы в за срочном планировании и развитии.

Возможность именно такого развития зависит от наличия относительно крупных первичных рабочих групп (насчитывающих до 50 человек), способных самостоятельно регулировать и поддерживать свою работу. Руководство отрасли не желало признавать такую возможность, и теория малых групп разработанная в социальной психологии, вероятно, подтверждает этот тезис. Однако результаты исследования свидетельствуют об обратном. Было выявлено, что саморегулируемые группы такого размера не просто существуют, но и удерживаются в стабильном состоянии в течение продолжительного времени. Некоторые условия, необходимые для их успешного появления, можно вывести из противоречивых результатов исследований, подробно описанных в разделах 4 и 5. Дальнейшие исследования подобных контекстов, а также исследования угледобычи в целом, позволят выявить другие значимые факторы и более детально прорисовать модели того типа системы, который с наибольшей вероятностью приведет к оптимальным результатам.

3

НЕМЕЦКАЯ ЭМПИРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

А. Вагнер История и
теория статистики

Отдел I. История (так называемой) статистики

Глава III. Конринг-Ахенвалль-Шлецеровское
направление в статистике, или немецкая школа
государствоведения и ее развитие
до настоящего времени

К упомянутым выше начинаниям в области государствоведения итальянцев и голландцев, во второй половине XVII в. примыкают *немцы* и, со свойственным им духом систематики, возвышают это государствоведение на степень некоторого рода систематической, описательной науки. Если можно среди одновременного сознательного или бессознательного стремления многих к одной цели приписать личности решительную заслугу как главе нового направления и основателю новой отрасли науки, то, конечно, в данном случае можно только указать на знаменитого гельмштедтского профессора *Г. Конринга*. Он первый сделал попытку начертать систематическое описание государства по главным факторам общественной жизни, создать из этого особую науку и последовательно выделить ее из географии, истории и политики, что, конечно, удалось ему так же мало, как и кому-либо другому из позднейших статистиков его направления. Конринг не оставил нам печатного руководства; он излагал предмет свой только на лекциях.

Мы находим у него зачатки обычной до настоящего времени систематики государствоведения (страна и люди; форма управления, государствен-

Источник: История и теория статистики в монографиях Вагнера, Рюмелина, Эттингена и Швабе / Пер. с нем. под ред. Янсона. СПб., 1879. Приводится в современной орфографии.

ное устройство [Verfassung] — администрация [Verwaltung] — управление [Regierung]; способы управления; цели и средства государства). *Конринг* придерживается *современного государственного состояния* и рассматривает каждое государство — как позднее стали называть сообразно этнофафическому "методу" (sic) — само для себя. По существу, его новая наука должна быть признана *политическим государствоведением современности*, подобно тогдашней истории, чисто описательной, дескриптивной наукой, извлекающей из геофафии, новейшей истории и из публичного права особенно важные для политических учреждений государства и его положения моменты и стремящейся расположить эти моменты по одной руководящей мысли, сообразно их целям в государстве.

Эту выросшую из истории, геофафии и правоведения, но постоянно с ними соприкасающуюся науку, право которой на название самостоятельной науки и даже на имя науки вообще еще до сих пор сомнительно, *Конринг* сам назвал *государствоведением* [Staatskunde, notitia rerum publicarum]. Благодаря ему она стала постоянным академическим предметом в немецких университетах<...>

К концу XVII в. для новой "науки" вошло в употребление название *статистика*. О происхождении и этимологии этого слова, как известно, много спорили. Чаще всего выводимое непосредственное происхождение этого названия от латинского status или немецкого Staat и аналогия с геральдикой и пр. кажутся неправильными. Вернее, по-видимому, словопроизводство *Ахенвалля*, который собственно и ввел слово "статистика" во всеобщее употребление. Он производит его от итальянского statista (государственный муж) и понимает под этим выражением "ту часть практической политики, которая заключается в знакомстве со всем современным государственным устройством наших государств", т.е. то же, что и *государствоведение*¹. В смысле государствоведения употреблялось и употребляется слово статистика в школе *Ахенвалля* <...>

Высказанный выше взгляд на значение *Конринга* в деле развития науки государствоведения, названной впоследствии статистикой, прежде всего может быть подтвержден ссылкой на самого *Ахенвалля*, как на свидетеля. *Ахенваль*, так часто признаваемый основателем статистики, нигде не предъявляет своих собственных прав на эту заслугу. Но во всяком случае, мнение, считающее его основателем науки, должно иметь свое оправдание, тем более, что оно было распространено уже в те времена, когда работы *Конринга* были известны гораздо более, чем теперь, когда они почти забыты.

¹ Впервые находим слово *statista* и прилагательное от него *statisticus* в небольшом сочинении 1667 г.; в 1672 г. *Helenas Politanus* написал "*Microscopium statisticum, quo status imperii Rom. Germ. repraesentatur*". Наименование: *colegium politico-statisticum* или просто *statisticum* появляется в 1720 г. в Иенском каталоге лекций для обозначения статистических лекций (*de notitia rer. public.*). *Wappaus*'у в особенности должна быть приписана заслуга выяснения значения слова "статистика" (*Bevölkerungsstat., II, s. 549 ff.*). Сравни также *Schubert, I. c. s. 2, 4, Knies, Statist, alsselbst. Wissens. Kassel, 1850, s. 9ff.* с очень верным замечанием, *Gueny, l.c.s. 1*. Подтверждение этого производства у *Guy* в *Journ. of the Statist, soc. of London, 1865, p. 480 ff.*

Действительно, оба мнения, как то, что *Ахенваль* есть основатель статистики, так и то, что предмет этот в основных чертах своих был создан до него в особенности *Конрингом*, имеют свое основание. Как справедливо говорит *Ваппеус*, *Ахенваль* первый придал полную самостоятельность старинной Конринговской статистике, резко определив содержание ее и цели, сделав ее популярною под именем, хотя бы и не им изобретенным, дав ей более богатое содержание и поставив ее в теснейшую связь с жизнью. Этим *Ахенваль* приобрел себе большее значение в статистике, чем *Конринг*; попытки последнего остались известными лишь внутри тесного ученого круга; труды *Ахенвалля* приобрели для новой науки весь мир.

Ахенваль (1749 г.) исходит строго систематически из неглубокого, впрочем, понятия о государстве; он отличает *общее* учение о государстве вообще, от изображения единичного, конкретного государства, и занимается только этим последним. Из множества предметов [Sachen] в государстве он называет *достопримечательными* те, которые в заметной степени влияют (препятствуют, содействуют) на благосостояние государства, совокупность же этих действительных достопримечательностей в государстве он называет *государственным устройством* (в обширном смысле), а учение об этом государственном устройстве одного или нескольких определенных государств — *статистикою*. Статистика является у него *историческим* учением о государстве в противоположность философской или настоящей *науке о государстве* (соответственно общему государственному праву и государственной политике). Задача такой статистики заключается в познании государства. На первом плане стоит при этом все то, что в особенно заметной степени влияет на благосостояние государства. Цель статистики заключается в изображении *современных* достопримечательностей государства по достовернейшим и новейшим сведениям.

Польза статистики велика для множества лиц, в особенности же для правоведов и государственных деятелей. Государственные достопримечательности излагаются под рубриками: *страна* и *люди*. По отношению к стране рассматриваются географические ее элементы, с точки зрения политического их значения, и особенное внимание останавливается на произведениях страны. Жители страны рассматриваются как люди вообще, с точки зрения их числа, причем обращается внимание на различную плотность населения и ее причины, на особенности жителей, особливо же рассматриваются они как *граждане*. Здесь определяются прежде всего *основные начала государственного устройства* [Grundverfassung], т.е. отношения между главою государства и подданными (государственное право и т.д.), а затем излагается государственное управление [Regierungsverfassung], т.е. установления, не определяемые основными законами и не касающиеся собственно правительства или же его достоинства и чести. Здесь излагается организация властей и их разветвление сообразно отдельным отраслям государственной деятельности, в особенности церковное, школьное, судебное, финансовое и военное дело, администрация и то, что мы называем хозяйственной политикой (законами государственного благосостояния). Народная экономия входит в статистику под последней рубрикой, следовательно, не как самостоятельный предмет,

а как объект государственной опеки, неизбежной при господстве политики вмешательства. Затем, в заключение, при помощи политики выводятся мероприятия, содействующие народному благу, или правила государственной политики, совокупность которых *Ахенвалль* называет государственными интересами (*Staatsinteresse*). Таким образом, статистика становится основанием для практической политики, а конечной ее целью является достижение государственной мудрости через познание государств.

Из сказанного ясно видно, что и у *Ахенвалля* статистика является тем же, чем она была еще у его предшественников, а именно: *описанием современного государства...*

Для нас здесь особенно важно то, что статистика *Ахенвалля* действительно была только одним государственноописанием, только наукой чисто описательной. У *Ахенвалля* нет и следов стремления из отдельных статистических данных выводить *всеобщие правила*, или *законы*, как, например, законы развития государства, или развития отдельных функций государственной жизни, или же законы народного хозяйства в государстве. Вывод каких-нибудь правил государственной мудрости есть нечто совсем иное, не говоря уже о том, что подобного рода выводы скорее ставились как требования по отношению к статистике, чем выполнялись на основании ее на самом деле. Вопрос о народонаселении *Ахенвалль* обходит несколькими словами. Изображение данных посредством цифр являлось очень редко; наиболее заслуживавшие в то время внимания формальные моменты государственной жизни действительно труднее всего поддаются числовому выражению. Правда, говорилось, что необходимо исследовать *причины* государственных достопримечательностей, но на государство смотрели внешним образом, не проникая далее за эту внешнюю оболочку...

Глава IV. Направление Зюсмилля — Кетле, или собственно статистическая школа и ее развитие до настоящего времени

XVII в., видевший зарождение систематического государственноописания, представляет также и первые опыты научных работ в другом направлении статистики. С того уже времени начали пользоваться систематическими наблюдениями над массами известных явлений в человечестве для вывода общих правил, относящихся к строю этих явлений. Первые работы относились к области движения народонаселения; явилось сознательное, хотя еще и не вполне ясное стремление выводить естественные законы движения народонаселения из сведений, собираемых духовенством о рождениях и смертях (крещениях и погребениях). Это было шагом вперед на почве настоящей статистики, сущность которой, по нашему мнению, заключается в том, что сознательно предпринимаются систематические наблюдения над массами

явлений, прежде всего в области человеческой жизни, — с целью уяснения причинной связи и вывода законов движения этих явлений, и в том, что затем эти наблюдения действительно употребляются для означенной цели. Научное стремление открыть причинную зависимость и законы явлений, происходящих в человечестве, впервые обнаруживается в полной чистоте у *Зюсмилха*, который в этом смысле должен считаться *первым "настоящим" статистиком*. Его предшественники и первые преемники, из которых некоторые, например, *Гроунт* и др., во всяком случае, были также воодушевлены этим научным стремлением, — все равно, руководствовались ли они по преимуществу практическими целями, отыскивая годные к употреблению основания для пенсионных касс, для вдовьих касс и для касс страхования жизни, или были просто математиками, которые при употреблении статистических данных имели по преимуществу в виду приложение их к исчислению вероятностей. В отличие от настоящих статистиков, как *Зюсмилх*, может быть удобно было бы назвать *политическими арифметиками* тех из них, которые преследовали практические цели, математиков же отличить именем "вычислителей вероятностей". Оставляя без внимания менее значительных статистиков, мы должны признать, что задачи истинно статистического направления *Зюсмилха* вновь поставлены были только со времени *Кетле*, в более, правда, величественном виде и с объективной точкой зрения, без сравнения более возвышенной, хотя, впрочем, *Кетле* действовал совершенно независимо от *Зюсмилха* и даже, вероятно, не был знаком с его трудами. Поэтому *Кетле* сделался основателем новой школы настоящих статистиков. Шаг от *Зюсмилха* к *Кетле* был переходом от телеологизирующей физикотеологии к естественнонаучному, физическому направлению <...>

М. Вебер

О методике социально-психологических обследований и их обработки¹

Лёвентейн Адольф. Из глубины. Письма рабочих. Берлин: Morgenflag, без года [1908]. 127 с. Он же. Рабочие — философы и поэты. Т. 1: Жестяницыки, горняки,

Источник: Weber M. Zur Methodik sozialpsychologischer Enqueten und ihrer Bearbeitung // Archiv fur Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1909. Bd. 29. Пер. с нем. М.Н. Грецкого.

¹ В названии работы М. Вебера использовано французское слово "enquete" в смысле "обследование, исследование" (буквально: расследование; с этим юридическим смыслом связано и второе значение: "анкета"). В этом значении оно в то время и позднее использовалось довольно часто, в том числе в английском языке. — *Сост.*

металлурги, текстильщики, вышивальщики, печатники, ткачи, домашние работники. Берлин: Издательство Ф. Фроуиен, преемник: Morgenferlag, 1909. 102 с. Он же. *Жизненная трагедия одного поденщика. С предисловием А.Л. Берлин: Там же 1909. 173 с.*¹

Издатель этих документов сам живет как пролетарий и полупролетарий. Несомненно, он честно стремился и приложил усилия к тому, чтобы улучшить свое, оставшееся неполным, юношеское образование — путем самостоятельной работы, чтения и даже слушал много университетских лекций. Как социал-демократ он оказался в счастливом положении, имея возможность поддерживать контакты со своими пролетарскими товарищами и постоянно их расширять с помощью все более широкой корреспонденции. Он использовал эту корреспонденцию для искренне задуманной и воспринятой, хотя теоретически не такой уж ясной пропаганды отчасти действительных, отчасти придуманных "нищанских" идеалов (отклик на которые у рабочих, насколько я мог до сих пор это увидеть, мало напоминает Ницше, но гораздо больше, например, Шиллера и других подлинно буржуазных моралистов, хотя имеются и отклоняющиеся тона в духе нищанского идеала личности). Далее, он использовал свои отношения для того, чтобы собрать чрезвычайно ценный в своем роде "классово-психологический" материал. Через эту корреспонденцию и в связи с нею в его руки попали многочисленные, короткие или пространные, иногда почти с целую книгу, жизненные воспоминания, откровенные признания, моральные соображения, поэтические и музыкальные произведения и т.д. Так что, просматривая приведенные записи, получаешь впечатление, что поток неудовлетворенной потребности в сообщении со стихийной силой вырвался наружу, используя предоставленную ему возможность.

Далее Л. [Лёвенштейн. — Пер.] на основе этих отношений очень умело подготовил две анкеты (Fragebogen) для получения необходимых сведений. Одну анкету — о всеобщей забастовке, дополнив ее вопросами относительно личных и профессиональных отношений опрашиваемых лиц. Многие ответы на главный вопрос, благоприятствующие всеобщей забастовке, были получены еще до разочарований, связанных с русской революцией, и сегодня почти сплошь устарели. Затем, вдохновленный подходящими ответами на дополнительные вопросы, Л. подготовил еще одну, более систематизированную анкету. Примерно в двух дюжинах вопросов он стремился выявить отношение опрашиваемых рабочих (горняков в Рурской, Саарской и Силезской областях, текстильщиков и рабочих-металлистов в Берлине и Форсте, соответственно в Золингене и Оберштайне) к их работе, к соци-

¹ *Levenstein Adolf. Aus der Tiefe. Arbeiterbriefe. Berlin, o.J. [1908]. Morgenferlag, 127 S. Ders. Arbeiter-Philosophen und -Dichter. Bd. I: Blech-, Berg-, Metall-, Textil-Arbeiter, Sticker, Handschumacher, Backer, Buchdrucker, Weberinnen, Dienstmädchen. Verlag F. Frowien, Auslieferung: Morgenferlag, 102 S. Ders. Lebens-Tragodie eines Tagelohners. Mit Vorwort von A.L. Berlin, 1909, ebenda, 173 S.*

альным властям (государству, церкви, партии, профсоюзу), к культурному достоянию и к радостям жизни, выявить их желания, надежды, разочарования и жизненные настроения.

Наряду с этим, в ходе более долгой переписки, он получил примерно 5200 ответов (на 8000 анкет: очень благоприятный результат, особенно при большом количестве вопросов), которые в качестве дополнительного материала содержали подробные высказывания ранее упомянутого вида. Ценность этого материала заключается в том, что, с одной стороны, это сведения, предоставленные единоверцу, к которому, например, как к "товарищу", можно обращаться на "ты". С другой стороны, не было *никакой* фильтрации и систематической обработки содержания, которая непременно возникла бы, если бы официальные, будь-то профсоюзные или партийные инстанции или служащие, запрашивали или даже только принимали сообщения: в этом случае, при всем желании участников, ответ был бы пристрастным, в основном просто соответствующим официальным принципам и шаблонам; "советы" насчет ответов сказались бы значительно сильнее, чем это имело место в данном случае, а непосредственность ответов гораздо сильнее была бы нарушена, чем это, по общему впечатлению, имело место сейчас. Непреходящая заслуга Л. — при всех очевидных *методических* слабостях его анкет¹ — состоит

¹ В первой анкете вопрос о всеобщей забастовке был поставлен таким навводящим образом [suggestive], что ответы на него не имели ценности, даже если бы они и не исходили преимущественно из благоприятно расположенных к ней (тогда) кругов. Не в меньшей степени во второй анкете вопрос о том, что "утнетает" ["dmcke"] рабочих (зависимость от работодателя или низкая зарплата), является настолько навводящим, добавим еще искусство применения жирного шрифта, — что ответы на него почти не имеют ценности. Многие другие вопросы также весьма неметодичны, а отчасти и гротескны: что думает опрашиваемый об общественных делах, когда он совсем один лежит в лесу... Среди большого числа вопросов (обычно спрашивают *слишком много*)... не должны были бы отсутствовать вопросы о *месте* рождения, профессии отца, количестве и видах прежней работы. Вопрос о виде работы должен не просто обозначать рабочее место, а звучать примерно так: "Что за работу выполняете Вы в настоящее время?" Вопрос о том, какую работу рабочий охотнее выполнял бы вместо нынешней, должен быть строго привязан к предпосылке, что другая работа тоже будет пролетарской. Целесообразны и дают в целом пригодные результаты, хотя далеко несистематично поставлены, такие вопросы: о чем думает рабочий во время работы (при обработке ответов следует тщательно отделить тех, кто отмечает, что *не может думать*, от тех, кто ничего *не может сказать* об этом, — здесь нужна точная казуистика!); профессиональные интересы опрашиваемого [Befragte]; желания, которые он удовлетворил бы в первую очередь при увеличении его дохода; его отношение к алкоголю (при правильной обработке материал довольно ясно показывает, какие основания, обусловленные профессией и внепрофессиональные, имело бы *антиалкогольное* движение в социал-демократии без влияния хозяев); об отдыхе, чтении, влиянии партии и профсоюза; об отношении к Богу и к местной церкви (обычно такое отношение *отсутствует*); об ожиданиях и надеждах (сопоставление первого и второго обследования Л. показало бы характерные изменения настроений после русской революции, — однако надо было бы сначала изучить: не обусловлены ли они чем-то другим).

в том, что стоящее вне партии частное лицо вообще вступило на этот нелегкий путь и таким образом получило материал, обладание которым составляет предмет его гордости, а также требует большой осторожности и осмотрительности при *научном* его использовании. Трудности, однако, начинаются как раз с вопроса о *применении* и *применимости* [полученного материала] для действительно научных целей. А они значительно больше, чем *Л.* видит и, по видимому, может и "хочет" увидеть.

Примеры *одного* определенного вида возможного использования дают три приведенные выше публикации. Из них третья, при всем том потрясающем, что мы узнаем из личной жизненной судьбы ее автора, с чисто научной точки зрения оказывается самой бесполезной. Новых сведений она нам не дает. Ее отличие от обычных беллетристических сочинений подобного содержания покоится на том, что она, подобно разве что "Дневнику одной потерянной", претендует на "подлинность" в повседневном смысле слова.

Избранные письма, которые *Л.* издал под названием "Из глубины", имеются в печати и, кроме того, многократно обсуждались, так что я не могу к этому добавить ничего нового. Скорее я сошлюсь на рецензию Х. Херкнера в "Ежегоднике" Шмоллера (1909, s. 1332)

Вторая публикация ("Рабочие — философы и поэты") показывает образцы материала, который при очень сильном расширении заслужил бы анализа с психологической и филологической стороны². Так как образцы теперь

¹ Я только хотел бы верить, что Херкнер, делая выводы из своеобразных высказываний ткача Рихтера из Форста насчет его внутреннего отношения к работе (s. 1334 *внизу*), не оставил незамеченным то, что это *бездетный* рабочий. Если бы он заботился о пяти-шести детях, его жизненная философия была бы, вероятно, несколько по-другому окрашена, или, может быть, он нашел бы для нее гораздо меньше времени или совсем не нашел бы времени. Этим, впрочем, ничуть не умаляется красота того, что он говорит; только Херкнер должен был бы с большей осторожностью интерпретировать свое, само по себе вполне справедливое суждение о том, что вид отношений к работе зависит не только от специфики работы, но и от особенностей самих рабочих.

² Сегодня можно было бы указать разве что на характерную роль, которую играет Шиллер (в драматическом опыте одной наборщицы, см. указанное место на 5. 54), или на то обстоятельство, что единственный собственно лирический талант, о котором говорится в собрании сочинений (скромный, но все же талант), присущ не промышленному рабочему, а одному бедному, еще молодому крестьянскому поденщику (см. s. 75); или на легкость, с которой настоящий (маленький) талант чеканит эпитграммы (s. 19) из фраз или прямо-таки из свободных сочетаний звуков, когда его принуждают к "глубокомыслию" и т.д. Действительно характерное, в особенности характерное для "класса", едва ли найдется. Хорошее изобразительное искусство одного вестфальского машиниста (s. 31Я далее) — *содержательно* лучшее в этом отношении. Ожидаемых новых форм здесь не найти, а новых точек зрения по психологии пролетариата совсем немного (их наличие все же составляет достоинство). Предисловие лучше бы отсутствовало; как обычно, оно только ослабляет впечатление, в чем легко убедиться, несмотря на благие намерения.

представлены, остается не проясненным, к какому типу материала они относятся, в особенности, насколько они подверглись "отбору": качественному отбору или отбору "характерного" (и в каком смысле характерного?). Для цели публикации это не упрек, однако отмечает границу ее значения.

Далее, невозможно просто полагаться на собственное суждение Л., ибо "широта", с которой в очерке "Из глубины" один рабочий, принадлежащий к хорошо знакомому, совершенно деклассированному пролетарскому типу, достаточно характеризуемому немногими выписками из его писем, начинает высказываться (смотри об этом у Херкнера), есть следствие определенной не критичности, в чем я убедился лично. Она будет также помехой при собственно *научном* использовании материала. При этом за Левенштейном определенно должен быть признан беллетристически-писательский талант, у которого, однако, для "художественной" изобразительной силы прежде всего полностью отсутствует самое важное: стремление к *простоте*. Однако несмотря на это, хотелось бы сказать: из-за его большой начитанности, которая при его тяжелых жизненных условиях, несомненно, должна быть особо поставлена ему в заслугу, в нем не пробуждается потребность в разъяснении причинных отношений с помощью педантичного *подсчитывания всего исчислимого*. Вместо этой трезвой и самой по себе такой существенной для смысла и цели подобной работы он пользуется самыми примитивными обывательскими представлениями. Это весьма неблагоприятно для шансов на серьезную научную обработку его материала. Прежнее его использование, подобно литературному доению коровы, имеет *чисто деловой* характер (при этом я думаю не просто о материальной выгоде, а как раз о теперешнем всего лишь сочувствии и рядом с ним — об использовании, взывающем к беллетристическому вниманию). Удовлетворяющая *научным* требованиям систематическая обработка материала не обещает, согласно моему опыту в таких вопросах, который распространяется только на часть, примерно на 1/10, но, по мнению Л., лучших ответов — *никакого "делового" успеха*: никаких соответствующих требуемой работе *денежных* шансов, ибо только огромная, не боящаяся долгих месяцев *собственной* сортировки, учета и расчета, действительно никогда полностью не оплачиваемая рабочая сила и радость труда могли бы, как сейчас будет показано, сделать из этого нечто действительно полезное. Никаких сенсационных шансов: результаты, правда, обещают определенный научный интерес, но, несмотря на неизбежный объем работы, — никаких неожиданностей, действующих на широкую публику.

После того как Л. уже связался с рядом своих коллег, господин Яффе и я тщетно пытались поставить его на путь использования принадлежащего ему Материала в соответствии с научными требованиями. Однако Л. считал подобную работу вспомогательной и при ее выполнении, если только он ее Делал (или же предоставлял делать одной барышне!), он оказывался неточен, — это обнаружил предпринятый проф. Яффе дополнительный конт-

роль получения относительных чисел. Отдельные числа снова и снова не сходились с суммами, классификация по категориям возраста и зарплаты давала различные результаты, причем причина этого не была выявлена (и т.п.). И прежде всего, он *не предоставил свой материал для дополнительного контроля*, по-видимому, из-за некоторого страха, что кто-нибудь сможет отнять у него его "сокровище", на котором он сидит, подобно Фафнеру на кладе Нибелунгов. Однако прежде всего должно быть констатировано, что обработка, которая *не* проконтролирована легитимным специалистом, не будет иметь *никакой* — ни малейшей! — научной ценности. Дело не только в том, что две или три пары глаз всегда видят больше и увереннее, чем одна пара. Прежде всего речь идет не о чисто *механической* классификации и расчетах, которые один обрабатывающий может сделать мимоходом или через третьих лиц, и определенно не только антипатия к подобным работам, но также и постоянное ее прерывание из-за трудовых обязанностей Л. никогда не даст ему возможности найти время и покой для действительно полного обсчета материала, требующего месяцев напряженной работы (сначала, чтобы его не отпугнуть, я указал ему только на самые элементарные начальные ступени). Об этом можно очень сожалеть, также и ему самому, но тут уж, учитывая его положение и особенности, ничего не изменишь. К сожалению, кажется сомнительным, что он пойдет по *единственному* надлежащему пути: предоставить материал специалисту (также не каждому *любимому* "специалисту"), который его по-настоящему обработает, чтобы затем издать его как общее дело.

Обработка материала должна удовлетворять, как минимум, следующим требованиям. Анкеты должны сначала сортироваться по [территориальному] происхождению, профессиям, возрастным группам, а внутри них — по категориям зарплаты. Это Л. по моей инициативе сделал. Однако он не указал те случаи, когда в его исходных данных *отсутствовали* подобные сведения (например, данные о зарплате), хотя такие случаи, насколько мне известно, имелись. Вообще *надо сделать* в точности различимым (по территориальному происхождению, группам возраста и зарплаты), как часто *не было* ответа на тот или иной вопрос. Подсчет должен распространяться не только на *вид* ответа ("Да" или "Нет"), но, кроме того и прежде всего, также на приводимые *мотивы*. При этом очень тщательно следует отличать *неполный* или *неясный* ответ от действительно *индифферентного* ответа. А при анализе мотивов необходимо проявлять величайшую тщательность в отношении их оттенков и комбинаций. Разумеется, эта задача не решается указанием на *одни* "числа", но все же получает необходимый твердый остов в количественной частоте: каков самый меньший из указанных мотивов (всегда сначала разделенных по месту работы, профессиям, группам возраста и зарплаты и только потом вместе).

Л., который застрял в любимом представлении, будто "прочувствование" и "переживание" являются последней инстанцией познания в рассматриваемой области, на своем собственном материале мог бы легко убедиться в противоположном. Он, например, наверняка не удовлетворился бы тем, чтобы на основе общих соображений представить неприязнь горняков к сдельной зарплате как всеобщее явление, если бы он взял на себя труд привлечь сюда свои *цифры*, преобразованные из абсолютных в относительные. Ему сразу же стало бы ясно, как хорошо его материал может служить для иллюстрации того:

что, вообще говоря, и горнорабочие, в возрасте надежд, примерно до 30 лет или чуть меньше, в количестве, не считающемся незначительным, а иногда и в большинстве, предпочитают сдельную зарплату;

что степень этого предпочтения зависит от [территориального] происхождения [*provenienz*]; например, обнаруживаются очень характерные различия в Рурской, Саарской и Силезской областях;

что материал, сгруппированный по группам зарплаты, может служить для проверки и критики взгляда, будто сменную зарплату предпочитают только малопроизводительные рабочие и т.д. (При этом необходимо, чтобы была подвергнута контролю каждая группа зарплаты, дифференцированная по территориальному происхождению, затем снова расчлененная по возрастным группам, как это, впрочем, всегда должно происходить — так же, как дифференциация ответов по семейному состоянию должна осуществляться по каждой из этих подгрупп.)

И по вопросу об уровне "радости труда" простая перепроверка классифицированных относительных чисел дает хотя и не поражающие, но все же немаловажные факты:

степень "радости труда" в молодые годы различается в зависимости от территориального происхождения, а с возрастом постоянно уменьшается;

затем она постоянно уменьшается у горнорабочих и текстильщиков всех территорий происхождения, даже при соответствующем *уровне зарплаты* (здесь также следовало бы учитывать различие по возрасту группам зарплаты), в то время как у рабочих-металлистов положение вещей выглядит отчасти по-другому — а почему? — и т.д.

В этих случаях "прочувствование" и подобное ему ничего не дает. Для *всех* отдельных вопросов скорее необходимо сначала потребовать классификацию ответов и мотивов *во всех подробностях* (причем, наряду с указанием полученных относительных цифр, совершенно необходимо указать необработанные цифры, чтобы иметь возможность правильно измерить абсолютный вес первых).

Далее, следовало бы затронуть вопрос: были ли и в какой форме (а такие *Формы*, как известно, имеются; некоторые из них уже испробованы) получены корреляции между отдельными группами характерных ответов *нараз-*

личные вопросы¹. Только совместные попытки тренированной руки и того, кто с любовью и *постоянством* погружен в исходный материал, могут показать, где это стоит делать. Лишь после того, как из [исходного] материала все "исчислимое" получено и поставлено в связь одно с другим, можно было бы на этом основании попытаться выявить пролетарские "типы" мышления и восприятия — формальные и содержательные (никогда их не смешивая).

Сам Л. предпринял некоторые начала подобных попыток, подробнее сказать о которых я здесь не считаю себя вправе. Априорно неприемлемыми, как я хотел бы заметить, я считаю его категории — не всегда, но как самое первое начало. Во всяком случае, необходимо подходить к проблеме с *изменяемыми цифрами*, т.е. тщательно исследовать различия частоты определенных стилистических форм выражения, идейных направлений интересов и т.д. в зависимости от территориального происхождения, возраста, уровня зарплаты и т.п. При этом должны быть исключены неясные случаи, а несомненные, если это возможно, осторожно сгруппированы в "типы" (и их комбинации или же переходные формы между ними). Все это, однако, предполагает очень осторожную, все время возобновляемую проверку в сопоставлении с исходным материалом. При этом, естественно, следует также использовать более обширные частные высказывания и корреспонденции.

С особенно большой осторожностью нужно при этом подходить к попытке вычленивать специально "пролетарские" направления ощущений. Ибо этот материал снова подтвердил, по крайней мере для меня, старый опыт, что способ восприятия пролетариата в основных чертах *более похож* на обратный перевод "буржуазного" способа восприятия в естественное и "домартовское"² восприятие, чем это иногда думают априористские классовые теоретики. Само собой понятно, что из характера материальных интересов ясно выступают рационально следующие различия в содержании представлений [пролетария]. Но уже в области тех типов представлений, которые далее ведут к "основам" собственно классового положения, а затем к непосредственным жизненным целям и надеждам, обнаруживается вид "пафоса", по существу, столь отличного от того, который следовало вдолбить последовательному марксисту, что можно оказаться в опасности увидеть в пролетарии (а здесь речь идет о партийных социалистах) только "мелкого буржуа" в случайно измененном положении интересов. Во всяком случае, вовсе не легко сказать, в *каком* месте выражается нечто такое, как собственная пролетарская жизнь

¹ В принципе необходимо потребовать, чтобы для всех *значительных* вопросов каждый раз было установлено: $x\%$ тех, кто на вопрос a ответил b , на вопрос c ответил d и притом k по причине g , $k\%$ — по причине g' и т.д. Разумеется, это надо понимать *cum grano salis*. Но иногда таким образом выявляются самые неожиданные связи.

² До революции в марте 1848 г. в Германии. — *Пер.*

чувств, ищущая самостоятельные пути, соответствующая собственным культурным ценностям. Так как преобладающее большинство опрошенных *Л.* лиц приняло близко к сердцу правило: «Ваша речь состоит из "да, да, нет, нет"», в целом остаются около $\frac{1}{6}$ или меньше лиц, от которых поступили сообщения о мотивах (отчасти правда очень подробные) для подобных исследований, — конечно, не большой, но для начала все же и не маленький материал. Действительно, удовлетворительное его использование требует очень значительной, добросовестной и трезвой работы.

В настоящее время я считаю очень малыми шансы, что эта работа вообще будет выполнена. По мере старения материала снижается интерес к нему, о чем остается соболезновать и самому *Л.* Несомненно одно: нечего и думать о научно значимом использовании всего исходного материала без его передачи для обработки или — если сам *Л.*, несмотря на все внутренние и внешние препятствия, найдет охоту и время для таковой — без *последующего контроля* образованным специалистом. Сам *Л.*, при лучших намерениях, не говоря о неизбежных постоянных перерывах в его работе, имеет слишком живую фантазию и слишком ангажирован своим (вполне понятным) интересом к "открытиям", чтобы он мог трезво сам себя контролировать, как это необходимо, совершенно отвлекаясь от вопроса о том, что подобные работы, где для этого представляется возможность, должны были бы выполняться под постоянным наблюдением двух или трех пар глаз. Это определенная самоотверженность, которая является неизбежной и тем самым признается за *Л.* Хотя, по имеющемуся опыту, я сомневаюсь, сможет ли он заставить себя сделать это. Однако, не должна же появиться работа, которую можно оценить *только* как субъективный сантимент.

Продолжать *только* прежний вид использования материала было бы, при *научном рассмотрении*, просто недостойно — это должен был бы признать и *Л.* Любопытство и сочувствие очень быстро пройдут, материал устареет или же будет заменен лучшим, более новым, хотя, может быть, и менее обширным. Деловые (в широком, не обязательно обижающем смысле слова, — смотри выше) и научные интересы здесь прямо противоречат друг другу, и *Л.* должен выбрать, какому из этих двух господ он хочет и может служить. После того, как я все же потратил некоторые усилия на переговоры с *Л.*, мне пришлось отказаться от других работ, чтобы продолжить явно безнадежную попытку побудить его к такому способу действий, которые уже неизбежны. Материал, имеющийся в его руках, не должен оставаться мертвым накоплением писанины, постепенно превращающейся в макулатуру.

Я публикую эти строки только для того, чтобы другие, кто когда-либо в будущем столкнется с этим материалом, заранее знали, на что они могут рассчитывать.

Т. Гейгер Социальное расслоение немецкого народа

Опыт социографии на основе статистики

Предисловие

Если даже статистика вырождается у наших политиков в детскую игру, поскольку они используют цифры для отчета, то мы, наоборот, никак не должны забывать, что без цифр нет расчета.

ОнордеБальзак. "Служащие"

Статистика — это метод, прислуга, всегда готовая служить многим наукам. Обойтись без нее не может и социология, в особенности, когда она как наука хочет точно описать состояние и жизнь современного общества. И на нее распространяется предубеждение, занесенное Леонардо да Винчи в памятную книжку: "Тот, кто пренебрегает высшей точностью математики, питает путаницу, вместо того, чтобы положить конец премудрости софистов, которая не несет в вечность ничего, кроме вздорной, шумливой болтовни".

Но социология не статистика. В этом отличие современной точной науки об обществе от тех устремлений, которые заметны у Зюсмилыха и продолжаютя вплоть до Георга фон Майра: использовать статистику как общественную науку.

Число само по себе ни о чем не говорит. Оно отвечает на вопросы, и только на конкретные вопросы, такие, как "сколько", "что" и "как".

Социография хочет описать сегодняшнее общество или общество прошлого. Она устанавливает факты, характеризует их по их свойствам, признакам, значению. Она типизирует. Ее типы — это средние или нормальные типы. Идеальные типы социография оставляет общей теоретической социологии. Статистика нужна ей, чтобы определить количественный вес найденных и описанных типов, отдать самой себе отчет в относительной важности собранных фактов.

Этому служит статистика и в данном исследовании. Установление признаков, значимых для классового расслоения народа или рядов признаков, — дело социологической интерпретации действительности. То же самое и отобра-

Источник: Geiger T. Die soziale Schichtung des Deutschen Volkes. Soziografischer Versuch auf statistischer Grundlage // Soziologische Gegenwartsfragen. Heft I. Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1932. Пер. с нем. В.Г. Ионина.

жение функции классов в динамике общества. Однако к знаменателю под знаком деления нужен еще и числитель над ним — его ставит статистика.

Я бы хотел, чтобы это исследование было воспринято как конкретный пример, демонстрирующий значение и границы статистического метода в точной социографии.

Приготовление блюд обычно длится дольше, чем трапеза. Рабочие операции по сбору данных оказываются почти столь же объемны, как социологическая оценка, которая к тому же ввиду невероятного разнообразия явлений должна оставаться краткой и отрывочной. Однако речь идет здесь для меня не столько о результатах, сколько едва ли не более о том, чтобы показать пример метода. Поэтому надо шаг за шагом отчитываться о методах определения данных. Кроме прочего, числа, которые демонстрирует автор, имеют для читателя смысл и ценность только в том случае, если он знает, откуда они берутся. В ином случае он беззащитен перед их властью.

Я хочу предупредить возможные возражения против организации исследования: в социографической оценке отсылки к числовым результатам аналитической части менее определены, чем, должно быть, ожидает читатель. Тем не менее взаимосвязь глубока, насколько это возможно. Вероятно, качественные оценки любой части населения как таковой возможны также и без расчетной основы, поскольку числа никогда не служат исходным материалом для качественных оценок. Однако в исследовательской практике лишь статистические методы делают сплошь видимыми слои населения, относительно которых должна быть дана типологическая оценка. Какая величина должна быть затем придана зафиксированному типу в общественном ансамбле, говорит лишь соответствующее число. Но если типы уже определены количественно на основе статистических множеств, то нет более нужды от случая к случаю повторять рассчитанные числа либо ссылаться на них.

Я благодарен господину доктору Гансу Рёллю, ассистенту экономического семинара при Высшей технической школе Брауншвейга. Он с большим умением оказал мне поддержку в предварительной проверке статистического материала и основных расчетах. Ориентиры моей работы, которым он чутко следовал, были в его руках достаточно гибки, чтобы не подвергать факты насилию. По его инициативе я также изменил в некоторых деталях первоначально предусмотренные шкалы.

Раздел II. Социально-статистические основы 3.

Формирование картины социальных слоев

Обозначим два основных широких подхода как грубую и глубокую классификации. Грубая классификация разделяет население по шкале производственных отношений, не задаваясь вопросом о социологической значимос-

ти результатов; она формирует, однако, соответственно подходу, особый средний слой, объединяющий мелких предпринимателей и выделяющихся высокой квалификацией получателей заработной платы и окладов. Далее будет показано, что такая картина социальных слоев, насколько бы она ни была полезна применительно ко многим экономическим вопросам, очень мало обещает с социологической точки зрения. Схема грубой классификации служит также в первую очередь для сравнения (и критики) с прежними оценками, в основе которых лежит по большей части то же самое расчленение на три слоя. Противопоставление этой схеме картины глубокой классификации одновременно показывает, каких изменений шкалы классификации требует переход от экономическо-объективистского к хозяйственно-социологическому и универсально-социологическому подходу.

Глубокая классификация непосредственно служит социологическим целям познания. Трехступенчатая схема о слишком многом умалчивает, она должна быть заменена пятиступенчатой. Сопоставим две ступенчатые схемы:

А. Грубая классификация	Б. Глубокая классификация
1. Капиталистический слой	1. "Капиталисты"
	~ 2. Средние и мелкие предприниматели
2. Средний слой	3. Индивидуально хозяйствующие работники
	4. Рабочие и чиновники высокой квалификации
3. Пролетарский слой	5. Рабочие и чиновники более низкой квалификации

Однако недостаточно разделить блок А2 на слои Б2 и Б4, а блок А3 на слои Б3 и Б5. По причинам, которые будут сейчас изложены, часть слоев рабочих и служащих при сопоставлении грубой и глубокой классификаций были передвинуты таким образом, что хотя в системе А они оказались в 3-м блоке, в системе Б они, вместе с "зависимыми" элементами из А2, переходят в блок Б4 вместо того, чтобы оказаться в Б5.

Грубая классификация соответственно производственным отношениям слишком обща для социологической оценки, поскольку население, получающее заработную плату, а также мелкие предприниматели дифференцируются на подслои, а эти части обоих слоев перекрестно объединяются в новые блоки. Обычное оправдание такого подхода заложено в ключевом понятии "средний слой". Как уже указывалось выше (с. 13) здесь срабатывает шкала "буржуазного" облика и образа жизни, который должен оправдывать объединение двух столь различных экономико-социальных элементов.

Понятие среднего слоя уже много раз становилось предметом горячих дискуссий, сопроводительной мелодией к которым были благоприятные или неблагоприятные для него социально-политические тенденции. Последние разделы этого исследования также посвящены критике среднего слоя, однако сознательно исключают все побочные социально-политические соображения.

Я никак не отрицаю, что между средними и мелкими собственниками, с одной стороны, и высококвалифицированными служащими, с другой, имеется немалое духовное родство. Но сходство относится только к отдельным, никоим образом не ко всем существенным чертам менталитета; далее оно охватывает далеко не все составляющие обоих слоев. Поэтому не оправдано ни объединение их в один блок, ни простое соединение обоих слоев по их функциям в обществе (например, по функции социального уравнивания).

То же самое относится, с другой стороны, к так называемым пролетариоидам и пролетариату, живущему на зарплату. Хотя отнесение индивидуально хозяйствующего субъекта, согласно его экономическому положению, к пролетариату и будет правильным, однако пролетариату приписываются определенные общественные и экономические убеждения или определенный стиль и представления о жизни. Поэтому объединение мельчайших собственников всех сфер экономики с живущими на заработную плату неправильно. При переходе к вопросу о типичной для слоя установке понятие "пролетариат" стало бы тогда недопустимым *petitio principii*: вместо определения общественного менталитета и объединения его типичных носителей определенный менталитет, расцениваемый как "пролетарский", а *proio* приписывается элементам, характеризующимся как "пролетарские", согласно их экономическому положению, как присущий им. Тот, кто отрицает "соответствующий" менталитет, имеет в таком случае так называемое неправильное "классовое сознание". На этом мы еще остановимся подробно в последней главе. Здесь достаточно констатировать: субъекты хозяйства, действующие как хозяева своей трудовой жизни и использующие хотя бы в малейшей мере свой производственный аппарат, должны и в среднем слое, и в пролетариате отличаться от рабочей силы, получающей зарплату.

Результат вызовет, вероятно, сначала возмущение тем, что числа, рассчитанные для так называемого среднего слоя, окажутся гораздо ниже большинства оценок. Отклонение от привычных представлений о его величине не должно быть, однако, причиной тому, чтобы отмахнуться от результата. Рассчитанное число должно обладать преимущественными правами перед оценочными, по крайней мере, до того момента, пока не опровергнуты методы расчета. Критика должна быть направлена на метод, выбор шкал и на составляющие результата, но не на итоговые числа. Сегодня, когда проблема среднего слоя стала таким важным политическим делом, имеется, к сожалению, опасность, что при низких числовых величинах этого слоя населения возникает по отношению к нему пренебрежение. Но это проявится в меньшей степени, если средний слой будет оцениваться не целиком, а

шаг за шагом будет контролируемым образом слагаться из его отдельных элементов. Пока элементы среднего слоя или части населения, которые привычно рассматриваются как принадлежащие к среднему слою, находятся под экономическим давлением и под угрозой, они заслуживают нашего человеческого и гражданского сочувствия. Но эти заслуживающие уважения чувства, движущие силы социально-политических действий и ориентированной на это прагматической литературы, столь же неуместны в эмпирическом исследовании, как *и* пренебрежение. Сверх того, средний слой не будет по-настоящему рад сочувствию, которое исчерпывается высокой оценкой его массы, если не будет возможности вернуть ему его прежнюю первоочередную роль в динамике общества или освободить его от давящего бедственного жизненного положения.

Средний слой в нашем традиционном представлении о его величине раздут сверх всякой меры, поскольку его подлинное ядро отягощено многими сомнительными пограничными слоями. В случае очень приблизительных оценок объединение отдельных частей населения в средний слой скрывает часто "поп *liguet*". Чистокровных капиталистов и пролетариев выделить относительно легко, к центру границы расплываются. В этом случае, как показывает опыт, легко склониться к тому, чтобы в сомнительных случаях предпочесть золотую середину одной из двух крайностей. Поэтому при таких расчетах средний слой всегда оказывается слишком велик. Когда, к примеру, Цан относит к среднему классу всех служащих и ремесленника-одиночку, то тем самым понятие среднего класса, конечно, подвергается насилию. Также здесь и обращение к мелким элементам оказывается преимуществом: при таком виде расчета центральное положение не играет более в такой степени роль промежуточного. Поэтому для меня средний слой оказывается много меньше, чем в других расчетах, где фигурируют цифры около 50%. В особенности это относится к грубой классификации, которая здесь должна быть привлечена к сравнению собственно потому, что речь идет в этом случае об "экономико-социальном" положении, используемом в большинстве оценок классов. В глубокой классификации я снова несколько сближаюсь (в ином аспекте) с числовыми результатами других; там речь идет для меня о слоях населения как *типичных координатах жизненных стилей, социальных и политических менталитетов*. В этом случае граница среднего блока должна быть сдвинута в сторону пролетариата, поскольку сейчас в экономически резко пролетаризированных слоях господствует явная "идеологическая боязнь пролетариата". Поэтому, когда я ищу типичные социальные координаты общественно-политических менталитетов, то средний блок становится больше, чем в том случае, когда я стремлюсь к классификации согласно социально-экономическому положению. К примеру непонятно, как может Тобис категорически указывать на "индивидуальный труд" как характерный признак среднего слоя и затем целиком относить к среднему слою служащих.

Тем самым здесь допускается ошибка, уже подвергнутая критике выше (s. 13): распределение по слоям, предпринятое согласно объективным признакам, перечеркивается и искажается из-за учета субъективных особенностей. Гарантией против этого служит именно возвращение к мелким элементам: не все служащие причисляются к среднему слою, потому что, согласно опыту, большая их часть думает как средний слой, но определенные части служащих, определяемые статистически как элементарные группы, относятся к тому или иному главному слою по аутогенетическому принципу группировки (метод ступенчатого продвижения).

Конечно, несмотря на все усилия, не избежать затруднений с классификацией полностью, особенно применительно к лицам хозяйственного подразделения G. Но если они не накапливаются, они не должны вызывать особой озабоченности, поскольку, как еще будет показано, средний слой — это не "координаты типичного общественного менталитета", но "типичные координаты путаницы общественных менталитетов".

Так что же означают две наши системы классификации? Ни одна из них не содержит каких-либо социально-ценностных характеристик. Грубая классификация вообще говорит лишь об объективном экономическом положении блоков населения. Глубокая классификация содержит настолько же мало социально-ценностных характеристик, насколько она может неожиданно выйти на таковые. Сопrotивление отнесению определенных групп населения к так называемому "пролетариату" слишком часто происходит из престижных претензий. Но если я характеризую элементы населения как "пролетарские", то я далек от того, чтобы тем самым низко их оценить. Не получается ли наоборот — другие непременно хотят видеть их в среднем слое, поскольку они снабжают так называемый "пролетариат" совершенно незаслуженной им низкой оценкой со своей стороны. Но речь идет все же не о том, чтобы осуществить оценочное ранжирование, а об определении различий менталитета в ходе констатирующего анализа социального положения.

К сожалению, для типа, подразумеваемого под "пролетариатом", нет иного краткого и имеющего широкое хождение выражения, далекого от положительных и отрицательных эмоций, которыми отягощено само это слово. Чтобы избежать балласта ранжирующих оценок, я использую здесь это слово с большой сдержанностью. В схеме грубой классификации оно стоит потому, что там оно на месте в своем экономико-техническом значении и, несомненно, свободно от оценок. В схеме глубокой классификации оно заменено, как и полинявшее от разноцветия выражение "средний" слой, другими обозначениями¹. К сожалению, они слишком длинны и описательны, чтобы пользоваться исключительно ими также и в тексте. Здесь я должен опять прибегнуть к словам "средний слой" и "пролетариат", однако особо подчеркиваю: это привычные аббревиатуры и не более того.

¹ Ср.: Обоснование этих обозначений на s. 30ff.

Наконец, я не придаю никакого значения тому, чтобы граница между "средним слоем" и "пролетариатом" проходила именно там, где, как я считаю, она должна пролежать. Еще обнаруживается то, что я вовсе не считаю два блока в этом разделении едиными слоями общества. Мне не важно, где должны разделяться "средний слой" и "пролетариат", для меня важны границы и типические различия меньших частей этих слоев, объединенных в оба суммарных блока. Как много или мало из них объединены в средний слой, имеет здесь наименьшее значение, поскольку средний слой в любом случае охватывает элементы очень различающихся менталитетов и, по моему мнению, никогда не может пониматься как единый или замкнутый слой или класс в универсальном социологическо-историческом смысле. В глубокой классификации, которая должна быть логична лишь с точки зрения социологии, средний слой и пролетариат различаются лишь как рабочие гипотезы и в соответствии с принятым употреблением этих слов. Их противопоставление не имеет ничего общего с положениями этого исследования.

Соотношение этих двух масс в грубой классификации представляется однако гораздо менее удивительным, если сравнить его с результатом цензовой статистики. Статистика подоходного налогообложения в 1926 г. показывает только 10% плательщиков налога с заработной платы и 25% налогоплательщиков с годовым доходом более чем 3000 марок. Картина становится еще более впечатляющей, если выделить доходы ниже 1500 марок.

В 1926 г. были обязаны платить налог на заработную плату		23,2 млн.
Из них освобождены	0,3	
Не обложены налогом	10,4	
Из обложенных имели меньше		
1500 немецких марок	7,1	

	17,8	
В 1926 г. были обложены	-----	3,8 млн.
Из них имели, меньше		
1500 немецких марок	1,7	

Суммы	19,5	27,0 млн.
	= 72,6%	

Квота доходов ниже 1500 марок соответствует рассчитанной здесь доле пролетариата в самостоятельном населении (74,77%). Сравнение должно рассцениваться, конечно, лишь как иллюстрация; есть "пролетарии" с более высоким доходом и "средний класс" с более низким доходом.

Средний слой охватывает в двух своих ветвях (собственники и работающие по найму) очень много ступеней шкалы социального ранжирования, уровня жизни и пестрое множество типичных для места пребывания стилей

жизни. С социологической точки зрения, особенно применительно к социологии партийного дела и политического менталитета, было бы чрезвычайно желательно еще раз разделить внутри обеих частей среднего слоя нижнее и верхнее среднее положение. Шмоллер это сделал, но положенная им в основу шкала размеров дохода дает различия, непригодные для социологии. Тобис считает, что дифференциация двух средних положений не имеет ценности потому, что высокие и нижние элементы среднего слоя не могут проводить собственную *политику* внутри среднего слоя. Против этого можно много чего сказать: социологов интересует в классах не только то, насколько они могут быть носителями собственной политики; к примеру, в пределах среднего слоя весьма значительны различия в стиле жизни, оценке жизни и социальном мышлении. Их однако не охватишь шмоллеровской шкалой размеров дохода — в этом Тобис прав. Им соответствует скорее различие "старого" и "нового" среднего слоя или различие собственников и работающих по найму. Я пытался провести сверх того еще более тонкое разделение, но не выполнил это, поскольку шкалы оказались слишком ненадежны — там, где мы зависим от оценок, неизбежны округления, а возникающие отсюда источники ошибок тем более опасны, чем тоньше различия, которые должны быть установлены <...>

Раздел III. Основные направления интерпретации: картина расслоения

2. Пять основных масс: социальные позиции и облики менталитета

Наши совокупные слои слагаются из целых рядов отдельных позиций, пограничные линии главной классификации проведены от поперечной дифференциации к профессиональному положению и отрасли экономики. Мы проходим пять блоков таким образом, что сначала в связи с анализом, данным в докладе о количественном распределении, выделяется внутренняя множественность отдельных слоев; кроме того, делается видимым изобилие пограничных фигур. Если статистик очень аккуратно разделит свою бумагу на колонки и разместит числа справа и слева от черты, то социограф должен держать запястье свободнее: жизнь не проводит ясных границ, но разыгрывается в тысяче промежуточных форм. Конечная задача: получить из пестрого многообразия единую картину — только подходить к ней с осторожностью.

1

Относительно количественно слабого капиталистического слоя при случае утверждалось, что высококапиталистическое сознание поражено потря-

сениями¹, исходящими от среднего предпринимательства и шатается. Ярко выраженная высококапиталистическая позиция должна быть сравнительно исправно сохранена у руководителей обезличенных крупных предприятий, т.е. подлинных представителей анонимного капитала. На эти 15000 лиц (мы считаем здесь всегда только работающих), к которым может быть добавлена еще верхушка рантье, приходится центр тяжести слоя.

Насколько ударная волна кризиса доверия к капитализму распространилась на персонифицированное промышленное предпринимательство, сказать трудно. Субвенционирование НСДАП не может служить тому мерой, даже если бы было возможно точно установить источники финансирования. Оно осуществляется определенно не без того, чтобы поддержать недвижимый сословный капитализм гитлеровского движения, но в ожидании, что тем самым может быть нанесен ущерб экономической боевой силе профсоюзов. Все же среди персонифицированного крупного промышленного предпринимательства, несомненно, наличествует антипатия к политике объединения в концерны и растущее недовольство банковским капиталом.

В торговом предпринимательстве граница менталитетов обозначена, очевидно, гораздо отчетливее. Малое и среднее предпринимательство заняло здесь самые резко очерченные фронтовые позиции против крупной хозяйственной организации и финансового капитала. Крупные персонифицированные торговые предприятия, напротив, самым жестким образом придерживаются экономического либерализма.

В противоположность тому вера в современный капитализм сократилась, пожалуй, во всем крупном афарном предпринимательстве — насколько она там когда-то наличествовала. Там всегда были очень сильны феодальные и патримониальные представления, и расхождения в сознании между аграрным и промышленно-коммерческим капиталом постепенно росли по мере того, как развертывался промышленный капитализм. Имманентная капитализму идея мирового хозяйства не может быть по вкусу афарному предпринимательству промышленной страны. Здесь мы имеем иллюстрацию к тезису, развитому на *s. 12 ff.*: элементы населения, которые по их социально-экономическому положению должны быть объединены в единый блок, еще не составляют отдельный слой. Согласно их менталитету, они должны, возможно, фуппироваться иначе. В пределах сгруппированного по объективным признакам слоя капиталистов весь подблок крупных афариив относится, по интерпретации его сознания, вероятно, много более, к соседнему слою, поскольку собственники не являются одновременно промышленниками (сахар, спирт, кирпичные заводы и т.д.) и не ориентируются по этой составляющей основы своего существования более, чем по афарной.

Если здесь промышленный капиталист оказывается более родственен крупному афарию, чем крупному торговцу и банкиру, то это полностью соответ-

¹ *Eschmann. Krise des Bürgertums... // Die Arbeit. 1931. S. 363 ff.*

ствуует хозяйственно-историческим наблюдениям Брикманна¹, согласно которым промышленника (*maitre de forges*) объединяет с землевладельцем относительная неподвижность вложенного капитала, в тяжелой промышленности длящаяся поколениями привязка к промышленному стандарту и (из молодости современной промышленности) своеобразная смесь феодального и ремесленно-сословной патриархальности в отношении к наемному рабочему. Последняя черта пережила свой упадок в доктрине "хозяина в доме" и отмерла в обезличивающий современной гигантской промышленности.

Но именно потому, что те идеалы еще находят отклик у персонифицированного предпринимательства крупной промышленности, оно — не только экономически заинтересованный противник финансового капитала, но, в силу наследственного сознания, открыто по отношению к критике современного крупного капитализма.

Менталитет крупных рантье не поддается единой оценке, поскольку он зависит от неизвестного социального происхождения личности и от формы вложения их денежного капитала.

Таким образом, для соотношения между капиталистами как блоком населения и капиталистическим слоем характерно следующее: кризис позднего капитализма настолько поколебал надежную позицию слоя, что ядро слоя значительно сократилось. Крупные аграрии, значительная часть промышленников, небольшое число крупных торговцев стоят по менталитету близко к среднему предпринимательству, и наоборот — верхушка среднего слоя, особенно в торговле и промышленности, склоняется, естественно, к ярко выраженному высоко капиталистическому виду мышления. О значении этих границ сознания сравни *s. 122 ff.*

Последние события в немецкой партийной сфере очень наглядно демонстрируют этот "кризис капиталистического мышления": сегодня нет больше крупной и сильной партии, которая представляла бы идеи свободного капиталистического хозяйства. Немецкая народная партия как последнее политико-организационное воплощение экономического либерализма перемолота. Государственная партия — хотя и носительница либеральных идей, но определенно не крупнокапиталистической веры в прогресс. В центре и в Немецкой национальной партии мы находим, правда, некоторых крупных промышленников, но, конечно, нет никаких верующих в поздний капитализм.

2

Несравненно богаче шкала типов внутри мелкого и среднего предпринимательства настолько, что об описательном перечислении типов в рамках одной брошюры нечего даже и думать. Остается только выделить здесь некоторые существенные черты.

¹ *Die Umformung der kapitalistischen Gesellschaft*// *G.d.S. IX/1 insbesondere s. 18ff.*

Пограничные звенья между этим слоем и слоем капиталистов составляют именно те упомянутые, разочаровавшиеся в капитализме крупные предприниматели и крупное ремесленничество. Хотя крупное землевладение и является нетипичным элементом внутри слоя капиталистов, оно не создает настоящей связи со средней буржуазией, находясь скорее в плену традиций верхнего феодального слоя прошлого. Но постепенно сокращается число носителей этих феодальных традиций и исчезает убежденность, с которой к ним прибегают.

В "старый средний слой" ушла культура раннекапиталистической общественной эпохи. Несмотря на все современные влияния она по-прежнему жива, по крайней мере у части этого блока населения — реликт, способность к сопротивлению и моральная сила которого не должны недооцениваться.

3. Критика понятия среднего слоя

А. Три хозяйственных менталитета

Уже с первого беглого взгляда становится ясно, что эмоциональное отношение к капиталистическому экономическому порядку не может служить достаточным критерием доказуемых хозяйственных менталитетов. Психическое состояние, соответствующее современному крупному капитализму, обнаруживается лишь у капиталистов и в верхнем слое средних собственников. При этом несомненно правильно, то что позднекапиталистические кризисные явления нанесли удар этому менталитету сначала в кругу средних собственников, а уже оттуда сотрясение перекинулось в небольшой слой собственно капиталистов. Постольку — но лишь постольку — правилен тезис деятельного круга о том, что фронт классовой борьбы "сдвинулся вправо". Однако, если бы в антагонизме хозяйственной воли дело шло только *об этом*, борьба давно бы разрешилась. Маленькая тающая кучка чистокровных капиталистов, несмотря на превосходство в средствах власти, не смогла бы противостоять сплоченному штурму антикапиталистов. Но фронт антикапиталистов не существует. Эшманн¹ и его единомышленники верят, что он не существует только потому, что средняя буржуазия не хочет присоединиться к *пролетарскому* социализму, а рабочие не могут быть привлечены к социализму национальному. Согласно этому, фронт социалистических убеждений расколот только государственно-национальными менталитетами. Этот разлом нельзя отрицать, и он еще попадет в поле зрения. Но сам по себе он не имеет решающего значения, он отделяет рабочих без высокой квалификации от большей части квалифицированных рабочих.

Но мелкие собственники отделены от рабочих не только такими, в экономическом аспекте системно чуждыми элементами сознания, но и отношением к частной собственности на средства производства — т.е. критерием в очень общем смысле социалистического и капиталистического сознания. Фронт классовой борьбы *не* сдвинулся вправо. Сегодня он проходит еще

¹ Zur Krise des Burgertums...//Die Arbeit. 1931. S. 362 ff.

там, где проходил. Социалистический менталитет все еще типичен для немалого рабочего, справа проходит совсем другая граница менталитетов: она отделяет современный *высокий капитализм* от романтического *старого капитализма*, менталитет анонимного предпринимательства — от менталитета индивидуального, персонифицированного предпринимательства. В сфере старокапиталистической хозяйственной романтики, у средних и мелких предпринимателей еще сегодня жива идея собственности, привязанность к буржуазному пониманию личной собственности и личной ответственности за собственность. Чем сильнее угроза средней и мелкой собственности — из-за экономического кризиса или из-за того, что экспансия крупного капитала обесценивает мелкую собственность на средства производства в руках собственника — тем ревностнее и фанатичнее защищается идея собственности. В этом отношении социалистический прогноз, согласно которому нарастание обнищания буржуазии приведет ее к социалистическому сознанию, оказался обманчив. Индивидуально занятые работники, с экономической точки зрения, несомненно, относятся к пролетариату; по менталитету же идея собственности отделяет их большей частью как пропасть от социализма рабочих, зависящих от заработной платы, определяемой не ими. Различие между средними собственниками и индивидуально занятыми работниками состоит, собственно, лишь в том, что вторые представляются уже разочарованными, тогда как первые именно сейчас вступили в отчаянную борьбу против давления, оказываемого с обоих флангов. Этот факт идеи собственности (подразумевается, конечно, всегда только собственность на средства производства) выгибается даже в сторону пролетариата: он охватывает значительную часть "давно осевших на месте" промышленных рабочих, живущих на земле, находящейся в их владении. Прежде всего, это часть рабочих в Силезии и на немецком Западе, отпрыски семей бывших мелких крестьян, в хозяйственно-профессиональном существовании которых сменился лишь акцент: некогда крестьяне с побочной профессией, к примеру, горнорабочих, — сегодня они горнорабочие с побочно ведущимся собственным сельским хозяйством. Они представляют особый тип менталитета, и поэтому этот миллион человек, ведущих смешанное промышленно-аграрное существование, надо особо вычленивать при классификации, чтобы так же, как надомников, прибавлять их к тому или иному большому слою.

Под углом зрения идеи собственности индивидуально занятые работники по большей части много ближе к мелким собственникам, чем к пролетариату. До этого уже было показано, что эти две группы населения находятся в тесном родстве также и с иной точки зрения: оба блока получателей дохода в форме заработной платы, с точки зрения идеи собственности, должны быть объединены. Надо еще посмотреть, почему они не образуют единый политико-социальный фронт. Отчасти определяемый экономическим положением порядок фронтов перечеркивается типичными для слоев различиями в менталитете, не имеющими экономического характера; отчасти причина в том, что относительно недавняя перегруппировка слоев еще не могла найти свое яс-

ное проявление в адекватном менталитете. В действительности объективно наличествуют явные симптомы менталитета, направленного против капиталистической монополии на средства производства, однако объективно соответствующие слои до сих пор уклоняются от осознания этих симптомов.

С этого момента становится возможным, даже необходимым переориентироваться со специального социологического понятия "слой" на универсальное социологическое понятие: как представляется, в поперечном разрезе современного населения Германии на двух внешних флангах в многозвучии тотального типа менталитета господствует *экономический* менталитет. На обоих флангах — капиталистов и низко квалифицированных рабочих — локализованы ориентированные по экономическому мышлению, обусловленные местом в экономике, тотальные общественные позиции. Они с растущей силой распространяют с обоих флангов свое воздействие на середину и оказываются тем самым тенденциями, задающими историю. Но у среднего и малого предпринимательства, индивидуально хозяйствующих работников и высококвалифицированных рабочих много ярче выражены черты менталитета, чуждые экономической мотивации. К примеру, граница между блоками неквалифицированных и высококвалифицированных рабочих оказывается одновременно тем рубежом, где место в экономике как детерминанта общественного сознания в значительной мере в типичной массе случаев перечеркивается другими идеологическими и определяющими менталитет факторами. Это означает не только то, что здесь задаваемые экономикой черты облика тотальных менталитетов отступают перед другими — более того, сама экономическая *идеология* определяется отчасти неэкономическими моментами.

Однако общей для элементов, зависимых от заработной платы, является склонность к профсоюзной организации. В этом обнаруживается — сознательно или бессознательно, идеологически осмысленно или в полутени несмысленного менталитета — собственно антикапиталистическое настроение, так как профсоюзная организация означает, что работающие по найму формируют коллективную рыночную форму, и монополия наемного труда становится ответом на монополию средств производства.

Насколько ясной и простой представляется картина обоих внешних флангов, настолько запутанным и не просматриваемым показывает себя средний блок. Такое впечатление только усиливается при более тонком анализе и особенно при попытке обзора ментального и идеологического состояния средних слоев.

Партийно-политическое развитие последнего времени создает, правда, впечатление, что решение загадки может быть очень простым и это решение настолько полностью соответствует желаниям нового и сильного партийного направления, что оно провозглашается аксиомой: на обоих флангах господствует экономическое мышление и определяет общественное настроение в целом. Так сходятся лицом к лицу материализм алчности и пролетарский материализм, давно угрожая сокрушить буржуазность середины. Между тем немецкая буржуазия, до сих пор малодушная и раздробленная, пробивалась и объединялась в единый твердый блок идеалистически-национального общественного сознания. Народные чувства и государственная воля

составляют господствующие черты его менталитета; не экономическое поведение и экономическое мышление определяют здесь общественную позицию, но наоборот: государственно-национальные убеждения предопределяют экономическое мышление. С этого момента выбор не гласит более: "капитализм — социализм", но "экономический материализм любого направления — государственно-народный идеализм".

Если бы партийные соотношения момента позволяли судить о предстоящем развитии истории, то этот тезис, вероятно, имел бы силу. Но таковы ли они? Не надо ли здесь, и именно здесь, искать менталитеты, которые таятся за идеологическими выступлениями? Что касается средних слоев, то надо спросить: 1. Как могла предшествующая неразбериха менталитетов так быстро уступить место широчайшему единодушию? И так, где мотивы объединения? 2. Действительно ли старые внутренние противоречия устранены или они только скрыты успешной агитацией в пользу умело ориентированной на сиюминутные настроения идеологической формулы? 3. Может ли сплочение сил быть продолжительным?

Короче говоря, там, где поднимается вопрос о современном социальном расслоении немецкого народа, главный интерес сегодня с полным на то основанием направлен более не влево, но на середину. *Однако проблема так называемого среднего слоя неразрывно связана в настоящее время с проблемой национал-социализма. Вопрос о национал-социализме становится критическим сравнением между идеологиями и менталитетами в среднем слое, а проблема менталитетов среднего слоя неожиданно оказывается критикой понятия "средний слой".*

Г. Шельски и др.

Безработица и необходимость профессиональной подготовки молодежи

Глава 5. Молодежь в индустриальном обществе и безработица

Г. Шельски

I. Основные подходы к проблеме 1.

Социологический пласт проблемы

В представленных работах усилия были направлены на то, чтобы установить и прояснить многоаспектность безработицы и необходимости профес-

Источник: Arbeitslosigkeit und Berufsnot der Jugend. II. Bd/Unter wissenschaftlichen Leitung von H. Schelsky. Köln: Bund Verlag GMBH, 1952. Пер. с нем. А.А. Максимовой.

сиональной подготовки молодежи в Западной Германии с присущими ей групповыми и социальными различиями и характерными особенностями в отличие от стабильности профессионально подготовленной и работающей молодежи. Однако в заключение необходимо принять во внимание и иную попытку — обобщающей социально-научной интерпретации. Не в том смысле, чтобы "юношескую безработицу просто" выделить в отдельный социальный феномен — это означало бы в конце работы допустить ошибку, устранению которой должны бы помочь наши изыскания. Нет, мы поднимаем другой вопрос: насколько выявленные в процессе исследования существенные черты и отношения безработицы и необходимости профессиональной подготовки современной западногерманской молодежи соответствуют состоянию и всему устройству нашего общества, и каким образом оно ее защищает, отражает или вовсе предопределяет. При этом нам хотелось бы понять изучаемую нами текущую безработицу, ее признаки, исходя из *общей ситуации молодежи в индустриально-бюрократическом обществе*.

Но и при такой постановке вопроса мы должны лишь определить его рамки, исключив недопонимание. Общая связь, в соответствии с которой следует рассматривать современную безработицу, и условия, которые мешают молодежи и тормозят ее при выборе профессии и получении специального образования, состоят, видимо, в том, что все это — трудности вступления современной немецкой молодежи в реальный мир и приспособляемости к обществу взрослых.

Причины, которые обуславливают трудности приспособляемости, многообразны; среди них мы хотим выделить три группы или уровня, имеющие свою собственную проблематику, а тем самым — собственный подход и характерную для них методику научного понимания.

1. Прежде всего, эти трудности могут объясняться просто юношеским развитием и уходить корнями в проблематику возрастной зрелости, связанной с принципиальными изменениями, происходящими в окружающей социальной среде; юноша находится в том возрасте, который мы называем переходным периодом его физического и духовного развития от детства к зрелости, в процессе которого он выходит из-под опеки и заботы семейных уз и вступает сразу в пору индивидуальной независимости — самостоятельной профессиональной и трудовой жизни. Такие трудности вхождения молодежи во взрослую жизнь есть и были во все времена и во всех обществах. К их научной трактовке следовало бы подходить, ориентируясь прежде всего на возрастные психологические или антропологические аспекты. К тому же все вопросы и трудности существующей безработицы и необходимости профессиональной подготовки *базируются на пласте проблем духовно-физического развития юношества*, и в связи с этим они требуют срочного разъяснения и внимания к ним.

2. Помимо этого следовало бы задать вопрос: не ставит ли современное индустриально-бюрократическое общество в противовес процессам перехода подрастающей молодежи во взрослую жизнь совсем особые и присущие имен-

но ему *препятствия*, корни которых берут начало в *природе и устройстве современного общества* и вполне определены временными и территориальными рамками. Такой подход, собственно говоря, мог бы соответствовать социологической постановке вопроса. Он должен был бы содержать понимание современной безработицы и нужду в подготовке специалистов среди молодежи как следствие развития индустриально-бюрократической структуры общества.

3. По-видимому, следующий пласт проблем обусловлен тем, что истоки экономических трудностей и трудностей, связанных с получением образования молодежи, следует искать *в современном политическом положении и в исторической судьбе Германии*. Война, разруха и ее последствия: человеческие потери, с одной стороны, перенаселение и потеря корней за счет насильственного переселения немцев на историческую родину, с другой стороны, парализация экономики, ее политически обусловленный распад, послевоенное снижение школьного образовательного ценза, низкая эффективность работы государственных учреждений и т.д.; общее обеднение и финансовая несостоятельность государства, — это, на самом деле, именно те силы и факторы, которые самым решительным образом определяют предмет нашего рассмотрения. С этой точки зрения следовало бы исследовать безработицу и необходимость профессиональной подготовки молодежи в Западной Германии, прежде всего, как эпохально-историческую и политическую проблему, главным образом, в политэкономическом, социально-политическом и политико-управленческом аспектах, как это много раз делалось и делается.

Склонность выдвинуть на первый план этот третий пласт проблем современной безработицы среди молодежи практически вполне обоснована; прежде всего, из нее формируются подходы для реализации практических социально-политических, политико-трудовых и политэкономических мер по преодолению или уменьшению трудностей, возникающих при трудоустройстве молодежи или получении ею образования. Но именно большой выбор и действенность мер по решению проблем безработицы молодежи, выработанных на основе данного понятийного пласта, определяются средствами и структурами, содержащимися в двух других пластах рассматриваемой области. При этом изучение вопросов духовного и физического развития молодежи является более обычным делом, нежели учет социальных общественных структур, в которые эти вопросы должны влиться как составляющая часть за счет реализации этих мер.

К сожалению, самым несправедливым образом все более намечается тенденция изолированно представлять социальные и политические проблемы современности как эпохально-исторические исключительные удары, которые наносит судьба, и вообще недооценивать их взаимосвязь с закономерностями развития и структурами современного исторического общества. Если рассматривать это взаимодействие, т.е. актуальные социальные аспекты с позиции, обозначенной нами во втором понятийном пласте, то исторические события прошедшей войны и ее последствия проявляются только

как радикальные средства выражения развития индустриально-бюрократического общества вообще. Внимание к структурам всего общества в практике применения социально-политических мер по устранению безработицы и профессиональной неподготовленности молодежи так же важно, как планируемый учет процессов взросления подрастающего поколения. Состояние общества в целом, составляющее основу любой социальной потребности, является определяющим при выборе практических мер помощи в соответствии с реальными возможностями. Неверны, например, устаревшие или предвзятые представления о глубинных структурах и закономерностях развития состояния социального строя, которые делают практические меры слишком доступными для утопий или иллюзий или же ведут по неверному пути, даже если узкие направления определены планами. И если мы сосредоточиваемся на понятийной базе второго пласта рассматриваемой области, на уяснении свойственных ему трудностей, которые в индустриальном обществе противостоят процессу вхождения молодежи в мир взрослых и которые также проявляются в условиях существующей безработицы и определяют профессиональную неподготовленность молодежи в Западной Германии, то это происходит по вполне практическим соображениям.

Попробуем еще раз с помощью краткого обзора уяснить, какие же задачи должны быть решены при вступлении юношества в трудовую и профессиональную жизнь общества и в каком направлении должна идти поддержка, если в этот переходный период возникают особого рода трудности, например, из-за недостаточных возможностей получения образования или даже трудоустройства. Три группы задач, которые следует назвать, находятся во взаимодействии с уже приведенными выше пластами понимания нашего состояния, хотя они частично также переплетаются или пересекаются.

1. Привыкание молодежи к взрослой жизни в начале ее профессионального и трудового пути после выхода из-под влияния родительского дома и школы представляет собой весомый отрезок жизни, влияющий на формирование и становление конкретного человека. Воспитание и формирование особых черт личности, а также развитие способностей каждого человека — вот некоторые из задач, которые должны в этом процессе продолжать осуществляться и выполняться и которые должны находить отражение при реализации всех мер, направленных на решение проблем занятости. Воспитательные, в особенности профессионально-педагогические аспекты определяют исходя из этого существенным образом и меры, уже принятые против безработицы и направленные на преодоление трудностей, связанных с получением образования, и те меры, которые должны быть приняты.

2. Вступление юношества в профессиональную жизнь представляет собой также постоянный процесс обновления всего общественного строя; при таком включении в общественную жизнь происходит регенерация определенной социальной структуры и поддержание наиболее важных социальных способов поведения, определяющих само общество. Если такое упорядочивание не происходит или же на его пути возникают серьезные препятствия,

например, при недостаточности рабочих мест и возможностей получения образования для молодежи, то в этом случае — поначалу как нежелательное явление — начинают происходить коренные изменения социальной структуры и социальных норм поведения, по меньшей мере, в части мотивов поведения и жизненных запросов. Все меры, принимаемые для устранения такого рода трудностей, имеют, по своей природе, социально упорядочивающий характер в том глубоком смысле, что они — вольно или невольно, — формируют основные черты общественного строя и оказывают обратное влияние на устройство и развитие социального целого. Поэтому меры и переустройство, направленные на повышение профессиональной подготовленности молодежи, следовало бы по праву рассматривать в общественно-политическом аспекте. Правда, при этом необходимо было бы выдвинуть требование, чтобы глубинное социальное влияние этих мер на общественное поведение человека, на его социальные привычки, а также на будущую структуру труда и профессиональную структуру общества было оценено не столько программно, сколько трезво, на основе социологической вероятности.

3. В конце концов, вступление юношества в мир труда означает еще и определенную экономическую и материальную производительность и именно этим путем определяется и оценивается. Поскольку экономика не в состоянии включить молодежь в производственный процесс или хотя бы предложить ей возможность трудоустройства и получения образования, к которому она стремится, потребуются иные экономические и финансовые возмещения. При таких взаимосвязях безработица и необходимость профессиональной подготовки молодежи являются прежде всего задачами экономической и финансовой политики, а также политики в области труда и производства. А там, где политика не в состоянии справиться с такими трудностями как раз из экономических соображений, — то и задачами возмещения затрат с помощью социальной политики в узком смысле слова.

Понимание социологической составляющей проблемы безработицы молодежи может как-то способствовать решению всех трех групп задач, но корень ее ответственности, без сомнения, состоит в том, чтобы разъяснить и обратить внимание на последствия для всего устройства общества, на развитие положительного социального характера поведения подрастающего поколения и на необходимость включения молодежи в трудовой процесс. Оказание такого рода содействия в решении проблем современной безработицы и профессиональной подготовки молодежи в Западной Германии должно стать задачей данного социологического исследования.

2. Признаки и уровень развития индустриально-бюрократического общества

Как ни желательно было бы здесь дать анализ современного устройства общества, чтобы затем показать взаимосвязь современной безработицы молодежи со структурой современного общества, из-за ограниченности объема приводимого материала мы должны пойти по другому пути. Попытаемся

показать ту общественную структуру, которая в какой-то мере определяет характер безработицы и проблемы профессиональной неподготовленности молодежи, и ограничимся некоторыми ключевыми характеристиками современного устройства общества и принципиальной установкой относительно развития его состояния.

Называя общество индустриально-бюрократическим, мы уже предполагаем две важнейшие характеристики его современной структуры: *индустриальную форму производства* и *бюрократическую форму власти* во всех областях управления и жизни. Представим, что 150 лет назад наша форма производства была еще в основном аграрно-ремесленной, что примерно две трети населения были заняты в сельском хозяйстве (в то время как сегодня этот показатель составляет только седьмую часть), а сегодня, наоборот, более трети всех работающих трудятся в промышленных отраслях и другие области экономики решительно определяются развитием промышленного производства. Представим, далее, что из феодально-высокоразвитой формы управления с малыми, зачастую созданными на общественных началах управленческими органами, образовалась анонимная власть крупных бюрократических организаций в виде партий, учреждений и т.д., — тогда мы, пожалуй, сможем заметить поразительные и весомые изменения в нашей социальной структуре, произошедшие за последние сто лет. Различия между старой и современной формой общественного устройства привели к понятиям *статичной* и *динамичной* социальных структур, дабы стабильности и относительной однообразности способов производства, условиям проживания людей, сложившимся жизненным привычкам, принадлежности к определенным социальным группам в противовес социальному и политическому самосознанию и т.д. патриархального общества можно было бы противопоставить в качестве характеристики современного общества быструю сменяемость всех этих условий и основательную длительность изменения социальной ситуации.

В то время как жизнь отдельного человека при старых общественных формах семьи, получения должности и общественного мнения протекала по твердо заведенному порядку и окружающая социальная среда в ее обыденности и закостенелости давала для этого уверенность и создавала условия для доверительных привычных взаимоотношений, современное социальное устройство ставит людей перед все новыми и ошеломляющими ситуациями, постоянно требует от них умения приспосабливаться и проявлять гибкость поведения в изменяющихся условиях общественной и частной жизни¹. На

¹ Элтон Мэйо формулирует противоречие обеих общественных форм в понятиях "стабильного" и "адаптированного развития" — различие, которое часто приводится в американской социологии; см.: *Elton Mayo. The Social Problems of an Industrial Civilisation*. В немецком издании: "Проблемы условий индустриального труда" (*Probleme industrieller Arbeitsbedingungen*. Frankfurt, 1949).

деле *повышение социальной мобильности* в каждой форме его проявления можно рассматривать как самый общий закон развития современного общества, понимая под этим рост как региональной мобильности, т.е. увеличение миграции, перемену мест жительства группами людей и индивидами, так и вертикальной социальной мобильности — большое число различного рода процессов социального подъема и спуска.

Разложение любой из групповых связей и растущее проявление такого типа поведения индивида, как вседозволенность, также можно истолковать как повышение персональной мобильности, которая особенно заявляет о себе в достаточно навязчиво доказываемой форме (идейной мобильности), быстрой и радикальной сменой социальных и политических образцов и возможностью выбора между личными и социальными условиями и ценностями.

Это противоречие между статичным и динамичным устройством общества выражает, правда, лишь тенденцию развития: наше общество на протяжении 150 лет находится в стадии перехода от статичных к динамичным структурам, причем это развитие, без сомнения, ускорило в Германии именно в последние десятилетия вследствие войны и послевоенных событий, *но и теперь остатки статичной структуры общества все еще смешиваются с динамичными структурами мобильного общества*. Задача реального социологического анализа современности — как раз *установить соотношение такого перемешивания структур* в каждой предметной области. Это смешение старых и новых, статичных и динамичных, аграрно-ремесленно-городских и индустриально-бюрократических элементов структуры общества — и любых противоположностей, которые хотят назвать, — предстают перед нами как самые общие признаки нашей общественной действительности, — какие бы мы ни изучали формы производства и экономики, внутреннюю структуру профессий, формы управления, политическое устройство, семью, социальные образцы и потребности, политические взгляды и что-либо другое.

Мы можем констатировать только одно очень значимое изменение состояния этого процесса смешения социальных форм: если в XIX столетии, даже на пороге Первой мировой войны и на протяжении еще более длительного периода, определяемого традициями, в феодально-патриархально-буржуазное общество вторгались процессы современной социальной мобильности, они воспринимались как что-то "новое" и естественно "ненормальное", то сегодня наблюдается противоположное отношение: первоначальное индустриально-бюрократическое общество стратегически формируется динамичными структурами происходящих социальных событий и впитывает статичные элементы, впрочем, весьма различно интерпретируемые — как пережитки или как остатки прошлого. Соотношение этих двух компонентов качественно сдвинулось в пользу динамично-мобильных или индустриальных социальных элементов; таким образом, они заняли позицию "нормальных". Мы можем это очень отчетливо проследить по роли современного промышленного предприятия в нашем обществе: процессы, которые его со-

здали — технизация производства, капитализация средств производства, возникновение промышленного рабочего класса, укрупнение городов, — длительное время вычленили его из социальной структуры, так что было очень трудно причислить его к какой-либо категории: таким образом, на этом месте из-за того, что предприятие оказалось изолированным и заняло чуждую позицию в социальной среде, в обществе возник "социальный вопрос". Сегодня промышленное предприятие является характерным фактором нашей социальной структуры, и мы на примере интересующего нас факта безработицы молодежи увидим, насколько условия труда на предприятии уже стали естественным мерилом всей трудовой деятельности. Эта смена "нормального фундамента" общества делает понятным также переворот в сфере основных социальных потребностей: в то время как в обществе застывшем, с четко установившимися порядками, приветствовались расшатывающие процессы социальной мобильности при самых различных проявлениях требований "свободы" и оценивались оптимистично как "прогресс", в высоко динамичной социальной структуре, полной принудительной социальной мобильности, естественным образом продолжали утверждаться потребности в стабильности социальных условий, безопасности и порядке. Так, статичные патриархальные представления о структуре общественного устройства и уверенности в социальном образе современного человека зачастую могут быть примером того, что он действительно чувствует себя более не соответствующим высокой социальной мобильности и динамике ситуации, в которой он находится.

3. Безработица как усилитель индустриально-бюрократических структур общества

Упоминая об условиях труда в промышленности и о зависимости идеала безопасности и порядка от чрезмерно высокой мобильности мы уже приблизились к нашей конкретной теме: разбору вопросов безработицы молодежи с учетом общества как целого, считая, что с этими вопросами мы уже знакомы.

С социологической точки зрения отсутствие работы и профессиональной квалификации современной молодежи, недостаток образования и его последствия никоим образом не отражают ненормальные, не свойственные бюрократическому социальному устройству или даже противоречащие ему социологически существенные признаки, но они повсюду обнаруживаются лишь как экстремальные и обострившиеся формы проявления подобных социальных структур, которые мы можем наблюдать в ослабленном и умеренном виде также и у профессионально занятой, работающей по специальности молодежи в индустриальном обществе. От этого, по большей части, зависело то, что наши предыдущие исследования были не в состоянии показать в том объеме, как это предполагалось, главные черты безработицы, проявляющиеся среди неработающей молодежи по сравнению с работаю-

щей, так как речь в этом случае больше идет о степени различий, нежели об их сути. Напротив, социально-научное изучение безработной и желающей получить образование молодежи дает глубокое и четкое представление о нормальной современной социальной ситуации молодежи. Так по экстремальным или пограничным случаям можно отчетливо видеть контуры определенных принципиальных отношений и процессов развития молодежи в индустриально-буржуазном обществе.

Такой взгляд означает, что охарактеризованное нами смещение остатков форм общественного устройства, не вписывающихся в современные, или же доиндустриально-статичных, с организационными формами, способами поведения и потребностями индустриального общества, определяет структуру безработицы и необходимость профессиональной подготовки современной немецкой молодежи и придает ей характерные черты. При этом *безработица по своим последствиям действует как усилитель динамичных элементов общества* в этой смеси, то есть *она ускоряет в пораженной ею же среде молодежи формирование типичных способов поведения в индустриально-бюрократическом обществе*, быстрее и в большем объеме разрушает остатки старосословных социальных способов поведения, чем мы это наблюдаем в случае с работающей молодежью.

Наконец, этим подтверждается основное соотношение в развитии индустриального общества: на его теперешней стадии, особенно в Германии, как *необходимые* вырабатываются чистые формы индустриально-бюрократического общества и способов социального поведения. С этой точки зрения война и ее последствия, к которым следует причислить безработицу и профессиональную неподготовленность западногерманской молодежи, была только событием, которое усилило и ускорило имманентное развитие современного общества. Этот путь развития никоим образом не несет в своей принципиальной динамике тенденцию естественного порядка, в который мог бы вписаться человек с прочными устоями, — это было ложной надеждой каждого прогрессивно настроенного политического ума.

Однако все нарастающая динамика экстремальных и критических ситуаций требует постоянно обновлять планирование сдерживания, сглаживания и относительной стабилизации социальных отношений. Возможно ли такое планирование в условиях длительного формирования порядка или же ему только и останется, подобно постоянной социально-политической пожарной службе, мчаться вдогонку динамике различных бедственных ситуаций? Таков главнейший социальный вопрос нашего времени, который снова очень конкретно поднимается в отношении безработицы нашей современной молодежи, поскольку противопоставляемая ей бедственная ситуация — недостаточность молодой и образованной рабочей силы — уже обозначилась на вполне обозримое будущее и ставит нас в связи с этим перед практическим вопросом, способны ли мы, в условиях полного общественного переустройства, с помощью плановых мер справиться с последовательно наступа-

ющими нас бедственными ситуациями, нынешними и будущими, или же мы будем довольствоваться текущими "мерами помощи"<...>

Глава 6. Методологический опыт анкетного исследования

Х. Клут

1. Возможности и границы опроса мнений с помощью формального интервью как средства изучения установок и поведения

Получение данных с помощью опросного листа, или анкеты (Fragebogen) для чисто статистических целей является признанным инструментом экономических и общественных наук (перепись населения и т.д.)- Анкета как средство изучения рынка и общественного мнения также постепенно завоевывает свои позиции. Напротив, относительно использования ее как методического инструмента социологического исследования еще встречаются большие сомнения. Так как сбор сведений по опросным листам в рамках проводимой нами исследовательской работы был достаточно большим и должен был предоставить материалы не только и даже не в первую очередь для социально-статистического анализа, но и для анализа установок и поведения молодежи, необходимо согласиться с некоторыми из этих сомнений. Следует добавить, что и участники данного исследования подвергли эти методологические проблемы острому критическому обсуждению.

Самое важное возражение вытекает из того, что между "мнением", с одной стороны, и "установкой" и "поведением" — с другой стороны, могут появиться не только различия, но даже явно выраженные противоречия (ср. s. 382). В проводившемся нами исследовании установок и поведения молодежи мнения, в лучшем случае, должны были бы играть второстепенную роль. Если мы здесь говорим о "поведении", то под этим понимаем каждое внешне проявившее себя противоречие человека с окружающей средой, все равно, в какой форме оно выражается или происходит. "Поведение" включает больше, чем только "желаемые" поступок, бездействие или терпение; "поведение" должно также включать неосознанную и "нежелаемую" реакцию. Напротив, под "установкой" мы понимаем расположенность к определенному "поведению"; стало быть, то, что, например, Макс Вебер обозначил как "внутреннее состояние": "поведение" может быть полностью или частично следствием определенной установки. Это прежде всего позволяет один раз уточнить, что "мнения" представляют собой только составную часть — иногда очень даже существенную — характера взаимоотношений в социальном пространстве. В этом смысле чистый анализ мнений тоже всегда является частью анализа поведения.

Если действительно возникает противоречие между мнением и поведением, то оно, в конечном счете, не представляет собой ничего более, как два противоречащих друг другу способа поведения. Причины этого следует искать или в самом рассматриваемом предмете, или в окружающей его социальной среде, или в обоих этих факторах. В качестве поучительного примера подобного рода противоречивости между "мнением" и поведением может служить, например, отношение между мнением и фактическим поведением молодежи в отношении политики (ср. *s. 131 ff.*) - Не только мнение и фактическое поведение часто носят противоречивый отпечаток, но тут и там вступают в противоречие также и реальные способ¹ поведения среди той же самой молодежи. Так же верно и то, что отдельное высказывание мнения может быть не более чем "поверхностным суждением", о котором ничего не знаешь: является ли оно "фундаментом", т.е. лежащей в основе "установкой"; верно или неверно оно отражает множество факторов; насколько, используя этот "фундамент" без дальнейших уточнений, — может быть, благодаря большому числу обуславливающих факторов — можно говорить о детализированном поступке или бездействии. В этом смысле можно учитывать не только "мнения", но и должно — тип поведения как "поверхность", покрывающую этот фундамент, в том случае, если она, в зависимости от обстоятельств, рассматривается как отдельный элемент процесса.

В ходе исследования постоянно хотелось не ограничиваться описанием чисто внешних обстоятельств, а подойти к их причинному упорядочению, докопаться самыми различными путями сквозь эту "поверхность" до "корней поведения". Если мы верно понимаем, было достаточно методических предпосылок, чтобы исходя из правильно фиксированных мнений упорядочить поддающиеся статистическому учету группы мнений по определенным социальным параметрам и с помощью этих данн^{ix} идентифицировать характерные группы, вплоть до проявления установок в способе поведения и с помощью тестовых методов, заимствованных из³ психологии — особенно из психоанализа, — приблизиться к этим установкам. Ясно без дальнейших рассуждений, что первому опыту отведены очень узкие границы, так как тот факт, что определенное мнение внутри од^{он} группы, характеризующейся определенными социальными параметрами, проявляется с некоей статистической повторяемостью, еще не является критерием того, что это мнение правильно передает "истинную" установку. По самым разнообразным причинам оно может проникнуть в эту группГУ извне и при известных обстоятельствах оказаться в противоречии с реальной установкой не только отдельных, но и большого числа членов группы.

Впредь мы можем уже не обращаться к проблематике формирования общественного мнения, но еще раз сошлемся на пример о мнении и поведении молодежи в политическом пространстве. Если бы мы ориентировались исключительно на статистическую картинку отно^{сителны} общественного мнения, то утверждение о том, что сегодняшняя молодежь очень далека от

политики, было бы полностью справедливо. Надеемся, что мы достаточно четко выразились по поводу того, что подобная констатация попадает в цель не только, если речь идет о некоторых представителях молодежи, но и в отношении ее большого числа (еще раз обратимся к *s. 131 ff.*). Менее явны, по-видимому, границы другого методического подхода, который применяется при анализе отдельного индивида. Но при таком рассмотрении проблемы постоянно подвергаешься опасности переоценить определенные стороны индивидуальной структуры, в смысле поведения в социальном пространстве, потому что в случае конкретной личности легко выпустить из вида главные социальные узлы и вследствие этого можно переоценить некоторые признаки, значимые для окончательного утверждения. Это означает, что в контексте приведенного примера отдельный случай может оказаться недо-стоверным по отношению к группе, выделенной по внешним признакам, тождественным этому случаю.

На данном этапе нам уже может стать понятным, что подходящий метод сбора материалов находится между этими двумя крайностями, что его нужно как-то увязать с ними. Прежде всего, обратимся к нашему исходному постулату. Без сомнения, из отдельно высказанного мнения нельзя сделать достоверного заключения относительно того, какой способ поведения лежит в основе этого мнения или какой тип взаимоотношений будет определять его в будущем. Отдельно высказанное мнение может определяться влиянием целого ряда факторов, так что истинные побудители поведения скорее останутся скрытыми, нежели проявят себя. При соответствующих обстоятельствах оно может даже быть неким видом "rationalization, used as selfdefence"¹, т.е. совершенно осознанной маскировкой постулата, по каким-либо причинам принимаемого в нужный момент за верный. Однако оно может существенно зависеть от и выбранного вида опроса (для сравнения см. *s. 415ff.*).

Все, что здесь было сказано по поводу отдельно высказанного мнения, в конечном счете, относится и к каждому типу взаимоотношений, рассматриваемому также отдельно. Во всяком случае, эти рамки в некоторой степени могут быть преодолены, если с самого начала исходить не из отдельно высказанных мнений и типов поведения, а с учетом конкретной ситуации — из содержательно взаимосвязанного комплекса мнений и типов поведения. Определяющим при этом является то, что этот конкретный комплекс мнений и типов поведения должен охватывать как можно большее число жизненных сфер. В какой мере это достижимо, в каждом отдельном случае зависит от принятой установки. Чем в более общем виде она принимается, тем шире поле для сбора материалов; чем конкретнее определено содержание установки, тем более четко обозначены границы соответствующих вопросов анкеты. Например, если хочешь изучить проблему борьбы за справедливость, то комплекс вопросов должен охватывать почти все сферы жизни. Элементы, на

¹ "Рационализации, используемой в качестве самозащиты". — *Пер.*

которых они должны базироваться, мы находим в спорте, в профессиональной сфере или в семье, и равным образом — в политике, в экономике и т.д. Чем более широко начинаешь пользоваться этой возможностью, тем меньшей становится вероятность выйти на тех опрашиваемых, которые соприкасаются со всеми или с большинством из этих жизненных сфер, и чтобы именно ими определялись их суждения и мнения.

В этом случае с некоторой долей достоверности можно рассчитывать на то, что большое число мнений, непосредственно или косвенно затрагивающих проблемы справедливости, соответствует истинным установкам опрашиваемых. И наоборот, если попытаешься теснее коснуться проблемы резерва рабочей силы, круг сфер, в котором можно было бы поставить конкретные вопросы, уже с самого начала существенно ограничен. В этих случаях за счет до некоторой степени интенсивного, т.е. с помощью варьируемых установок, рассмотрения оставшихся вне поля охвата сфер возможно выровнять то, что мы теряем при их широком охвате. Для подтверждения этого найдется ряд примеров в ранее проведенных исследованиях.

В обоих случаях получаешь целый комплекс высказываний о фактических способах поведения и комплекс чистых мнений. При осторожном взвешивании этих высказываний, которое учитывает границы, определяемые центральной проблематикой, можно и вовсе добиться получения данных о стиле поведения, обусловленном внутренней мотивацией, или о внутренних установках. Нужно признать, что в отдельном случае может быть допущена неверная интерпретация, но внутри репрезентативной выборки, для которой, при всех оговорках, закон больших чисел является определяющим, отдельные случайные неверные интерпретации могут, пожалуй, повлиять на результат в его абсолютном значении, но только не в обнаруживающейся тенденции. На основании этого следует подчеркнуть, что полученные таким образом статистические величины никогда не должны рассматриваться как абсолютные значения, но всегда только как относительные.

Итак, отдельный вопрос, в отличие от целей получения чистого мнения, сам по себе незначителен. В качестве отдельного вопроса он значим только в том случае, когда ответы, которые даются на поставленные вопросы, представляют собой как бы специфическую форму поведения, которое при некоторых обстоятельствах может существенным образом повлиять на поведение отдельных обследуемых лиц или их группы. Так, однозначно перенимаемое у взрослых суждение, содержащее невысокую оценку политики, до некоторой степени определяет поведение молодежи в политической сфере, хотя по достижении определенного возраста это поведение никоим образом не соответствует истинной мотивации поведения или собственным установкам. Особый вес отдельному вопросу придает только то обстоятельство, что при соответствующих условиях его можно расположить в ряду Других вопросов в вышеозначенном смысле. Но при этом он теряет собственное значение, заменяемое местом, которое он занимает внутри группы вопросов, образованной по тематическому признаку.

По 160 вопросам нашего большого опросного листа только относительно малая часть результатов опроса оказалась полноценной в ранних исследованиях или в первоначальной форме. Нужно уточнить, что вопрос о том, может ли формализованное интервью внести свой вклад в исследования установок и социального поведения, существенным образом зависит от того, в какой мере инструмент, в нашем случае опросный лист (анкета), отвечает поставленным целям и каким способом с помощью этого инструмента расшифровывается полученный материал <...>

2. Опросный лист

Ценность анкетного исследования (Fragebogenerhebung), если учитываются обрисованные выше границы, существенным образом зависит от того, насколько используемый "инструмент" будет соответствовать исследуемой проблеме и обследуемой группе. Таким инструментом, в первую очередь, является опросный лист, или анкета, а также те, кто владеет этим инструментом, — интервьюеры. Поначалу займемся опросным листом.

<...> Первый проект опросного листа, который появился в августе 1950 г., по общему объему (139 вопросов без подпунктов) уже приближался к окончательной редакции <...>

Анкета в ее теперешнем виде включает четыре содержательных комплекса: 1) работа и профессия; 2) семья; 3) свободное время; 4) работа с общественностью. Добавим еще и личные данные опрашиваемого. По сравнению с первым проектом выпал комплекс "текущая социальная ситуация". Все же существенная часть ранее сосредоточенных там вопросов сохранена: частично для идентификации социальной участи определенных групп опрашиваемых, частично для уже упомянутых целей первичной статистики. Самому сильному сокращению подверглась группа вопросов "Семья", так как к тому времени, когда работа на анкетой была завершена, мы подумали, что для наших целей достаточно учитывать социальный статус семьи. Лишь много позднее выяснилось то значение, которое должно быть уделено вопросам семьи в нашем исследовании. Так, остались за рамками анкеты те вопросы, которые относились к проблеме социального положения семьи, сохранились только некоторые вопросы, которые в той или иной форме могли бы вписаться в другие группы вопросов, но которые, что касается темы семейной проблематики, очень незначительно связаны с этими группами. Обе главные темы первого проекта — а) отношение безработной молодежи к труду и профессии; б) отношение безработной молодежи к общественной жизни (в особенности к государству и к политике) — по форме отчетливее выступили на первый план в окончательной редакции анкеты, чем в первоначальном проекте. Но определяющим является то, что и по содержанию они давали возможность точнее определить суть проблемы и правильнее обосновать результаты <...>

3. Опрашивающий (интервьюер) и проблемы техники опроса

Уже ранее упомянутые критические замечания, сделанные рядом опытных специалистов в области опроса общественного мнения, своевременно обратили наше внимание на то, что мы должны уделить повышенное внимание технической стороне опроса. Главный же упрек был сделан из-за того, что опросный лист якобы слишком велик, в особенности для проведения опроса молодежи. Ориентируясь на это, мы должны были установить при пробных опросах, которые проводились самими постоянными сотрудниками рабочих групп, оправдан ли данный упрек и насколько. При этом оказалось, что и двухчасовое интервью не приводит опрашиваемого к ожидаемой степени усталости или реакции отторжения: если вы уже в начале создадите атмосферу открытости и, с другой стороны, за счет своего умения проникнете в настроение опрашиваемого, то сможете обеспечить не только очень быстрый обоюдный контакт, но сумеете поддерживать этот контакт до конца опроса.

Проблем опросного листа мы уже коснулись в предыдущем разделе. Может быть, нужно внести еще одно дополнение: что именно при опросе юношей младшего призывного возраста и молодежи с пониженной умственной реакцией то здесь, то там использовались своего рода анекдотичные вопросы (для сравнения № 23, 27, 119, 136) как средство расположения опрашиваемого, что, по мере необходимости, подобные "анекдоты" следовало применять специально именно с этой целью, т.е. не для их последующего учета при собственно анализе. Труднее было найти достаточное число подходящих работников, так как у нас в распоряжении не было нужных образованных кадров. К этому добавлялось и то, что мы с нашими идеями вынуждены были крутиться внутри определенных финансовых рамок и поэтому запрещалось дорогостоящее экспериментирование.

Опыт, который мы приобрели при попытке передать работу чужому институту, научил нас тому, что при подборе сотрудников нам особенно необходимо учитывать два момента: 1) они должны, по возможности, интересоваться проблемами молодежи, т.е. не рассматривать выполняемую работу в первую очередь как "труд" ("job"); 2) они должны иметь некие специальные предпосылки (социологическую, психологическую и т.п. школу) или обладать опытом работы с молодежью (руководитель юношеских коллективов, воспитатель и др.).

Этим двум принципам, лежащим в основе выбора, противостоял при окончательном выборе третий: возможно более разнообразный социальный состав. Уже во время проведения предварительных опросов нам удалось привлечь к сотрудничеству небольшой круг заинтересованных студентов. При этом оказалось, что обучающиеся соответствующим специальностям достаточно полно отвечали вышеуказанным требованиям, тем более, что они рассматривали эту работу одновременно и как возможность их дальнейшего образования. При дружеской поддержке доцентов и за счет проведения семинаров в высших учебных заведениях и университетах нам удалось привлечь к нашей работе большое число студентов. Помимо того, мы втянули в

нее достаточно большой круг заинтересованных лиц из сферы практической работы с молодежью, выразивших готовность участвовать в подобных опросах. Само собой разумеется, этот предварительный набор производился не централизованно, а осуществлялся отдельными рабочими группами, так как он предполагал некоторую степень знакомства с особенностями региональных проблем. Напротив, окончательный выбор интервьюера был централизованным, чтобы при количественной обработке результатов опроса обеспечить необходимый уровень его однородности. Этот выбор происходил по результатам короткой беседы, завершающейся пробным опросом <...>

Глава 7. Методологический опыт монографических исследований

Г. Вурибахер

А) Необходимость проведения глубокой монографической работы

<...>Контакт с молодежью, который был обеспечен опросами, проведенными в четырех германских землях, оказался слишком слабым для поставленных исследовательских целей — получения полного представления о поведении молодежи. Выбор молодежи был сделан относительно репрезентативно — по ее принадлежности к возрастным группам, распределению по полу, профессии, месту проживания, социальному статусу и т.д. Молодые люди изучались изолированно от той среды, в которой формируются их поступки и взгляды, как своего рода "индивидуумы", хотя таковыми они вовсе не являются; к тому же только в рамках мнения, реактивно выражаемого на поставленные вопросы. Следствием этого стал переход к глубокой монографической работе, которая охватывает взаимодействие молодежи с формирующими ее социальными группами — с семьей, общиной, профессиональным коллективом, домом. Монографическая работа дополнила формальные контакты, которые имеют место при опросах, неформальными интервью, наблюдениями и беседами с третьими лицами, информированными об интересующей нас личности. Еще одно следствие состояло в том, что если одно время сильно недооценивался анкетный опрос, то когда по результатам анализа монографического материала, проводившегося независимо от обработки данных опросов, обнаружались важные подтверждения и соответствия позиций, получение материалов по опросным листам снова получило признание как необходимый качественный метод контроля, а также метод познания структур мнений <...>

Б) Формальный и неформальный опросы

<...>При составлении биографий схема опросного листа, подготовленного для формального опроса, использовалась как основополагающий документ

и при проведении неформальных интервью. Основными причинами для этого были: во-первых, хорошие специалисты служб, которые вопреки ожиданиям использовали сближение с респондентом на почве опросного листа для установления быстрого и делового контакта; во-вторых, полученные во время опроса сведения они учитывали чисто формально, избегая всяких разговоров, фиксировали зарегистрированную информацию о контакте, пожалуй, очень последовательно изучали определенный набор мнений и сведений, определяющих характер поведения опрашиваемого, что позволяло во время долгого обмена мнениями — в виде неформального интервью — докопаться до иных мнений и мотивов поведения. Мы уже видели, как полученный таким путем набор сведений полностью переносился в биографические справки.

Здесь хотелось бы в дополнение к предыдущей главе показать на некоторых примерах количественные последствия такого приближения к различным пластам мнений и типов поведения людей с помощью проведения формальных и неформальных опросов. Чтобы обеспечить сопоставимость, следует принять во внимание, что обе опрашиваемые группы были подобраны руководителями территориальных исследовательских служб в соответствии с одним и тем же набором параметров репрезентативности. Группа лиц, подвергавшихся интенсивному опросу, по финансовым соображениям и вследствие ограниченного времени не могла быть такой большой, как при проведении формального опроса (186 человек против 1978).

Если по условиям обоих опросов интервьюеру только выделялась квота с социальными признаками тех, кто должен быть подвергнут опросу (квота — шаблон), то внутри этих границ ему предоставлялась возможность самостоятельного выбора. Поэтому здесь и кроются источники известных ошибок, которые становятся заметными при такой малой выборке (186 человек). Тем не менее мы можем сравнивать полученные показатели математически точно, хотя и не до целых величин и даже не до десятков, но с большой уверенностью относительно их порядков.

Начнем с рассмотрения двух вопросов, которые построены на базе политического опыта процессов разрухи (послевоенного краха) и в некоем смысле обращены к национал-социалистскому режиму.

Вопрос: *"Какие взгляды были у Ваших родителей?"*

Варианты ответов:	Формальный опрос (%)	Неформальный опрос (%)
"Нет ответа, не знаю, к поставленному вопросу не имею отношения"	23,8	18,3
Демократические	17,1	11,1
Христианские	15,5	13,3
Национал-социалистские	7,8	16,7
	100% = 1978	100% - 186

Мы можем констатировать, что при неформальном опросе снижается доля уклончивых ответов, которые частично скрываются за вариантами ответов "нет ответа, не знаю, к поставленному вопросу не имею отношения". Помимо этого, замаскированные ответы, подогнанные под современные общественные оценки "демократический" и "христианский", оказываются ближе к прямым сообщениям родителей об их взглядах. При этом наверняка цифра 16,7 для позиции "национал-социалистский" пока занижена, но уже ближе к реальности, чем полностью неточная цифра 7,8, которая получается при коротком контакте формального опроса, менее обязывающем к правдивым ответам.

Точно такую же картину в подобной ситуации дают ответы на следующие вопросы к тем же слоям населения.

Вопрос: "Как Вы относитесь к Гитлеру?"		
Варианты ответов:	Формальный опрос (%)	Неформальный опрос (%)
<i>Позитивные ответы</i> различных категорий:		
Юноши	29,4	27,9
Девушки	18,7	25,8
<i>Негативные ответы</i> различных категорий:		
Юноши	38,8	26,3
Девушки	43,9	21,0
Амбивалентные ответы:		
позитивные и негативные высказывания в различных категориях	16,3	29,6
Нет мнения:		
Юноши	15,5	16,9
Девушки	29,6	30,6
	100% = 1978	100% = 186

Снова при неформальном опросе снизилось число замаскированных ответов, которые соответствуют существующему в настоящий момент общественному мнению и высказываются при поверхностных контактах: в этом случае мы получаем негативные ответы. Примечательно, что в неформальном опросе обнаруживается меньше позитивных, но сильно возрастает число амбивалентных ответов, в которых прослеживаются критические разногласия с национал-социализмом и Гитлером. Группа "нет мнения", которая по предыдущему вопросу в неформальной ситуации опроса только немного начала уменьшаться, для юношей и девушек при обеих формах опроса остается приблизительно одинаковой (как и можно было предполагать, это вдвое большее число ответов девушек по сравнению с ответами юношей) и ука-

зывает на факт истинного единообразия, закрытости и безразличия по отношению к политическим вопросам — основной черты сегодняшней молодежи; этот факт подтверждается и в кейс-стади.

Если мы подытожим результаты сравнения этих двух первых вопросов, то найдем, что при проведении интенсивных опросов создается атмосфера более глубокого доверия и открытости, в которой и можно подобраться к скрытым пластам мотивов поведения и формирования мнения людей. Пользоваться только одним методом опроса было бы исходя из этого неправильно; только оба метода вместе могут дать картину различных типов реакций человека, особенно если ставятся такие деликатные для германских условий вопросы <...>

Завершив это сравнение методов формального и неформального опросов констатацией, что оба они характеризуются различием контактов с опрашиваемыми и представляют различные типы реакций населения на опрос. Чем полнее изучается социальное поведение, тем меньше приходится полагаться только на один метод опроса, достаточный для исследования общественного мнения. Прежде всего, оказываются бедными те методы, которые могут использоваться в случаях изучения мнений при проведении ставших в своем большинстве известными среди населения опросов перед выборами или связанных с выяснением предпочтительности (популярности) некоторых товаров или ее отсутствия. В них речь идет о точках зрения и решениях, которые часто обсуждаются населением и соответственно опрашиваемым лицом: в многочисленных разговорах, газетных статьях или актах купли-продажи. Вероятность получения достоверных ответов на них гораздо выше, чем при таких сложных вопросах об установках, как в рассматриваемом исследовании отношения к работе и профессии.

Требуются как взаимные дополнения стороны формального и неформального опросов, так и опыт получения ответов путем наблюдений.

В данном исследовании делались попытки такого дополнения, даже если экспериментальный характер работы не позволял полностью скоординировать методы <...>

G) Заключительный комментарий

Критический анализ большого числа методов, которые были использованы в настоящей работе, дал нам возможность понять, что с помощью различных, содержащихся в них способов приближения к исследуемому объекту, большинство слоев населения с иными типами поведения могут быть изучены тщательнее. Только множество дополняющих и одновременно контролирующих друг друга методов получения данных, как и их анализ, дают до некоторой степени полное представление об изучаемом социальном объекте. Чтобы можно было решить обе эти задачи — взаимного дополнения

и контроля результатов, — требуется всемерная координация всех методов. Эта координация, по опыту данной работы, едва ли может быть построена на простой рефлексии, скорее — на основе методологического руководства по проведению исследований. В таком руководстве должна быть рассмотрена на небольших, возможно более репрезентативно подобранных объектах, *совокупность методов сбора, обработки и анализа материалов*. Именно из качественного анализа должна затем последовательно складываться вся методология, начиная с полученных результатов и возвращаясь к начальным условиям, и должна быть перепроверенной каждая деталь — каждый вопрос, каждая инструкция и т.д. — в процессе толкования их для качественного и количественного анализа. Только после этого может быть применено такое исследование для окончательной верификации в отношении более крупного объекта, выбранного для изучения.

Таков один из важнейших методологических опытов данного исследования, заключающийся в том, что не только отдельные методы — отдельные вопросы, тесты, инструкции — должны проходить предварительное тестирование на предмет их лучшей формы, но и все методы на предмет возможности их координации, т.е. должно проводиться полное исследование в миниатюре вплоть до последнего структурного анализа.

Последний комментарий касается воспитательного воздействия такого эмпирического исследования на студентов, участвующих в работе. Они всегда подчеркивали, что это социально-научное поле деятельности вводило их в сопереживаемый контакт с людьми, организациями и группами населения, с которыми они в обычных условиях вряд ли могли бы иметь отношения. Круг их социальных представлений и объем опыта стали при этом намного шире и существенно конкретнее. Кроме того, вынужденность к чрезвычайной объективности, усилия для установления социального контакта, умение слушать-учиться, спрашивать-учиться, понимать-хотеть, распознавать собственные предубеждения и, по возможности, от них освободиться, действовали как неоценимое социальное воспитание. *Это была идеальная школа жизни — "Studium generate" для обучающихся на различных факультетах и в высших школах, — в самом важном в жизни: находиться рядом с людьми в условиях острых социальных проблем нашего общества с целью понимания-желания и помощи. Это был вклад в социальное образование студентов, которые так остро в нем нуждаются, но в общем так мало преуспевают. Хотелось бы пожелать, чтобы подобные работы были включены в систематизированной форме в образовательную систему нашей молодежи и способствовали тому, чтобы сломать систему образования, ставшую, к сожалению, обычной и пугающе односторонне изучающей предмет, а также эгоцентрически построенную на сдаче экзаменов, — заменив ее на "Studium generale".*

Г. Попитц и др.

Представление рабочего об обществе

Социологические исследования в сталелитейной промышленности

Раздел 1

1. Вопрос о "представлении об обществе"

По многим причинам отношение промышленного рабочего к обществу представляется нам особенно интересным именно с точки зрения непроницаемости общественной структуры и зависимости индивида от чрезвычайно сложных общественных отношений. Подробнее мы коснемся этого вопроса позднее, в ходе анализа. Здесь же необходимо указать лишь на некоторые точки зрения.

Во-первых, надо предположить, что марксистская идеология в различных ее версиях представляет ту традицию мышления, с помощью которой могли возникнуть возможности объяснения сверхмощных общественных процессов. Отсюда для нас возникает возможность конкретно проследить процессы изменения и приспособления этой идеологии, одновременно проверив ее современные функциональные возможности применительно к индивиду.

Во-вторых, возникает вопрос, как промышленные рабочие реагируют на необычную апелляцию к активности их убеждений. Их отношение к обществу стало для общественного сознания символом политического действия. Поэтому от них постоянно ждут суждений и оценок и еще более — исполнения сказанного ранее; это дало бы драматический эффект с далеко идущими последствиями. Постоянно делаются попытки убедить их в том, что они чего-то хотят, что они против чего-то, что у них есть мировоззрение, что они делают политику, что все зависит от них. Власть над их сознанием и связанная с нею привилегия интерпретации как источник власти стала так же важна, как и право распоряжения их рабочей силой.

Источник: Das Gesellschaftsbild des Arbeiters. Soziologische Untersuchungen in der Hüttenindustrie / Popitz H., Bahrtdt G.P., Jiirens E.A., Resting H. 3. Aufl. Tubingen, 1967. Пер. с нем. В.Г. Ионина.

Отсюда вытекает следующий, *третий* вопрос: каковы шансы промышленных рабочих на то, чтобы на основе своего собственного опыта и доступных им источников информации получить сведения о политических, экономических и социальных событиях, — и как они используют эти шансы? Именно эмпирическое исследование должно быть в состоянии проверить широко распространенное убеждение, согласно которому промышленные рабочие едва ли располагают достаточным опытом и пониманием, чтобы оценивать свои собственные социальные и политические проблемы. Действительно ли по всем принципиальным вопросам надо ожидать лишь реакцию короткого замыкания? Являются ли политические действия промышленных рабочих ничем иным, как исполнением роли в сфере, в которой они не ориентируются, с последствиями, которые они не в состоянии оценить, и в условиях, о которых они не информированы? В любом случае нет никакого противоречия между обычной недооценкой их способности к суждению и чрезвычайно оптимистичной оценкой активности их убеждений. Оба предубеждения восполняют друг друга — и не только в отношении промышленных рабочих. Здесь они могут сказаться лишь в особенно четкой форме, поскольку, с одной стороны, промышленные рабочие очень эффективно представлены организационно, благодаря чему внушительно проявляется связь между политическим действием и сознанием; с другой же стороны, легко недооценить специфический, прежде всего экономический и социально-политический опыт промышленного рабочего, жизненная сфера которого искажена в общественном сознании социальными мифами нашей злободневно-критичной и культурфилософской литературы...

Из постановки вопроса следуют три вывода для замысла исследования. Мы должны установить, какой имеется собственный *опыт*, как он понимается и оценивается. Далее, надо выяснить, какое наличествует *знание* общественных проблем и насколько велика открытость к информации. Лишь когда выяснены эти предпосылки, может быть задан вопрос, какие развиваются не ограниченные опытом *представления*, каковы их широта и интенсивность и какое значение они имеют для определения собственного места в обществе.

Дальше мы расскажем, какие использовались методические средства для охвата этих фактов.

2. Методика опроса

а) Принципиальные вопросы организации и замысла исследования

Наше изложение основано на опросе 600 рабочих комбинированного металлургического завода в Рурской области¹. Организация выборки могла

¹ Сопоставимые исследования, на которые мы могли бы непосредственно сослаться, по нашему мнению, отсутствуют. Сжатый, хорошо отобранный обзор международной литературы по социологам промышленности дает Ральф Дарендорф (*Ralf Dahrendorf*).

быть осуществлена в тесной связи с руководством завода, Советом предприятия и доверенными лицами завода.

Опросы проходили по большей части на предприятии, в закрытых помещениях, которые предоставлялись нам вблизи от соответствующего рабочего места¹. Некоторые беседы занимали несколько менее двух часов, однако часто длились значительно больше. На выработку протокола требовалось в среднем около четырех часов.

В качестве интервьюеров работали авторы этого доклада, которые благодаря предыдущим исследованиям точно знали рабочие места и девять месяцев прожили в заводском общежитии для одиноких, а также шесть других сотрудников, из которых четверо прежде уже участвовали в социологических исследованиях. Привлеченных сотрудников к началу выборки интенсивно готовили к выполнению их задач, прежде всего обучали технике ведения разговора. Сверх того, особое значение мы придавали тому, чтобы каждый интервьюер ознакомился с рабочими местами тех рабочих, с которыми он должен был позже беседовать.

Опрос продолжался в общей сложности девять недель. Руководитель исследования был занят преимущественно организацией выборки и контролем ежедневно составляемых протоколов опросов. На девять постоянных интервьюеров приходилось в среднем семь-восемь опросов в неделю. Это оказалось верхним пределом, потребовавшим от всех участников чрезвычайной степени концентрации.

Industrie- und Betriebssoziologie. Berlin, 1956. Sammlung Goschen). Дополнительные данные об американской литературе содержат: *D.C. Miller and W.H. Form. Industrial Soziologie. N. Y., 1951*. Относительно текущих социологических исследований в области социологии промышленности во Франции ориентирует Ален Турен в журнале: *Recherches Sociologiques. 1955. Juli*. Из английской литературы в этой связи надо прежде всего назвать исследования департамента социальных наук университета в Ливерпуле, издаваемые А.С. Симей. Последней вышла работа: *Scott W.H., Banks J.A., Halsey A.H., Lupton T. Technical Change and Industrial Relations. Liverpool, 1956*. Среди больших эмпирических исследований, осуществленных в Германии, мы выделяем, наряду с исследованием о безработице и необходимости профессиональной подготовки молодежи, осуществленным под руководством Хельмута Шельски (Koln, 1952), также изданные ранее Шельски социально-научные исследования: *Kluth Heinz, Lomar Vrich, Tartler Rudolf. Arbeiterjugendgestern und heute. Heidelberg, 1955*; далее, исследования *Theo Pirker, Siegfried Braun, Burkart Lutz, Fro Hammelrath. Arbeiter, Management, Mitbestimmung. Stuttgart und Diisseldorf, 1955*; *Betriebsklima, eine Industriesoziologische Untersuchung aus dem Rurgebiet. Frankfurter Beitrage zur Soziologie, Bd. 3, Frankfurt a. M., 1955*.

¹ Небольшая часть бесед переместилась в квартиры опрашиваемых. Поэтому в некоторых случаях оказалось возможным беседовать с членами одной рабочей группы почти одновременно. Однако этому часто мешали родственники или соседи. Различий по сравнению с результатами, полученными на заводе, мы не обнаружили.

Схема вопросов, лежавшая в основе всех бесед, за девять месяцев была развита в ходе многократных бесед на рабочих местах, в общежитии для одиноких, в частных квартирах и за стойкой. Этот опыт был целесообразен, поскольку необходимая схема — без которой отсутствовала бы база для сравнения отдельных бесед, — должна быть максимально ориентирована на опыт и представления рабочих. Ее надо было организовать так, чтобы у рабочих создавалось впечатление, что они свободно излагают свои мысли. Только если это удавалось, мы могли обойтись в беседах без всякого выпрашивания. Только в этом случае интервьюер мог позже так сдержанно управлять беседой, что казалось, что он помогает промежуточными вопросами и случайным переходом к новым темам¹ <...>

38. *Каково вообще Ваше мнение о техническом прогрессе?*

Вопрос ставился дословно так и не должен был более как-то дополняться интервьюером. Здесь должно было бы обнаружиться, что удалось подвести к общей теме и опрашиваемый (Befragte) в достаточной мере представил себе исходные моменты. Интервьюер должен был теперь сразу же выйти из разговора. Зато он должен был внимательно следить не только за содержанием зачастую весьма пространных высказываний, но и за последовательностью мысли и ее словесным выражением. Он никоим образом не должен был как-то высказываться относительно оценок опрашиваемого. Впрочем, некоторые рабочие развивали настолько тонкие соображения, что интервьюеру в любом случае было бы трудно что-то к ним добавить...

39. *Как реализуется технический прогресс?*

Тема бывала часто обсуждена с самого начала, хотя при этом всплывало много системных аспектов, но очень редко — исторические подходы. Перейти к последним побуждал следующий вопрос, реакцией на который служил часто повтор уже сказанного.

40. *(Куда ведет технический прогресс) Как Вы считаете — как будет выглядеть мир через 50 лет?*

Интервьюер, конечно, не должен был делать вид, словно он ожидает последовательного ответа, либо сам знает что-то лучше. Акцент заранее обговоренного ведения беседы можно описать примерно так: "Если сейчас дела с техническим прогрессом таковы, то как он пойдет дальше? Над этим стоило бы подумать. Как Вы считаете — как будет выглядеть мир через 50 лет?" На этом вторая часть беседы заканчивалась. Переход к следующим вопросам должен был четко пониматься как смена темы.

44. *Итак, если взглянуть на то время, что прошло с конца войны (или Вашего поступления на завод) до сегодняшнего дня, то каковы главные изменения на заводе? Как это произошло?*

¹ Ниже приводятся примеры вопросов с сохранением их нумерации (всего было 60 вопросов), и дана их содержательная интерпретация авторами исследования. — *Сост.*

Ответы на эти вопросы не зашифрованы. Всего лишь должен был быть найден подход к теме "участие в управлении" и подход такой, чтобы опрашиваемый сам произнес слова "участие в управлении". Чтобы достичь этого, интервьюеру было разрешено задавать вспомогательные вопросы, которые он, однако, должен был вносить в протокол (например: "а что особенно изменилось в социальной области?") Впрочем, независимо от заданной направленности вопроса, выяснялось, что многие рабочие весьма критически оценивают послевоенное развитие.

45. *Что Вы понимаете под участием в управлении? (Что, собственно, должно означать: "участие в управлении"?)*

Этот вопрос мы назвали "вопросом свободного хода". Он требовал от интервьюера немалой ловкости. Он должен был возможно более растянуть беседу, не изменяя и не дополняя постановку вопроса. В помощь себе он мог лишь вопросительным тоном повторять отдельные высказывания опрашиваемого и заинтересованно замолкать... Итак, от первого толчка, заданного вопросом, надо было продвинуться вперед настолько, насколько хватало "свободного хода". Смысл этого метода прост. Сформулированный выше вопрос — единственный, который может быть задан, не выделяя сам по себе содержательно какую-то часть темы. Все последующие вопросы неизбежно имеют предвосхищающий и отчасти даже наводящий на ответ характер. Они имеют смысл лишь как дополнительные и контрольные вопросы на основе уже заданной сравнительной базы. Если она уже есть, то при оценке ответов можно учесть, перешел ли опрашиваемый к конкретным аспектам темы сам по себе или ему указали на них вопросы, заданные позже. Лишь таким путем можно с некоторой уверенностью установить, как рассматривается участие в управлении как целое, какие имеются знания, что считается важным, а что — нет. К примеру, ничего не говорящим либо дезориентирующим был бы такой результат, когда мы лишь установили бы, что л-й процент рабочих высоко оценивает участие в управлении, не выяснив при этом, что они, собственно, под этим понимают. Для оценки таких позитивных взглядов необходимо знать, сколь многие из них связаны с представлениями о том, что участие в управлении уже давно было введено на их собственном заводе... Но этот последний вопрос не может быть поставлен неожиданно — для тех, кто менее осведомлен, это было бы лишь предложением строить догадки, пытаюсь попасть в точку.

46. *Введено ли уже участие в управлении здесь на заводе?*

Это лишь указание для интервьюера. Последующие дополняющие и контрольные вопросы должны быть, по возможности, связаны с высказываниями опрашиваемого. Заданная здесь последовательность оказалась наиболее удовлетворительной.

47. *Как, собственно, выбираются представители рабочих?*

48. *Годятся ли эти люди, чтобы представлять интересы рабочих?*

49. *Знаете ли Вы их лично (кого, сколько, из каких источников?)*

50. *Что, собственно, они должны делать? В чем состоит их задача?*

51. *Что говорят об этом "те наверху"?*

"Те наверху" — тот оборот должен был заменяться более конкретным только в том случае, когда была возможна непосредственная связь с выражением, употребленным самим спрашиваемым. (Чаще всего, однако, речь шла о "тех наверху".) Последующее упоминание акционеров — это, скорее, "касание", чем вопрос.

52. *А что говорят акционеры?*

53. *А заместитель директора по вопросам труда — какие задачи у него?*

54. *Какие последствия для рабочих имеет участие в управлении?*

55. *И все это будет осуществлено?*

Последний вопрос может показаться, на первый взгляд, ненужным. Мы бы и не пришли к такой формулировке, если бы в ходе предшествующих бесед не выяснилось, что многие рабочие, вполне позитивно оценивающие участие в управлении и располагающие хорошими знаниями, весьма скептически оценивают шансы "осуществления". Такой опыт был подтвержден ответами, полученными в ходе опроса.

56. *Служащие ведь тоже имеют право на участие в управлении? Что Вы думаете о социальном положении служащих?*

Тем самым тема "участие в управлении" завершена. Заключительные вопросы снова затрагивают преимущественно экономические проблемы. (Выражение "социальное положение" понимается в основном в смысле "экономическое положение".)

57. *Можете Вы сами делать накопления для крупных приобретений и строить планы? Какие средства Вы имеете сейчас, чтобы использовать их для: дома, квартиры, обстановки, мотоцикла, стиральной машины, образования для детей, приданого дочери, поездки...?*

На переднем плане однозначно стояли (весной 1954 г.) накопления для покупки мебели и домашнего имущества (41% всех опрошенных). Однако как "накопление" расценивалось также отчисление из месячной заработной платы определенной суммы для оплаты купленного в рассрочку. Однако действительно крупные суммы определенно откладывали 46 рабочих (8%), которые хотели обзавестись собственным домиком, и еще 54 (9%), которые ежемесячно что-то несли в сберкассу.

58. *Порой мечтается о большом выигрыше на тотализаторе. Как бы Вы поступили, выиграй Вы 30 тыс. нем. марок!*

Верхом желаний остается собственный домик (53%). Правда, 61 рабочий (10%) хочет открыть на выигранные деньги собственное дело, а 43 (7%) имеют даже более или менее точное представление о том, как можно заставить 30000 марок работать. Еще 28 (5%) хотели бы просто положить выигранное в банк. Прочие желания распространялись (в указанной последовательности) на мебель и домашнее имущество, путешествия, одежду, приданое и образование детей. (Последнее, вероятно, называлось бы чаще, если бы вопрос был более подробен. Мы не называли от себя никаких возможностей выбора) <...>

Раздел III 4.

Дополнения и обзор

б) Количественная доля отдельных типов

Значение количественной доли отдельных типов в общем числе опрошенных должно оцениваться с большой осторожностью. Еще раз напомним, что мы опрашивали рабочих определенного сталелитейного завода в Рурской области. Возможно, структура предлагаемой типологии дает приблизительно репрезентативную картину представлений рабочих в сталелитейной промышленности и, сверх того, промышленных рабочих на крупных предприятиях. Но распределение по долям может в некоторых случаях чрезвычайно различаться. Нет исходного момента, который позволил бы обобщить установленные нами количественные соотношения.

Далее, мы должны напомнить, что отсутствуют достаточные возможности исторических сравнений. Нам переданы лишь представления об обществе элиты рабочего движения. Мы не знаем, насколько силен был слой, на который распространялись эти представления об обществе. Биографии рабочих написаны часто явными индивидуалистами. Как ни поучительно их знание с многих точек зрения, они не дают масштаба, которым мы могли бы измерить результаты нашего исследования.

Данные приводимой ниже таблицы носят оценочный характер. Чтобы получить точные цифры, мы должны были бы после разработки предлагаемой типологии еще раз кодировать все 600 протоколов. В этом, однако, не было нужды, так как мы располагали достаточным количеством исходных моментов для обоснованной оценки. Во-первых, мы могли опереться на обсчет 100 отнесенных к отдельным типам протоколов опросов и, во-вторых, мы могли ориентироваться по кодификации и количественному распределению отдельных ответов всех 600 опрошенных рабочих. Отклонения, которые дал бы тотальный пересчет относительно наших данных, были бы весьма незначительны и объективно не имели бы никакого значения.

2% опрошенных (позиция 8 таблицы) не были учтены, поскольку протоколы, очевидно, недостаточно передавали представления и оценки опрошенных. (Это относится, однако, лишь к предлагаемой типологии, но не к оценке отдельных ответов). Как правило, на такие случаи указывал уже интервьюер. Следующая группа — около 5% опрошенных (позиция 9 таблицы) в принципе может быть включена в типологию представлений об обществе. Однако либо особенно слабо выражены их ценностные масштабы, либо их представления особенно сумбурны. Так что они могли быть отнесены только к пограничным случаям отдельных типов. Но, чтобы не формулировать типы слишком широко и недостаточно выразительно, мы и выделили эту группу.

По указанным причинам мы воздержались от развертывания социальных характеристик отдельных типов. Поэтому мы указываем на соответствующие данные в разделах об отношении к техническому прогрессу, к участию

в управлении и к экономическим вопросам. Здесь только одно общее замечание к возрастному разделению. Представители пятого и шестого типов — это исключительно немолодые рабочие (40 лет и старше). Тип же, представленный только молодыми рабочими, отсутствует. Однако примечательно, что велика доля тех, кто моложе тридцати, во втором типе (прогрессистский порядок).

Доля отдельных типов в общем числе опрошенных¹

Типы	Всего опрошенных	Доля в %	1-6 в %
1. Тип первый (статичный порядок)	60	10	14
2. Тип второй (прогрессистский порядок)	150	25	34
3. Тип третий (дихотомия как коллективная судьба)	150	25	34
4. Тип четвертый (дихотомия как индивидуальный конфликт)	60	10	14
5. Тип пятый (реформа общественного порядка)	12	2	3
6. Тип шестой (классовая борьба)	6	1	1
7. Отсутствие представлений об обществе	120	20	—
8. Протокол недостаточен (для отнесения к определенному типу)	12	2	-----
9. Неучтенные промежуточные формы	30	5	—
Итого	600	100	100

5. Заключительные соображения: рабочее сознание и дихотомия

Несмотря на значительные расхождения между представлениями об обществе, которые мы еще раз выделили, можно установить как общий фон две основные черты. Все рабочие, с которыми мы беседовали и которые вообще развили представление об обществе в определенном нами смысле, видят общество как дихотомию, непредотвратимую или предотвратимую,

¹ Количественные доли отдельных типов были оценены: а) на основе обсчета 100 протоколов опросов, которые были встроены в предлагаемую типологию; б) на основе кодификации и количественного распределения всех *отдельных* ответов всех 600 опрошенных.

Числа, относящиеся к позициям 5, 6 и 8, основаны на общем подсчете.

непреодолимую или приводимую к единению через "партнерство". На вопрос о своем собственном месте в обществе они отвечают посредством *рабочего сознания*, которое делает для них возможным понимать себя в пределах всего общества как часть сообщества рабочих. Обе эти общие черты будут определены в дальнейшем подробнее.

Рабочее сознание, развитое всеми типами, содержит два разнородных элемента, которые мы назвали производительным и коллективным сознанием (*das Leistungs- und das Kollektivbewusstsein*).

В ходе изложения мы уже не раз подчеркивали, что рабочие-сталелитейщики в подавляющем большинстве не отождествляют свою работу с продажей рабочей силы. Само собой разумеется, что всякая профессия придает труду специфический производительный акцент (*Leistungsakzent*). Бухгалтер и ремесленник, врач или управляющий реализуют потребность в производстве особого рода и развивают соответствующее сознание. Также и для плавильщика плавка, а для вальцовщика — вальцевание носят характер особой производительной деятельности. Даже вспомогательные рабочие, такие, как грузчик или работник склада отливок, подчеркивают способности, которые необходимы для выполнения их деятельности. Как и следовало ожидать, особенно сильно это самосознание выражено у квалифицированных рабочих и специалистов, работающих на высокотехнизированных средствах производства, обслуживание которых предполагает "технический ум" и "техническое чутье".

В этом *профессионально-специфичном* производительном сознании уже заложена тенденция дифференциации. Оно позволяет высококвалифицированному рабочему дистанцироваться от обученного рабочего; специализированному рабочему — от вспомогательного. Если бы эта тенденция была единственно определяющей или доминирующей, то это привело бы к разложению чувства солидарности рабочих. На самом деле, конечно, не так, несмотря на некоторые прогнозы, которые указывали в этом направлении. Именно высококвалифицированные рабочие остаются сегодня, как и прежде, той группой, которая наиболее сознательно развила это чувство солидарности и наиболее успешно представляет его в рамках рабочего движения.

Итак, если имеется производительное сознание, являющееся элементом всего рабочего сознания, то оно должно распространяться на общие признаки труда независимо от признаков отдельных профессиональных групп. Это "общее" созидательное сознание рабочего играет роль, как мы уже заметили, в представлении типа два об обществе. Наименее выраженно его представляет тип три. Однако и он в пределах своей идеологии маленького человека уже получил такое сознание.

Рабочие могут предложить нечто такое, что, по крайней мере, равноценно капиталу — "мертвому капиталу", если не превосходит его. Труд — "человеческий труд". Он понимается как *физический* труд, т.е. такая человеческая деятельность, которая наиболее ощутимо является трудом; как *продуктивный* труд он непосредственно создает ценности; как *первичный* труд он выполняет для других, для общества функцию создания фундаментальных предпосылок их существования.

Даже самые умные рабочие, которые подчеркнуто справедливо судят о служащих и признают, что такие люди должны быть, в одном плане остаются недоверчивы: им представляется весьма сомнительным, действительно ли служащие работают. Здесь мы имеем в виду не примитивную идентификацию труда с тяжелой физической деятельностью. Такая идентификация лишь редко осуществляется сознательно. Речь идет об ином феномене, который становится понятен, если представить, с каким опытом рабочий входит в комнату конторы. Та деятельность, которой занимается он сам, находит однозначное физическое выражение, как труд она очевидна. Он также сам очень хорошо знает, что есть еще и умственный труд (например, перед приборной доской) и сверх того он вполне готов признать другие формы умственного труда, с которыми он сам не знаком. Но атмосфера в конторе ему чужда, уже закрытость помещения имеет в себе нечто отталкивающее, исключющее. Он привык проделывать свою работу в любое время на глазах других, под контролем, как будто "публично". В конторе же публичность отсутствует, и контролируемость ему неочевидна. К этому добавляются моменты, которые при случае могут сыграть важную роль: хладнокровное манерничание служащих зачастую может напомнить рабочему обстановку перекура. Зачастую он будет попусту себя спрашивать, чем могут столько людей заниматься целый день за своими письменными столами. Горькие воспоминания о бюрократических инстанциях, с которыми он имел дело, могут усилить такое впечатление. Короче, ему кажется, что в конторских помещениях и приемных можно преимущественно ничего не делать. Это впечатление он часто распространяет на руководящих служащих и — как было показано на нескольких примерах — на предпринимателя. Даже когда не возникает наивных коротких замыканий, все же остается чувство, что этим другим видам деятельности не хватает однозначности, контролируемости и публичности его собственного трудового процесса. И даже если они вполне признаются осмысленной деятельностью, рабочему недоступна специфическая нагрузка служащего или предпринимателя. Напротив, он очень точно знает, что он сам должен вынести. Ему знакомо бремя физического труда: сверх того, оно непосредственно ощутимо и служит необыкновенно ясным масштабом тому, "что человек сделал"¹.

¹ В некоторых феноменах индустриального общества можно наблюдать, как с растущей сомнительностью индивидуального участия в объективной производительности увеличивается расхождение между официальной версией производительности и субъективным ощущением своей собственной производительности. При этом происходит взаимная игра между производительностью и дурной совестью. В противовес более высоким профессиям и многим служащим рабочий еще не втянут в эту взаимную игру. Существование этого резерва объясняется, на наш взгляд, физическим характером его труда. Он сохраняет свою принципиальную очевидность как производительный труд, даже когда он сводится к немногим "абстрактным" движениям. Правда, и здесь уже видны проблемы: "Было бы прекрасно, — констатировал рабочий, имеющий дело с высокотехнизированными средствами производства, — если технический прогресс приведет к тому, что работа будет целиком выполняться машинами, а рабочие будут только надзирать. Но этих людей нельзя рассматривать как лентяев..."

Итак, понятно, что физический характер труда представляет собой для рабочего признак его дифференциации по отношению к "другим", не будучи воспринимаем неизбежно как недостаток или преимущество. Важнейшим признаком его мотивационного сознания как рабочего он становится лишь через объединение с представлением о продуктивности и приоритетах. Это представление углубляет дистанцирование и придает собственным действиям качественное отличие: "Ведь в конце концов они (другие) живут благодаря производительности рабочего". Это убеждение, лежащее в основе полемики всех типов, за исключением первого, который вообще не полемизирует. Конечно, оно не должно пониматься так интеллектуально, как здесь сформулировано. Вероятно, его лучше всего понять, если зрительно представить себе те перспективы, в которых рабочие должны видеть все предприятие: они сами те первые, кто должен работать и производить железо, сталь и прокат. Те "там наверху" — там наверху, в зданиях заводоуправления — обеспечивают остальное, что еще надо сделать. Их отдаленность от того, что, собственно, происходит на сталелитейном заводе, очевидна; с точки зрения рабочих и производства их функции вторичны, для рабочего они имеют характер "плохого общества". "Ценности" создает рабочий. Много раз для нас рассчитывали, какую продажную цену имеет произведенное на собственном рабочем месте. Эти расчеты не всегда были правильны — случалось, цена неумеренно преувеличивалась; но они все же показывают, как сознательно часто оценивается собственная доля в общем успехе. На место соотношения "продажа рабочей силы" — "оплата труда" особенно часто у второго типа встает очень четко сравнение продуктивной и потребительской доли рабочего. За этим сравнением не стоит, конечно, осознанная народнохозяйственная теория. Это прежде всего полемический аргумент, в основе которого лежит определенное производительное сознание. Poleмика венчается удивленно-критической констатацией: "Сколько же они должны зарабатывать!" Но чаще всего звучит предложение, которое стало общепризнанным ключевым оборотом всего этого представления и объединяет все три различаемых нами момента производительного сознания: "*Лишь на наших костях могут они зарабатывать свои деньги!*"

Итак, это производительное сознание, в первую очередь, есть феномен дистанцирования, отграничения от "других". Мы уже подчеркнули, что отдельный рабочий осуществляет это отграничение не как *одиночка*: только как часть рабочего сообщества, а не как третий плавильщик или второй конверторщик, он своей производительностью выигрывает в сравнении с капиталом. Как одиночка он сменим и заменим в любое время. Итак, производительная мотивация может действовать только тогда, когда она дополнена коллективным сознанием. Самосознание рабочего как рабочего становится действительным в общественном плане лишь тогда, когда оно заключает в себя самопонимание как *части* рабочего сообщества.

Чрезвычайно важным моментом этого самопонимания служит тот факт, что промышленный рабочий имеет историю, свою собственную историю. И участие в управлении он может понимать как эпоху *своей* истории. Мы,

однако, заметили, что у значительной части опрошенных это усвоение отсутствует и что применительно к количественно значимой группе вообще не может быть и речи о собственном историческом сознании. Эта группа, которая более не знает героического прошлого, полна разочарования и перед будущим: рабочий остается рабочим — он никогда не будет самостоятельным — в действительности же всегда правит капитал. Однако именно в этом разочаровании заложен еще один момент самопонимания, который хотя и не может заменить историческое сознание, но может поддерживать коллективное сознание...

Насколько можно сделать такой вывод из нашего обзора, решающее значение имеют представления об обществе, существующие у двух групп: типа два и типа три. Тип два воспринял наследие того пролетарского сознания, которое однажды приняло и ассимилировало марксистскую теорию. Бескомпромиссная вера в собственную миссию, правда, в значительной мере потеряна. Сохранилось, однако, специфическое самосознание, которое может ориентироваться на новые условия, не теряя надежности своей собственной позиции. Эта уверенность в себе может показать и другим, что промышленный рабочий имеет собственные интересы, которые противостоят интересам других. И она претендует на право представлять эти интересы против других. Противоречие формируется открыто и без каких-либо попыток оправдания с отсылкой "ко всему обществу" — чрезвычайно редкое явление в современном обществе. Именно потому, что специфическое рабочее сознание типа два представлено наиболее четко, он имеет способность и право быть партнером по переговорам. Он может заключать компромиссы, не меняя позиций. Он может признать других, не теряя веру в свои собственные права. Он может, наконец, делать с другой стороной общее дело, не изображая совпадения интересов.

Конечно, нельзя упускать того, что этот тип живет в значительной мере на подъеме, которым характеризуется послевоенное социально-политическое развитие в немецкой тяжелой промышленности. Поэтому он также особенно чувствителен к опасностям этого развития, из которых здесь нужно назвать прежде всего две: смазывание отношений партнерства вследствие общей идеологии "умиротворения", которая в конечном счете сводится к тому, чтобы отговорить рабочего от того, что он рабочий, и легитимизировать эту трудность путем привлечения рабочих представителей к управлению социальным подъемом. Если же удастся лишить рабочего его специфического самоощущения как рабочего, то любые партнерские отношения станут иллюзорными. Тот же результат имела бы изоляция рабочих представителей.

Даже ортодоксальный марксист не имеет никакой формулы легитимизации социального подъема своих представителей. Он знает только союз с другим социальным слоем, боевое содружество лба и кулака. Так и он оказался бы беспомощным наблюдателем в ситуации, когда рабочие привыкли бы к тому, чтобы видеть своих собственных представителей как род управ-

ленческих служащих, а избранный в совет предприятия рабочий на деле мог бы быть уверен в том, что позже превратится в заводского служащего. Очень возможно, что в такой ситуации проблемы партнерства для обеих сторон временно сведутся к минимуму. Результатом стало бы социальное управление, единственным выдающимся признаком которого был бы необычный профессиональный путь части его членов. Однако очень мало вероятно, что рабочие могут обрести лучшее отношение к этому органу, чем они раньше имели к прочим формам проявления "начальствования". Скорее можно предположить, что напряжение существенно увеличится, — мы видели, насколько велико уже сегодня недоверие к тем представителям, что поднялись из собственных рядов. Такое развитие в любом случае разрушит предпосылки партнерских отношений, которые намечаются сегодня: специфическое самосознание рабочего как рабочего, как его ярко представляет сегодня тип два (с добавлением значительной части молодых рабочих). Этот тип либо радикализуется, либо разочаруется. Да и вторая возможность — разочарование, вероятно, не была бы идентична "обуржуазиванию".

В типе три мы имеем характерную форму такого разочарования. Нечего ожидать, чтобы он самостоятельно включился в современные попытки формирования политических отношений. Его практическое значение не заложено ни в своего рода пассивном сопротивлении, ни в духовном влиянии. Вероятно, ярче всего оно проявится, если задать вопрос: не обладает ли этот тип сильнейшими инстинктами.

Он отгораживается от всех более высоких видов общественного строя, ему совершенно безразлична их организация и чьи интересы они представляют. Его шаблонное дихотомическое представление не только не зависит от общественного развития, но в общем и от изменений собственного социального положения. Ни в каком случае оно не требует исправления. Здесь имеет место нейтральная позиция, в принципе избегающая взаимодействия сознания и действительности. Этот тип не участвует в делании истории, поэтому он принципиально нечувствителен ко всем формам политических отношений власти. Он позволяет использовать себя, но не встает на чью-то сторону. Ему нельзя передать угрозы его личному положению, поскольку он уже чувствует себя всегда под угрозой. Ему нельзя дать чувство безопасности, потому что он уже слишком уверен в ощущении угрозы.

Этот тип сохранит свое сегодняшнее значение, если тип два радикализуется, и он получит перевес в тот момент, когда тип два разочаруется. На этом мы должны завершить свои соображения. Сомнительно, сможет ли тип четыре с его позднебуржуазным скепсисом и рефлексией играть роль, если он и далее будет мутировать. Но специальной проблемой исторического развития промышленных рабочих это является еще меньше, чем упомянутые до сих пор аспекты. Это вопрос, который ставится перед самим позднебуржуазным сознанием.

Лапин Н.И.

Л 24 Эмпирическая социология в Западной Европе: Учебное пособие. — М.: ГУ ВШЭ, 2004. — 383 с. — (История эмпирической социологии). ISBN 5-7598-0254-2

Предлагаемый учебный курс впервые разработан в отечественной практике преподавания социологии. Выдающиеся социологи Франции, Англии и Германии — Дюркгейм и Турен, Спенсер и Трист, Вебер и Попитц, и многие другие — представлены не только как теоретики, но и как лидеры эмпирических исследований, ориентированные на взаимопроникновение теории и конкретных данных. Автор курса — известный российский социолог, член-корреспондент РАН. Им составлена и хрестоматия, дополняющая курс. Большинство вошедших в нее текстов впервые переведены на русский язык. Взору читателя предстает объемная картина эволюции эмпирической социологии и социальной реальности Западной Европы XIX—XX столетий.

Для студентов и аспирантов, преподавателей и специалистов, работающих в социологии и других науках о человеке и обществе, для всех интересующихся европейской социологией и социальной историей.

УДК 316.2

ББК60.5

Учебное издание Серия

"История эмпирической социологии"

Лапин Николай Иванович

Эмпирическая социология в Западной Европе

Зав. редакцией *Е.А. Рязанцева*
Редакторы *А. С. Жулева, Е.Н. Ростиславская*
Художественный редактор *А. М. Павлов*
Корректор *Е.Е. Андреева*
Компьютерная верстка *О.А. Корытько*
Графика *Н.А. Веселова*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.

Подписано в печать 05.01.2004 г. Формат 60x88 7/6. Гарнитура Тайме.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,73. Уч.-изд. л. 27,24. Доп тираж 1500 экз.
Бумага офсетная № 1. Заказ № 6318. Изд. № 324.

ГУ ВШЭ, 125319, Москва, Кочновский проезд, 3.

Тел.: (095) 134-16-41; 134-08-77.

Факс:(095)134-08-31.

Изд. лиц. ИД № 00510 от 01.12.99 г.

ООО «МАКС Пресс»

107066, г. Москва, Елоховский пр., д 3 стр 2

Тел. 939-38-90,939-38-91,928-10-42. Тел./факс 939-38-91.

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»,
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.